БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

1930

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет
Институт правовых исследований

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции

Иркутск, 26–27 марта 2026 года

Текстовое электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2026

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2026
ISBN 978-5-7253-3379-4

УДК 342 (06)
ББК 67.400

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия
д-р юрид. наук И.А. Минникес (отв. ред.),
д-р юрид. наук И.В. Минникес,
канд. юрид. наук В.Е. Подшивалов

Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 26–27 марта 2026 г. / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2026. – 519 с. – URL: http://lib-catalog.bgu.ru. – Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3379-4.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Байкальские компаративистские чтения», организатором которой выступил Институт правовых исследований Байкальского государственного университета. Статьи участников конференции посвящены исследованию сравнительно-правовых аспектов современного состояния и дальнейшего развития теории государства и права, а также национального законодательства.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам современного государства и права в сравнительно-правовом аспекте.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:
Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51,
Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые);
средства просмотра файлов Portable Documents Format:
Adobe Acrobat версии 7.0, Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1
(или более новые), Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.
Доступ к сети Интернет.
Минимальные требования к конфигурации и операционной системе
компьютера определяются требованиями перечисленных выше
программных продуктов.

Издается в авторской редакции
Подписано к использованию 01.06.2026. Объем 9,62 Мб.
Байкальский государственный университет.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
https://bgu.ru.

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Антонова Е.Ю. Противодействие сексуальному насилию в эпоху цифровизации: опыт некоторых зарубежных стран 11

Балковая В.Г. Мусульманская правовая семья и национальные правовые системы мусульманских стран 18

Баторова Т.П. Вопросы реализации языковой политики как основы сохранения национальной идентичности 27

Бегишев И.Р. Криминализация киберпреступлений в правовых системах различных государств 38

Белозерова Е.И. Правовое регулирование криптоактивов: сравнительно-правовой анализ.....43

Белозерцева В.В., Белозерцев С.М. Некоторые аспекты дееспособности несовершеннолетних: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан.....53

Белхароев Х.У. Компаративистский подход: история и право 62

Власова Е.Л. Системы предиктивной аналитики в обеспечении безопасности дорожного движения: компаративный обзор России и Казахстана 72

Гаврилов В.В. Генезис и содержание доктрины международного права с китайской спецификой..... 81

Голод Е.П. Доверие как принцип взаимодействия государства и общества: сравнительно-правовой анализ 91

Грибунов О.П., Степанова Е.Е. Суверенитет государства: консервативные и либеральные подходы к его определению.....98

Гриценко Е.В. Защита права на местное самоуправление в конституционном судебном процессе: общее и особенное 106

Дашко А.В. Социальное государство: опыт соотнесения экономических возможностей и политических решений 116

Демидов А.Н. Пределы правовой охраны технических мер защиты в интернете: статья 1299 Гражданского кодекса Российской Федерации и подход Евросоюза к технологиям со смешанной функциональностью 124

Дремлюга Р.И. Законодательство в сфере борьбы с киберпреступлениями в Малайзии 133

Евдокимов К.Н. Особенности прокурорской деятельности по противодействию терроризму и экстремизму в России и зарубежных странах 138

Ефаров Р.Р. Отдельные вопросы сравнения приостановления трудового договора в России и зарубежных странах 150

Земляков А.В. Зарубежный опыт применения цифровой форензики в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 207.3 УК РФ 158

Иванова Е.Ю. Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств: опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики 168

Канузель А.Е. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования по законодательству России, Таджикистана и других государств 175

Кешикова Н.В. Концепция устойчивого развития и ее интеграция в сферу противодействия коррупции 185

Козлова А.А. Правовая охрана исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительный анализ 194

Кононова Ж.В. Проблема официозного толкования в российской и зарубежной юридической литературе 202

Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика Сингапура в сфере противодействия киберпреступности: от технической защиты к борьбе с онлайн-мошенничеством 210

Коршикова Е.О. Уголовно-правовая политика России и Японии в сфере охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности 214

Кузнецов Д.С. Ответственность за кибербуллинг и троллинг: сравнительно-правовой анализ (на примере Италии, Франции и США) 223

Лавдаренко Л.И. Анализ изменений уголовно-процессуального законодательства в аспекте гуманизации меры пресечения в виде заключения под стражу 230

Лановая Г.М. Ценностные основания системы защиты прав человека: сравнительный анализ Всеобщей декларации прав человека и региональных международных документов 239

Лисаускайте В.В. Некоторые особенности регулирования отдельных вопросов выдачи преступников: сравнительно-правовой анализ национального законодательства и международных норм 247

Лобач Д.В. Уголовно-правовая политика государств – членов Африканского Союза в сфере защиты международного мира и безопасности человечества в контексте компаративистского исследования 253

Лобачев Е.Д. Сравнительный анализ правового регулирования азартных игр в Англии и России (XVII – конец XIX века) 262

Ломакина И.Б. О необходимости преодоления европоцентризма в теоретико-правовых науках 270

Маковская П.Н. Юридический искусственный интеллект: типы, функции и компаративистский анализ законов СНГ, Казахстана и Европейского Союза 276

Малик Д.В. Сравнительно-правовой анализ почетных статусов в России и Великобритании 283

Милентьев О.И. Субинституты в Российской Федерации и Республике Казахстан: применение принципа взаимности 290

Минникес И.А. Актуальные проблемы теории права: сравнительно-правовой аспект 298

Минникес И.В. Показания свидетелей в русском праве XI–XVI веков: сравнительный анализ коэффициента заинтересованности законодателя 306

Набиев Р.Ч., Бянкина А.М. Регулирование брачно-семейных отношений по законодательству России и Азербайджана 312

Назырова Н.А. Анализ диспозиции нормы о приостановлении операций с денежными средствами в отраслях российского законодательства 318

Нуржанова А.К. Документационные риски в законотворческом процессе и пути их минимизации 326

Обернихина О.В. Обратная сила уголовного закона: специальное правило, основанное на конституционных и отраслевых началах 336

Плотникова А.В. Оригинальные концепции дореволюционного торгового права: обычное торговое право и космополитическое торговое право 344

Подшивалов В.Е. Законодательное регулирование форм и методов предвыборной агитации в государствах – членах ЕАЭС 348

Праскова С.В. Закрепление принципа территориальной целостности (стабильности территории) субъектов в конституциях федераций мира 353

Пятков А.А. Сравнительно-исторический метод в учении М.М. Ковалевского 359

Репецкая А.Л. Основные направления противодействия транснациональным криминальным рынкам 363

Реховский А.Ф. Цифровые доказательства в японском уголовном процессе: конституционные пределы оперативной эффективности в условиях реформы 2025 года 368

Самусевич А.Г. Конституционное правоприменение в условиях политической турбулентности: стратегии защиты суверенитета в сравнительно-правовом измерении 376

Сенотрусова Е.М. Управление многоквартирными домами: сравнительно-правовой аспект 383

Сидорова Е.З. Компаративистский анализ моделей криминологической безопасности образования в России и зарубежных странах 391

Сизых И.В. Источники правового регулирования отношений в сфере особых экономических зон в России и Китае 397

Синиченко В.В. Правовой механизм принятия российского подданства выходцами из стран Азии в конце XIX – начале XX века 406

Скоробогатов А.В. Мемориальное уголовное право в компаративном измерении 414

Тарасенко Ю.А. К вопросу о введении в научный оборот реликвиальных и нормативно-правовых обычаев 422

Тепленко А.Н. Цифровизация представительства иностранных граждан на этапе подачи заявления о преступлении 429

Тушко О.Ю. Стабильность государственной власти в контексте сравнительно-правового анализа 437

Филоненко Т.В. Модернизация института пробации в Российской Федерации: уроки Европы и национальные особенности 443

Фомина И.А. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних по законодательству России и Китая 454

Хабибулина О.В. О зарубежном опыте противодействия коррупции 462

Шабаева О.А. Норма права как социокультурный код: компаративистский подход..... 470

Шульга О.Н. Цифровые сервисы налоговых органов: опыт России и зарубежных стран..... 486

Шумакова Н.И. Алгоритмическая дискриминация: женский вопрос в Норвегии и России 476

Шутова В.Н. Акты стратегического планирования в механизме обеспечения национальной безопасности: сравнительно-правовой анализ..... 495

Юрковский А.В. Особенности реализации права на участие в управлении делами государства в Китайской Народной Республике 503

Юсупова А.В. Инициативное бюджетирование в странах ЕАЭС: сравнительный анализ правовых основ 510

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание включает в себя материалы международной научно-практической конференции «Байкальские компаративистские чтения», состоявшейся в г. Иркутске 26–27 марта 2026 года. Ее организатором, как и в прежние годы (данное мероприятие проводится начиная с 2022 года и состоялось уже в пятый раз), выступил Институт правовых исследований Байкальского государственного университета – научно-исследовательское структурное подразделение, вобравшее в себя специалистов в различных областях права. Институт правовых исследований поддерживает научные связи с юридическими институтами, факультетами, филиалами образовательных учреждений высшего образования и научными учреждениями не только в г. Иркутске, но и по всей Российской Федерации и за ее пределами.

Отличием конференции «Байкальские компаративистские чтения» в ряду других научных событий стала ориентация на сравнительно-правовую тематику. Это активно развивающееся и перспективное направление правовых исследований, предполагающее сопоставление правового регулирования, правовой политики, правовой теории либо в синхроническом аспекте (сравнение однородных объектов исследования в форме, существующей в различных правопорядках, прежде всего в национальном законодательстве различных государств), либо в диахроническом аспекте (сравнение однородных объектов исследования в их состоянии, характерном для разных этапов исторического развития в одном или нескольких правопорядках). Как правило, применение сравнительно-правового метода обогащает юридические исследования за счет привлечения дополнительного эмпирического материала, проверки выдвигаемых гипотез, а также способствует появлению новых идей.

Организаторы конференции с самого начала приняли решение отказаться от ограничений по тематике юридических исследований, приветствуя теоретические, публично-правовые, частноправовые, а также междисциплинарные работы. В то же время неизменным требованием к участникам остается определенный исследовательский уровень докладов, в связи с чем преимущественно к участию в конференции приглашаются ли-

ца, имеющие ученую степень, либо аспиранты, соискатели, работающие над диссертационными исследованиями. Участие научной молодежи и уже состоявшихся ученых-правоведов из зарубежных учебных и научных организаций дает особые возможности для научной полемики.

Организаторы конференции выражают надежду, что публикация настоящего сборника докладов, сделанных на конференции «Байкальские компаративистские чтения», будет способствовать поиску новых решений известных задач, постановке новых исследовательских проблем в области правоведения, адаптации сложившихся законотворческих решений к требованиям стремительно меняющейся современности.

УДК 343

Е.Ю. Антонова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СЕКСУАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОПЫТ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Освещается проблема выработки уголовно-правовых мер воздействия на новые виды сексуального насилия, появление которого обусловлено развитием цифровых технологий, в том числе базирующихся на искусственном интеллекте. Такое насилие хоть и не сопряжено с физическим (телесным) воздействием на человека, но причиняет серьезный психологический вред, требующий длительного восстановления. Современное уголовное законодательство не охватывает все возможные варианты правового воздействия на лиц, прибегающих к различным цифровым технологиям в процессе причинения вреда личности в сексуальной сфере. Констатируется необходимость изучения опыта зарубежных стран в сфере противодействия цифрового сексуального насилия. Такой опыт окажет пользу в процессе криминализации новых общественно опасных деяний, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности, а также нарушающих право человека на неприкосновенность его частной жизни.

Ключевые слова: цифровое сексуальное насилие; дипфейки; цифровые технологии; искусственный интеллект; сексуальное вымогательство; частная жизнь.

E.Yu. Antonova

COMBATING SEXUAL VIOLENCE IN THE DIGITAL AGE: THE EXPERIENCE OF SOME FOREIGN COUNTRIES

The article explores the issue of developing criminal-legal measures to address new types of sexual violence, the emergence of which is due to the development of digital technologies, including those based on artificial intelligence. Although such violence does

© Антонова Е.Ю., 2026

not involve physical (bodily) impact on a person, it causes serious psy-chological harm that requires long-term recovery. Modern criminal legislation does not cover all possible options for legal action against individuals who resort to various digital technologies in the process of causing harm to an individual in the sexual sphere. The need to study the experience of foreign countries in combating digital sexual violence is emphasized. Such experience will be helpful in the process of criminalizing new socially dangerous acts that infringe on sexual freedom and sexual integrity, as well as violating a person's right to privacy.

Key words: digital sexual assault; deepfakes; digital technology; artificial intelligence; sextortion; privacy.

Интенсивная цифровизация общественных отношений неизбежно сказалась на механизме совершения многих преступлений. Не исключением являются и общественно опасные деяния в сексуальной сфере жизни человека.

Отмечается, что траектория развития технологических возможностей сопровождалась манипулированием технологиями, в том числе в целях сексуального насилия, включая цифровое сексуальное насилие в онлайн-среде [5, p. 784–799]. Иллюстрацией может служить, например, известное в Южной Корее дело «Room N», когда преступники принуждали жертв (не менее 74) к созданию непристойных изображений и видео или заставляли их совершать сексуальные действия в прямом эфире перед аудиторией в сотни тысяч человек [4]. Это не единственный случай. Подобные деяния приобретают массовый характер и постоянно видоизменяются.

Так, Фонд интернет-наблюдения (IWF) в отчете за 2024 год отметил, что в течение года было выявлено 3 500 новых изображений сексуального насилия над детьми, созданных с помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ) и загруженных на форум в даркнете. Кроме того, в отчете подчеркивается появление видеороликов, созданных с помощью ИИ, изображающих насилие над детьми, часто с использованием технологии дипфейк для добавления лица ребенка к порнографическому контенту для взрослых [7]. Кроме того, распространение получают рассылка откровенных текстов, звуков, изображений. Сексуальное насилие с использованием изображений – несанкционированное распространение откровенных изображений

бывшими партнерами и другими лицами с целью мести или развлечения – часто используется как форма принуждения в цифровом пространстве [1, с. 450–459]. Согласимся с учеными утверждающими, что эта форма принуждения не только сопоставима с физическим принуждением, которому подвергаются в реальной жизни, но и оказывает более серьезное воздействие на юридические интересы человека. Как только «изображение из мести» появляется в цифровом пространстве (киберпространстве), злоумышленник может в любое время распространить его дальше или использовать для шантажа или принуждения жертвы к совершению сексуальных действий. Распространение фотографии приводит к тому, что инцидент продолжается бесконечно, а его последствия усиливаются за счет того, что другие люди оставляют дополнительные оскорбительные комментарии. Фотографии продолжают сосуществовать с онлайн-историей и личностью жертвы [6, p. 1–26].

Более того, допускается возможность «изнасилования в виртуальной реальности». Так, Э. Петерсен заявила, что ее семилетняя дочь играла в Roblox, популярную детскую игру, позволяющую игрокам строить собственные здания и сооружения. В один из дней она увидела, как аватар ее дочери лежит на земле, а два других аватара имитируют групповое изнасилование [8]. В 2024 г. полиция Великобритании сообщила, что аватар девушки подростка, созданного ею с помощью компьютера, был «подвергнут сексуальному насилию группой незнакомцев» [3], что оставило у нее ту же психологическую и эмоциональную травму, что и человека, подвергшегося физическому сексуальному насилию. И такие случаи уже не единичны. В научной литературе данные инциденты получили название мета-преступление [2, с. 575–586] (преступление, совершаемое в метавселенной – трехмерном компьютерном пространстве, предполагающем полное погружение благодаря тактильным устройствам, таким как гарнитура, перчатки и костюмы, которые генерируют прямые физические ощущения) – «мета-изнасилование».

К сожалению, уголовное законодательство ни одной страны не было готово к такому интенсивному развитию цифровых отношений. И действительно, применительно к преступлениям сексуальной направленности, законодательство требовало именно физического контакта с потерпевшим (за исключени-

ем, развратных действий, которые допускаются в бесконтактной форме). Это привело к тому, что уголовное законодательство многих стран стало быстро модернизироваться, в частности, законодатели начали криминализировать новые общественно опасные деяния в сфере компьютерной информации, а также дополнять нормы соответствующими признаками. В научный оборот стали вводится термины «цифровое насилие», «цифровое сексуальное насилие» и др.

Представляется необходимым изучать законодательную практику зарубежных стран, в том числе в части конструирования норм о противодействии «цифровому» сексуальному насилию. Такой опыт в настоящее время является разношерстным, требующим еще адаптации к существующей реальности. Тем не менее, он может оказаться полезным при модернизации отечественного законодательства.

Анализ зарубежного законодательства показывает, что в мире еще не выработанного единого понимания о криминализации подобного рода случаев. Такая практика законодательного регулирования цифрового сексуального насилия лишь формируется. В рамках настоящей статьи затронем ограниченный круг деяний, направленных на создание и распространение чужих изображений сексуального характера, а также сексуальное вымогательство. На наш, взгляд, научный интерес представляют уголовные законы штатов Алабама и Джорджия (США).

Так, УК штата Алабама[1] (США) включает в себя статью 11 о дополни-тельных сексуальных преступлениях, входящую в раздел 6 «Преступления, представляющие опасность для личности».

Раздел 13A-6-240 данной статьи предусматривает ответственность за 1) распространение частного изображения путем размещения, отправления по электронной почте, в текстовых сообщениях, передачи и иными способами без письменного согласия лица; 2) создание частного изображения – создание, запись или изменение частного изображения без согласия лица. Под частным изображением понимается фотография, цифровое изображение, видео, фильм или другая запись лица, которое может быть идентифицировано по самой записи или по обстоятельствам ее передачи и которое участвует в любом

[1] Selected Statutes Alabama: Criminal Code Alabama // WomensLaw.org. URL: https://www.womenslaw.org/laws/al/statutes/section-13a-6-240-distributing-private-image-creating-private-image (дата обращения: 11.02.2026).

акте сексуально откровенного поведения. Этот термин включает в себя: а) запись, которая была отредактирована, изменена или иным образом обработана по сравнению с ее первоначальной формой; б) запись, которая, по мнению разумного человека, действительно изображает идентифицируемого человека, независимо от того, изображает ли какая-либо часть записи другого человека или она создана искусственно.

Раздел 13А-6-241 рассматриваемой нормы предусматривает ответственность за сексуальное вымогательство, заключающееся в сознательном побуждении или попытке побудить другого человека 1) к участию в действиях сексуального характера, угрожая причинить вред телу, имуществу или репутации любого человека; 2) сделать любую фотографию, цифровое изображение, видео, фильм или другую запись любого лица, узнаваемого или нет, участвующего в любом акте сексуального характера, путем передачи любой угрозы причинения вреда телу, имуществу или репутации любого лица; а также 3) сознательной угрозе опубликовать или передать любую фотографию, цифровое изображение, видео, фильм или другую запись любого лица, узнаваемого или нет, участвующего в каком-либо акте сексуального характера, с целью принудить или попытаться принудить жертву к совершению какого-либо действия или воздержанию от совершения какого-либо действия против ее воли.

УК штата Джорджии[1] (США) определяет сексуальное вымогательство (§ 16-11-92) как намеренное устное, письменное или в электронном виде принуждение другого лица, достигшего 18 лет, к распространению любой фотографии, видео или другого изображения, на котором какое-либо лицо изображено в обнаженном виде или вовлечение его в откровенно сексуальное поведение. Под вторжением в частную жизнь (§ 16-11-90) в данном кодексе понимается электронная передача или размещение фото или видео, на которых изображена нагота или откровенно сексуальное поведение взрослого человека, включая ложно созданное видеографическое или неподвижное изображение, когда передача или размещение является домогательством или приводит к финансовым потерям для изображенного лица, не служит законной цели для изображенного

[1] Georgia Code 2022 // Justia US Law. URL: https://law.justia.com/codes/georgia/2022 (дата обращения: 12.02.2026).

лица. Такие действия совершаются сознательно и без согласия изображенного лица. Изображения размещаются на веб-сайтах, сайтах обмена файлами, веб-страницах или досках объявлений, которые рекламируют или продвигают свои услуги и иных цифровых площадках.

Данные преступления и в штате Алабама, и в штате Джорджии, посягают на неприкосновенность частной жизни лица. При этом, если в Алабаме данные деяния подпадают под признаки преступлений против личности, то в Джорджии – это преступления против общественного порядка и безопасности.

Полагаем, что представленный в рассмотренных нормативных актах вариант законодательного регулирования ответственности за отдельные виды цифрового сексуального насилия заслуживает внимания и дополнительного изучения и рассмотрения, поскольку современный российский уголовный закон не описывает подобного рода случаи, ограничиваясь установлением ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни, а также незаконные использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. Соответственно права и свободы человека в сексуальной сфере в связи с развитием цифровых технологий в нашем государстве остаются уязвимыми.

Список использованной литературы

1. Антонова Е.Ю. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки / Е.Ю. Антонова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 450–459. – DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).450-459.

2. Бегишев И.Р. Метапреступность: ключевые криминологические горизонты цифровой / И.Р. Бегишев, В.В. Денисович // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 575–586. DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(6).575-586.

3. Комов А. Полиция Британии расследует первое изнасилование в виртуальной реальности / А. Комов // Российская газета. – 2024. – 03 января. – URL: https://rg.ru/2024/01/03/policiia-britanii-rassleduet-pervoe-iznasilovanie-v-virtualnoj-ealnosti.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.

4. De Souza N. The Nth Room case and modern slavery in the digital space / N. De Souza // TheInterpreter. – URL:

https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/nth-room-case-modern-slavery-digital-space.

5. Jurasz O. Sexual Violence in the Digital Age: A Criminal Law Conundrum? / O. Jurasz, K. Barker // German Law Journal. – 2021. – Vol. 22 (5). – P. 784–799. DOI:10.1017/glj.2021.39.

6. Shi T. Online sex crimes: time to look beyond sexual autonomy? / T. Shi // King's Law Journal. – 2025. – P. 1–26. DOI: 10.1080/ 09615768.2025.2567044.

7. The Rise of AI-Enabled Crime: Exploring the evolution, risks, and responses to AI-powered criminal enterprises // TRM. – URL: https://www.trmlabs.com/resources/blog/the-rise-of-ai-enabled-crime-exploring-the-evolution-risks-and-responses-to-ai-powered-criminal-enterprises.

8. Tsukayama H. Roblox, an online kid's game, explains how a hack allowed a character's virtual 'rape' / H. Tsukayama // The Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/technology/2018/07/17/roblox-an-online-kids-game-explains-how-hack-allowed-characters-virtual-rape.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Антонова – профессор кафедры уголовного и публичного права Московского университета «Синергия», доктор юридических наук, профессор, antonovy@yandex.ru.

Author

Elena Yurievna Antonova – Professor of the Department of Criminal and Public Law of the Moscow University «Synergy», Doctor of Law, Professor, antonovy@yandex.ru.

УДК 348.9

В.Г. Балковая

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРАВОВАЯ СЕМЬЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН

Актуальность изучения мусульманской правовой семьи предопределена тем, что в современном мире численность населения стран, входящих в эту семью, достигла полутора миллиона человек и продолжает расти. Важно понимать, что без планомерного изучения практических приемов адаптации содержания архаичных норм мусульманского права к современной политической действительности невозможно достичь устойчивого правового взаимодействия стран мусульманского права с иными правовыми системами и политической стабильности во многих регионах современного мира. Именно поэтому важной задачей современной компаративистики является определение источников устойчивости мусульманской правовой семьи в целом, и особенностей мусульманского правосознания – в частности. С учетом того, что мусульманский мир сегодня неоднороден и нестабилен, важно определить механизмы взаимодействия собственно мусульманского права и национального права отдельных мусульманских стран, степень их взаимовлияния в конкретных политических образованиях.

Ключевые слова: мусульманское право; ислам; шариат; фикх; исламское право; религиозная правовая система; мусульманское государство.

V.G. Balkovaya

MUSLIM LEGAL FAMILY AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF MUSLIM COUNTRIES

The relevance of studying the Muslim legal family is determined by the fact that in the modern world the population of countries belonging to this family has reached 1.5 million people and continues to grow. It is important to understand that without

© Балковая В.Г., 2026

a systematic study of practical methods for adapting the content of archaic norms of Muslim law to modern political reality, it is impossible to achieve sustainable legal interaction between countries with Muslim law and other legal systems and political stability in many regions of the modern world This is why an important task of modern comparative studies is to determine the sources of stability of the Muslim legal family in general, and the characteristics of Muslim legal consciousness in particular. Given that the Muslim world today is heterogeneous and unstable, it is important to determine the mechanisms of interaction between Muslim law itself and the national law of individual Muslim countries, and the degree of their mutual influence in specific political entities.

Key words: Muslim law; Islam; Sharia; fiqh; Islamic law; religious legal system; Muslim state.

В современном мире мусульманская правовая семья по-прежнему остается уникальным юридическим явлением, стоящим особняком по отношению к любым другим правовым системам. Входящие в нее национальные правовые системы, несмотря на влияние на них разнообразных геополитических факторов и экономических условий, все равно продолжают сохранять много базовых общих черт. Это позволяет говорить о существовании особой правовой культуры и общих чертах правосознания, присущих мусульманскому миру.

Хотя мусульманское право начало формироваться около полутора тысяч лет назад, оно смогло приспособиться к современной правовой действительности и стало основой одной из ведущих правовых семей современного мира. Поэтому современной науке сравнительного правоведения важно понять источники такой ее стабильности, а также вести планомерное изучение практических приемов адаптации содержания архаичных норм мусульманского права к современной политической действительности.

Без решения этих задач невозможно достичь эффективного правового взаимодействия между странами, принадлежащими к различными правовым системам, а также достичь политической стабильности не только на Ближнем Востоке, Северной Африке и Средней Азии, но и во всем остальном мире

Целью настоящей публикации является определение соотношения категорий «мусульманское право» и «право нацио-

нальных мусульманских стран», а также исследование практических приемов адаптации содержания архаичных норм мусульманского права к современной жизни.

Ислам прочно удерживает место одной из важнейших мировых религий, это проявляется, в частности, в том, что даже сегодня число его последователей не сокращается, более того, имеется устойчивая тенденция к их увеличению. В 125 странах современного мира на настоящий момент проживает около 1,8 млрд мусульман [9, с. 59]. Важно понимать, что следование мусульманскому канону предполагает совершенно особый уклад жизни, без понимания которого невозможно наладить устойчивое политическое взаимодействие. Наиболее же значимым для научного изучения представляется мусульманское право, являющееся совершенно особым явлением в современной правовой жизни, так как в динамично меняющемся современном мире оно словно застыло в своем развитии.

В то время, как в европейской юридической науке господствует идея о том, что право динамично, его изменения закономерны и объективно обусловлены процессами социального развития, для мусульманского права характерны традиционализм и устойчивость [3, с. 135]. Они обосновываются тем, что оно имеет боговдохновенный характер, так как через пророка Мухаммеда его важнейшие постулаты открыл людям сам Аллах. Именно поэтому изначально предполагалось, что они всегда должны оставаться неизменными.

Ислам является комплексным религиозно-политическим учением, имеющим целью урегулировать все сферы жизни верующего. Именно это имел в виду Р. Давид когда писал, что мусульманское право является важным компонентом религиозной доктрины, оно ближе богословию, а не науке [6, с. 308]. Сформировавшись на стадии разложения родовой общины, оно сохранило в себе значительное количество мононорм, вследствие чего для него характерно смешение правового и религиозно-нравственного регулирования. Именно поэтому устойчивое понятие «законы шариата» имеет не столько юридическое содержание, сколько морально-религиозное и означает собой весь уклад жизни верующего, так называемый «путь следования», призванный определить модель поведения правоверного мусульманина как по отношению к аллаху, так и к другим людям. Понятие шариата включает

в себя религиозную этику, основы исламского вероучения, кроме того, в него входят все требования к социальному поведению верующего. Именно в последнюю составляющую входит собственно мусульманское право, из чего видно, что оно по отношению к шариату является значительно более узким понятием.

Так как мусульманское право относится к группе религиозных правовых систем, его важнейшими источниками выступают священные книги ислама – Коран и Сунна. Текст Корана содержит предписания нескольких видов: регламентирующих культовую практику верующего; отношения внутри религиозной общины; отношения, соединяющие «право Аллаха» с «правом людей». К последним, в частности, относились брак, преступление, наказание. Сунна (жизнеописание Мухаммеда) включает в себя его высказывания (хадисы) по наиболее важным вопросам. Среди них можно отметить существование трех видов норм – подтверждающих Коран; растолковывающих и дополняющих Коран; содержащих самостоятельных предписания, не опирающиеся на Коран. Именно Коран и Сунна в VII в. сформировали систему правил поведения правоверного мусульманина, а также заложили нормативную основу мусульманского права.

Так как постепенно содержание этих норм стало все более устаревать, это привело к проблемам в их практическом применении и поставило задачу создания эффективных механизмов адаптации норм к регулирования общественных отношений, возникших после их принятия.

Первым из них стал иджтихад – толкование, оно позволяло ответить на вопросы, прямой ответ на которые в священных книгах отсутствовал [4, с. 21]. Результатом такой логической работы стала иджма – новый источник мусульманского права, под которым понималось согласованное мнение нескольких ученых-юристов. Центрами этой деятельности в VIII–X вв. являлись мазхабы, каждый из которых разработал свою собственную методику работы со священными книгами, систему способов извлечения из них конкретных норм и подходов к их толкованию [2, с. 56–58].

Именно в мазхабах начал формироваться фикх – рациональная составляющая мусульманской догмы, ее юридическая составляющая. Основой формирования юридических

норм стали религиозно-нравственные предписания шариата, сохранившие свое значение священных заповедей, однако появление фикха ознаменовало начало процесса дифференциации права и религиозной этики, нормы права постепенно переместились в юридическую плоскость и получили определенную независимость по отношению к исходной религиозной основе [8, с. 50–53].

Характер соотношения шариата и фикха является сложной научной проблемой, чьи истоки лежат в плоскости соотношения веры и разума. Шариат, который был создан в результате божественного откровения, с момента своего появления мыслился как неизменный и вечный. Напротив, фикх, изначально исходящий от человека и имеющий целью логическое осмысление божественного закона, мог быть несовершенным и изменчивым. [9, с. 64–65].

Практика иджтихада позволила осовременить многие архаичные постулата ислама, сложившиеся в догосударственный период, приспособить их к условиям государственной жизни. Однако в XI в. был введен запрет на дальнейшее толкование, что потребовало создания нового механизма адаптации архаичных норм священных книг к меняющейся жизни.

В качестве него выступило суждение по аналогии кияс (кыяс), со временем превратившийся в четвертый источник мусульманского права. Использование аналогии позволяет переносить опыт решения прежних вопросов на новые ситуации (при этом степень подобия жизненных ситуаций может быть весьма относительной). Применение кияса позволило осовременить мусульманское право, распространить его действие на новые общественный отношения, отсутствовавшие во время создания священных книг, позволило мусульманскому праву приспособиться к меняющейся жизни [5, с. 88–89].

При решении какого-либо практического вопроса ответ первым делом ищут в Коране, затем в хадисах (разделе Сунны, содержащем высказывания Мухаммеда). Если, опираясь на них, урегулировать ситуацию невозможно, используется иджма, и лишь после того, как выявлено отсутствие прямого решения, применяют кияс. Все эти правовые источники в своей совокупности и составляют эффективный механизм модернизации религиозной и правовой доктрины ислама, что объясня-

ет длительную историю мусульманского права, сохранившего свой нормативный потенциал до современности.

Важной особенность мусульманского права является то, что оно сформировалось в догосударственный период как право религиозной общины (уммы), не имевшей публичной власти. Именно поэтому в Коране ничего не говорится о халифате как государстве или форме правления [1, с. 75–76]. По этой же причине мусульманское право изначально распространяется на весь «мусульманский мир», не признавая государственных границ, оформившихся позже [6, с. 309]. Этими причинами объясняется непростой характер взаимоотношений мусульманского права и национальных государств.

Эта проблема впервые встала еще в глубокой древности, так как исламская догма вошла в противоречие с идеей государственного правотворчества. В мусульманской доктрине законотворчество признавалось исключительным правом Аллаха, который уже ниспослал людям законы, закрепленные в Коране и Сунне, именно по ним и надлежало жить правоверному мусульманину [9, с. 65].

Так как религиозное право было неспособно выразить и защитить публичный интерес, мусульманские государства с момента оформления начали параллельно формировать собственное позитивное право, положения которого далеко не всегда соответствовали предписаниям религиозного. Постепенно объем этого правотворчества все более возрастал, хотя государства мусульманского мира долгое время не шли на прямую конфронтацию с религиозным правом. В частности, в 1869–1877 гг. в Османской империи в качестве компромисса была проведена кодификация важнейших положений мусульманского права, результатом чего стало принятие Маджаллы, отдельные положения которой продолжают действовать и сегодня в ряде мусульманских стран. Лишь революция в Турции 1923 г. впервые поставила вопрос о создании полностью светского права, свободного от религиозной догмы.

В этой связи возникает вопрос, возможно ли считать акты позитивного права отдельных современных исламских государств источниками мусульманского права? Исследователями предлагается перечень критериев, в случае наличия которых светские законы мусульманской страны также могут быть признаны дополнительными источниками исламского

права: 1) их нормы не объявляют разрешенным то, что запрещено, и не запрещают то, что разрешено в Коране и Сунне; 2) их тексты разработаны мусульманскими правоведами или при их непосредственном участии; 3) их нормы основываются на предписаниях Корана и Сунны и достижениях мусульманско-правовой мысли (включая общие принципы мусульманского права); 4) целью их принятия является защита традиционных ценностей ислама и интересов мусульман; 5) они обладают соответствующим механизмом реализации содержащихся в них положений на практике [7, с. 29].

Несмотря на подобные компромиссы, в современном мире большинство мусульманских государств, имеющих четко определенные границы и ясно осознаваемый публичный интерес, опирающихся на сформированную систему легального принуждения, фактически превратили шариат во вспомогательную религиозно-этическую концепцию, которая применяется лишь в случае отсутствия открытого противоречия с государственной волей [9, с. 74].

Как предупреждал Р. Давид, современное мусульманское право существует как дуальная система, повсеместно прослеживается его функциональное разделение на шариат и право мусульманской страны [6, с. 322–323]. Подобный дуализм чреват таким опасным политическим последствием, как развитие религиозного экстремизма в целом ряде мусульманских стран со стороны исламских фундаменталистов, отрицающих существующие в их странах светские государства и пытающихся захватить политическую власть [9, с. 79].

Таким образом, мусульманское право было и остается совершенно особым явлением, уникальным по путям формирования, системе источников, подходам к регулированию. Несмотря на то, что современный мусульманский мир очень неоднороден и в него входят как светские государства, так и традиционалистские, с сильными позициями мусульманства, ислам и шариат по-прежнему обеспечивают его идеологическое единство. Именно вследствие этого никем не ставится под сомнение существование мусульманской правовой семьи, имеющей общие черты правосознания и особую систему религиозно-нравственных представлений.

Список использованной литературы

1. Антонов Б.А. Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат» / Б.А. Антонов // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 73–86.

2. Арсанукаева М.С. Мазхабы – школы исламской правовой мысли / М.С. Арсанукаева // Современное право. – 2004. – № 7. – С. 52–60.

3. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления / Д.Е. Еремеев. – Москва : Политиздат, 1990. – 287 с.

4. Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение / Д.Т. Кулиев // Исламоведение. – 2020. – Т. 11, № 1 (43). – С. 13–25.

5. Муромцев Г.И. Мусульманское право в контексте правогенеза / Г.И. Муромцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 80–106.

6. Рене Д. Основные правовые системы современности / Д. Рене, К. Жоффре-Спинози. – Москва : Международные отношения, 2009. – 453 с.

7. Основы теории и истории исламского права: учебное пособие / В.В. Архипов, И.А. Васильев, П.А. Гусенова ; под ред. И.Ю. Козлихина, И. А. Васильева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2018. – 110 с.

8. Сюкияйнен Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права / Д.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 50–80.

9. Федосов И.В. Мусульманское право и влияние ислама на светское право в исторической ретроспекции и современности / И.В. Федосов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – № 2 (98). – С. 58–75.

Информация об авторе

Валентина Григорьевна Балковая – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, valyabalk@yandex.ru.

Author

Valentina Grigoryevna Balkovaya – Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, valyabalk@yandex.ru.

УДК 342.7

Т.П. Баторова

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена изучению языковой политики, как части государственной национальной политики, которая направлена на регулирование общественных отношений с целью обеспечения и сохранности национальной идентичности, как фактор сохранения российской государственности. В статье анализируются правовые акты, направленные на развитие и сохранение национальных языков, а также изучено региональное законодательство, которое является неоднородным, в силу некоторого противоречия в сфере реализации языковой политики. В рамках статьи были изучены нормативные акты, характеризующие деятельность государственных органов по реализации государственной языковой политики, направленные на обеспечение конституционного права граждан на национально-культурное развитие. В ходе исследования было выявлены имеющиеся проблемы и решение которых, будет способствовать расширению использования национального языка не только в сфере семейно-бытовом общении, но и в других сферах деятельности общества.

Ключевые слова: язык; национальный язык; государственный язык; идентичность; языковая политика; государственная национальная политика.

T.P. Batorova

IMPLEMENTATION OF LANGUAGE POLICY AS A BASIS FOR PRESERVING NATIONAL IDENTITY

This article examines language policy as part of state nationalities policy, which aims to regulate social relations to ensure and preserve national identity and as a factor in preserving Russian statehood. The article analyzes the legal acts aimed at developing and preserving national languages, as well as regional legislation,

© Баторова Т.П., 2026

which is heterogeneous due to some contradictions in the implementation of language policy. This article examines regulatory acts characterizing the activities of government agencies implementing state language policy, aimed at ensuring citizens' constitutional right to national and cultural development. The study identified existing problems, the solution to which will facilitate the expanded use of the national language not only in family and everyday communication but also in other areas of society.

Key words: language; national language; state language; identity; language policy; state national policy.

История вхождения бурятского народа в состав России была неоднозначна. С одной стороны, земли, которые сегодня составляют Восточную Сибирь Российской Федерации, в то период были окраиной политического мира Восточной Азии, никто не следил за развитием политического и социального развития этой территории. Появление бурятских самостоятельных этнических образований, которые тяготели к разным полюсам новых мировых центров, завершили картину разъединения монгольских народов. С другой стороны, продвижение казаков в Сибирь по истечении времени приобрело продуманную политику Российского государства по освоению богатой территории. Присоединение «братских народов», как ранее называли бурят, шло в течение столетия. Бурятский народ сделала самостоятельный выбор в сторону развития в составе Российского государства. Создавались остроги, которые обеспечивали контроль над территориями, они же и стали административно-политическими и торгово-экономическими центрами, что повлекло за собой оживление торговли и бытовых отношений с бурятами [8, с. 15]. Стоит отметить, что в состав Российской империи, буряты вошли со своими буддийским ценностями, письменностью, образованием, культурой и языком. В результате в рамках Российского государства бурятские племена завершили свое единение в бурятскую народность со своим языком и своей культурой. Дальнейшее же развитие территории современной республики Бурятия сопровождалось проникновением других национальных культур.

Сегодня Бурятия относится к многонациональным республикам Российской Федерации, на территории которой проживает свыше 120 национальностей, из которых основную часть

составляют русские (60 %) и буряты (около 30 %). Языковая ситуация характеризуется взаимодействием в двух государственных языков, двух языков коренных малочисленных народов (эвенки и сойотов –0,7 %) и языков других народов, проживающих на территории Бурятии. Однако, имеется некоторое доминирование русского языка, бурятский язык представлен в таких сферах, как образование, средства массовой информации, культура [9, с. 14]. Можно отметить, что в сфере образования бурятский язык представлен намного шире, нежели в других сферах, даже в сфере семейно-бытового общения использование бурятского языка сегодня сокращается.

О важности вопроса изучения бурятского языка свидетельствуют следующие факты. Так, согласно проведенным исследованиям Всероссийской переписи населения 2010 года бурятским языком владело 8,5 %, итоги Всероссийской переписи населения 2020 года показали увеличение количества людей, владеющим бурятским языком, а именно их количество уже достигло 22,1 % населения республики [13, с. 110]. Таким образом, мы видим, что в современном обществе востребованность бурятского языка в обществе возрастает, но, как было отмечено ранее, использование родного языка ограничивается бытовым общением. Отсутствие необходимости владения родным языком, например, в профессиональной деятельности, влияет на снижение мотивации изучения родного языка. А между тем, согласно Закона Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-XII «О языках народов Республики Бурятия» «язык – это духовная основа существования нации и является национальной ценностью. Беречь и развивать родной язык – это долг и обязанность каждого гражданина»[1]. Язык это, прежде всего, признак принадлежности к соответствующей этнической группе, и, соответственно, является источником сущности нации, служит эффективным средством сохранения национальной идентичности, которая, в свою очередь, составляет фундамент российской государственности.

Необходимо подчеркнуть, что важнейшей задачей современной национальной политики является формирование

[1] О языках народов Республики Бурятия : Закон Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-XII. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/obshee-obrazovanie/gosudarstvennye-yazyki-buryatskiy-yazyk/dokumenty (дата обращения: 25.02.2026).

эффективного механизма обеспечения культурного единства. Кубанова Л.В. считает, что вопрос сохранения и поддержки языкового разнообразия является вопросом реализации конституционных прав граждан на национально-культурное развитие, это вопрос сохранения национальной идентичности, этнокультурных традиций и обычаев [11, с. 122]. Конституционно-правовая основа для этого уже определена статьей 71 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает, что в введении Российской Федерации находится «установление социального, культурного и национального развития Российской Федерации»[1].

В чем же суть языковой политики? Каким образом трактуется термин «языковая политика»? Так, в словаре методических терминов понятие языковой политики определяется как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в государстве, объединении государств. Это целенаправленная и согласованная деятельность государственных органов управления образованием общегосударственного и регионального уровней, органов местного самоуправления и национальных общественных организаций в области изучения, преподавания, распространения, популяризации того или иного языка» [7, с. 363]. В соответствии со словарем социолингвистических терминов «национально-языковая политика – это «регулирование национальных отношений, сознательное воздействие общества на язык» [12, с. 145]. Е.М. Доровских дает следующее определение языковой политики, как «вырабатываемая и реализуемая органами государственной власти и различными общественными организациями и объединениями система мер, направленная на создание условий сохранения, развития и использования национальных языков в возможно наибольшем числе сфер их функционирования в обществе» [10, с. 53]. Таким образом, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что языковая политика – это совокупность мер, применяемых органами государственной власти, направленных на использование языков народов России в целях сохранения и развития их идентичности, использование национального языка в сферах

[1] Конституция Российской Федерации Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25.12.1993 г.

воспитания, творчества и науки, а также обеспечение гарантий по изучению родного языка его носителями. Языковая политика как составная часть национальной политики проводится в целях сохранения российской государственности и поддержки федеративных начал в России.

Правовая основа языковой политики берет свое начало в Конституции Российской Федерации. Так, статья 68 Конституции Российской Федерации «гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»[1]. Продолжение языковой политики прослеживается в региональном законодательстве. Региональное законодательство в сфере языковой политики затрагивает концептуальные основы реализации государственной политики, так как оно ориентировано на вопросы, связанные со сформировавшейся ситуацией по вопросам национальных языков, и в зависимости от исторически сложившихся традиций использования родного языка до современного состояния. Так, статья 1 Конституции РБ Республика Бурятия закрепляет государственные языки[2]. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-XII «О языках народов Республики Бурятия» государственными языками Республики Бурятия являются бурятский и русский языки. Что же предполагает статус государственного языка? Прежде всего это официально-деловой стиль языка, особенно в правовом аспекте, это и литературный язык (художественный и публицистический). И если придерживаться данному объяснению, то использование бурятского языка не полностью соответствует установленному статусу государственного. Неполное соответствие, прежде всего, выражается, наверное, в том, что в соответствии с законодательством все правовые нормы, закрепляющие статус бурятского языка в качестве государственного закреплены с точки зрения закона, например, использование бурятского языка в избирательном процессе. В частности, в соответствии со статьей 9 Закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» «при подготовке

[1] Конституция Российской Федерации Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25.12.1993 г.

[2] Конституция Республики Бурятия. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_buryat/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f (дата обращения: 25.02.2026).

и проведении выборов и референдумов используются государственные языки Республики Бурятия». По решению избирательной комиссии избирательные бюллетени печатаются на русском и бурятском языках»[1]. В действительности, данные бюллетени практически не востребованы избирателями.

В соответствии с п. 6. Статьи 14 Федерального закона об образовании от 29.12.2012 № 273-ФЗ свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования[2]. Таким образом, родители (законные представители) являются ключевыми субъектами в системе языкового образования, что, на наш взгляд, сдерживает изучение национального языка. Кроме того, количество часов, выделяемых в учебном плане в школах, очень мало и составляет всего 2 часа в неделю.

Таким образом, мы видим, что языковая политика характеризуется противоречивыми процессами. С одной стороны, в учебных планах на обучение родного языка идет сокращение часов, а с другой стороны, вопрос сохранения национальной идентичности становится началом развития государственной национальной политики, целью которой является сохранение самобытности народов России. Так, в Конституции 2020 года в пункте 2 статьи 69 установлено, что Российская Федерация «защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия»[3]. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1 гарантирует защиту национальных языков. Вводная

---

[1] О языках народов Республики Бурятия : Закон Республики Бурятия от 10.06.1992 №221-XII. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/obshee-obrazovanie/gosudarstvennye-yazyki-buryatskiy-yazyk/dokumenty (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Об образовании : Федеральный закон об образовании от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Собрание законодательства № 53 от 31.12.2012 года (часть I). Ст. 7598

[3] Конституция Российской Федерации Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 25.12.1993 г.

часть данного закона определяет, что «Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия». А статья 4 закона устанавливает, что языки народов России пользуются защитой государства. Проведение научно обоснованной языковой политики обеспечивает социальную защиту, экономическая защита выражается в бюджетном и ином финансовом обеспечении научных программ сохранения и развития языков народов Российской Федерации. А также за нарушение законодательства о языках народов России предполагается привлечение к юридической ответственности[1].

Правовая защита конституционного права на сохранение национальной идентичности обеспечивается не только привлечением к юридической ответственности за нарушение законодательства о языках, но также гарантируется деятельностью органов государственной власти. Согласно статье 2.1. Закона Республики Бурятия от 10 июня 1992 г. № 221-XII «О языках народов Республики Бурятия» государственная программа Республики Бурятия по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Бурятия разрабатывается, утверждается и реализуется Правительством Республики Бурятия[2]. В соответствии с данной нормой закона Постановлением Правительства Республики Бурятия от 28.12.2020 № 816 была разработана государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы»[3], целью которой является создание условий для сохранения, развития и повышения функциональности бурятского языка в Республике Бурятия. Государственная программа устанавливает целевые индикаторы, например, таких, как «доля бурятского населения Республики Бурятия, владеющего бурятским языком, составит 33%». В Программе опреде-

---

[1] О языках народов Российской Федерации : Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524 (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Закон Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-XII «О языках народов Республики Бурятия». URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/obshee-obrazovanie/gosudarstvennye-yazyki-buryatskiy-yazyk/dokumenty (дата обращения: 25.02.2026).

[3] Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021-2030 годы : Постановление Правительства Республики Бурятия от 28.12.2020 № 816. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/dokumenty/proekty-normativno-pravovykh-aktov/571091607.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

лены ожидаемые результаты, среди которых можно расширение активной языковой среды путем объединения усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, увеличение количества электронных информационных и цифровых ресурсов для изучения и развития бурятского языка до 5 единиц, увеличение общего объема контента на бурятском языке в средствах массовой информации до 15 %. Самым сложным в достижении результатов является повышение мотивации детей и взрослых к изучению бурятского языка, качества знаний учащихся. По данным 2020 года среди учащихся Республики Бурятия из 42235 носителей языка владеют родным бурятским языком лишь 38,9 %, среди воспитанников дошкольных учреждений из 14959 носителей языка владеют бурятским языком 29,4 %. Если взрослые сегодня мотивированы на изучение бурятского языка, что подтверждается открытием различных курсов по изучению бурятского языка, то вопрос мотивации детей пока еще очень сложный[1]. Поэтому достижение индикатора в 33 % бурятского населения, владеющих бурятским языком является непростым.

Экономическая защита конституционного права на сохранение национальной идентичности, как уже было ранее отмечено, выражается в финансовом обеспечении. Так, на период с 2025 года по 2023 год ежегодно региональным и муниципальным бюджетами выделяется 124397,00 рублей. Данная цифра является прогнозной и подлежит уточнению при формировании республиканского бюджета. В связи с этим ежегодно вносятся изменения в данное постановление.

В 2024 году Распоряжением Правительства Республики Бурятия № 270-р от 9 апреля 2024 года были утверждены паспорта, которые являются практической реализацией государственных программ. Так, были утверждены следующие паспорта: паспорт государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия», паспорт комплекса процессных мероприятий «Сохранение и развитие активной языковой среды бурятского языка», паспорт комплекса процессных мероприятий «Развитие циф-

[1] Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021-2030 годы : Постановление Правительства Республики Бурятия от 28.12.2020 № 816. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/dokumenty/proekty-normativno-pravovykh-aktov/571091607.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

ровых и электронных образовательных, информационных ресурсов на бурятском языке» и т.д.

На наш взгляд очень важным является принятие паспорта комплекса процессных мероприятий «Совершенствование обучения бурятскому языку, научное и методическое обеспечение его развития». Согласно целевому индикатору паспорта, доля учащихся, изучающих бурятский язык должна составить не менее 60% от общей их численности. В 2024 году доля учащихся, владеющих бурятским языком, должна быть 45 %, в 2025 году – 45,8 %, в 2026 году – 50 %.

Весьма значительным является утверждение паспорта комплекса процессных мероприятий «Кадровое обеспечение развития бурятского языка». Согласно данного документа в бюджете республики Бурятия выделяются средства на подготовку и повышение квалификации учителей бурятского языка, переводчиков и журналистов, прошедших подготовку по программам высшего образования: в 2024 году – должны были пройти подготовку 39 человек (финансирование составило – 34467,00 рублей), в 2025 году было запланировано обучение 68 человек (финансирование – 36074,00 рублей) и в 2026 году запланировано обучить 78 человек (финансирование составит 38144,00 рублей)[1]. Всего за три года должно быть подготовлено 185 учителей, переводчиков и журналистов и выделено из регионального бюджета на данную подготовку – 108685,00 рублей.

Таким образом, вопрос развития и сохранения бурятского языка является чрезвычайно сложным. Изучив нормативные акты органов исполнительной власти, мы можем сделать вывод о том, что основным направлением государственной поддержки развития изучения бурятского языка является сфера образования. Поэтому при реализации языковой политики важно охватить все ее мероприятия в сфере образования и воспитания. Ориентированность языковой политики на учет этнокультурной специфики в сфере образования видится важным для сохранения национальных языков. В связи с этим, необходимо

[1] Об утверждении Государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы» : Постановление Правительства Республики Бурятия от 28.12.2020 № 816. Приложение 5. URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/projects/gosudarstvennaya-programma-sokhranenie-i-razvitie-buryatskogo-yazyka-v-respublike-buryatiya (дата обращения: 02.03.2026).

пересмотреть не только нормы часов в учебных планах школьного образования, уделяемых на изучение бурятского языка в сторону увеличения, но и порядок выбора изучения бурятского языка в школе.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета 25.12.1993 г.
2. Конституция Республики Бурятия. – URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_buryat/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f (дата обращения: 25.02.2026).
3. Об образовании : Федер. закон об образовании от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Собрание законодательства № 53 от 31.12.2012 года (часть I). – Ст. 7598.
4. О языках народов Российской : Федерации Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524 (дата обращения: 25.02.2026).
5. О языках народов Республики Бурятия : Закон Республики Бурятия от 10.06.1992 №221-XII. – URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/obshee-obrazovanie/gosudarstvennye-yazyki-buryatskiy-yazyk/dokumenty (дата обращения: 25.02.2026).
6. Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы : Постановление Правительства Республики Бурятия от 28.12.2020 № 816. – URL: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/dokumenty/proekty-normativno-pravovykh-aktov/571091607.pdf.
7. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) // Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва : Изд-во ИКАР, 2009. – 448 с.
8. Базаров Б.В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России / Б.В. Базаров // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 2. – С. 14–19. – EDN PVRBPZ.
9. Гунжитова Г.Х.Ц. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Бурятия на современном этапе / Г.Х.Ц. Гунжитова // Вестник Бурятского государственного уни-

верситета. Филология. – 2022. – № 4. – С. 14–19. – DOI 10.18101/2686-7095-2022-4-14-19. – EDN DBLIRW.

10. Доровских Е.М. Правовые аспекты национально-языковой политики в Российской Федерации / Е.М. Доровских // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 53–58.

11. Кубанова Л.В. Языковая политика - приоритет деятельности органов власти в полиэтничной Республике / Л.В. Кубанова // Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира : сб. науч. трудов 29-й Междунар. Харакского форума, Ялта, 26–28 апр. 2022 г. – Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 118–125. – EDN DJREOB.

12. Словарь социолингвистических терминов. – Москва. – 2006. – 312 с.

13. Цыбденова Б.Ж. Сохранение языков коренных народов российской Федерации: опыт языковой политики республики Бурятия / Б.Ж. Цыбденова // Социолингвистика. – 2024. – № 4 (20). – С. 106–118. – DOI 10.37892/2713-2951-4-20-106-118. – EDN AQSBWZ.

Информация об авторе

Татьяна Прокопьевна Баторова – заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат социологических наук, доцент, tpbatorova@mail.ru.

Author

Tatyana Prokopyevna Batorova – Head of the Department of Public Law Disciplines of the East Siberian State University of Technology and Management, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, tpbatorova@mail.ru.

УДК 343.3/.7

И.Р. Бегишев

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье анализируются современные подходы к криминализации киберпреступлений в правовых системах Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Изучаются законодательные инициативы и уголовно-правовые санкции за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание и распространение вредоносных программ, а также иные деяния в сфере информационной безопасности. Исследуется динамика развития нормативной правовой базы в условиях цифровой трансформации общества. Значительное внимание уделяется сравнительно-правовому анализу подходов различных государств к определению круга криминализируемых деяний и применяемых санкций.

Ключевые слова: киберпреступность; криминализация; уголовное право; правовые системы; информационная безопасность, Интернет.

I.R. Begishev

CRIMINALIZATION OF CYBERCRIMES IN THE LEGAL SYSTEMS OF VARIOUS STATES

The article analyzes modern approaches to the criminalization of cybercrime in the legal systems of the Russian Federation and the countries of the Asia-Pacific region. Legislative initiatives and criminal sanctions for unlawful access to computer information, creation and distribution of malicious programs, as well as other acts in the field of information security are being studied. The dynamics of the development of the regulatory legal framework in the context of the digital transformation of society is investigated. Considerable attention is paid to the comparative legal analysis of the approaches of various States to determining the range of criminalized acts and applied sanctions.

© Бегишев И.Р., 2026

Key words: cybercrime; criminalization; criminal law; legal systems; information security; Internet.

Развитие глобальной цифровой инфраструктуры, широкое распространение информационных технологий и возрастающая роль сети Интернет в жизни общества привели к появлению новых видов преступлений, существенно отличающихся от традиционных форм преступной деятельности. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что киберпреступления обладают ярко выраженным трансграничным характером, создавая угрозу не только национальной, но и глобальной информационной безопасности [1, с. 18].

Необходимо подчеркнуть, что актуальность исследования обусловлена возрастающей угрозой киберпреступлений в условиях цифровизации экономики и государственного управления. В связи с этим аналогичным образом актуализируется проблема гармонизации национального законодательства государств различных правовых систем с целью создания единых стандартов противодействия киберпреступности. Все это определяет необходимость проведения комплексного сравнительно-правового анализа подходов к криминализации деяний в сфере информационной безопасности.

Начать необходимо с того, что Российская Федерация, приняв Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в 1996 году, на начальном этапе развития информационных технологий содержала в главе 28 наиболее общие нормы, посвященные преступлениям в сфере компьютерной информации. По нашему глубокому убеждению, эволюция российского подхода к криминализации киберпреступлений отражает не только совершенствование правовой техники, но и адаптацию уголовного законодательства к реалиям современной цифровой эпохи [2, с. 183].

Ст. 272 УК РФ, предусматривающая ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, явилась первопроходцем в российском уголовном праве. Однако в самом деле, если исходить из позиций криминализации, законодатель в 2024 году принял Федеральный закон № 421-ФЗ, который существенным образом модифицировал правовую конструкцию данной статьи. Именно в этом проявляется стремление российского законодателя к ужесточению

ответственности за наиболее опасные формы киберпреступной деятельности.

Не менее существенно и то, что в Российской Федерации произошла криминализация отдельных категорий деяний, связанных с незаконным использованием и передачей персональных данных. В первую очередь здесь следует указать на новую ст. 2721 УК РФ, введенную также в 2024 году. Таким образом, здесь налицо признание законодателем того обстоятельства, что в условиях информационного общества утечки персональных данных представляют собой критическую угрозу для прав и свобод граждан.

Кроме того, в Российской Федерации развивается специальное законодательство об ответственности за воздействие на критическую информационную инфраструктуру. Статья 2741 УК РФ, введенная Федеральным законом № 194-ФЗ в 2018 году, предусматривает максимальные санкции вплоть до десяти лет лишения свободы при наступлении тяжких последствий. Следует также отметить и то, что совсем недавно, в 2025 году, уголовное законодательство дополнилось ст. 2743, 2744 и 2745, которые криминализируют новые формы киберпреступной активности.

В последующем изложении целесообразно рассмотреть подходы, сложившиеся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где развивается собственная правовая традиция криминализации киберпреступлений. Иными словами, задача заключается в том, чтобы выяснить, каким образом государства этого региона адаптируют международные стандарты к своим национальным условиям и культурным особенностям.

Китайская Народная Республика в 1997 году криминализировала неправомерный доступ к компьютерным системам в рамках своего уголовного кодекса. Между тем, с развитием информационных технологий и расширением использования Интернета Китай постоянно совершенствует свою нормативную правовую базу, приняв ряд специальных законов в области кибербезопасности, включая Закон о кибербезопасности 2016 года. Чрезвычайно показателен тот факт, что китайское законодательство предусматривает для киберпреступлений повышенные санкции, особенно в отношении деяний, угрожающих государственной безопасности.

Япония и Республика Корея применяют подход, характеризующийся высокой степенью технической специализации

в определении криминализируемого поведения. Обратим внимание на то, что в этих государствах развито специализированное законодательство об ответственности за различные формы киберпреступлений: от несанкционированного доступа до использования вредоносного программного обеспечения в целях кражи конфиденциальной информации.

Следует признать, что вопрос унификации законодательства в странах Азиатско-Тихоокеанского региона остается открытым. Однако наблюдаемая тенденция свидетельствует о том, что государства этого региона активно сотрудничают в рамках различных международных организаций для выработки общих подходов к борьбе с киберпреступностью [3, с. 384].

Таким образом, нам остается решить задачу сравнительного анализа выявленных в различных правовых системах подходов к криминализации киберпреступлений. Исходя из особенностей развития информационного общества, можно выделить несколько общих закономерностей. Во-первых, все рассмотренные правовые системы признают необходимость криминализации неправомерного доступа к компьютерной информации как базового состава киберпреступления. В частности, общепризнанным стандартом является криминализация несанкционированного доступа независимо от того, повлекло ли это деяние фактическое уничтожение или модификацию информации.

Во-вторых, практически все государства предусматривают специальную ответственность за создание и распространение вредоносных компьютерных программ. Дело в том, что такие деяния представляют собой наиболее универсальный инструмент совершения иных киберпреступлений. Применительно к данному случаю закономерным является установление повышенных санкций за деяния, совершенные организованными группами или с использованием служебного положения.

Третьей закономерностью, которую необходимо отметить, является тенденция к расширению перечня криминализируемых деяний в связи с появлением новых технологий. Иными словами, законодатели вынуждены постоянно адаптировать уголовное законодательство к быстро меняющимся технологическим реалиям. Современное уголовное право вынуждено реагировать на появление и развитие искусственного интеллекта, робототехники, облачных и квантовых технологий, блокчейна и иных инновационных решений.

Подводя итоги проведенного исследования, следует признать, что криминализация киберпреступлений остается одной из наиболее динамичных областей уголовного права [4, с. 300]. Напротив, развитие международного сотрудничества в этой сфере позволяет надеяться на постепенную гармонизацию национальных законодательств. Это служит наглядным доказательством того, что проблема борьбы с киберпреступностью в современном мире не может быть решена на основе исключительно национальных подходов, но требует консолидированных усилий международного сообщества.

Список использованной литературы

1. Гигинейшвили М.Т. Международное договорное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью / М.Т. Гигинейшвили // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10 (197). – С. 18–20.

2. Щербакова А.В. Угрозы киберпреступности. перспективы совершенствования и применения мер по борьбе с киберпреступностью / А.В. Щербакова // Криминологический журнал. – 2025. – № 1. – С. 182–185.

3. Багамаева Д.М. Характеристика преступлений в сфере компьютерной информации в зарубежном законодательстве / Д.М. Багамаева // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 9(196). – С. 384–385.

4. Тимофеев С.В. Проблемы противодействия киберпреступности: вопросы теории и практики / С.В. Тимофеев, Р.Р. Абидов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 1 (108). – С. 292–300.

Информация об авторе

Ильдар Рустамович Бегишев – профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова, доктор юридических наук, доцент, begishev@mail.ru.

Author

Ildar Rustamovich Begishev – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Doctor of Law, Ass. Professor, begishev@mail.ru.

УДК 347.73

Е.И. Белозерова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОАКТИВОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Применение новых информационных технологий вносит существенные изменения в современную финансовую систему, а использование различных криптоактивов становится все более значимым в условиях развития современной экономики. Рынок криптоактивов вызывает множество вопросов: отсутствие единого регулирования, спекулятивность и сложность технологии блокчейн делает его не до конца прозрачным для многих пользователей. Огромный потенциал криптоиндустрии сдерживается фрагментарной правовой регламентацией, анонимизацией транзакций и отсутствием должной защиты как инвесторов, так и профессиональных участников крипторынка. Исследование проблем и перспектив правового регулирования рынка криптоактивов является актуальным как с научной, так и с практической точек зрения. Автором обосновывается необходимость теоретического осмысления криптоактивов, приведение российского законодательства в соответствие с реалиями крипторынка с учетом уже имеющегося опыта зарубежных стран. В статье исследованы проблемы и пробелы правового регулирования оборота криптоактивов в России, определены перспективы развития отечественной криптоиндустрии.

Ключевые слова: криптоактивы; цифровые финансовые активы; криптовалюты; утилитарные цифровые права; стейблкоин.

E.I. Belozerova

LEGAL REGULATION OF CRYPTOASSETS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The application of new information technologies is significantly changing the modern financial system, and the use of various cryptoassets is becoming increasingly important in the context of the development of the modern economy. The cryptoasset market

© Белозерова Е.И., 2026

raises many questions: the lack of unified regulation, speculative nature, and the complexity of blockchain technology make it not entirely transparent for many users. The crypto industry's enormous potential is hampered by fragmented legal regulations, transaction anonymity, and a lack of adequate protection for both investors and professional crypto market participants. Research into the challenges and prospects of legal regulation of the cryptoasset market is relevant from both a scientific and practical perspective. The author substantiates the need for a theoretical understanding of cryptoassets and the alignment of Russian legislation with the realities of the crypto market, taking into account the existing experience of foreign countries. The article examines the problems and gaps in the legal regulation of cryptoasset circulation in Russia and identifies prospects for the development of the domestic crypto industry.

Key words: crypto assets; digital financial assets; cryptocurrencies; digital utility rights; stablecoin.

Длительное время криптоактивы не находились в поле зрения органов различных государств, а отсутствие должного регулирования, в том числе на международном уровне, привело к безнадзорному и бесконтрольному обороту криптоактивов, используемых в качестве основной единицы расчетов.

Только в 2017 году криптоактивы стали широко обсуждаться в различных международных организациях, в связи с их стремительным развитием и значительной капитализацией.

Несмотря на огромный интерес мирового сообщества к криптоактивам и крипторынкам, международное регулирование оборота криптоактивов отсутствует, имеются лишь попытки выработать единые рекомендации по минимизации рисков для экономик стран и по обмену информации о налогообложении, связанном с оборотом криптоактивов.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что криптоактивы – это «цифровое представление стоимости или договорных прав, основанное на криптографии и технологии распределенного реестра (DLT)» [3, с. 128]; «широкое понятие, включающее в себя криптовалюты, токены, цифровые финансовые активы и цифровые права» [2, с. 37]; «не имеет физической формы, а является записью в блокчейне» [10, с. 124].

Многие страны пошли по пути ужесточения оборота криптоактивов. В Алжире, Непале, Пакистане введен полный запрет на совершение операций с использованием криптоактивов.

В 2026 году Народный банк Китая и восемь профильных ведомств опубликовали совместное заявление, в котором подтвердили действующий запрет на любые операции с криптовалютами внутри страны – с 2021 года в КНР введен жесткий, полный запрет на майнинг криптовалют, производство и продажу оборудования для него [6].

В итоге строгие ограничения привели к тому, что китайский крипторынок ушел «в тень»: по данным информационного агентства Reuters Китай до 2025 года оставался в числе лидеров по объему хешрейта из-за использования дешевой электроэнергии в отдельных регионах. Крупные производители оборудования (например, Canaan Inc.) ранее переносили штабквартиры за пределы государства [8].

Но есть и иной подход к правовому регулированию криптоактивов: Япония является одной из самых прогрессивных и дружественных к криптовалюте стран в мире, которая признает криптовалюту как законное средство платежа с 2017 года. Япония также имеет четкую и согласованную нормативную базу для криптовалютных бирж и операций, которая основана на двух основных законах: Законе о платежных сервисах (PSA) и Законе о финансовых инструментах и биржах (FIEA). По Закону о платежных сервисах, криптовалюта определяется как «имущественная ценность, записанная в электронном формате, которая может быть использована для оплаты товаров или услуг, или обмена на другую имущественную ценность» [9, с. 21–22].

Также Сальвадор и Центральноафриканская Республика (ЦАР) считают криптоактивы законным платежным средством.

В Марокко позиция относительно криптоактивов кардинальное изменилась в последние годы: и если пять лет назад криптоактивы в этом государстве находились под запретом, то сегодня Центральный банк Марокко признал, что крипторынок оказывает огромное влияние на кредитно-денежную политику государства, и подготовил проект закона о легализации криптоактивов, порядке их оборота на территории Марокко [12].

Люксембург посчитал криптоактивы перспективным направлением в глобальной экономике и в 2025 году инвести-

ровал 1 % от доходов в биткойн, став первым государством в Европе, вложившим деньги в криптовалюту [7].

Бутан, используя избыток гидроэлектроэнергии, занимается майнингом криптоактивов. К середине 2025 года запасы биткойна в стране достигли $1,3 млрд и составили 40 % ВВП. Монеты королевства хранятся на криптокошельке, принадлежащем государственному фонду Druk Holding & Investments. В 2023 году правительство Бутана продало криптовалюту на $100 млн, чтобы удвоить зарплаты госслужащих и снизить отток специалистов за рубеж.

Гелепху (город будущего в Бутане) запустил собственный цифровой токен TER, обеспеченный государственным золотом. Криптоактив выпущен на платформе Solana, а в качестве эмитента выступил бутанский цифровой банк DK Bank, деятельность которого регулируется Королевским монетным двором [4].

Согласно данным Statista, за шестилетний период с 2018 по 2024 год глобальная аудитория пользователей криптовалют увеличилась более чем в 15 раз. Если в 2018 году ими пользовалось менее 1 % мирового населения, то к 2024 году этот показатель достиг 6,8 %. Агрегатор CoinMarketCap фиксирует существование свыше 22000 различных криптоактивов, что указывает на активные процессы нишеобразования и специализации внутри системы.

Согласно оценкам экспертов, к 2027 г. 10 % всего мирового ВВП будет храниться в криптоактивах [1, с. 154].

Российская Федерация позже других начала попытки регулирования криптоактивов и их оборота, но единого мнения о правовой природе криптоактивов не имеется.

Использование новых информационных технологий в России регулируются Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], регламентирующим вопросы оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты, Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ

[1] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.

и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], раскрывающим понятия инвестиционной платформы, утилитарных цифровых прав, Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[2], которым введено в право такое понятие, как цифровые права в качестве объектов гражданских прав.

В законодательстве имеются существенные пробелы в части регулирования выпуска и обращения криптоактивов, что в конечном итоге не позволяет в полной мере использовать все преимущества созданных технологий для полноценного включения криптоактивов в систему экономических и гражданских взаимоотношений.

Необходимо отметить, что законодательство не содержит общепринятых терминов (криптоактивы, криптовалюты, токены, стейблкоины и т.д.), которые прочно вошли в оборот и используются участниками крипторынков. Понятия «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «утилитарные цифровые права» оказались не актуальны и не применяются в криптосреде.

Среди юристов, экономистов и программистов отсутствует единый подход как к определению понятий «криптовалюта», «токены», «стейблкоины», «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта» и «утилитарные цифровые права», так и к соотношению этих понятий между собой.

В России за P2P-торговлей и деятельностью криптомиксеров и криптобирж надзор и контроль не осуществляется, национальное законодательство еще не знакомо с такими автоматизированными сервисами.

При этом в соседней Беларуси действует один из самых прогрессивных в мире режимов регулирования криптоактивов. Майнинг, хранение, обмен и дарение токенов легальны, но опе-

---

[1] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019 г. № 31. Ст. 4418

[2] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019 г. № 12. Ст. 1224.

рации разрешены только через резидентов Парка высоких технологий.

С 2024 года правоохранительные органы и суды Беларуси вправе производить изъятие (конфискацию) криптоактивов при совершении противоправных действий, а судебные исполнители имеют право арестовывать и изымать криптоактивы у должников.

В России только с 2025 года цифровая валюта признана имуществом для целей налогообложения, а с 2026 года – для целей уголовного производства. Формально изъятие и хранение цифровой валюты предусмотрено, но детальный порядок, процедура изъятия и хранения цифровой валюты будут установлены Правительством РФ позже.

Необходимо обратить внимание, что иные криптоактивы, которые не регулируются отечественным законодательством, так и остались вне правового поля. Например, NFT-токены, которые могут иметь значительную экономическую ценность, правоохранительные органы изъять не смогут.

В 2026 году Президент Беларуси подписал указ «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)». Документ вводит в правовое поле деятельность криптобанков и определяет требования к работе с токенами. Согласно указу, криптобанком признается акционерное общество, которое может совмещать операции с цифровыми знаками с банковской, платежной и иной финансовой деятельностью. Для работы в этом статусе компания должна быть резидентом Парка высоких технологий (ПВТ) и включена в специальный реестр Национального банка. Криптобанки будут подчиняться одновременно требованиям законодательства для небанковских кредитно-финансовых организаций и решениям наблюдательного совета ПВТ[1].

Центральный Банк России в декабре 2025 года направил в Правительство РФ концепцию регулирования криптовалют в России. Она предполагает, что цифровые валюты и стейблкойны признаются валютными ценностями, их можно покупать и продавать, но ими нельзя расплачиваться внутри стра-

[1] О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов) : Указ Президента Республики Беларусь от 16.01.2026 № 19. URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-19-ot-16-anvara-2026-g (дата обращения: 27.02.2026).

ны. Ожидается, что законопроект будет внесен в Госдуму в марте 2026 года.

Легализация деятельности услуг на рынке криптоактивов выведет рынок из «тени». Регулирование повысит прозрачность операций и минимизирует риски, связанные с мошенничеством и киберпреступностью, будут установлены требования к выпуску, обороту и хранению криптоактивов.

Например, в 2026 году Финансовая разведка Индии (FIU) потребовала от криптобирж и платформ прекратить работу с анонимными криптовалютами. Регулятор считает такие активы высокорисковыми, поскольку они могут использоваться для отмывания денег [5].

Также финансовый регулятор Дубая (DFSA) в 2026 году ввел запрет на приватные криптовалюты, в связи с невозможностью обеспечить прозрачность транзакций и соблюдение требований по борьбе с отмыванием денег и санкционного законодательства.

Правоприменительная практика в России значительно опережает развитие законодательства в сфере оборота криптоактивов, суды вынуждены разрешать споры и принимать судебные акты в отсутствие должного правового регулирования.

Так, в судебной практике уже имеется опыт рассмотрения споров по разделу совместно нажитого имущества – криптоактивов супругов[1], арбитражные суды в рамках рассмотрения дел о банкротстве истребуют у должников криптоактивы для включения в конкурсную массу[2] и др.

Кроме того, в юриспруденции не разрешен вопрос о том, относятся ли такие криптоактивы, как стейблкоины и NFT-токены, к объектам гражданских прав и если относятся, то к каким. Так, в июне 2021 года одна из крупнейших криптобирж в мире Binance запустила свою собственную площадку маркетплейс Binance NFT, которая позволяет торговать невзаимозаменяемыми токенами на предметы искусства и предметами для онлайн-игр, мистери-боксами, а уже в августе 2021 года Государственный Эрмитаж объявил о начале продаж на маркет-

[1] Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 21.09.2021 по делу № 2-5148/2021.

[2] Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан об истребовании доказательств от 16.05.2022 по делу № 07-16312/2021. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 27.02.2026).

плейсе Binance NFT цифровых произведений из лимитированной цифровой коллекции, созданной музеем на основе изображений предметов из своего собрания с использованием технологии NFT в рамках проекта «Ваш токен хранится в Эрмитаже». Юридическая служба Эрмитажа разработала модель создания и продажи NFT, которая полностью соответствует российскому законодательству. Таким образом создан важный прецедент, который позволил интегрировать российский рынок в международный оборот NFT.

Начальник юридической службы Государственного Эрмитажа М.В. Цыгулева указала, что «создав финансово-правовую схему, в основу которой легло описание результатов интеллектуальной деятельности в формате NFT просто через категорию исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, как они понимаются в законе, и используя агентский договор как правовой инструмент участия в торгах на NFT-маркетплейсе, мы полностью остались в рамках существующего законодательства» [11, с. 90].

Таким образом, оборот отдельных криптоактивов идет по пути обхода специального законодательства, регулирующего цифровые права, поскольку пробельность нормативно-правового регулирования не позволяет пользоваться достижениями криптоиндустрии в полной мере.

В связи с этим необходимо привести российское законодательство в соответствие с реалиями крипторынка и учетом опыта зарубежных стран: ввести в оборот уже сформированный в криптосреде понятийный аппарат, отнести криптоактивы (в полном объеме) к объектам гражданских прав, определить порядок выпуска (эмиссии) криптоактивов, приобретения (прекращения) прав на криптоактивы.

Список использованной литературы

1. Дубинин Д.Д. Анализ эффективности использования криптовалют в международных расчетах / Д.Д. Дубинин, Г.Д. Тординава, С.Н. Косников // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № 2. – С. 149–156.

2. Евлахова Ю.С. Виды криптоактивов и их особенности / Ю.С. Евлахова // Экономические исследования и разработки. – 2022. – № 6/2022. – С. 36–44.

3. Крупочкин А.В. Криптовалютные активы как инновационные финансовые инструменты / А.В. Крупочкин // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2023. – Т. 20. – № 4 (130). – С. 127–135.

4. Кузьмичева А. Бутан выделил $1 млрд в биткоинах на развитие города осознанности Гелепху / А. Кузьмичева // Информационное агентство «РБК». – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/6942a5879a7947109758ba85?from=copy (дата обращения: 27.02.2026).

5. Кузьмичева А. Индия потребовала от бирж отказаться от анонимных криптовалют / А. Кузьмичева // Информационное агентство «РБК». – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/697335049a79474e7a466f9c?from=copy (дата обращения: 27.02.2026).

6. Кузьмичева А. Китай подтвердил запрет на операции с криптовалютами и майнинг / А. Кузьмичева // Информационное агентство «РБК». – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/6985c5b99a7947628cb2dfce (дата обращения: 27.02.2026).

7. Кузьмичева А. Люксембург инвестировал в биткоин для будущих поколений / А. Кузьмичева // Информационное агентство «РБК». – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/68e7768c9a794727ba284eaa?from=copy (дата обращения: 27.02.2026).

8. Наталиев Т. Майнинг биткоина в Китае восстанавливается, несмотря на запрет 2021 года / Т. Наталиев // Сетевое издание Ulysmedia.kz. – URL: https://ulysmedia.kz/dengi/ 62966-maining-bitkoina-v-kitae-vosstanavlivaetsia-nesmotria-na-zapret-2021-goda/#:~:text=%D0%94%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8,%D0%BD%D0%B0%20%D0%B7%D0%B0 (дата обращения: 27.02.2026).

9. Наумов Т.А. Особенности регулирования криптовалют в странах Восточной Азии / Т.А. Наумов // Экономика и парадигма нового времени. – 2024. – № 12. – С. 21–26.

10. Самогин А.С. Токены и их правовой статус: проблемы и перспективы регулирования / А.С. Самогин // Образование и право. – 2022. – № 12. – С. 123–126.

11. Цыгулева М.В. Первый опыт реализации цифровых изображений произведений из собрания музея и передачи прав на них с использованием невзаимозаменяемых токенов /

М.В. Цыгулева // Имущественные отношения в России. – 2021. – № 9 (240). – С. 84–95.

12. Mizner A. Moroccan central bank plans to legalise cryptoassets / A. Mizner // magazine African Law & Business. – URL: https://www.africanlawbusiness.com/news/moroccan-central-bank-plans-to-legalise-cryptoassets (дата обращения: 27.02.2026).

Информация об авторе

Евгения Ивановна Белозерова – соискатель ученой степени кандидата юридических наук при кафедре юриспруденции Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, evgacherr@mail.ru.

Author

Evgeniya Ivanovna Belozerova – Candidate for the Degree of Candidate of Legal Sciences at the Department of Jurisprudence of the Institute of Economics, Management and Law of the Irkutsk National Research Technical University, evgacherr@mail.ru.

УДК 347.1

В.В. Белозерцева,
С.М. Белозерцев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Дееспособность является элементом правосубъектности несовершеннолетних, который позволяет ему самостоятельно (своими действиями) осуществлять права и исполнять обязанности. Дееспособность является движущей силой участия несовершеннолетнего в гражданском обороте. Историческое правое наследие СССР оказало прямое влияние на становление дееспособности в России и Таджикистане. Новейшее гражданское законодательство обоих государств закрепило несколько иные положения о дееспособности несовершеннолетних по сравнению с законодательством Советского Союза, изменив возрастные группы несовершеннолетних и расширив их дееспособность, при этом более детально ее урегулировав. Фундаментальность такой правовой категории как дееспособность определяет необходимость ее научного исследования с целью совершенствования правового регулирования и правоприменения. Несовершеннолетние становятся наиболее активными участниками современного гражданского оборота, что продиктовано, в том числе, его переходом в электронный формат.

Ключевые слова: несовершеннолетний; дееспособность; сделка; ответственность; эмансипация; гражданский оборот.

V.V. Belozertseva,
S.M. Belozertsev

SOME ASPECTS OF LEGAL CAPACITY OF MINORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Legal capacity is an element of minors' legal personality that allows them to independently (through their own actions) exercise

© Белозерцева В.В., Белозерцев С.М., 2026

rights and fulfill obligations. Legal capacity is the driving force behind a minor's participation in civil transactions. The historical legal legacy of the USSR had a direct influence on the development of legal capacity in Russia and Tajikistan. The latest civil legislation in both countries has enshrined somewhat different provisions on the legal capacity of minors compared to the legislation of the Soviet Union, changing the age groups of minors and expanding their legal capacity, while also regulating it in more detail. The fundamental nature of such a legal category as legal capacity necessitates its scientific study to improve legal regulation and law enforcement. Minors are becoming the most active participants in modern civil transactions, which is dictated, in part, by its transition to electronic format.

Key words: minor; legal capacity; transaction; liability; emancipation; civil turnover.

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации, несмотря на значительно более детальную регламентацию дееспособности несовершеннолетних, не только не разрешил некоторых споров, которые велись в теории и существовали на практике, но и породил новые [9, с. 700].

Понятие несовершеннолетний основано на возрастном критерии, возрастные группы от отрасли к отрасли практически не различаются, однако, отличается отраслевой объем дееспособности каждой возрастной группы несовершеннолетних.

В ГК РФ группы несовершеннолетних обозначены по возрастному критерию с определением содержания и объема их дееспособности. Ученые дискутируют по поводу того, как каждая возрастная группа должна называться [1, с. 29; 2, с. 16]. Значимость данной дискуссии состоит в том, что в законе в некоторых случаях употребляются названия возрастной группы несовершеннолетних без указания возраста.

Несовершеннолетних, с точки зрения гражданского законодательства, можно подразделить на следующие возрастные группы:

1) несовершеннолетние в возрасте до 6 лет;
2) несовершеннолетние в возрасте от 6 до 14 лет;
3) несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет.

Малолетние до 6 лет являются недееспособными, все действия, которые они совершают, не могут иметь юридического

значения, в том числе направленные на заключение «сделок». Все сделки за несовершеннолетних до 6 лет совершают родители, и родители же несут ответственность по этим сделкам и за причиненный малолетними вред. Сомнение вызывает, как указывалось в литературе, лишь название ст. 28 ГК РФ «Дееспособность малолетних». Буквальное толкование которого, может привести к выводу о наличии дееспособности у малолетних до 6 лет. Однако, это, во-первых, не является веским доводом в пользу того, что малолетние до 6 лет дееспособны, поскольку из текста ст. 28 ГК РФ этого не следует, а во-вторых, необходимо учитывать, что малолетними законодатель называет не только лиц до 6 лет, но и лиц от 6 до 14, о которых также говорится в данной статье. Мы придерживаемся мнения о том, что малолетние, в возрасте до 6 лет, являются недееспособными [3, с. 15].

Малолетним от 6 до 14 лет (частично дееспособным) разрешено самостоятельно совершать ряд сделок, т.е. они наделены частью сделкоспособности (как одного из элементов дееспособности), деликтоспособностью они не обладают, ответственность, как за причиненный малолетними вред, так и по заключенным сделкам, несут родители. В п. 2 ст. 28 ГК РФ сформулированы исключения в отношении несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет, в соответствии с которыми им разрешено приобретать не любые, а только некоторые права и обязанности. Действиям этих малолетних, в рамках, обозначенных законом, придается юридическое значение, поэтому их нельзя назвать недееспособными, при этом, их дееспособность составляет очень небольшую часть от полной дееспособности, что соответствует их уровню развития.

Несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет относят к относительно дееспособным, их дееспособность определена относительно согласия родителей (попечителей, усыновителей) на совершение ими сделок. Следует отметить, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет также и деликтоспособны, при чем деликтоспособность в отличие от сделкоспособности они приобретают в полном объеме.

Гражданское законодательство Российской Федерации предусматривает возможность достижения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения 18 лет. Таких правила два [7, с. 83; 10, с. 209]: вступление в брак и эмансипация. Семейный кодекс РФ допускает вступление в брак лицам, достигшим воз-

раста 16 лет, при наличии особых оснований, а при наличии в субъекте федерации специальной нормы брак можно заключить в возрасте 14 лет, при этом вступление в брак не требует дополнительного признания или объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным. Расторжение брака не влечет утрату дееспособности, но признание брака недействительным лишит несовершеннолетнего полной дееспособности.

Несовершеннолетний может быть признан эмансипированным и приобрести полную дееспособность при наличии в совокупности следующих условий: 1) несовершеннолетний достиг возраста 16 лет, 2) он работает по трудовому договору; либо: 1) несовершеннолетний достиг возраста 16 лет, 2) с согласия родителей занимается предпринимательской деятельностью. Процедура эмансипации производится по решению органа опеки и попечительства, в том случае если оба родителя несовершеннолетнего согласны на эмансипацию, либо по решению суда в том случае, если один из родителей (или оба) против эмансипации.

Несовершеннолетний, объявленный эмансипированным или вступивший в брак, приобретает полную дееспособность, за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых законодательством Российской Федерации установлен возрастной ценз. Эмансипированный несовершеннолетний не считается достигшим брачного возраста, но вступивший в брак, не нуждается в эмансипации для приобретения дееспособности в полном объеме.

Гражданское законодательство допускает ограничение дееспособности гражданина, данное правило актуально в связи с тем, что несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет можно ограничить в распоряжении заработком.

В соответствие с законодательством Республики Таджикистан дееспособность является одним из важнейших составляющей субъекта права, которое позволяет ему участвовать в гражданском обороте, приобретая права и обязанности, осуществляя и исполняя их. Полная гражданская дееспособность возникает с момента достижения восемнадцатилетнего возраста.

Статья 22 Гражданского кодекса Республики Таджикистан устанавливает официальное определение дееспособности физического лица. Согласно части первой данной статьи способность физического лица своими действиями приобретать

и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Законодательство Республики Таджикистан, так же как и Российской Федерации, устанавливает случаи, когда полная гражданская дееспособность может быть приобретена до достижения 18 лет.

1. В случае заключения брака до достижения 18 лет. Брачный возраст установлен в 18 лет для мужчин и женщин. Законодательство Таджикистана позволяет вступать в брак до достижения брачного возраста. Брачный возраст для мужчин и женщин может быть снижен на один год на основании решения суда по просьбе лиц, вступающих в брак. Таким образом, в брак могут вступить лица, достигшие 17 лет. По решению суда они могут заключить брачный договор. С момента вступления в брак несовершеннолетние приобретают полную дееспособность, могут быть полноценными участниками гражданского оборота, заключать все виды договоров. Если брак будет расторгнут, что бывшие супруги, не достигшие 18 лет, сохраняют дееспособность в полном объеме, за исключением случаев, если брак был признан недействительным [5, с. 120].

2. В случае эмансипации – если несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, в порядке, установленном законодательством, занимается трудовой деятельностью или с согласия законных представителей предпринимательством, он может быть объявлен полностью дееспособным (эмансипация).

Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным производится по решению органов опеки и попечительства с согласия законных представителей либо при отсутствии такого согласия – по решению суда.

Законные представители не несут ответственность по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности, по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда.

Важно отметить, что дееспособность несовершеннолетних в гражданском праве имеет свои особенности, а в гражданском законодательстве Республики Таджикистан она разделена на два периода, причем каждый период включает совокупность действий, которые могут совершать несовершеннолетние само-

стоятельно [6, с. 325]. Сделки, заключаемые несовершеннолетними, определяются с учетом их возраста. Иными словами, законодатель учел умственное и психологическое развитие несовершеннолетних и разрешил им совершать определенные юридически значимые действия.

Согласно гражданскому законодательству Республики Таджикистан физические лица в возрасте до шести лет считаются недееспособными. По закону они не имеют право заключать какие-либо договоры и не могут самостоятельно участвовать в гражданских правоотношениях. Все виды договоров в гражданском праве оформляются от их имени законными представителями (отцом, матерью, опекуном и попечителем). Следует отметить, что такое разделение несовершеннолетних на возрастные группы: до шести лет, от 6 до 14 лет и от 14 до 18 лет, была реализована в гражданском законодательстве после обретения независимости Республики Таджикистан (в 1991 году) и принятия Гражданского кодекса [8, с. 123].

Дееспособность несовершеннолетние приобретают постепенно, в зависимости от формирования сознания и воли. При этом в гражданском законодательстве Республики Таджикистан для разграничения периодов дееспособности используются понятия «несовершеннолетний» (от 14 до 18 лет) и «малолетний» (от 6 до 14 лет).

Необходимо отметить, что часть 4 статьи 29 Гражданского кодекса Республики Таджикистан устанавливает вопрос об ответственности несовершеннолетних по договорам. Имущественную ответственность по сделкам несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати лет, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, несут его законные представители, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине. Эти лица в соответствии с законодательством также отвечают за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими четырнадцати лет.

Гражданский кодекс Республики Таджикистан также устанавливает пределы действий несовершеннолетних от четырнадцати до восемнадцати лет. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред.

При наличии достаточных оснований суд по ходатайству законных представителей либо органов опеки и попечитель-

ства может ограничить или лишить несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами, за исключением случаев, когда такой несовершеннолетний приобрел дееспособность в полном объеме.

Таким образом, порядок возникновения дееспособности в обоих государствах одинаков: полная дееспособность возникает с 18 лет. Объем дееспособности несовершеннолетних установлен в зависимости от их возраста [4, с. 167; 11, с. 301], несовершеннолетние в возрасте до 6 лет полностью недееспособны, малолетние от 6 до 14 обладают частью дееспособности, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, обладают большим по сравнению с малолетними объемом дееспособности. Гражданское законодательство России и Таджикистана закрепляют нормы о достижении полной дееспособности до достижения 18 лет. Однако, условия вступления в брак и эмансипации различны.

Понятие несовершеннолетний в законодательстве России и Таджикистана основано на возрастном критерии, а не на критерии дееспособности. Различные отрасли права, несмотря на некоторую несогласованность в правовом определении данного понятия, в целом подразделяют несовершеннолетних на следующие возрастные группы: 1) малолетние – несовершеннолетние до 14 лет; 2) несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Таким образом, к несовершеннолетним относятся все лица, не достигшие совершеннолетия, т.е. 18 лет. Не все несовершеннолетние недееспособны, так же как и не все совершеннолетние дееспособны. В то же время, возрастные группы несовершеннолетних, определены исходя из уровня развития сознания и воли, которые, безусловно, зависят от возраста. От отрасли к отрасли понятие несовершеннолетний не меняется, во всех случаях им остается лицо, не достигшее возраста 18 лет, меняется объем и содержание дееспособности возрастных групп несовершеннолетних, что неизбежно и продиктовано спецификой отраслей и возникающих правоотношений. Гражданское законодательство закладывает фундамент понятия несовершеннолетний, другие отрасли права воспринимают его через призму гражданско-правового определения данного термина.

Оценка положений современного гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан да-

ет основание сделать вывод, что устои советской цивилистики оказали прямое влияние на формирование норм о право- и дееспособности граждан обеих государств. Понятие и содержание правосубъектности граждан в целом и несовершеннолетних, в частности, очень похожи. Законодатели обеих государств используют одни и те же параметры возрастных групп несовершеннолетних при определении объема их дееспособности, содержание той или иной группы несовершеннолетних также определено на основе похожих правил, хотя термины, обозначающие группы несовершеннолетних по дееспособности отличаются. Гражданское законодательство Российской Федерации и Республики Таджикистан претерпели существенные изменения, их нормы были адаптированы под тенденции стремительно развивающегося гражданского оборота.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – Москва, 1982. – Т. 2 – 139 с.

2. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.01 / С.И. Архипов. УГЮА. – Екатеринбург, 2005. – 36 с.

3. Белозерцева В.В. Правосубъектность несовершеннолетних лиц в гражданском праве Росиии : учеб. пособие / В.В. Белозерцева. – Иркутск : ФГКОЙ ВО ВСИ МВД России, 2019. – 68 с.

4. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве (отв. ред. доктор юридических наук М.А. Егорова) / А.В. Габов, М.А. Егорова, С.Д. Могилевский и др. – Москва : Юстицинформ, 2015. – 303 с.

5. Гаффорзода И.Г. Права ребенка и родительская власть: исторические аспекты и современные теоретико-практические проблемы частноправового характера / И.Г. Гаффорзода – Душанбе : «ЭР-граф», 2018. – 160 с.

6. Гаффорзода И.Г. Права ребенка: современное состояние нормативных правовых актов / И.Г. Гаффорзода (на тадж. яз.). – Душанбе : «Эр-граф», 2020. – 472 с.

7. Илюхин А.В. Условия и порядок объявления несовершеннолетних полностью дееспособными / А.В. Илюхин // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 82–89.

8. Имомова Н.М. Теоретико-правовая интерпретация и категориально-системное представление о механизме семейно-правовых способов защиты прав ребенка / Н.М. Имомова. – Душанбе : РТСУ, 2020. – 205 с.

9. Крашенинников Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) доктор юридических наук, Профессор кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова / Н.А. Крашенинников. – Москва, ЗЕРЦАЛО, 1999. – 850 с.

10. Попов Н.В. Человек и закон. Совершеннолетие и эмансипация несовершеннолетних / Н.В. Попов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 208–211.

11. Проблемы унификации международного частного права : монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др. ; отв. ред. Н.Г. Доронина. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. 672 с.

Информация об авторах

Виктория Владимировна Белозерцева – начальник кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, sarrav@mail.ru.

Сергей Михайлович Белозерцев – доцент кафедры отечественной истории Байкальского государственного университета, кандидат исторических наук, zuyn03@mail.ru.

Authors

Victoria Vladimirovna Belozertseva – Head of the Department of Fundamentals of Russian Statehood and Civil Law of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, sarrav@mail.ru.

Sergei Mikhailovich Belozertsev – Associate Professor of the Department of Russian History of the Baikal State University, Candidate of Historical Sciences, zuyn03@mail.ru.

УДК 34

Х.У. Белхароев

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД: ИСТОРИЯ И ПРАВО

В статье рассматриваются базовые проблемы становления и развития института юридической компаративистики. Исследованы различные факторы, направления, позиции, проявляющиеся при использовании сравнительного метода. Отмечено, что сравнительное правоведение занимает особое место в правовом пространстве, отражая систему права, уровень развития, выделяя эволюционные процессы различных правовых школ. Раскрыто, что компаративистский метод способствует определению уровня развития национального права, которое проявляется при беспристрастном исследовании внутренних и внешних правовых систем. Выявлено, что сравнительные исследования, рассредоточены по различным наукам, метод компаративистики охватывает широкий пласт теории и практики, он применяется в процессе изучения философии, филологии, политологии, социологии, литературе, Изучены вопросы взаимосвязанные с толкованием норм права, которые выражаются в способах, понятиях, предпочтениях, видах и индивидуальных подходах, используемых отечественными и зарубежными школами. Показано, что сравнительное право, наряду с общими признаками, отдельными элементами, механизмом изучения институтов национального права, обладает относительной спецификой, выражающейся аналитической материей. Эффективное формирование юридической науки, использование накопленного потенциала сравнительного правоведения, его институтов, является необходимым фактором становления отечественного законодательства, приобретающий практическую значимость, в современных условиях повсеместной глобализации.

Ключевые слова: компаративистика; право; сравнительное правоведение; функционирование; результат; механизм; специфика; достоверность; результативность.

© Белхароев Х.У., 2026

H.U. Belkharoev

THE COMPARATIVE APPROACH: HISTORY AND LAW

The article discusses the basic problems of the formation and development of the Institute of comparative law. Various factors, directions, and positions that manifest themselves when using the comparative method are investigated. It is noted that comparative jurisprudence occupies a special place in the legal space, reflecting the legal system, the level of development, highlighting the evolutionary processes of various legal schools. It is revealed that the comparative method helps to determine the level of development of national law, which is manifested in an impartial study of internal and external legal systems. It is revealed that comparative studies are dispersed across various sciences, the comparative studies method covers a wide range of theory and practice, it is used in the process of studying philosophy, philology, political science, sociology, literature, issues related to the interpretation of legal norms, which are expressed in methods, concepts, preferences, types and individual approaches used by domestic and foreign by foreign schools. It is shown that comparative law, along with common features, individual elements, and a mechanism for studying institutions of national law, has relative specificity, expressed by analytical matter. The effective formation of legal science, the use of the accumulated potential of comparative law and its institutions, is a necessary factor in the formation of domestic legislation, which is gaining practical significance in modern conditions of widespread globalization.

Key words: comparative studies; law; comparative jurisprudence; functioning; result; mechanism; specificity; reliability; effectiveness.

Система законодательства современного государственного образования, образует общеобязательный регулятор общественных и личных взаимоотношений, им присуще взаимосвязь, определенная системность, иерархия и согласованность. При этом сравнительное правоведение занимает особое место в правовом пространстве, отражая систему права, уровень развития, выделяя эволюционные процессы различных правовых школ. Определяя исторически обусловленное, си-

стемное развитие института права, сложившуюся совокупность правовых доктрин, юридических механизмов систематизации законодательства, поддерживающих и закрепляющих организационно-правовые направления функциональных мер. Правовое пространство на всех этапах развития, пронизывает компаративистика, в настоящее время, сравнительное правоведение выступает как полноценный комплексный институт юридической науки.

С.В. Кодан отмечает, что «современное развитие юриспруденции, с появлением новых исследовательских направлений, формированием областей знания и научных дисциплин, актуализирует разработку вопросов методологического обеспечения исследований в их предметных сферах» [1, с. 157].

Сравнение отраслей права, различных правовых школ, позволяет определить полученный результат, поэтому компаративистика занимает особое место в юридической науке. Эффект от объединения различных факторов, направлений, позиций, проявляется при использовании сравнительного метода, он позволяет определить эффективность (синергию) разнородных факторов при их объединении. Необходимо отметить, что основной целью компаративистики, считается получаемый результат, достигаемый при реализации законодательных норм, с позиции сравнительно-правового анализа. Кроме того, в политической компаративистики принято использовать методы, межрелигиозного, межгосударственного и межвременного характера, по исследованию эволюционных отрезков времени, функционирования правовых и общественных институтов бытия. Специфика этих методов, заключается в их пространственной структуре и временном аспекте исследования, этот процесс позволяет отследить видоизменения, претерпевшие объектом исследования, за длительный период своего историко-правового развития. Достоверность и результативность сравнительного метода, проявляется в образовательных, научно-исследовательских процессах, различных периодов эволюции человечества.

Е.Я. Орехова, Л.Н. Полунина отмечают, что «на Западе сравнительная педагогика, преодолев узкоспециальные рамки, предстает в качестве полноправной мульти-дисциплинарной науки о человеке, эпистемы особого порядка» [2, с. 42].

Организационно-правовая форма государственных образований различных типов, по своей структуре относятся к элементам публичного характера, их правовые системы отражают многообразие, формирующее на базе многообразных институтов развития, в организованном обществе. Правовую реальность необходимо исследовать, используя узкие конструкции правовых норм, отражающие проявление комплексных категорий, вбирающих адекватные процессы юридических систем, дающих возможность оценивать и анализировать правовую реальность, включая отдельные компоненты. Воздействие на право сравнительных идей, оказывает благотворное влияние на законодательство, компаративистский метод способствует определению уровня развития национального права, которое проявляется при беспристрастном исследовании внутренних и внешних правовых систем. Сравнительный анализ, выделив наиболее актуальные нормы, позволяет их, трансформировать в правовую систему, на внутригосударственном уровне.

В.Н. Синюков отмечает, что «усилия по консолидации законодательства наталкиваются на неэффективность итоговых крупных кодификаций, невозможность рассматривать их в качестве стабильных органических законов долгосрочного действия» [3, с. 26].

В Российской империи, правовую науку на родном языке, стали преподавать профессора С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков – 1767 году. До этого периода, своя национальная научная школа отсутствовала. Правовую науку преподавали на иностранном языке, специально приглашенные профессора, они не имея представление о глубинной российской истории, о русских правовых традициях древности, основное внимание сосредотачивали на правовых аспектах иных государств. По мере того, как национальная школа состоялась, багаж знаний российской правовой действительности был накоплен, сравнительно-правовой метод, начали использовать в нашей стране, проводя анализ правовых норм и явлений, существовавших в дореволюционной России.

Л.П. Рассказов отмечает, что «интерес к сравнительно-правовому методу возрастает во второй половине XIX века, когда в России происходят великие буржуазные реформы» [4, с. 14].

В период Советского государства, в развитии института сравнительного правоведения, наложила свой оттенок про-

изошедшая в 1917 году революция, в праве произошли кардинальные изменения, компаративистский метод получил негативную идеологическую оценку, как пережиток буржуазного права. В постсоветский период, отношение к институту сравнительного правоведения меняется, оно выходит на новый вектор развития, признается государством, как необходимое научное направление юридической науки, обеспечивающей динамичное развитие российской правовой школы. Особое внимание формированию научных основ изучения сравнительного правоведения на современном постсоветском этапе, уделяли А.Д. Тихомиров, В.А. Туманов, А.Х. Саидов, В.С. Нерсесян, М.Н. Марченко, А.А. Малиновский и др.

Неоценимый научный вклад в развитии отечественной научной школы «юридической компаративистики», вносит Байкальский государственный университет (Иркутск), на базе которого проводятся ежегодные «Байкальские компаративистские чтения». Социально-политические и идеологические установки нового времени, отражаются на функционировании законодательного и правотворческого процесса. Участие России в различных международных институтах, вхождение в ВТО, общемировая тенденция взаимосвязанная с глобализацией, способствуют развитию сравнительных подходов. При этом проблемы компаративистских методах познания права, носят безграничный характер, отрасль сама по себе актуальна, востребованность заключается в решаемых научно-исследовательских задачах практического плана.

И.А. Тропов отмечает, что «историческая компаративистика предполагает прежде всего выработку такой системы сбора фактических данных, которая позволяла бы проводить их сравнительный анализ» [5, с. 26].

Компаративистика на современном этапе развития правовой науки, представляет собой, устоявшуюся методологию (обширный способ), по изучению правовых школ различных направлений, на основе сравнительного анализа. Это полноценное исследовательское пространство, отражающее предметно локализованные, по специфике разнородные институты права, их направления, процессы, явления, в рамках естественных и социально гуманитарных наук. Сравнение (компаративистика), является взаимосвязывающим фундаментом, этого предметного взаимодействия, на междисциплинарном уровне,

как наиболее общепризнанный, научно распространенный метод познания. При этом сравнительные исследования, рассредоточены по различным наукам, метод компаративистики охватывает широкий пласт теории и практики, он применяется в процессе изучения философии, филологии, политологии, социологии, литературе, юриспруденции и иных направлениях отечественной науки, включая мировое пространство.

А.С. Колесников отмечает, что «компаративистский подход способствует раскрытию механизма взаимодействия универсального и партикулярного (уникального) в мышлении, позволяет выявить логику ассимиляции идей в процессе становления региональной культуры и философии» [6, с. 159].

В сфере сравнительно-правового метода, заложен существенный потенциал развития юридической историографии, относящийся к реализации механизмов по разработке методологии, специфических технологий, касающихся проведения комплекса мер, направленных на проведение сравнительных исследований. Объектом юридической компаративистики, являются непосредственно правовые системы государственных образований, их правовые институты, источники познания, категории, основные принципы. Сравнительно-историографическая компаративистика, соприкасаясь с общими компонентами юридической науки, обеспечивает широкий исследовательский диапазон, становясь основой ее методологии при изучении национального права, на различных этапах его развития.

А.Н. Лужина отмечает, что «метод сравнительного права обладает отдельными общими признаками с методом изучения национального права, в частности при толковании закона» [7, с. 38].

На всех этапах развития правовых институтов, первостепенной проблемой проявляются вопросы взаимосвязанные с толкованием норм права, которые выражаются в способах, понятиях, предпочтениях, видах и индивидуальных подходах, используемых отечественными и зарубежными школами. В этой связи, компаративистский подход коренным образом способствует полноценному раскрытию универсального механизма взаимопроникновения и взаимодействия различных правовых систем, на уровне мышления, посредством сравнительного анализа, многосторонних методов толкования права.

И.А. Минникес отмечает, что «проблема толкования права является вечной проблемой юриспруденции и будет актуальной всегда» [8, с. 17].

Получаемые результаты, посредством толкования норм права, позволяют интерпретировать различные философские мысли, касающиеся повседневных вопросов общественной жизни, которые напрямую взаимосвязаны с религиозными институтами. Культовая идеология, выражаются в универсальных доктринах, общечеловеческого характера, отражающих универсальность, индивидуальность идейного аппарата, внутреннего и внешнего механизма теологических направлений. При этом особый интерес представляют компоненты, связанные с религиозным правом, провозглашающие незыблемые философские догмы, посредством специальных инструментов толкования, выработанных с использованием методов сравнительного познания. Кроме того, религиозные доктрины насыщают светское право, морально-нравственными свойствами, присущими только общепризнанным культовым школам. Они оказывает плодотворное влияние на сознание общественности, провозглашая традиционные духовные ценности человеческого бытия.

Д.Ю. Полдников отмечает, что «современные дискуссии о смысле правовой традиции обусловлены конкуренцией формально-юридического (догматического), социологического и культурологического подходов в юриспруденции XIX–XX вв.» [9, с. 241].

Сравнительное право, наряду с общими признаками, отдельными элементами, механизмом изучения институтов национального права, обладает относительной спецификой, выражающейся аналитической материей. Предметный анализ, на методологической основе, наиболее доступный, эмпирический, сравнительный способ изучения и толкования права в упрощенной форме. Сравнение означает выявление, установление отличительных особенностей объекта, его предметного различия, оно имеет универсальный характер, свойственный принципам познанию права, находясь в постоянном исследовательском процессе, это определяется, как фундамент сравнительно-правового анализа. Компаративистика проявляется развитым пространством междисциплинарного взаимодействия, изучающих различные направления гуманитарных наук, распространенных методов присутствующих в науке.

А.П. Кузнецов отмечает, что «сравнительно-правовой метод завершается описанием установленных фактов, их наблюдением и объяснением, оценкой, демонстрацией их тождества и различия» [10, с. 8].

Достижение целей юридической компаративистики, его научного результата, определяют границы сформулированных соответствующих задач к рассматриваемой теме. Смысловое содержание, значение сравнительно-правового анализа, заключается в методе позволяющем, решить поставленные предметные задачи. Их реализация может быть признана эффективной, при изучении общепризнанных правовых норм, на определенном конкретном уровне. Использование потенциала накопленных знаний, при реализации методов сравнительного правоведения, позволяют обеспечить проработку юридического материала, используя механизмы свойственные юридической компаративистики. Роль сравнительного метода, отражается в научном, прикладном, образовательном и практическом плане, он определяется в процессе углубленного понимания права, способствует выработке определенного подхода к правовым нормам, различным явлениям в сфере правовой жизни, сосредоточению духовных ценностей и человеческих идеалов. Этот фактор способствует возрастанию общей роли юридической науки, расширению сферы применения механизмов сравнительного правоведения, его реализации в практическом плане. Юридическая компаративистика, играет особенную роль в формировании и развитии национального права.

Непрерывность законодательного процесса, в условиях совершенствования национальной правовой сферы, применение специальных инструментов рецепции правовых норм, понимание базового принципа развития и преемственности права, взаимосвязано механизмами сравнительного процесса. В правовом поведении общества, отражается его социальный опыт, отражающийся в правовых традициях, различных юридических направлений. Эффективное формирование юридической науки, использование накопленного потенциала сравнительного правоведения, его институтов, является необходимым фактором становления отечественного законодательства, поэтому юридическая компаративистика, необходимый, перспективный вектор развития российской правовой мысли, последовательно

приобретающий практическую значимость, в современных условиях повсеместной глобализации.

Список использованной литературы

1. Кодан С.В. Метод историографической компаративистики в юридической историографии: основные проблемные пространства / С.В. Кодан // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 20–21 марта 2025 г.). – Изд-во «БГУ». – Иркутск. – 2025. – С. 156–163.

2. Орехова Е.Я. Времена и смыслы компаративистики (к 100-летию со дня рождения профессора Б.Л. Вульфсона) / Орехова Е.Я., Полунина Л.Н. // Ценности и смыслы. – 2020. – № 4 (68). – С. 39–49.

3. Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук / В.Н. Синюков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94). – С. 19–30.

4. Рассказов Л.П. Генезис сравнительного правоведения и его формирования как науки и учебной дисциплины / Л.П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 95 (01). – С. 3–19.

5. Тропов И.А. Измерить революцию: современная отечественная историография и потенциал исторической компаративистики (к постановке проблемы) / И.А. Тропов // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию Русской революции 1917 г.) : материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г.). – Санкт-Петербург : Изд-во ЛГУ имени А.С. Пушкина. 2017. – С. 24–29.

6. Колесников А.С. Центр философской-компаративистики и сравнительных социогуманитарных исследований (1992–2014) / А.С. Колесников // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – № 1. – С. 158–165.

7. Лужина А.Н. Международная правовая компаративистика: воспоминания о прошлом и размышления о будущем ведущих ученых современности / А.Н. Лужина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература (государство и право). – 2019. – № 3. – С. 36–45.

8. Минникес И.А. Теория толкования права: сравнительно-правовой анализ / И.А. Минникес // Байкальские компаративистские чтения : материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 22–23 апр. 2022 г.). – Изд-во БГУ. – Иркутск. – 2022. – С. 12–17.

9. Полдников Д.Ю. Правовая традиция как предмет компаративистики, теории и истории права // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21–22 марта 2024 г.). – Изд-во БГУ. – Иркутск. – 2024. – С. 237–244.

10. Кузнецов А.П. Общая характеристика сравнительного правоведения / А.П. Кузнецов // Вестник БЮИ МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 4. – С. 4–9.

Информация об авторе

Белхароев Хаджимурад Уматгиреевич – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент Института мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат юридических наук, доцент, x101010x@yandex.ru.

Author

Khadzhimurad Umatgireevich Belkharoev – Associate Professor of Theory and History of State and Law at the Saint Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev; Institute of World Economy and Business, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, x101010x@yandex.ru.

УДК 342

Е.Л. Власова

СИСТЕМЫ ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ ОБЗОР РОССИИ И КАЗАХСТАНА

В статье представлен компаративный анализ внедрения систем предиктивной аналитики для предупреждения дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации и Республике Казахстан. Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью транспортных систем и необходимостью перехода от ретроспективных методов анализа аварийности к проактивным подходам, основанным на прогнозировании рисков с помощью алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта. Исследованы нормативно-правовая база, технологические решения, источники данных и практические примеры реализации. Определены общие тенденции, национальные особенности и перспективные направления межгосударственного сотрудничества в сфере проактивного управления дорожной безопасностью. В заключительной части статьи сформулированы перспективные направления межгосударственного сотрудничества, включая создание межрегиональной платформы обмена данными, разработку межгосударственных систем прогнозирования рисков, интеграцию с экстренными службами, внедрение технологий объяснимого ИИ и технологий межтранспортной коммуникации, а также стандартизацию форматов данных.

Ключевые слова: предиктивная аналитика; безопасность дорожного движения; интеллектуальные транспортные системы; машинное обучение; сравнительный анализ; Российская Федерация; Республика Казахстан.

© Власова Е.Л., 2026

E.L. Vlasova

PREDICTIVE ANALYTICS SYSTEMS IN ROAD SAFETY: COMPARATIVE REVIEW OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

This article presents a comparative analysis of the implementation of predictive analytics systems for road accident prevention in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The relevance of the study stems from the increasing complexity of transportation systems and the need to transition from retrospective accident analysis methods to proactive approaches based on risk forecasting using machine learning algorithms and artificial intelligence. The article examines the regulatory framework, technological solutions, data sources, and practical implementation examples. General trends, national characteristics, and promising areas for interstate cooperation in proactive road safety management are identified. The final section of the article outlines promising areas for interstate cooperation, including the creation of an interregional data exchange platform, the development of interstate risk forecasting systems, integration with emergency services, the implementation of explainable AI technologies and inter-transport communication technologies, and the standardization of data formats.

Key words: predictive analytics; road safety; intelligent transport systems; machine learning; comparative analysis; Russian Federation; Republic of Kazakhstan.

Современные транспортные системы характеризуются возрастающей сложностью и интенсивностью движения, что обусловливает необходимость перехода от ретроспективных к проактивным методам обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД). Ключевым инструментом такого перехода выступает предиктивная аналитика, базирующаяся на алгоритмах машинного обучения и технологиях искусственного интеллекта (далее – ИИ). Ее применение позволяет не просто фиксировать уже произошедшие ДТП, а прогнозировать риски и упреждающе управлять безопасностью дорожного движения. Традиционный анализ статистических данных о произошедших ДТП обладает существенным ограничением: он не позволяет

оперативно учитывать динамически изменяющиеся условия и предотвращать угрозы[1]. Предиктивная аналитика[2] открывает возможности для прогнозирования аварийности в режиме реального времени.

Нормативно-правовая база выступает фундаментальной предпосылкой внедрения предиктивных систем. В Российской Федерации (далее – РФ) регулирование осуществляется в рамках федерального проекта «Безопасные качественные дороги», ГОСТов по интеллектуальным транспортным системам (далее – ИТС), а также регламентов интеграции с ГЛОНАСС и ЭРА-ГЛОНАСС. В Республике Казахстан (далее – РК) основой служат государственная программа «Нұрлы жол», стандарты цифровизации транспорта и локальные регламенты проектов «Умный город» (Астана, Алматы). Сопоставление показывает, что в РФ сформирована развернутая федеральная нормативная база, тогда как в РК акцент сделан на городские программы и региональные инициативы.

Технологические решения в обеих странах включают анализ видеопотоков [4], прогнозирование аварийных участков и цифровые двойники инфраструктуры[3], однако, в России ак-

---

[1] В России по итогам 11 месяцев 2025 года зарегистрировали 117 тысяч дорожно-транспортных происшествий, что на 2,9 % меньше, чем за аналогичный период 2024 года. В авариях погибло 12,6 тысячи человек, ранения получили 144,9 тысячи человек. По некоторым видам аварий зафиксировали увеличение: на 9,8 % выросло количество ДТП с мопедами и мощными электросамокатами, на 9,3 % – с участием несовершеннолетних, управлявших механическими транспортными средствами, и на 7,5 % – аварий с мотоциклами. В Казахстане по состоянию на 23 ноября 2025 года зарегистрировали 31 428 ДТП, из них 1 588 со смертельным исходом. Больше всего дорожно-транспортных происшествий произошло в Алматы – 6 782 аварии, в Алматинской области – 3 180 аварий, в Астане – 1 821 авария. Лидерами по ДТП со смертельным исходом в 2025 году являются: Туркестанская область – 19,2 % (211 аварий), Карагандинская область – 10,6 % (98 аварий), Область Жетысу – 9,24 % (93 аварии).

[2] Предиктивная аналитика (Predictive Analytics) – это метод анализа, основанный на математике, статистике и алгоритмах машинного обучения, который предсказывает будущие события или тренды на основе исторической информации и скрытых закономерностей. Если описательная аналитика отвечает на вопрос «Что произошло?», диагностическая – «Почему это случилось?», то предиктивная фокусируется на «Что будет дальше?».

[3] Один из примеров использования цифровых двойников связан с проектом «Беспилотные логистические коридоры» Минтранса России. В рамках этого проекта создан цифровой двойник трассы М-11 «Нева». Он представляет собой высокоточную цифровую карту магистрали, включающую данные о дорожной инфраструктуре, а также платформу на базе технологии V2X (vehicle-to-everything – автомобиль, подключенный ко всему). Цифровой двойник М-11 интегрирован

цент сделан на федеральные платформы и интеграцию со страховыми системами[1], а в Казахстане на городские проекты и мониторинг магистралей[2].

Источники данных различаются: в РФ используются статистика ГИБДД, данные ГЛОНАСС и коммерческих автопарков; в РК – сведения МВД, муниципальные данные и информация от систем «Умного города». Общей проблемой, сдерживающей эффективность предиктивной аналитики остается дефицит унифицированных данных и слабая межведомственная координация.

Практические примеры внедрения предиктивных механизмов в сфере БДД демонстрируют постепенное внедрение проактивных моделей управления как в России, так и в Республике Казахстан. В России активно тестируются системы выявления «черных точек» – аварийно опасных участков дорог на основе анализа больших данных: статистики ДТП, параметров трафика, погодных условий, геометрии дороги и состояния покрытия.

Для обработки информации применяются алгоритмы машинного обучения, способные выявлять скрытые закономерности и прогнозировать вероятность происшествий. Параллельно развиваются адаптивные светофоры с ИИ-управлением, которые анализируют поток транспорта в реальном времени

с автоматизированной системой управления дорожным движением. Это позволяет системе получать актуальные данные о трафике, метеоусловиях, ДТП, инцидентах и любых динамических изменениях на трассе. Беспилотные транспортные средства (ВАТС), использующие этот цифровой двойник, получают информацию о состоянии дороги на десятки километров вперед, что повышает безопасность движения и позволяет заранее реагировать на потенциальные угрозы, включая аварии.

[1] При создании цифрового двойника трассы М-11 «Нева» в России система интегрирована с автоматизированной системой управления дорожным движением. Данные о трафике, метеоусловиях, ДТП и других инцидентах, собираемые цифровым двойником, могут передаваться в страховые системы для оперативного реагирования и корректировки страховых тарифов в зависимости от динамики рисков. Таким образом, интеграция цифровых двойников со страховыми системами направлена на повышение точности оценки рисков, ускорение процессов урегулирования страховых случаев, снижение издержек и повышение прозрачности взаимодействия между всеми участниками страхового рынка.

[2] Городские проекты в Казахстане связаны с концепцией «умных городов» (Smart City), которая предполагает комплексное внедрение цифровых технологий в управление городской средой. Такие проекты охватывают различные сферы: транспорт, ЖКХ, безопасность, экологию, здравоохранение и взаимодействие с жителями. Цель – повысить эффективность управления ресурсами, улучшить качество жизни горожан и сделать города более комфортными и безопасными.

и динамически корректируют циклы переключения, снижая заторы и риски столкновений на перекрестках.

В Республике Казахстан приоритетным направлением в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является мониторинг потенциально опасных участков на магистральных дорогах (в том числе на трассе Алматы – Астана) и разработка прогностических моделей для предотвращения заторов в крупных городских агломерациях. Мониторинг магистралей включает диагностику состояния дорог, анализ данных о ДТП, интенсивность движения, геометрические параметры трасс и другие факторы, влияющие на безопасность. На основе полученных данных проводится классификация участков по уровню риска аварийности, разрабатываются меры по их устранению (например, изменение разметки, установка дополнительных знаков, модернизация дорожного полотна). При прогнозировании заторов в городах используются данные с камер видеонаблюдения, датчиков трафика, метеостанций и других источников. С помощью алгоритмов машинного обучения и геопространственного анализа формируются краткосрочные прогнозы загруженности дорог, что позволяет оперативно информировать водителей через мобильные приложения и информационные табло, а также оптимизировать работу светофоров и других элементов инфраструктуры [3]. Эти меры соответствуют принципам проактивного подхода к обеспечению БДД, который предполагает устранение причин аварий, а не только реагирование на последствия [3].

Национальные особенности реализации предиктивных систем в сфере безопасности дорожного движения в Российской Федерации и Республике Казахстан демонстрируют существенные различия в стратегических подходах и институциональных механизмах внедрения. В Российской Федерации доминирует централизованная модель регулирования, опирающаяся на развернутую федеральную нормативную базу, что обеспечивает системную координацию между ведомствами, унификацию технических требований и интеграцию с экстренными службами – данные о ДТП автоматически передаются в МЧС, скорую помощь и ГИБДД, сокращая время реагирования на происшествия.

В Республике Казахстан, напротив, преобладает децентрализованная модель внедрения, где основные инициативы реализуются в рамках городских программ («Умный город»

в Астане и Алматы) и региональных проектов. Приоритетным направлением является цифровизация международных транспортных коридоров (например, трассы Алматы – Астана), что обусловлено геоэкономической спецификой страны как транзитного узла между Европой и Азией. Здесь акцент сделан на мониторинг магистралей, автоматизацию весогабаритного контроля и внедрение элементов ИТС на ключевых маршрутах, связывающих крупные логистические хабы [2].

Вместе с тем, обе страны сталкиваются с рядом системных проблем, ограничивающих эффективность предиктивных решений. Во-первых, это недостаток качественных и унифицированных данных. Проблема проявляется в нескольких аспектах: источники информации разрознены, поскольку данные о дорожном движении и происшествиях собирают разные организации: ГИБДД, муниципальные службы, частные компании (например, операторы платных дорог или такси). Каждая из них ведет учет по-своему, в собственных системах, зачастую несовместимых друг с другом.

Во-вторых, нет единых правил сбора и хранения. Отсутствует общий стандарт: какие именно параметры фиксировать, в каком формате сохранять, как часто обновлять информацию. Из-за этого данные из разных источников сложно сопоставить и объединить для анализа [1, с. 46].

В-третьих, не хватает исторических данных. Во многих случаях статистика ведется нерегулярно: в одних временных периодах сведения присутствуют, в других – отсутствуют. Такие пробелы существенно ограничивают возможности машинного обучения, поскольку модели не могут качественно обучаться на фрагментарных, неполных данных. В результате указанные ограничения обусловливают снижение эффективности прогнозных моделей, предназначенных для предсказания дорожно-транспортных происшествий и заторов. Недостаточная полнота и несогласованность исходных данных не позволяют формировать целостную аналитическую картину, что непосредственно влияет на точность прогностиких расчетов. Особую сложность представляет проведение кросс-регионального анализа: ввиду неоднородности методик сбора и форматов представления данных невозможно обеспечить корректное сопоставление показателей аварийности на протяженных маршрутах, пересекающих административные границы. В частности,

при попытке проанализировать динамику ДТП на едином транспортном коридоре выявляются существенные расхождения в статистических показателях по отдельным участкам, обусловленные различиями в системах учета и отчетности. Следовательно, для обеспечения надежности и достоверности предиктивных систем первостепенное значение приобретает создание унифицированной инфраструктуры сбора и хранения данных. Без стандартизации процессов формирования информационных массивов модели вынуждены компенсировать дефицит информации экстраполяционными методами[1], что неизбежно ведет к росту погрешности прогнозов и снижению их практической ценности. Более того, даже при наличии качественных данных доверие к прогнозным системам остается невысоким из-за непрозрачности алгоритмов искусственного интеллекта. Использование «черных ящиков» (например, глубоких нейронных сетей) без объяснения логики принятия решений создает риски для регуляторов и граждан, так как невозможно верифицировать, почему система классифицировала участок как аварийно-опасный или рекомендовала те или иные меры.

Далее, проблемой является и низкий уровень доверия к системам – со стороны водителей, перевозчиков и муниципальных служб. Причин тут несколько, это и недостаточная информированность о принципах работы ИИ, и опасения по поводу конфиденциальности данных, негативный опыт ложных срабатываний. Это тормозит внедрение мобильных сервисов оповещения и автоматизированных систем управления трафиком. Существенно ограничивает развитие предиктивной аналитики и отсутствие межгосударственных стандартов обмена информацией – несогласованность форматов данных, правовых режимов и протоколов взаимодействия между Россией и Казахстаном. Например, системы мониторинга ДТП в обеих странах используют разные классификаторы происшествий и метрики риска, что препятствует созданию единой платформы прогнозирования для трансграничных маршрутов.

Перечисленные проблемы носят междисциплинарный характер, сочетая технические, правовые и социокультурные ас-

[1] Экстраполяционные методы – это способы прогнозирования будущих или неизвестных значений на основе уже имеющихся данных. Экстраполяционные методы это инструмент, который непосредственно встраивается в предиктивную аналитику как один из базовых способов построения прогнозов.

пекты. Их решение требует: разработки национальных и наднациональных стандартов качества данных; внедрения технологий объяснимого ИИ (XAI) и технологий межтранспортной коммуникации (V2X) для повышения прозрачности алгоритмов[1]; проведения просветительских кампаний для формирования доверия к цифровым решениям; гармонизации нормативной базы в рамках евразийских интеграционных инициатив.

Таким образом, национальные различия в подходах к цифровизации БДД отражают специфику институциональных структур и геостратегических приоритетов, однако общие вызовы указывают на необходимость кооперации для преодоления барьеров, ограничивающих масштабирование предиктивных технологий.

Список использованной литературы

1. Гашкова Л.В. Понятие и сущность цифровизации в транспортно-логистических процессах / Л.В. Гашкова, О.Ю. Морозова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 4 (Ч. 1). – С. 4451.

2. Переход на электронные транспортные документы – основная цифровая задача Министерства транспорта Республики Казахстан. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/transport/press/news/details/752295?lang=ru (дата обращения: 27.01.2026).

3. Проактивные методы управления безопасностью дорожного движения: состояние и перспективы в Республике Казахстан: семинар по наращиванию национального потенциала: развитие экологичной и климатоустойчивой транспортной инфраструктуры на сети азиатских автомобильных дорог. Астана, 2023. – URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Presentation_Arystan Massanov_0.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

4. NearMissCar. – URL: https://pt.2035.university/project/skybank (дата обращения: 27.01.2026).

[1] Объяснимый ИИ (XAI, Explainable AI) – направление в развитии искусственного интеллекта, нацеленное на повышение прозрачности алгоритмов. Технологии межтранспортной коммуникации (V2X, Vehicle to Everything) – комплекс решений для обмена данными между транспортными средствами и инфраструктурой.

Информация об авторе

Елена Львовна Власова – доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент, vlasovael1963@gmail.com.

Author

Elena Lvovna Vlasova – Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, vlasovael1963@gmail.com.

УДК 341

В.В. Гаврилов

ГЕНЕЗИС И СОДЕРЖАНИЕ ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Работа посвящена анализу современной китайской доктрины международного права, формирующейся на стыке официального дискурса руководства КНР и академических разработок и используемой как инструмент продвижения национальных интересов Китая. Автор прослеживает ее эволюцию от обоснования специфики китайского пути к целостной концепции, опирающейся на идеи цивилизационной самобытности, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Рассматриваются ключевые элементы доктрины, включая новое толкование прав человека и универсальных ценностей. Особое внимание уделяется содержанию концепции «Сообщества единой судьбы человечества» и других глобальных инициатив Китая, а также характеристике их роли в постепенной модификации существующего международно-правового порядка и укреплении статуса КНР как глобальной державы.

Ключевые слова: Китай; доктрина международного права; китайская специфика; глобальные инициативы; мировой порядок; суверенитет.

V.V. Gavrilov

THE GENESIS AND CONTENT OF THE DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW WITH CHINESE CHARACTERISTICS

The paper examines the contemporary Chinese doctrine of international law, which is emerging at the intersection of the official discourse of the PRC leadership and academic scholarship and is used as an instrument for advancing China's national interests. The author traces its evolution from attempts to substantiate the specificity of the Chinese development path to a coherent conceptu-

© Гаврилов В.В., 2026

al system grounded in ideas of civi-lizational distinctiveness, sovereign equality and non-interference in internal affairs. The key elements of the doctrine, including the new interpretation of human rights and universal values, are analyzed. Particular attention is paid to the substance of the concept of a «Community of Shared Future for Mankind» and other global initiatives of China, as well as to their role in the gradual modification of the existing international legal order and in strengthening the status of the PRC as a global power.

Key words: China; doctrine of international law; Chinese characteristics; global initiatives; world order; sovereignty.

После прихода к власти Си Цзиньпина китайская политика в области международного права претерпела качественную трансформацию: от осторожного и в целом реактивного участия КНР в существующем международно-правовом порядке к активному и осознанному использованию международных норм и институтов в качестве инструмента продвижения национальных интересов и расширения влияния на мировой арене [6, p. 149–152]. Усилилось стремление Китая не только адаптироваться к существующим международным правилам, но и целенаправленно влиять на их эволюцию в сферах, представляющих для него особый интерес. В условиях переосмысления «стратегического окна возможностей» позиция Пекина стала более настойчивой и наступательной, а внешнеполитический курс более определенным в идеологическом и нормативном отношениях, что проявилось в тесной увязке правовых аргументов с общей линией партийного руководства.

Одним из формальных воплощений этих преобразований стало принятие в 2023 г. Закона КНР о международных отношениях, закрепившего полномочия государственных органов в сфере внешней политики, утвердившего приоритет суверенитета, национальной безопасности и общественных интересов над международными обязательствами, а также руководящую роль Коммунистической партии Китая (КПК) во внешнеполитическом курсе страны [1, с. 79–83]. При этом действующая Конституция КНР 1982 г. не только не закрепляет правило о приоритете международно-правовых норм над нормами китайского законодательства, но и не содержит вообще никаких упоминаний о международном праве.

Такое положение дел отражает инструментальный подход Китая к своим международным обязательствам, в соответствии с которым далеко не все международные нормы рассматриваются Пекином как подлежащие прямому применению и обладающие приоритетом над его внутренними юридическими предписаниями [8, p. 117–120]. Это означает, что Китай рассматривает сегодня международное право не только как систему универсальных и формально обязательных правил поведения, но и как совокупность инструментов и возможностей, которые могут быть адаптированы и селективно использованы им для решения своих тактических и стратегических задач. Такая позиция восходит к традиционному для Китая пониманию права как инструмента поддержания гармонии и стабильности в обществе, определяемого конфуцианской философией как динамический процесс согласования разнородных интересов и предотвращения открытых конфликтов. Отсюда стремление Китая не столько к абстрактной «юридической чистоте» совершаемых действий, сколько к практической эффективности реализуемых правовых механизмов.

Внешне эта линия поведения проявляется, с одной стороны, в активном апеллировании Китая к Уставу ООН и принципу суверенного равенства, последовательной критике односторонних санкций и угрозы силой, а также в поддержке тезиса о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств. С другой, – Китай продвигает собственное видение правового статуса киберпространства, космоса, Арктики и глубоководных районов Мирового океана, стремясь занять позицию одного из ключевых участников нормотворческого процесса в сфере новых, еще не устоявшихся областей международного права. Резкое неприятие КНР решения арбитража по Южно-Китайскому морю 2016 г. стало показательной демонстрацией того, где, по мнению Пекина, проходят пределы допустимого вмешательства международных судебных органов в сферу его «коренных национальных интересов» и «исторических прав».

При этом Китай не отрицает международное право как таковое. Напротив, поведение КНР демонстрирует практически повсеместное признание им легитимирующей роли его принципов и норм. В статье 19 упомянутого выше Закона о международных отношениях прямо указывается, что «КНР поддер-

живает международную систему, ядром которой выступает ООН, международный порядок, основанный на международном праве, а также основные нормы международных отношений, основанные на целях и принципах Устава ООН». Однако все это происходит на фоне стремления КНР максимально использовать двусмысленность и пробельность международно-правовых норм для собственной выгоды. В современной доктрине эта тактика описывается понятием «lawfare», под которым в широком смысле понимается применение государством национального и международного права, а также соответствующих механизмов правосудия в качестве средства достижения своих целей во внутренней и внешней политике [2, с. 112].

Указанные особенности правовой системы КНР привели к осознанию необходимости формирования в ней собственной доктрины международного права, которая в современной китайской литературе получила наименование «доктрина международного права с китайской спецификой» или «китайская теория международного права» [4, p. 37–38]. Ее появление стало закономерным результатом стремления китайских элит к обеспечению идеологической и концептуальной согласованности между объективным статусом Китая в современном мире как великой державы и существующей практикой осуществления международно-правовых норм, которая во многом продолжает отражать интересы и ценности Запада. Поэтому, по мнению китайских исследователей, если Китай желает возвыситься в мировом порядке и обрести свой голос в международном сообществе, он должен обладать собственной теоретической конструкцией международного права, поскольку теория является инструментом, который не только объясняет и оправдывает государственную практику, но и активно формирует восприятие позиции Китая другими государствами мира [4, p. 10–11].

Содержательно китайская доктрина международного права придает ключевое значение принципу суверенного равенства государств, тесно увязывая его с принципами невмешательства и мирного сосуществования. В отличие от западной традиции, склонной искать баланс между суверенитетом и универсальными правами человека, китайский подход очевидно отдает приоритет первому, рассматривая попытки подчинить государственный суверенитет внешним стандартам прав человека как источ-

ник дестабилизации и вмешательства во внутренние дела. Само содержание прав человека в китайском дискурсе также подвергаются переосмыслению. В его рамках на первый план выдвигаются право на развитие и социально-экономические права, тогда как гражданские и политические права рассматриваются через призму исторической обусловленности и национальной специфики. В этой логике Пекин продвигает концепцию «прав человека с китайской спецификой», в которой акцент делается на приоритет коллективного над индивидуальным при обязательном учете уникальной истории, культуры, ценностей и особенностей политической системы каждой страны [7].

Внешнеполитическим воплощением китайской доктрины международного права стала концепция «Сообщества единой судьбы человечества». Впервые она была сформулированная Си Цзиньпином в 2013 г. и отразила представление Китая о глубокой взаимозависимости государств современного мира и необходимости их совместного реагирования на транснациональные вызовы при сохранении равного достоинства и недопустимости монополизации универсальных ценностей. В современной внешней политике КНР эта концепция выступает в качестве своего рода мета нарратива, в рамках которого Китай пытается объединить собственные инициативы в области развития, безопасности, цивилизационного диалога и глобального управления в связную конструкцию будущего мироустройства. Она интерпретируется Пекином как своеобразный нормативный каркас мирового порядка, где суверенитет и невмешательство сочетаются с признанием необходимости решения государствами общих задач климатической, продовольственной, санитарной и технологической безопасности на добровольной основе и без внешнего давления.

Особое место в реализации идеи «Сообщества единой судьбы человечества» занимают инициатива «Один пояс, один путь» 2013 г. и выдвинутые Китаем в 2021–2025 гг. «Инициатива по глобальному развитию», «Инициатива в области глобальной безопасности», «Инициатива глобальной цивилизации» и «Инициатива по глобальному управлению». Первая из них направлена на создание особых нормативных и институциональных коридоров взаимодействия Китая с иностранными партнерами в целях построения открытой и сбалансированной архитектуры регионального экономического сотрудничества.

В отличие от традиционной системы межгосударственного взаимодействия, эта инициатива формирует относительно гибкую правовую инфраструктуру, основанную на двусторонних и региональных соглашениях с менее жесткими механизмами разрешения споров и большей диспозитивностью в вопросах реализации принятых обязательств.

«Инициатива по глобальному развитию» исходит из необходимости интенсификации усилий мирового сообщества по искоренению нищеты, обеспечению продовольственной безопасности, борьбе с пандемиями и изменением климата, зеленому развитию и построению цифровой экономики. При этом, в отличие от финансово-интенсивной модели традиционного развития, она делает акцент на передаче знаний и развитии потенциала стран Глобального Юга, позиционируя Китай как защитника их интересов перед лицом современных вызовов.

«Инициатива в области глобальной безопасности» предлагает альтернативное видение безопасности, основанное на принципах ее неделимости, взаимного уважения и отказа от блоковой политики, и критикует формирование закрытых военно-политических союзов как источника конфронтации. «Инициатива глобальной цивилизации» выдвигает программу цивилизационного плюрализма и культурного релятивизма, противопоставляя ее точке зрения Запада о безальтернативности либерально-демократического будущего для человечества и настаивая на равных возможностях всех культурных и политических моделей его развития.

Наконец, «Инициатива по глобальному управлению» нацелена на институциональную перестройку мирового управления, предполагая более широкое представительство развивающихся стран, отказ от узкого понимания «правил», сформированных ограниченным клубом государств, и укрепление роли многосторонних форматов межгосударственного сотрудничества, в которых Китай выступает одним из ключевых игроков.

Параллельно с выдвижением глобальных инициатив Китай активно работает над модификацией системы международных организаций и созданием новых институциональных структур, которые отражают его видение мирового порядка и служат инструментами распространения правовых позиций КНР. Ярким примером этого является интенсификация дея-

тельности Пекина в рамках ШОС, БРИКС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и других площадок, которые рассматриваются им как опорные точки альтернативной или параллельной инфраструктуры глобального управления. ШОС с ее расширяющимся членством и созданием Банка развития становится важной платформой для продвижения китайской повестки в Евразии, сочетающей вопросы безопасности, экономики и инфраструктурного взаимодействия. БРИКС, укрепляя финансовую интеграцию и разрабатывая альтернативные платежные механизмы и резервные инструменты, воспринимается как возможный центр притяжения для стран, стремящихся снизить зависимость от доминирующих западных институтов. АБИИ, конкурируя с традиционными многосторонними банками развития, демонстрирует, что Китай способен не только участвовать в существующих структурах, но и создавать новые институции, ориентированные на иные приоритеты и стандарты.

Предлагаемая Китаем новая архитектура международного порядка вызывает значительную критику. Ряд западных исследователей усматривает в ней замаскированную стратегию подрыва существующей системы международных отношений, легитимацию авторитарных режимов и расширение сферы влияния КНР за счет размывания принципа универсальности прав человека [5, p. 2282]. С их точки зрения, акцент на суверенитете и невмешательстве позволяет фактически блокировать обсуждение внутренних практик государств, а риторика цивилизационного плюрализма превращается в удобный инструмент оправдания репрессивной политики под лозунгами культурной специфики. Скептически оценивается и использование развития и инфраструктурных проектов как средств политического влияния и формирования долговой зависимости. При этом подчеркивается, что комбинирование юридических, финансовых и дипломатических инструментов в рамках единой стратегии усиливает способность Китая навязывать выгодную ему интерпретацию норм и процедур.

В китайском академическом дискурсе также присутствует критика инструментального подхода, в рамках которой указывается на риск фрагментации международного права и ослабления доверия к Китаю как ответственной державе, а также на опасность того, что доктрина «международного

права с китайской спецификой» останется по сути лишь рецепцией и интерпретацией западных правовых конструкций [3, p. 273–276]. Подчеркивается, что чрезмерное акцентирование национальной специфики и особого пути способно затруднить диалог с другими государствами и привести к формированию параллельных правовых режимов, плохо стыкующихся между собой. Вместе с тем сторонники китайской доктрины видят в ней шанс для более справедливого учета интересов развивающихся стран, преодоления наследия колониализма и неравномерного развития, а также инструмент для усиления субъектности Глобального Юга в современном международном правопорядке.

Несмотря на указанную критику, китайская доктрина международного права продолжает развиваться и укрепляться. Ее центральной характеристикой остается инструментальный подход к международному праву, основанный на китайской историко-культурной традиции восприятия права как гибкого механизма защиты государственных интересов и обеспечения гармонии в обществе. В перспективе можно ожидать выдвижение Китаем новых стратегических инициатив в критических сферах глобального управления, укрепления финансово-торговых связей с развивающимися странами и углубления теоретических исследований по альтернативному толкованию основополагающих принципов и норм международного права.

При этом одной из ключевых задач Китая и его партнеров на ближайшую перспективу станет поиск баланса между плюралистической архитектурой будущего мирового порядка и поддержанием базового консенсуса его субъектов, направленного на обеспечение устойчивости межгосударственного сотрудничества в новых условиях и недопущение распада единой международно-правовой системы на несовместимые друг с другом региональные блоки. От того, насколько успешно Китаю удастся справиться с решением этой проблемы, во многом будет зависеть характер трансформации мирового порядка в ближайшие десятилетия.

Список использованной литературы

1. Самович Ю.В. Закон о международных отношениях КНР: что тревожит Запад? / Ю.В. Самович // Юридический вестник

Самарского университета Juridical Journal of Samara University. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 79–83. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-79-83.

2. Исполинов А.С. Многоликость понятия lawfare в международном праве / А.С. Исполинов // Закон. – 2025. – № 8. – С. 106–117. DOI: https://doi.org/10.37239/0869-4400-2025-22-8-106-117.

3. Cai Congyan. International Law in Chinese Courts during the Rise of China / Congyan Cai // American Journal of International Law. 2016. – Vol. 110, No. 2. – P. 269–288. DOI: https://doi.org/10.5305/ amerjintelaw.110.2.0269.

4. He Zhipeng, Sun Lu. A Chinese Theory of International Law. Springer Nature, 2020. – 248 p. DOI: https://doi.org/ 10.1007/978-981-15-2882-8.

5. Hussain I. China's Global Security Initiative and Global Development Initiative: A Challenge to the US-led Global Order / I. Hussain, A. Bilal // International Journal of Research and Innovation in Social Science (IJRISS). – 2025. – Vol. IX. – Issue VIII. – P. 2281–2289. DOI: https://dx.doi.org/10.47772/IJRISS.2025.908000181.

6. Wang J. China's Approach to International Law: From Tradi-tional Westphalianism to Aggressive Instrumentalism in the Xi Jinping Era / J. Wang, H. Cheng // Chinese Journal of Comparative Law. – 2022. – Vol. 10. – Issue 1. – P. 140–153. DOI: https://doi.org/ 10.1093/cjcl/cxac020.

7. Worden Andrea. China Pushes 'Human Rights with Chinese Characteris-tics' at the UN / Andrea Worden // China Change. October 9, 2017. URL: https://chinachange.org/2017/10/09/china-pushes-human-rights-with-chinese-characteristics-at-the-un.

8. Xue Hanqin. Chinese Contemporary Perspectives in International Law / Xue Hanqin. History, Culture and International Law. The Hague Academy of International Law, 2012. – 288 p.

Информация об авторе

Вячеслав Вячеславович Гаврилов – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета (г. Иркутск); профессор кафедры морского права Морского государственного университета

(г. Владивосток), доктор юридических наук, доцент, vglor63@yandex.ru.

Author

Viatcheslav Viatcheslavovich Gavrilov – Chief Researcher at the Institute of Legal Research, Baikal State University (Irkutsk); Professor at the Department of Maritime Law, Maritime State University (Vladivostok), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, vglor63@yandex.ru.

УДК 340.1

Е.П. Голод

ДОВЕРИЕ КАК ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье предпринята попытка проведения сравнительно-правового анализа особенностей доверия как принципа взаимодействия государства и общества в ряде стран романо-германской правовой семьи (России, Германии и Франции). Целью исследования является выявление общностей и различий, позволяющих сформировать более полное представление о роли доверия в построении эффективного взаимодействия государства и общества. По результатам проведения сравнительно-правового анализа было установлено следующее. В романо-германской правовой семье периодом приобретения доверием статуса правового принципа взаимодействия государства и общества является XIX-XX века. Общими чертами выступают: наличие правовой защиты доверия, строгое соблюдение условий обеспечения доверия, активное вовлечение гражданского общества в управление государством. Различия выражены в уникальных методах защиты доверия, отдельных способах и формах обеспечения доступа к участию в управлении государством.

Ключевые слова: доверие; правовой принцип; государство; гражданское общество; романо-германская правовая семья.

E.P. Golod

TRUST AS A PRINCIPLE OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND SOCIETY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

This article attempts to conduct a comparative legal analysis of the characteristics of trust as a principle of interaction between the state and society in several countries of the Romano-Germanic legal family (Russia, Germany, and France). The aim of the study

© Голод Е.П., 2026

is to identify similarities and differences that will allow for a more complete understanding of the role of trust in building effective interactions between the state and society. The comparative legal analysis revealed the following. In the Romano-Germanic legal family, trust acquired the status of a legal principle of interaction between the state and society in the 19th and 20th centuries. Common features include the presence of legal protection for trust, strict adherence to the conditions for ensuring trust, and the active involvement of civil society in public administration. Differences are expressed in unique methods of protecting trust and individual methods and forms of ensuring access to participation in public administration.

Key words: trust; legal principle; state; civil society; Romano-Germanic legal family.

Сегодня все властвующие элиты мира и политические лидеры разных стран стремятся к приобретению важной для них ценности – доверию. Его наличие в полной и очевидной мере подтверждает легитимность и легальность их власти, что, в свою очередь является, необходимым условием для осуществления эффективного управления на разных уровнях в социуме [2, с. 14].

Доверие представляет собой социокультурную ценность, которая посредством формального закрепления в текстах нормативных правовых актов приобретает статус правового принципа. Эволюция доверия как правового принципа демонстрирует его зарождение в качестве элемента межличностных правоотношений. В ходе трансформации и усложнения общественных отношений доверие приобрело высокую значимость в вопросах взаимодействия государства и общества.

Проведение сравнительно-правового анализа доверия как принципа взаимодействия государства и общества на примере ряда стран романо-германской правовой семьи нацелено на выявление общностей и различий, позволяющих сформировать более полное представление о роли доверия в построении стабильных общественно-государственных отношений. Помимо этого, компаративное исследование позволит определить наиболее эффективные факторы формирования и укрепления доверия во взаимодействии государства и общества на основе имеющегося уникального опыта выбранных для анализа стран.

В качестве объектов исследования определены источники права основных представителей романо-германской правовой семьи, а именно – России, Германии и Франции. Вопрос позиционирования российской правовой системы по отношению к современным правовым системам является предметом обсуждения в научном сообществе. Несмотря на различия во мнениях, большинство исследователей относят Россию к романо-германской правовой системе, подчеркивая общность многих параметров.

На основе анализа отечественного опыта было установлено, что доверие в качестве правового принципа взаимодействия государства и общества сформировалось в Российской империи к концу XIX века. Об этом свидетельствует, к примеру, Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»[1], в котором Александр II в своем обращении подчеркивает значимость доверия представителей государственной власти к российскому дворянству. Зарождение доверия как принципа взаимодействия государства и общества в Германии связано с провозглашением Основного закона Федеративной Республики Германия[2] в 1949 году, в котором закреплено положение (статья 47), опирающееся на доверие между депутатами и гражданами. Анализ французского законодательства позволил сделать вывод о приобретении доверием статуса принципа взаимодействия государства и общества в связи с принятием Конституции Франции 1958 года[3], в которой применение данного термина сопряжено с вопросом о доверии к Правительству. Таким образом, можно сделать вывод, что в романо-германской правовой семье периодом приобретения доверием статуса правового принципа взаимодействия государства и общества является XIX–XX века. Закрепление рассматриваемого принципа

---

[1] Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» от 19 февраля 1861 г. // ПСЗ РИ-2. Т. XXXVI. № 36650. С. 128–134.

[2] Основной закон Федеративной Республики Германия: Обнародован Парламент. советом 23 мая 1949 г. / [Рабочий пер.: К. К. Колосов]. Бонн: Ведомство печати и информ. Федер. Правительства : Герм. фонд междунар. правового сотрудничества, 1998. 136 с.

[3] Конституция Французской Республики и Сообщества 5 октября 1958 года / Ввод. статья и пер. канд. юрид. наук Н. С. Мерзлякова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. Кафедра гос. права. Москва, 1959. 28 с.

в данный период получило конкретизацию и развитие в современных условиях.

На этапе современности доверие как принцип взаимодействия государства и общества закреплен в широком перечне источников права рассматриваемых стран, что подтверждает рост актуальности вопроса построения доверительных общественно-государственных отношений. Рассмотрим некоторые векторы применения данного принципа, позволяющие составить наиболее полное представление о его содержании.

Понятие «доверие» тесно связано с понятием «ожидание». Корреляция указанных понятий прослеживается в нормативных правовых актах, регламентирующих защиту законных ожиданий. Российский принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства включает в себя разграничение «законных» и «правомерных» ожиданий, реализуется через законотворческий и правоприменительный аспекты. В Германии методом защиты ожиданий выступает конституционный принцип защиты доверия, приоритетом является доверие к государству. Франция придерживается компенсационной модели, а в качестве приоритета выступает правовая безопасность [5, с. 79].

Доверие не может быть сформировано безосновательно, в связи с чем для повышения эффективности реализации принципа доверия во взаимодействии государства и общества требуется соблюдение определенных условий. К таким условиям относятся: открытость и прозрачность действий государственной власти, доступность и широта механизмов участия гражданского общества в управлении государством, регулярное совершенствование способов взаимодействия государства и общества и иные. Каждое из рассматриваемых государств стремится к соблюдению условий обеспечения доверия, при этом способы и формы соблюдения имеют ряд отличий. К примеру, для обеспечения открытости и прозрачности действий государственной власти во Франции был принят Органический закон № 2017-1338 от 15 сентября 2017 года «О доверии в политической жизни», закрепляющий отдельные положения о предоставлении отчетности политических деятелей. В России и Германии нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы открытости и прозрачности действий государственной власти, отдельно разработаны не были, однако существующие правовые основы являются весьма обширными. Сопоставляя

имеющиеся положения между собой, следует отметить, что «немецкий опыт реализации конституционных гарантий и ограничений права на доступ к информации в сфере публичного управления дает богатый материал для более глубокого и всестороннего подхода к разрешению имеющихся в российском законодательстве юридических коллизий» [1, с. 27].

Реализация принципа доверия во взаимодействии государства и общества предполагает соблюдение партнерской модели отношений, в которой особое значение отводится состоянию гражданского общества. Доверие между государственными и общественными институтами возникает, когда граждане вовлекаются в процессы разработки и принятия юридически значимых решений. Более того подлинное коммуникативное взаимодействие – прекрасный способ рекрутирования граждан на социально ответственное, законопослушное поведение [3, с. 289–290]. В каждой из выбранных для анализа стран закреплены правовые основы участия граждан в управлении делами государства. В качестве общей черты можно выделить некоторые закрепленные формы участия граждан в управлении государством: выборы, референдум, деятельность профсоюзов, подача обращений и др. Степень вовлеченности гражданского общества в государственное управление в каждом из обозначенных государств будет отличаться, что обусловлено разным уровнем централизации власти, особенностями правовой и политической систем, историческими традициями.

Таким образом, доверие как правовой принцип взаимодействия государства и общества был закреплен в законодательстве стран романо-германской правовой семьи в XIX–XX веках и приобрел особую актуальность в условиях современности. Высокое значение доверия в развитии правовых государств обусловлено тем, что оно является одним из основных и базовых ценностных элементов, на который опираются правотворчество, правореализация и правоприменение [4, с. 34]. В ходе проведенного сравнительно-правового анализа были установлены такие общие черты принципа доверия в выбранной группе стран, как: наличие правовой защиты доверия (законных ожиданий), строгое соблюдение условий обеспечения доверия в общественно-государственных отношениях, доступность и широта механизмов участия гражданского общества в управлении государством. Различия в закреплении

и реализации рассматриваемого принципа выражены в уникальных методах защиты доверия (законных ожиданий), отдельных способах и формах обеспечения доступа к участию в управлении государством, что обусловлено разным уровнем централизации власти, особенностями правовой и политической систем, историческими традициями. К факторам, оказывающим влияние на формирование и укрепление доверия во взаимодействии государства и общества, вне зависимости от особенностей функционирования государства, можно отнести: открытость и прозрачность действий государственной власти, привлечение граждан к участию в делах государства, налаживание прямой коммуникации между государством и обществом.

Список использованной литературы

1. Гриценко Е.В. Развитие права на доступ к информации в сфере публичного управления в российском и германском конституционном праве / Е.В. Гриценко, Е.Г. Бабелюк, М.И. Проскурякова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5 (108). – С. 10–27.

2. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства: материалы к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2020. – № 7 (750). – 68 с.

3. Перепелица Е.В. Автоматизированные коммуникации как фактор развития публичного дискурса / Е.В. Перепелица // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 20–21 марта 2025 г. / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2025. – С. 284–295.

4. Петрова Т.В. Доверие в системе правовых ценностей / Т.В. Петрова // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2024. – № 4 (28). – С. 29–36.

5. Хохлова А.Д. Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные

и российский подходы / А.Д. Хохлова // Юридические исследования. – 2025. – № 4. – С. 78–92.

Информация об авторе

Елизавета Петровна Голод – адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России, burak.elizaveta@yandex.ru.

Author

Elizaveta Petrovna Golod – Postgraduate Student of the St. Petersburg University of the Ministry of the Internal of Russia, burak.elizaveta@yandex.ru.

УДК 340

О.П. Грибунов,
Е.Е. Степанова

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА: КОНСЕРВАТИВНЫЕ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В статье проводится сравнительный историко-теоретический анализ консервативных и либеральных государственно-правовых концепций суверенитета. Исследуется генезис и эволюция доктрины от классических теорий абсолютизма до современных дискуссий. Основное внимание уделено консервативной критике идеи народного суверенитета и вызовам традиционному пониманию верховной власти в эпоху глобализации. Делается вывод о методологической ценности классической теории и ее потенциале для осмысления современных политических реалий.

Ключевые слова: суверенитет; государственный суверенитет; народный суверенитет; либерализм; консерватизм; политико-правовые учения; государство.

O.P. Gribunov,
E.E. Stepanova

STATE SOVEREIGNTY: CONSERVATIVE AND LIBERAL APPROACHES TO ITS DEFINITION

The article provides a comparative historical and theoretical analysis of conservative and liberal state-legal concepts of sovereignty. It explores the genesis and evolution of the doctrine from classical theories of absolutism to contemporary discussions. The focus is on the conservative critique of the idea of popular sovereignty and the challenges to the traditional understanding of supreme power in the era of globalization. The article concludes that the classical theory holds methodological value and has the potential to comprehend contemporary political realities.

© Грибунов О.П., Степанова Е.Е., 2026

Key words: sovereignty; state sovereignty; people's sovereignty; liberalism; conservatism; political and legal teachings, state.

Категория суверенитета, формально принадлежащая к области государственного права, является системообразующим, многомерным политико-правовым феноменом [1, с. 186]. В современных условиях, когда в ходе глобальных трансформаций либеральными теоретиками активно пропагандируются концепции «ограниченного», «делегированного» или «мягкого» суверенитета, историко-теоретический анализ классических трактовок приобретает особую актуальность [2, с. 6]. Он необходим для концептуального обеспечения государственно-правовой доктрины, адекватной задачам формирования стратегии самобытного развития [3, с. 40]. Данная статья ставит целью провести сравнительный анализ либеральной и консервативной парадигм в осмыслении суверенитета, выявить их философские основания, историческую эволюцию и современные политические импликации.

Формирование современной концепции суверенитета как верховной власти на определенной территории неразрывно связано с эпохой становления национальных государств в Европе раннего Нового времени. Эта идея стала ответом на вызовы феодальной децентрализации и религиозных войн, потребовавшими теоретического обоснования сильной, централизованной и светской власти [4, с. 30].

Французский юрист и философ Жан Боден по праву считается основателем систематической теории суверенитета. В своем труде «Шесть книг о государстве» (1576) он впервые в истории политико-правовой мысли дал четкое определение: «Суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства… Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными» [5]. Боден выделил ключевые, неотчуждаемые прерогативы суверена: издание и отмена законов, объявление войны и заключение мира, назначение высших должностных лиц, осуществление верховного суда и право помилования [5, с. 214]. Хотя он считал власть суверена абсолютной в отношении позитивного права, власть, по Бодену, все же ограничивалась божественными законами, законами природы и некоторыми фундаментальными обычаями (например,

касательно престолонаследия и неприкосновенности частной собственности) [5, с. 217].

Для Ж. Бодена наилучшей формой государства, адекватной природе суверенитета, являлась наследственная монархия. Только единый правитель, подобно Богу во Вселенной, мог обеспечить неделимость, постоянство и эффективность верховной власти, особенно в больших государствах. Он критически относился к демократии и аристократии, видя в них источники раздоров и нестабильности [6]. Таким образом, изначально доктрина суверенитета носила персонифицированный и этатистский характер, отождествляя суверена с фигурой монарха как наместника Бога на земле.

Теоретические построения Ж. Бодена нашли свое практическое воплощение и легитимацию в международном праве после подписания Вестфальских мирных договоров 1648 года. Вестфальская система утвердила государственный суверенитет в качестве основополагающего принципа мирового порядка, признав за каждым государством право самостоятельно управлять своими внутренними и внешними делами без вмешательства извне [7]. Это закрепило дихотомию суверенитета: внутреннее верховенство и внешняя независимость.

Принципиальный переворот в теории суверенитета произвели мыслители эпохи Просвещения, перенеся источник легитимности власти из сферы божественного права и личной воли монарха в плоскость человеческого разума и общественного договора.

Джон Локк и Жан-Жак Руссо разработали доктрину народного суверенитета. Согласно Руссо, сувереном является ничем иным, как коллективное существо, образуемое из частных лиц, в совокупности получивших имя народа [8, с. 23]. Это означало радикальную смену парадигмы: носителем верховной, абсолютной и неделимой власти отныне провозглашался не монарх, а народ как единое целое.

Либеральная традиция, идущая от Локка и Монтескьё, дополнила идею народного суверенитета принципиально важным механизмом ограничения власти через ее разделение. Если суверенитет народа как источник власти оставался единым и верховным, то осуществление этой власти дробилось между независимыми законодательными, исполнительными и судебными институтами [9]. Таким образом, либерализм, провозгласив суверенитет народа, одновременно имманентно ограничил

его действительное проявление системой сдержек и противовесов, верховенством права (конституции) и защитой неотчуждаемых прав личности.

Доктрина народного суверенитета с момента ее появления вызвала обоснованную и глубокую критику со стороны консервативной мысли, которая сомневалась в ее реализуемости и предостерегала от разрушительных последствий.

Ярчайшим критиком выступил французский мыслитель Жозеф де Местр. Он подверг сомнению саму возможность реализации суверенитета абстрактным «народом». По его мнению, народ, делегируя свою волю представителям, неминуемо отчуждается от реальной власти и становится ее объектом, а не субъектом [10, с. 45]. Консерваторы указывали на абстрактный, метафизический характер «общей воли» Руссо, которая на практике легко подменяется волей большинства или интересами узких групп.

В XX веке немецкий юрист Карл Шмитт дал классической теории суверенитета новое, экзистенциальное прочтение. Он определял суверена как того, «кто принимает решение о чрезвычайном положении» [11, с. 15]. Для Шмитта суверенитет проявляется не в нормальной, рутинной правовой деятельности, а в момент кризиса, когда приостанавливается действие закона и требуется высшее, не детерминированное правом решение для сохранения самого государства. Эта концепция прямо противопоставлялась либеральной попытке растворить суверенитет в правовых процедурах и отрицала саму возможность его действительного разделения.

В отечественной политико-правовой мысли XIX–XX веков (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин) критика либерального суверенитета была тесно связана с отстаиванием особого пути России и доктрины монархической власти. Суверенитет здесь понимался не как производное от индивидуальных прав, а как атрибут самобытного национально-государственного организма, укорененного в традиции, вере и соборном единстве власти и народа [12, с. 122]. Абсолютный характер власти монарха (самодержавие) рассматривался не как произвол, а как высшая форма ответственности перед Богом и нацией, гарантия единства и независимости огромной империи.

В начале XXI века теоретический спор перешел в плоскость практической политики и новых идеологических проектов.

В 2020-х годах на Западе оформилось движение «национального консерватизма», претендующее на роль нового «консервативного интернационала». Его адепты (как, например, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан) прямо заявляют о необходимости защиты национального суверенитета от «глобалистских» элит, наднациональных институтов (прежде всего, ЕС) и либеральной культурной повестки. Они дистанцируются от классического правоцентристского консерватизма, обвиняя его в слиянии с либерализмом и отказе от защиты традиционных ценностей и национальной идентичности. В их трактовке суверенитет – это прежде всего право национального государства самостоятельно определять свои границы, миграционную политику, культурные и моральные основы общества без оглядки на транснациональные нормы.

Параллельно в академическом и экспертном дискурсе, особенно в русле либеральной мысли, набирают силу концепции, ставящие под сомнение классическую вестфальскую модель. Речь идет об идеях «ограниченного», «делегированного», «мягкого» или «размытого» суверенитета. Их сторонники утверждают, что в условиях глобальной экономической взаимозависимости, деятельности мощных наднациональных структур (ЕС, ВТО, МВФ) и всеобщих стандартов в области прав человека абсолютный государственный суверенитет является анахронизмом. Они предлагают рассматривать суверенитет не как бинарное состояние («есть/нет»), а как набор компетенций, которые могут гибко распределяться между различными уровнями управления – от местного до глобального.

На эти вызовы консервативные теоретики (А.Н. Кольев, С.Н. Бабурин и др.) отвечают критикой, считая подобные концепции методологически несостоятельными и политически ангажированными. Их главный аргумент: суверенитет по определению неделим. Его делегирование или добровольное ограничение ведет не к новой форме суверенитета, а к его утрате, к параличу верховной власти и, в конечном итоге, к эрозии государственности как таковой [13, с. 346, 354]. Современные кризисы (миграционный, финансовый, эпидемиологический), по их мнению, не демонстрируют устаревание суверенитета, а, напротив, подтверждают его непреходящую ценность как по-

следнего гаранта порядка, безопасности и национальной идентичности.

Таким образом, противостояние либеральной и консервативной концепций суверенитета является не просто академическим спором, а отражением фундаментального цивилизационного выбора о природе власти, свободы и сообщества.

Либеральная парадигма, сделавшая своим идеалом народный суверенитет, ограниченный правом, в своем логическом развитии пришла к идее его «размывания» в пользу наднациональных правовых режимов и глобального управления. Она делает акцент на универсальных правах индивида и процедурной легитимности власти.

Консервативная парадигма, отстаивая изначальное боденовское понимание суверенитета как верховной, неделимой и первичной по отношению к праву власти, видит в государстве главного гаранта исторической преемственности, культурной идентичности и коллективной безопасности. Современный «национальный консерватизм» является прямым политическим воплощением этой установки в условиях глобализации.

Классическая теория суверенитета, будучи рассмотрена в отрыве от исторических рамок европейского абсолютизма, сохраняет высокую методологическую значимость и выступает в качестве ключевого инструментария для анализа современных политических трендов. Она способствует выявлению подлинных механизмов власти, маскируемых под лозунгами «глобального управления» и доктриной «ограниченного суверенитета». В эпоху, когда проблемы защиты национально-государственной идентичности и политического самоопределения обретают новую остроту, интеграция консервативной трактовки суверенитета как верховной ценности государства с изучением актуальных глобальных угроз видится наиболее перспективным направлением для развития как теории государства и права, так и правоприменительной практики.

Список использованной литературы

1. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: Проблемы определения понятия и содержания / М.Н. Марченко // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 186.

2. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет / Л.Е. Гринин // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31.

3. Бабурин С.Н. Территория государства / С.Н. Бабурин Правовые и геополитические проблемы. Москва : Изд-во МГУ, 2004.

4. История государственного суверенитета и его основные теории // История государства и права. – 2024. – № 5. – С. 30–35.

5. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой политической мысли. – Москва : Мысль, 1997.

6. Политические и правовые учения Западной Европы XVI в. Теория государственного суверенитета. Политическое учение Ж. Бодена // Курс лекций по истории политических и правовых учений. – Москва, 2022.

7. Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2004. – 13 июля.

8. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : Канон-пресс-Ц, 1998.

9. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – Москва : Мысль, 1988.

10. Де Местр Ж. Рассуждения о Франции / Ж. Де Местр. – Москва : РОССПЭН, 1997.

11. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. – Москва : Канон-пресс-Ц, 2000.

12. Марченко Е.И. Идея суверенитета в государственно-правовых учениях российских консерваторов второй половины XIX–XX вв : дис. … канд. юрид. наук. / Е.И. Марченко. – Ростов н/Д, 2009. С. 122–145.

13. Кольев А.Н. Нация и государство: Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – Москва : Лепта, 2005.

Информация об авторах

Олег Павлович Грибунов – ректор Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, gribunov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9288-1364.

Елена Евгеньевна Степанова – заведующий отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического институ-

та (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2053.

Authors

Oleg Pavlovich Gribunov – Rector of Baikal State University, Doctor of Law, Professor, gribunov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9288-1364.

Elena Evgenievna Stepanova – Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, kanuzelelena@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7460-2053.

УДК 342.25, 342.565.2, 340.5

Е.В. Гриценко

ЗАЩИТА ПРАВА НА МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье проводится анализ особенностей конституционно-судебной защиты права на осуществление местного самоуправления в России на основе сопоставления с системой защиты права коммунального самоуправления в конституционных судах Германии. Подчеркиваются различия в правовой природе прав, возникающих при осуществлении местного самоуправления различными субъектами – гражданами, муниципальными образованиями, их органами и должностными лицами, а также исследуется специфика немецкого конституционного подхода к праву коммунального самоуправления общин и их объединений как объекта конституционно-судебной защиты. Раскрываются различия в способах защиты права на осуществление местного и коммунального самоуправления в России и Германии. Формулируются предложения по повышению эффективности российской модели защиты права местного самоуправления средствами конституционного правосудия.

Ключевые слова: право на осуществление местного самоуправления; коммунальное самоуправление; муниципальные образования; муниципальные территориальные корпорации; конституционное правосудие; общая жалоба на нарушение конституционных прав; муниципальная конституционная жалоба.

E.V. Gritsenko

PROTECTION OF THE RIGHT TO LOCAL SELF-GOVERNMENT IN CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCEEDINGS: GENERAL AND SPECIFIC ASPECTS

The article analyzes the features of constitutional judicial protection of the right to local self government in Russia, based on a

© Гриценко Е.В., 2026

comparison with the system of such protection in the German constitutional courts. It highlights the differences in the legal nature of the rights arising from the exercise of local self-government by various subjects – citizens, municipal entities, their bodies and officials. The study also examines the specifics of the German constitutional approach to the right of communal self-government as an object of constitutional judicial protection. The paper reveals the differences in the methods of protecting the right to local and communal self-government in Russia and Germany. Finally, it formulates proposals for improving the effectiveness of the Russian model of protecting the right to local self-government through the means of constitutional justice.

Key words: the right to local self-government; communal self-government; municipalities; municipal territorial corporations; constitutional justice; general complaint about violation of constitutional rights; municipal constitutional complaint.

Введение. Особенности права на местное самоуправление как объекта конституционной судебной защиты предопределяются особым значением местного самоуправления не только как права определенного местного коллектива на самостоятельное решение вопросов своей жизнедеятельности и на участие в управлении, но и вида или формы публичной власти, низового уровня ее единой системы. Соответственно и субъект или носитель права местного самоуправления не воспринимается однозначно. Коль скоро население территориально самоорганизуется в муниципалитет (муниципальное образование) и «самоуправляется», то оно выступает, с одной стороны, в качестве властвующего субъекта – реализующего народовластие на местах непосредственно или через представителей (органы и должностных лиц), а, с другой стороны, в качестве потребителя муниципальных услуг, совокупности граждан, реализующих свои права на участие в местном самоуправлении, в том числе в отношениях с избранными ими муниципальными органами. В свою очередь муниципалитет в лице органов и должностных лиц местного самоуправления также играет двоякую роль: 1) носителя прав местного самоуправления, когда речь идет о защите конституционно-правового статуса муниципального субъекта как территориально организованного сообщества (муниципального образования), его организацион-

ной, функциональной, экономической, финансовой и иной самостоятельности в системе публично-властных отношений в рамках споров о компетенции, споров муниципалитетов между собой и с иными уровнями публичной власти; 2) адресата и гаранта прав и свобод граждан, в том числе их прав на участие в осуществлении местного самоуправления, на получение определенного объема социальных благ и муниципальных услуг в рамках споров граждан с местной администрацией.

Таким образом, можно констатировать множественность прав в сфере местного самоуправления, являющихся объектом судебной защиты, в том числе средствами конституционного правосудия, в зависимости от их нормативного содержания, круга лиц, являющихся их носителями, от правоотношений, в которых эти права реализуются, адресатов прав (обязанной стороны в возникающих правоотношениях), в также в зависимости от предмета и способа судебной защиты.

Права на местное самоуправление в российской Конституции в сравнительной перспективе. Применительно к российской Конституции можно выделить следующие виды прав в сфере местного самоуправления, подлежащие защите средствами конституционного правосудия. Во-первых, речь идет о правах народа (населения муниципального образования, местного сообщества) и каждого гражданина как части этого сообщества на осуществление и участие в осуществлении местного самоуправления (часть 2 статьи 3 и статья 130 Конституции РФ) как в формах прямой демократии, так и опосредованно – через своих представителей (статья 32), на определение структуры органов местного самоуправления (ч.1 ст. 131 Конституции РФ), на выражение мнения по поводу изменения границ территорий, в пределах которых осуществляется местное самоуправление (ч.2 ст. 131 Конституции РФ). Эти права являются формами реализации комплексного права каждого гражданина в отдельности, а также с использованием коллективных форм на участие в управлении делами государства (ч.1 ст. 32 Конституции РФ). В понятие «государства» в данном случае включаются и организационно обособленные от него муниципальные единицы, поскольку и государственная власть, и местное самоуправление имеют сходный источник и реализуются на основе принципа народовластия. Таким образом, эти права в целом охватываются предусмотренными в главе 2 Кон-

ституции РФ основными политическими правами граждан. Они конкретизируются в главе 5 Федерального закона № 33-ФЗ от 20 марта 2025 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ о МСУ) через формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в осуществлении местного самоуправления (ч. 1 и 2 ст. 42), перечень которых не является исчерпывающим и может быть дополнен законами субъектов РФ при соблюдении установленных федеральным законом правил (ч. 3 ст. 42). Соответственно эти права обеспечиваются правом на судебную защиту в соответствии со статьей 46 Конституции РФ.

Во-вторых, ключевое значение имеют права местного самоуправления, носителем которых выступает муниципальное образование как самостоятельный властный субъект, публично-правовое образование, а также уполномоченные органы местного самоуправления и должностные лица от его имени. Эти права связаны с реализацией территориальной, функциональной, организационной, экономической и финансовой самостоятельности муниципалитета в отношениях с другими публично-властными образованиями и прежде всего государством. Именно как права, обеспечиваемые уже специальными правами-гарантиями на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций, на судебную защиту и специальным запретом на «ограничение прав местного самоуправления», они представлены в статье 133 Конституции РФ. В то же время поскольку указанные права вытекают из конституционно-правового статуса муниципального властного субъекта, реализующего публично-властные полномочия, вести речь о них как о субъективных правах можно лишь с достаточной степенью условности: как права они имеют строго определенную сферу действия (адресованы государству, другим публично-властным субъектам) и направленность (защита конституционно-правового статуса муниципального образования как самостоятельного публично-властного субъекта). Соответственно и право на судебную защиту таких муниципальных субъектов не поглощается статьей 46 Конституции РФ, а гаран-

тируется специальным правом на судебную защиту, упомянутым в статье 133 Конституции РФ.

Наконец, в самостоятельную группу прав можно выделить права и гарантии статуса специальных субъектов – муниципальных должностных лиц и муниципальных служащих, в основе которых лежат конституционные права не только на получение статуса муниципального представителя через реализацию пассивного избирательного права, но и на равный доступ к муниципальным должностям и должностям муниципальной службы при соблюдении определенных условий и процедур. Таким образом, с одной стороны, в части доступа к статусу и реализации принципа равенства в таком доступе эти права также охватываются закрепленными в главе 2 Конституции РФ политическими правами граждан. Однако, с другой стороны, в части отдельных гарантий статуса органов и должностных лиц местного самоуправления речь уже может идти о гарантиях организационной самостоятельности муниципального образования и защите его особого статуса. В связи с этим права лиц, обладающих специальным статусом, как объект конституционно-судебной защиты отличаются определенной спецификой.

Широкий российский подход к праву местного самоуправления и множественность субъектов этого права не поддерживается в тех странах Западной Европы, где право местного самоуправление не относится к числу основных конституционных прав и где субъектом этого права признается исключительно коллективный публично-властный субъект – муниципальная территориальная корпорация, муниципалитет, община, коммуна, являющиеся частью государственной организации власти. Так, в Германии гарантия субъективного права общин и общинных объединений на правовую (судебную) защиту от вторжений со стороны иных субъектов рассматривается обычно в качестве элемента провозглашенной в абз. 2 ст. 28 Основного закона ФРГ институциональной гарантии коммунального самоуправления [1, S. 7]. Соответственно общины и общинные объединения наделены собственным конституционно-правовым статусом самоуправляемых муниципальных территориальных корпораций и являются самостоятельным элементом конституционной организации власти в федеральных землях, а их право на самостоятельное решение вопросов

местного сообщества и их относительно обособленный от государства муниципальный статус подлежат конституционной защите в рамках основ государственной организации.

Способы конституционно-судебной защиты прав местного самоуправления. Несмотря на многоаспектный подход к праву на местное самоуправление и включение в предмет конституционно-судебной защиты как индивидуальных прав граждан на участие в местном самоуправлении, так и коллективного права муниципального образования и его органов на самостоятельное решение вопросов собственной жизнедеятельности, в российском конституционном судебном процессе отсутствует дифференциация средств конституционно-судебной защиты этих различных по своей природе прав. И в том, и в другом случае в качестве такого средства используется *общая индивидуальная или коллективная жалоба на нарушение конституционных прав*.

Согласно статье 96 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде РФ в редакции от 9 ноября 2020 года (далее – ФКЗ о КС РФ) правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной «жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, чьи права и свободы, по их мнению, нарушаются (...)». Соответственно с конституционной жалобой в защиту права на осуществление местного самоуправления в РФ могут выступать как отдельные граждане, группы граждан, так и органы и должностные лица местного самоуправления. Причем последние, будучи представителями местного сообщества, могут ставить вопрос как от имени муниципального образования о защите коллективного права на местное самоуправление, так и о защите своего собственного специального статуса при вторжениях в их права на равный доступ к муниципальным должностям или нарушениях установленных конституционных гарантий их статуса, порядка привлечения к ответственности. И хотя ФКЗ о КС РФ не содержит специальных указаний, можно предположить, что в защиту прав местного самоуправления в конституционном процессе от имени граждан и муниципальных образований могут выступать и другие уполномоченные субъекты (как универсальные – например, уполномоченные

по правам человека и гражданина, так и специальные организации, представляющие интересы муниципалитетов – советы, ассоциации муниципальных образований, включая Всероссийскую ассоциацию по развитию местного самоуправления). Данный вывод предопределяется в том числе целями создания объединений муниципальных образований – *защита общих интересов жителей* муниципалитетов (ст. 76 ФЗ об МСУ).

Иначе выглядит обеспечение гарантии коммунального самоуправления, в том числе его конституционно-судебной защиты, в Германии. Поскольку регулирование и организация коммунального самоуправления находятся в первую очередь в ведении федеральных земель, на Федерацию возложено лишь обеспечение соответствия порядка организации и осуществления власти в землях принципу соблюдения основных прав и конституционному принципу коммунального самоуправления (абз. 3 ст. 28 Основного закона ФРГ). В качестве инструмента защиты этого права в конституционно-судебном процессе выступает коммунальная (муниципальная) конституционная жалоба. Муниципальная конституционная жалоба представляет собой самостоятельный вид конституционной жалобы, отличный от общей конституционной жалобы каждого на нарушение его основных прав, поскольку у нее специфические не только субъекты обращения, но и предмет – обжалуется правовая норма формального или материального закона, а не правоприменительное решение, которым нарушается защищаемое право [см. подробнее: 2, с. 22–24, 35–36]. Причем использование федеральной муниципальной жалобы на нарушение гарантированного Основным законом права муниципальных территориальных корпораций на самоуправление в качестве способа защиты, по общему правилу, возможно только при соблюдении правила о субсидиарности: обращение к данному средству конституционно-судебной защиты осуществляется в том случае, если у муниципальных субъектов отсутствует возможность обжалования нарушения в конституционном суде федеральной земли (п. 4b абз. 1 ст. 94 Основного закона ФРГ в сочетании с § 91 Федерального закона о Федеральном конституционном суде Германии (далее – Закон о ФКС))[1]. Соответ-

[1] BVerGG v. 12.03.1951 i.d.F. v.11.08.1993. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html.

ственно почти все территориальные субъекты Федерации – федеральные земли, территория которых включает общины и их объединения, и город-земля Бремен, состоящий из двух муниципалитетов – Бремена и Бремерхафена, приняли решение о том, что муниципальные конституционные жалобы рассматриваются в земельных конституционных судах, которые и осуществляют конституционно-судебную защиту прав муниципальных субъектов в Германии через специальное средство конституционно-судебной защиты права на коммунальное самоуправление – муниципальную конституционную жалобу [2, с. 35]. Лишь в исключительных случаях в конституциях некоторых земель конституционно-судебная защита права на коммунальное самоуправление осуществляется теми же средствами, которыми защищаются основные права: как, например, народная жалоба (*Popularklage*) в Конституционном суде Баварии[1], жалоба общин и общинных объединений на нарушение основных прав в земле Гессен[2].

Субсидиарный характер федеральной муниципальной конституционной жалобы был подтвержден в Решении ФКС Германии от 2 февраля 1993 г.[3] Обращение в ФКС согласно предложению 2 § 91 Закона о ФКС в принципе исключается, если имеется возможность обращения в земельный конституционный суд, и даже тогда, когда земельный конституционный суд проверяет предполагаемое нарушение права на коммунальное самоуправление только на предмет соответствия положениям земельной конституции. Таким образом, процессуально федеральным землям гарантируется приоритет их конституционного судопроизводства по данной категории дел в порядке, установленном в соответствующей земельной конституции или в земельном законе о конституционном суде.

Заключение. Сопоставление средств конституционно-судебной защиты права местного самоуправления в двух федеративных правопорядках – российском и германском – свидетельствует о возможностях применения различных моделей такой защиты, несмотря на признание в обоих случаях коммунального и местного самоуправления в качестве основы конституционного строя и самостоятельного объекта конституци-

[1] BayVerfGH, Bay.VBl.1976, 589.
[2] §15 Nr. 5, 46 Hess StGHG i.V.m. Art. 131 Abs. 1 und 3 Hess. Landesverfassung.
[3] BVerfG, Beschluss vom 02.02.1993 (NVwZ 1994, 58–59 — Az: 2 BvR 688/92).

онно-судебной защиты. Централизованный характер российского федеративного устройства предполагает сосредоточение конституционно-судебной защиты права местного самоуправления на федеральном уровне, в то время как в Германии основная ответственность по организации, регулированию и защите права коммунального самоуправления возложена на федеральные земли и соответственно сконцентрирована в земельных конституционных судах.

Российская Конституция исходит из широкой трактовки права на местное самоуправление, субъектами которого признаются как отдельные граждане, так и группы граждан, а также специальные муниципальные субъекты – муниципальные образования. При этом все эти права рассматриваются в качестве разновидностей политических прав и свобод человека и гражданина, реализуемых индивидуально или в коллективных формах. Именно в таком качестве эти права являются объектом конституционно-судебной защиты в рамках общей конституционной жалобы на нарушение прав и свобод. В Германии же носителями права коммунального самоуправления являются муниципальные территориальные корпорации, которые, будучи частью государственной организации, обладают собственной правосубъектностью, автономией в решении определенной части публичных дел под собственную ответственность и конституционной институциональной гарантией такой автономии. Указанная характеристика права на коммунальное самоуправление муниципальной корпорации/коммуны/общины как субъекта, обладающего особым публично-правовым статусом, позволяет обосновать и особый способ конституционно-судебной защиты права на коммунальное самоуправление – муниципальную конституционную жалобу.

Российская модель конституционно-судебной защиты прав местного самоуправления может быть более эффективной в случае упорядочения предмета конституционно-судебной защиты, учета дифференцированного подхода к характеристике прав в сфере местного самоуправления, подлежащих конституционно-судебной защите, систематизации в этой связи условий допустимости конституционных жалоб в зависимости от особенностей защищаемого права и его субъекта. Перспективной представляется также дискуссия об использовании инструментов регионального конституционного контроля (конституцион-

ных советов) в направлении защиты права местного самоуправления в субъектах РФ.

Список использованной литературы

1. Hendler R. Grundbegriffe der Selbstverwaltung, § 1 / R. Hendler // Handbuch der kommunalen Wissenschaft und Praxis. Bd. 1. Springer, Berlin, Heidelberg, 2007. – S. 3–22.

2. Гриценко Е.В. Защита прав местного самоуправления средствами конституционного судопроизводства / Е.В. Гриценко, Р. Вилл // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 4. – С. 22–38.

Информация об авторе

Елена Владимировна Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, el_gritsenko@mail.ru, website: https://sites.google.com/view/elenagritsenko.

Author

Elena Vladimirovna Gritsenko – Professor of the Department of Constitutional Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, el_gritsenko@mail.ru, website: https://sites.google.com/ view/elenagritsenko.

УДК 342.41

А.В. Дашко

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ОПЫТ СООТНЕСЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Научная статья посвящена рассмотрению социально-экономических предпосылок социального государства, а также социальной справедливости, как его сущностного признака. Автор рассматривает отличия западного и советского общественно-политического строя в выстраивании социальной справедливости и приходит к выводу о наличии у обеих систем как достоинств, так и недостатков. Подробно разобраны достоинства и недостатки «шведского социализма» и прогрессивной шкалы налогообложения. Автор утверждает, что если лишить наиболее активную часть общества стимулов к труду, в итоге, у государства не хватит средств на обеспечение не только социально уязвимых слоев, но и на содержание собственных нужд, нужд своего аппарата. Также сделаны выводы о совершенствовании правового регулирования статуса социально незащищенных слоев населения.

Ключевые слова: социальное государство; социальная справедливость; прогрессивная шкала налогообложения; социально незащищенные слои населения.

A.V. Dashko

WELFARE STATE: AN EXPERIENCE IN LINKING ECONOMIC OPPORTUNITIES AND POLITICAL DECISIONS

This research article examines the socioeconomic prerequisites of a welfare state, as well as social justice as its essential characteristic. The author examines the differences between Western and Soviet sociopolitical systems in the development of social justice and concludes that both systems have both advantages and disadvantages. The advantages and disadvantages of «Swedish social-

© Дашко А.В., 2026

ism» and a progressive tax system are examined in detail. The author argues that if the most active segment of society is deprived of incentives to work, the state will ultimately lack the resources to provide for not only the socially vulnerable but also its own needs and those of its own apparatus. Conclusions are also drawn regarding the need to improve the legal regulation of the status of socially vulnerable groups.

Key words: welfare state; social justice; progressive tax scale; socially vulnerable groups of the population.

В соответствии с ч. 1. ст. 7 Конституции РФ[1] Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. По мнению В.Е. Чиркина «содержание социального государства концептуально выражено через целеполагание, но оно дает хорошее представление о сути социального государства, как оно понимается в России [9, с. 54]» В современном обществе достижение этой цели видится в эффективном соотнесении экономических возможностей с политическими решениями, направленными на установление социальной справедливости. Для этого сначала сравним западную и советскую общественные системы.

В литературе утверждается, что СССР его собственные граждане продали за джинсы и жвачку [3, с. 201], т.е. за ценности, без которых можно прожить, за то, без чего точно можно обойтись. Вместе с тем, человечество существовало без джинсов и жвачки тысячелетиями. И очевидно, что указанное замечание – гипербола. Продали не буквально за эти пустяки, но они были символами неизвестной заманчивой жизни. А если сравнить, то не очень уж сильно жизнь среднего западного гражданина отличалась по уровню от среднего советского человека. Но жизнь европейца и американца казалась советским гражданам проще и комфортнее.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

На самом деле привлекательность жизни на западе объясняется незнанием советских граждан о тех трудностях, с которыми сталкивались европейцы и американцы. Это другое общество, с другими принципами взаимодействия между людьми, между человеком и государством. Советское государство вмешивалось в жизнь человека, но и больше его опекало. В западном государстве, по сравнению с сегодняшними временами, меньше вмешивались, давали выбирать, что читать, что смотреть, чем заниматься. Так, у них выходила коммунистическая пресса (например, во Франции до сих пор выходит ежедневная коммунистическая газета «L'Humanité», основанная в 1904 году[1]). У нас капиталистическая – нет. Это другое общество, где больше давали возможностей и свободных денежных средств, но и больше требовали. У граждан было больше обязанностей пред государством. Они сами платили налоги, которые не высчитывали из зарплаты, как в СССР, по-другому рассчитывали цены на жилье. Государство меньше опекало, не было таким патерналистским. По справедливому замечанию Е.Н. Ежовой «главной особенностью современной западной рекламы, развившейся в одну из самостоятельных отраслей экономики, стало ее превращение из средства экономической информации в эффективный метод формирования сознания и самого образа жизни западного общества» [5, с. 60]. Западное общество умело себя рекламировало: много товаров, их огромное разнообразие, отсутствие очередей – все это было недосягаемо в СССР.

В начале советской власти российское общество не было избаловано изобилием материальных благ. Одна комната с мебелью в квартире бывшего буржуя уже казалась дворцом; пара обуви на человека, а не на семью – богатством. Человек получал то, чего у него не было в прошлой жизни. Общество в царской России было зажиточным, но обнищало в период гражданской войны и военного коммунизма. Эти потребности очень быстро удовлетворялись в последующие годы восстановления экономики. Но одно дело – запланировать производство, чтобы обеспечить товарами все население государства, другое дело – наладить производство разных товаров без рисков перепроизводства [7, с. 83]. Куда девать излишки? Логика альтерна-

[1] URL: https://www.humanite.fr.

тивности предполагает перепроизводство, когда товаров больше, чем надо населению. В противном случае появляется инфляция либо дефицит. Дальнейший рост потребностей советского общества обострял проблемы государства, которое не было способно их удовлетворить. И когда люди, привыкшие к системе распределения, сталкивались с системой приобретения, то это их очень впечатляло.

Получалось так: на западе все хорошо, как в СССР, но только все есть с лихвой и доступно. Люди не задумывались над тем, что на все это нужно заработать не отбывая номер на работе, а в жесткой конкурентной борьбе. Нужно быть востребованным. Хотя, безусловно, различие систем не говорит о том, что одна из них хорошая, а другая плохая. Как и у всех экономических систем есть свои достоинства и недостатки [8, с. 934]. Более того, различные системы подходят для различных индивидов. Одни склонны к меньшему, но гарантированному потреблению, другие хотят продать свой труд, заработать и купить, чтобы никто не мешал.

Представляется, что одним из ключевых вопросов в перераспределении внутреннего ресурса государства явдяется налоговый вопрос, а именно – наличие или отсутствие прогрессивной шкалы налогообложения. Мы уже упоминали, что в каждой общественной системе присутствуют разные индивиды и в советское время, понимая это, в качестве оптимальной и компромиссной предлагали модель т.н. «шведского социализма»: буржуазное и весьма социальное государство, где можно зарабатывать, но при этом государство обеспечивает высокий уровень социальной защиты.

Для этого государство вынуждено вводить огромные налоги, достигающие иногда 60 % в зависимости от дохода по прогрессивной шкале налогообложения, что всегда ущемляет беднейшие слои населения. Но если брать с богатых больше, есть ли для них смысл богатеть? Если человек большую часть дохода отдает, то исчезает смысл работать. «Экономический рост… получает значительный набор дестимуляторов и демотиваторов трудовой деятельности населения страны, что приводит, в свою очередь, к снижению экономической эффективности государственной финансовой политики в целом» [1, с. 123]. Известно, что капиталы и состояния делаются не для личного потребления, а для вложения средств в производство

или в социально значимые объекты. У предпринимателей, способных делать большие состояния, амбиции простираются гораздо дальше бытовых потребностей. Такие люди хотят известности, даже славы, хотят увековечить память о себе. И сделать это на заработанные деньги.

Если большую часть забирать, то предприниматель потеряет полезную для государства и общества мотивацию, будет работать только до предела личного потребления. Зачем ему дальше напрягаться? Меньше зарабатываю – меньше плачу. Полезно ли это для общества? Нет. Отсутствие стимула у талантливых предпринимателей работать в полную силу не даст возможности обществу конкурировать с теми обществами, где прогрессивная шкала налогообложения отсутствует. Есть такое выражение «резать курицу, несущую золотые яйца». Это примерно то, что делает государство, вводящее прогрессивную шкалу налогообложения в погоне за социальной справедливостью и социальным государством.

Теперь неплохо было бы разобраться в самом термине «социальная справедливость». «Социальная справедливость относится к числу тех феноменов, в которых в сжатом виде отражаются экономические, политические, правовые, нравственные условия жизни и развития общества» [4, с. 112]. И даже на первый взгляд очевидно, что понимание этого термина зависит от ракурса. Социально уязвимые слои населения считают, что «у вас отнять и на всех поделить» – справедливо. А люди энергичные, трудоспособные, талантливые или имеющие деловую хватку уверены, что отъем результатов их труда – это грабеж. Те и другие по-своему правы, все хотят жить в сытости, тепле и хотя бы минимальном комфорте. Общество состоит из разных по своей природе людей. Нам же нужна стабильность – как социальная, так и стабильность в развитии. Где же выход? Если мы лишим наиболее активную часть народа стимулов к труду, в итоге у государства начнет не хватать средств на обеспечение не только социально уязвимых слоев, но и на содержание собственных нужд, нужд своего аппарата.

Важно также разобраться, чтО есть социально незащищенные слои населения. Разумеется, это дети. Они еще не трудоспособны, но это наше будущее. Любое правильно организованное государство заботится о своем будущем. Далее – это матери маленьких детей, по уходу за детьми оторванные

от производственного процесса, а так же и отцы, на которых падает вся тяжесть содержания семьи. Следующая группа – пенсионеры. Мы все хотим жить дольше, государство борется за увеличение продолжительности жизни своих граждан. Следовательно, мы понимаем, что всем нам понадобится поддержка из-за утраты трудоспособности по возрасту. И кроме того, в любом возрасте есть инвалиды. Никто из нас не гарантирован от инвалидности в силу заболевания или рождения инвалида в наших семьях. Современное государство тем цивилизованнее, благополучнее и гуманнее, чем лучше оно способно заботиться о вышеперечисленных категориях населения. Попечение о детях, стариках и инвалидах – социальное лицо государства, показатель его развития и богатства. «Видится вполне обоснованным определить, что понимается под социальной незащищенностью на законодательном уровне и создание единого перечня таких лиц» [6, с. 59].

Но не следует забывать, что, во-первых, такое попечение, чтобы быть качественным, должно быть о гражданах государства, а не обо всех, кто захотел приехать и привезти сюда свою семью из других стран. Во-вторых, нельзя поощрять собственных молодых и здоровых бездельников жить за счет социальных льгот и пособий. Содержание этих двух категорий ложится непосильным бременем на бюджет страны. Если это мигранты, завезенные для работы на некоем производстве, принадлежащем частному бизнесу, то социальное обеспечение этих рабочих (и их семей) должно осуществляться за счет работодателя. В противном случае, получится, что государство берет на себя обеспечение частного бизнеса, который за счет демпинга иностранными рабочими руками нашего рынка труда, получит сверхприбыли. А потом мы будем облагать их налогами по прогрессивной шкале. Замкнутый круг. Вряд ли все это согласуется со здравым смыслом. А учитывая тот факт, что засилье мигрантов несет с собой и правовые проблемы, мы и вовсе не можем себе позволить подобную «роскошь». Если же это наши отечественные бездельники, то пусть их нужды оплачивают их семьи, буде у них имеется такая возможность. Или пусть работают. «Современное социальное государство сосредотачивается не на привилегиях и дотациях всем нуждающимся независимо от их статуса, а в помощи желающим активно реализовать свои способности (переквалификация, обучение и др.)» [2, с. 100].

Представляется, что «социальная справедливость» – понятие очень растяжимое, разные люди судят об этом по-разному. Но есть здравый смысл, всегда лежащий в основе государственных интересов. На него и следует опираться при выработке необходимых новых правовых норм и четком исполнении уже существующих.

За пределами указанной статьи осталось рассмотрение следующих вопросов, касающихся социального государства: отличие феодальной патерналистской системы от буржуазной; решение социальных вопросов в СССР; социально-экономический кризис государств при переходе к буржуазной системе; удовлетворение экономических потребностей западных стран за счет колониальной экспансии и многие другие.

Список использованной литературы

1. Азжеурова К.Е. Прогрессивная система налогообложения доходов физических лиц в России: за и против, препятствия и перспективы / К.Е. Азжеурова, Д.Б. Щербаков // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 120–135.

2. Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства / С.Г. Василевич // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 95–100.

3. Глазунова В.А. Статус-символы позднесоветского и современного общества: пространство вещей / В.А. Глазунова // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2012. – № 2 (82). – С. 194–207.

4. Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики / Н.С. Григорьева // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2008. – Т. 1, № 6. – С. 112–122.

5. Ежова Е.Н. Медиа-рекламная картина мира: проблема социальной ответственности рекламы / Е.Н. Ежова // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 54–62.

6. Иванова Е.С. К вопросу определения социальной незащищенности и круга лиц, относящихся к социально-незащищенным категориям граждан / Е.С. Иванова // Пробе-

лы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 58–61.

7. Масальский М.Г. Что такое плановая экономика? Эффективна ли плановая экономика в наше время? / М.Г. Масальский, Е.С. Зуева // Экономика и социум. – 2022. – № 4–3 (95). – С. 82–84.

8. Овчинникова И.В. Сравнение капиталистической и социалистической экономических систем / И.В. Овчинникова, А.О. Патракова, Е.В. Вьюшкова // Экономика и социум. – 2015. – № 5–1 (18). – С. 934–937.

9. Чиркин В.Е. Социальное государство: юридические индикаторы / В.Е. Чиркин // Российский юридический журнал. – 2007. – № 4 (56). – С. 52–59.

Информация об авторе

Александр Викторович Дашко – доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, теории и истории государства и права Института деловой карьеры, кандидат юридических наук, доцент, 89262322007@mail.ru.

Author

Alexander Viktorovich Dashko – Associate Professor of the Department of General Humanities, Theory and History of State and Law of the Institute of Business Career, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, 89262322007@mail.ru.

УДК 347.78

А.Н. Демидов

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТЕХНИЧЕСКИХ МЕР ЗАЩИТЫ В ИНТЕРНЕТЕ: СТАТЬЯ 1299 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОДХОД ЕВРОСОЮЗА К ТЕХНОЛОГИЯМ СО СМЕШАННОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬЮ

Рассмотрены пределы правовой охраны технических мер защиты в сети Интернет с опорой на ст. 1299 Гражданского кодекса Российской Федерации и сопоставлением с международными и европейскими ориентирами, прежде всего Договором ВОИС по авторскому праву (WCT) и Директивой 2001/29/ЕС. Показано, что правовая защита технических мер защиты выполняет превентивную функцию и позволяет пресекать обход мер защиты и оборот средств обхода как самостоятельные формы противоправного поведения. Одновременно такая охрана не должна подменять правовой режим использования произведения и приводить к фактическому нивелированию законных исключений и ограничений авторского права. Центральной проблемой обозначена квалификация технологий со смешанной функциональностью, имеющих легитимные сферы применения, но потенциально пригодных для обхода. В целях повышения предсказуемости правоприменения предложена оценочная модель квалификации, основанная на совокупной проверке назначения технологии, коммерческой модели, наличия правомерных сценариев использования, фактического эффекта нейтрализации и соразмерности вмешательства. Обоснован вывод о необходимости синтеза охранительного и балансирующего подходов для формирования единообразной практики и поддержания баланса интересов правообладателя и добросовестного пользователя.

Ключевые слова: технических меры защиты; ТМЗ; DRM; обход; средства обхода; ст. 1299 ГК РФ; WCT; Директива 2001/29/ЕС; исключения и ограничения; соразмерность; квалификация технологий; смешанная функциональность.

© Демидов А.Н., 2026

A.N. Demidov

LIMITS OF LEGAL PROTECTION OF TECHNOLOGICAL PROTECTION MEASURES ON THE INTERNET: ARTICLE 1299 OF THE RUSSIAN CIVIL CODE AND THE EU APPROACH TO TECHNOLOGIES WITH MIXED FUNCTIONALITY

The paper examines the limits of legal protection of technical protection measures on the Internet, with reference to Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation and in comparison with international and European frameworks, primarily the WIPO Copyright Treaty (WCT) and Directive 2001/29/EC. It is shown that the legal protection of technical protection measures performs a preventive function and makes it possible to suppress circumvention of protection measures and the circulation of circumvention tools as independent forms of unlawful conduct. At the same time, such protection should not replace the legal regime governing the use of a work or lead to the de facto erosion of lawful copyright exceptions and limitations. The central issue identified is the qualification of technologies with mixed functionality, which have legitimate areas of application but may potentially be used for circumvention. In order to improve predictability in law enforcement, the paper proposes an evaluative qualification model based on a combined assessment of the technology's purpose, business model, the existence of lawful use scenarios, the actual neutralization effect, and proportionality of interference. The paper substantiates the conclusion that a synthesis of protective and balancing approaches is necessary to ensure a more consistent practice and to maintain a proper balance between the interests of the rightholder and the good-faith user.

Key words: technological protection measures; TPMs; DRM; circumvention; circumvention tools; Article 1299 of the Russian Civil Code; WCT; Directive 2001/29/EC; exceptions and limitations; proportionality; technology qualification; mixed functionality.

Правовая охрана технических мер защиты (далее – ТМЗ; DRM/TPM) в интернет-среде обусловлена тем, что цифровое распространение контента снижает эффективность реагирова-

ния после совершения нарушения и объективно стимулирует правообладателей переносить акцент на превентивное управление доступом и копированием. При этом исходная предпосылка современной доктрины состоит в том, что технические барьеры не должны подменять правовой режим использования произведения: пределы допустимости таких ограничений задаются правом, а не технологией. Так, С.И. Болдырев, анализируя охрану объектов, размещенных в сети Интернет, подчеркивает значение правовых инструментов защиты и риски переноса центра тяжести с юридического режима на техническое ограничение доступа, которое может фактически блокировать правомерные сценарии использования [1, с. 181]. В сходной логике Е.И. Кунин, рассматривая внесудебные способы защиты интеллектуальных прав, отмечает, что технические средства защиты и иные технических инструменты могут выступать элементом самозащиты, однако их применение неизбежно упирается в правовые рамки допустимости и баланс интересов участников оборота [4, с. 93–102].

В российском праве базовая нормативная модель закреплена в ст. 1299 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1], которая формирует самостоятельную охрану технического режима доступа и использования произведения и устанавливает взаимосвязанные запреты на обход (нейтрализацию) технических мер защиты, а также на введение в гражданский оборот технологий, устройств, компонентов и услуг, предназначенных для обхода либо приводящих к утрате защитного эффекта. Существенно, что конструкция ст. 1299 ГК РФ позволяет отделить факт нейтрализации защиты (как самостоятельное противоправное действие) от последующего традиционного незаконного использования произведения (например, воспроизведения или доведения до всеобщего сведения). На это, в частности, указывают А.Н. Кирсанов и А.А. Попович, которые трактуют устранение технических средств защиты как юридически значимое деяние, которое способно порождать гражданско-правовые последствия само по себе, даже когда объем последующего незаконного использования доказать затруднительно [2, с. 42–50]. В более развернутом виде соответствующая идея прослежива-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. действ.). Ст. 1299.

ется и в диссертационном исследовании А.А. Поповича, где ТМЗ анализируются как особая категория мер, формирующих самостоятельный охранительный контур, отличающийся от режима охраны исключительных прав на произведение, как объекта авторского права [6, с. 33].

Эта модель согласуется с международными и европейскими ориентирами. Во-первых, Договор ВОИС по авторскому праву (WCT) закрепляет обязанность государств обеспечивать адекватную правовую охрану и эффективные средства защиты против обхода эффективных технических мер; при этом ключевая оговорка состоит в том, что меры ограничивают действия, которые не разрешены автором или не допускаются законом. Во-вторых, в праве ЕС Директива 2001/29/ЕС устанавливает обязанность обеспечивать охрану эффективных технических мер от обхода и от коммерческого оборота средств обхода, связывая запрет с целью обхода и с критерием эффективности самой меры[1].

Поэтому и российская, и европейская конструкции демонстрируют общую тенденцию: охрана ТМЗ строится не как абсолютная технических монополия, а как юридически ограниченная защита, соотносимая с законными исключениями и ограничениями авторского права.

Ключевое практическое значение приобретает проблема квалификации технологий со смешанной функциональностью, которую целесообразно поставить в центр доклада. На уровне технологического рынка это типичная ситуация: цифровое решение имеет легитимный функционал (например, обеспечение совместимости устройств, тестирование безопасности, резервное копирование в корпоративных системах, инструменты доступности, восстановление доступа к правомерно приобретенному контенту), но одновременно может быть использовано для обхода. По этой причине запрет обхода и запрет оборота средств обхода создают риск избыточного охвата правомерных технологий.

В доктрине ставят разные акценты. Охранительная линия исходит из того, что ТМЗ выступают центральным механизмом предотвращения нарушений, а обход – самостоятельным посягательством на охраняемый законом технических режим.

[1] Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society (consolidated version: 06.06.2019).

Например, А.В. Циноева, рассматривая самозащиту авторских прав в Интернете посредством технических средств, в целом оценивает ТМЗ как эффективный инструмент предупреждения нарушений и подчеркивает их практическую значимость как барьера, который снижает доступность контента для неправомерного копирования [7, с. 1–11]. В близком ключе А.А. Попович, анализируя технические способы защиты в цифровой среде, показывает, что запрет обхода работает как самостоятельная юридическая гарантия поддержания режима контроля доступа и использования [6, с. 33]. В рамках этой линии смешанная функциональность нередко рассматривается через призму рисков: если решение существенно облегчает нейтрализацию защиты или ориентировано на такую нейтрализацию, повышается вероятность его квалификации в качестве средства обхода.

Балансирующая линия акцентирует пределы охраны ТМЗ и недопустимость превращения запрета обхода в механизм расширительного ограничения правомерного доступа и законных исключений и ограничений. Е.И. Кунин, рассматривая внесудебную защиту, обосновывает необходимость соразмерности и баланса интересов, поскольку в противном случае технические меры фактически подменяют собой правовое регулирование [4, с. 93–102]. В этой логике смешанная функциональность требует более тонкой правовой проверки: значимы назначение решения, реальность правомерных сценариев применения, фактический эффект для функционирования ТМЗ и оценка соразмерности.

Для российского правоприменения данная проблема имеет прямое практическое значение, поскольку споры по ст. 1299 ГК РФ часто фокусируются на факте нейтрализации или на обороте средств обхода, тогда как последующее незаконное использование может быть либо недоказуемым, либо носить вероятностный характер. А.Н. Кирсанов и А.А. Попович прямо обращают внимание на гражданско-правовые последствия устранения технических средств защиты и тем самым фактически подтверждают самостоятельную значимость такого деяния для квалификации и ответственности [2, с. 42–50]. Одновременно именно в таких сложных кейсах усиливается риск несоразмерного расширения запрета: при отсутствии доказанного объема последующего незаконного использования чрезмерная санкция за сам факт обхода может выглядеть несоразмерной.

Отсюда практическая потребность – предложить правоприменителю более структурированную методологию оценки.

Отдельный аспект баланса закреплен прямо в ст. 1299 ГК РФ: норма предусматривает механизм обеспечения возможности законного использования при наличии технологических барьеров (в тех случаях, когда использование допускается законом). Это принципиально сближает российскую модель с международной и европейской логикой: запрет обхода по своей природе не должен отменять законные исключения и ограничения. На уровне международного стандарта этот тезис прямо поддерживается формулой WCT, связывающей охрану технических мер с действиями, не разрешенными автором или не допускаемыми законом. На уровне права ЕС близкий смысл проявляется через конструкцию охраны эффективных мер и одновременно наличие системы исключений и ограничений, которые в ряде случаев требуют от национального правопорядка обеспечить возможность их фактической реализации. Иначе говоря, в российском праве, в международных стандартах (WCT) и в праве Европейского союза последовательно проводится идея о том, что охрана ТМЗ допустима лишь постольку, поскольку она не разрушает правовую конструкцию правомерного использования произведения.

Именно в этой точке и возникает наш основной прикладной результат: минимальная оценочная модель квалификации, которая позволяет удерживать охрану ТМЗ в пределах ее назначения и избежать расширительного толкования запрета обхода применительно к технологиям смешанной функциональности.

В целях повышения предсказуемости квалификации предложена оценка сложных (пограничных) решений по совокупности пяти критериев, логически вытекающих из конструкции ст. 1299 ГК РФ и международных, а также европейских ориентиров.

1. Назначение технологии и функциональная направленность. Оценивается доминирующая цель решения: оно создавалось преимущественно как средство нейтрализации защиты или как продукт с самостоятельным легитимным назначением. На доктринальном уровне полезна классификационная рамка А.И. Кузеванова, который рассматривает средства защиты авторских и смежных прав и выделяет ТМЗ как особую группу,

тем самым показывая, что внутри технологических решений возможны разные подвиды и разная правовая оценка [5, с. 33].

2. Коммерческая модель и рыночное позиционирование. Смотрим, как продукт продвигается и монетизируется: ориентирован ли маркетинг на обход/нейтрализацию защиты либо на правомерные сценарии использования. В этом месте логика близка к подходу ЕС по Директиве 2001/29/ЕС, где запрет связан не только с техническим свойством, но и с осведомленностью о цели обхода и коммерческими аспектами оборота.

3. Реальность самостоятельного правомерного применения вне обхода. Проверяем, существуют ли жизнеспособные легальные кейсы применения, не являющиеся формальным предлогом (маскировкой) для обхода. Здесь балансирующий подход Е.И. Кунина важен как методологическая опора: технологический инструмент допустим, как форма самозащиты/внесудебной защиты, но только при сохранении правовых рамок и недопущении подмены правового режима техническим [4, с. 93–102].

4. Фактический эффект нейтрализации. Для квалификации критично установить реальную утрату защитной функции либо создание условий, делающих меры защиты неработоспособными. Это особенно важно, чтобы не подменять юридическую оценку абстрактной технической способностью к обходу. Здесь российская конструкция ст. 1299 ГК РФ (нейтрализация/утрата защитного эффекта) задает правильную юридическую оптику: значим результат, а не гипотетическая возможность.

5. Соразмерность и баланс интересов. Итоговая проверка: не приводит ли квалификация к фактическому нивелированию законных исключений и к чрезмерному ограничению правомерного доступа. В качестве нормативного ориентира выступает формула WCT (не разрешено или не допускается законом), а в сравнительно-правовой плоскости – критерий эффективных мер и общая рамка охраны Директивы 2001/29/ЕС.

Сопоставление доктринальных акцентов показывает, что охранительная линия (превентивность и самостоятельность запрета обхода) обоснованно фиксирует повышенную опасность нейтрализации защиты в цифровой среде и поддерживается рядом отечественных исследований о технических средствах защиты. Однако балансирующий подход, исходящий из приоритета правового режима и недопустимости технологического блокирования законных исключений и огра-

ничений, задает необходимые пределы и предотвращает расширительное толкование запрета обхода применительно к технологиям со смешанной функциональностью. Следовательно, практически оправданным является не выбор одной из линий, а их синтез: признание самостоятельной охраны ТМЗ при одновременном применении структурированной оценки в пограничных ситуациях.

Предложенная оценочная модель позволяет, с одной стороны, сохранять превентивную функцию охраны ТМЗ и самостоятельность запрета обхода, а с другой – удерживать правовую охрану в границах международных и европейских стандартов и предотвращать фактическое нивелирование законных исключений и ограничений.

Список использованной литературы

1. Болдырев С.И. Авторские права на объекты, размещенные в сети Интернет, и их защита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.И. Болдырев. – Курск, 2020. 181 с.

2. Кирсанов А.Н. Гражданско-правовые последствия устранения технических средств защиты авторских прав по законодательству Российской Федерации / А.Н. Кирсанов, А.А. Попович // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – № 2. – С. 42–50.

3. Кунин Е.И. Внесудебные способы защиты интеллектуальной собственности в телематических сетях / Е.И. Кунин // Правовая информатика. – 2022. – № 2. – С. 93–102.

4. Кузеванов А.И. Соотношение гражданско-правовых средств и способов защиты авторских и смежных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.И. Кузеванов. – Москва, 2018. – 33 с.

5. Попович А.А. Технические способы защиты авторских прав в сфере использования цифровых информационных технологий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 / А.А. Попович. – Москва, 2023. – 33 с.

6. Циноева А.В. Самозащита авторских прав в сети Интернет при помощи технических средств защиты авторских прав / А.В. Циноева // Аллея Науки: науч.-практ. электрон. журн. – 2020. – № 5 (44). – С. 1–11.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Демидов – аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, andre2000andre@mail.ru.

Author

Andrey Nikolaevich Demidov – Postgraduate Student of the Russian State Academy of Intellectual Property, andre2000andre@mail.ru.

УДК 343(595)

Р.И. Дремлюга

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В МАЛАЙЗИИ

В статье проводится комплексный анализ трансформации законодательства Малайзии в сфере противодействия киберпреступности. Рассматривается базовый Закон о компьютерных преступлениях 1997 года (CCA 1997), выявляются его доктринальные недостатки, в частности, спорная презумпция вины владельца устройства (статья 8) в условиях современных распределенных атак. Центральное место в исследовании занимает обзор масштабных реформ 2024 года, включая принятие Закона о кибербезопасности (Act 854) и поправок в Уголовный кодекс. Анализируются новые механизмы борьбы с обналичиванием похищенных денег, введение ответственности за передачу платежных инструментов и расширение полномочий полиции по внесудебной блокировке счетов. Автор приходит к выводу о смене правовой парадигмы в Малайзии: переходе от реактивного преследования к превентивному контролю и возложению ответственности на посредников.

Ключевые слова: киберпреступность; противодействие преступности; Малайзия.

R.I. Dremliuga

LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING CYBERCRIME IN MALAYSIA

The article provides a comprehensive analysis of the transformation of Malaysia's legislation in the field of countering cybercrime. The basic Computer Crimes Act 1997 (CCA 1997) is examined, identifying its doctrinal shortcomings, particularly the controversial presumption of guilt of the device owner (Section 8) in the context of modern distributed attacks. The study focuses on the major reforms of 2024, including the enactment of the Cyber Security Act (Act 854) and amendments to the Penal Code. New

© Дремлюга Р.И., 2026

mechanisms for combating «money mules,» the introduction of liability for transferring payment instruments, and the expansion of police powers for extrajudicial asset freezing are analyzed. The author concludes that there is a paradigm shift in the Malaysian legal doctrine: a transition from reactive prosecution to preventive control and intermediary liability.

Key words: cybercrime; countering crime; Malaysia.

Регулирование киберпреступлений в Малайзии опирается на базовое законодательство конца 1990-х годов, которое в 2024 году подверглось масштабной и радикальной модернизации для борьбы с современными цифровыми угрозами, онлайн-мошенничеством и для защиты критической инфраструктуры. Малайзия была одной из первых стран в регионе (еще до «бума доткомов»), принявших специальный закон о киберпреступлениях. Это был смелый шаг для 1997 года. Но сегодня, спустя почти 30 лет, этот закон – классический пример того, как «аналоговое» право пытается догнать цифровые реалии.

Первым принятым нормативным актом был Закон о компьютерных преступлениях 1997 года (англ. – Computer Crimes Act 1997 – CCA). Данный закон является основным документом, криминализирующим несанкционированный доступ к компьютерным системам (хакинг), несанкционированную модификацию данных, доступ с намерением совершить дальнейшее преступление и неправомерную передачу информации. Закон имеет экстерриториальное действие, позволяя преследовать лиц за преступления, совершенные как внутри, так и за пределами страны.

Концептуально CCA 1997 заимствует модель британского Computer Misuse Act 1990 (закон о компьютерных злоупотреблениях) и конструирует три основных состава преступления, образующих ядро уголовного права Малайзии в сфере киберпреступлений[1].

Во-первых, несанкционированный доступ к компьютерным материалам (статья 3). Объективная сторона выражается в действиях, направленных на получение доступа к данным или программам, хранящимся в компьютере, при отсутствии

[1] Appudurai J. Computer Crimes: A Case Study of What Malaysia Can Learn from Others? / J. Appudurai, C.L. Ramalingam // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2007. Vol. 2, № 2. Art. 1. URL: https://commons.erau.edu/jdfsl/vol2/iss2/1.

у субъекта соответствующих полномочий. Законодатель формулирует диспозицию максимально широко, охватывая любые формы взаимодействия с системой («causing a computer to perform any function»). Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом (mens rea): лицо должно осознавать неправомерность своих действий.

Несанкционированный доступ с намерением совершить иное преступление (статья 4). Данная норма является квалифицированным составом и предусматривает повышенную ответственность (до 10 лет лишения свободы), если взлом осуществляется как средство для совершения мошенничества, хищения или причинения иного вреда, наказуемого по Уголовному кодексу.

Несанкционированная модификация содержимого компьютера (статья 5). Под модификацией понимается любое изменение, удаление данных или нарушение их целостности. Данная статья традиционно применяется для квалификации действий, связанных с распространением вредоносного ПО (вирусов, червей) и defacement-атаками.

Наиболее дискуссионным аспектом CCA 1997 с точки зрения теории уголовного процесса является Секция 8, вводящая презумпцию вины владельца устройства. Согласно данной норме, лицо, имеющее в своем владении или под контролем компьютер или данные, к которым оно не имеет права доступа, считается получившим этот доступ незаконно, пока не доказано обратное.

Данное положение фактически перекладывает бремя доказывания на обвиняемого, что вступает в противоречие с классическим принципом презумпции невиновности. В 1997 году, когда компьютер представлял собой стационарный объект, находящийся под физическим контролем одного лица, такая логика имела под собой основания[1]. Однако в 2026 году, когда устройства могут быть дистанционно скомпрометированы и использованы в составе ботнетов без ведома владельца, применение Секции 8 создает риски объективного вменения.

В 2024 году Малайзия существенно реформировала данную сферу. Осознавая недостаточность реактивных мер, предусмотренных Законом о компьютерных преступлениях 1997 года

[1] The Efficacy of the Malaysian Government's Response towards Cybercrime / Mohamad, A. R., Yaakop, M. R. & Razif, M. A. M. Open Journal of Political Science, 2024. Vol. 14, 166-176. URL: https://doi.org/10.4236/ojps.2024.141010.

(CCA 1997), законодатель перешел к проактивной модели регулирования, приняв пакет нормативных актов, направленных на защиту критической информационной инфраструктуры и борьбу с финансовыми киберпреступлениями. Данная реформа носит комплексный характер и затрагивает как административное, так и уголовное законодательство.

Центральным элементом реформы стало принятие Закона о кибербезопасности (Act 854), вступившего в силу в августе 2024 года. В отличие от CCA 1997, который фокусируется на индивидуальной уголовной ответственности хакеров, Act 854 устанавливает режим регуляторной ответственности для владельцев и операторов. Согласно данному акту, Национальное агентство кибербезопасности (NACSA) получило широкие полномочия по надзору и принуждению. Руководитель агентства наделен правом издавать обязательные кодексы практики, нарушение которых влечет значительные штрафы (до 500 тыс. ринггитов) или лишение свободы на срок до 10 лет.

Введена жесткая норма, обязывающая субъекты NCII уведомлять о кибер инцидентах в установленные сроки (как правило, не позднее 6 часов с момента обнаружения). Это устраняет ранее существовавшую проблему сокрытия фактов взлома корпорациями, опасающимися репутационных рисков.

Закон ввел обязательное лицензирование для компаний, предоставляющих услуги в сфере кибербезопасности (например, тестирование на проникновение, управляемые услуги безопасности). Данная мера направлена на стандартизацию рынка, однако вызывает опасения в экспертном сообществе относительно возможного создания барьеров для входа новых игроков и стартапов.

Параллельно с актом, направленным на защиту критической информационной инфраструктуры, парламент Малайзии принял поправки в Уголовный кодекс (англ. Penal Code Amendment Bill 2024) и Уголовно-процессуальный кодекс (англ. Criminal Procedure Code Amendment Bill 2024), направленные на борьбу с феноменом вывода мошеннических денег (англ. money mules) и онлайн-мошенничеством.

До реформы 2024 года правоприменители сталкивались с существенными трудностями при квалификации действий лиц, предоставляющих свои банковские счета мошенникам. Для привлечения их к ответственности требовалось доказать наличие

умысла на сокрытие имущества, что часто было невозможно, так как люди, которые занимались обналичиванием украденных денег, заявляли о своей неосведомленности о преступных схемах.

Новые положения (Секции 424A, 424B, 424C и 424D) вводят ответственность за сам факт передачи контроля над платежным инструментом. Также было криминализировано владение чужой банковской картой или учетной записью без законных оснований. Законом была введена ответственность за передачу собственных платежных инструментов (паролей, карт) третьим лицам, если это позволило совершить транзакции, связанные с преступной деятельностью. Фактически вводится стандарт «должной осмотрительности» для владельцев счетов.

Поправки в Уголовно-процессуальный кодекс (секция 116D) наделили полицию правом блокировать средства на банковских счетах при наличии «разумных подозрений» в их криминальном происхождении. Примечательно, что данное действие теперь может осуществляться офицером полиции в звании сержанта и выше без предварительного судебного ордера, что существенно ускоряет реакцию на транзакции, совершаемые в режиме реального времени.

Реформы 2024 года свидетельствуют о смене парадигмы в малазийской правовой доктрине: от преследования постфактум к превентивному контролю и возложению ответственности на посредников (провайдеров инфраструктуры и владельцев счетов). Вместе с тем, расширение дискреционных полномочий полиции в части блокировки активов требует создания надежных механизмов судебного контроля для предотвращения злоупотреблений.

Информация об авторе

Роман Игоревич Дремлюга – директор Дальневосточного центра ИИ Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, dreamluck@yandex.ru.

Author

Roman Igorevich Dremlyuga – Director of the Far Eastern AI Center of the Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Associate Professor, dreamluck@yandex.ru.

УДК 343.16

К.Н. Евдокимов

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В современном мире терроризм и экстремизм рассматриваются как одни из главных угроз безопасности миру и человечеству. Террористическая и экстремистская деятельность международных и иностранных преступных организаций дезорганизует работу государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества. При этом количество преступлений террористической и экстремистской направленности в России и зарубежных странах ежегодно возрастает. Прокуратура как надзорный орган власти, наделенный функцией уголовного преследования, занимает особое место в государственном механизме противодействия терроризму и экстремизму. В статье исследуется место прокуратуры в системе государственной власти Российской Федерации и зарубежных стран. Рассматриваются функции и компетенция органов прокуратуры России, государств-членов Содружества Независимых Государств, Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики. Автором проводится компаративистский анализ полномочий органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Автором делаются выводы о роли, функциях, объеме полномочий прокуратуры Российской Федерации и иностранных государств по профилактике, выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности.

Ключевые слова: зарубежные страны; прокуратура; профилактика терроризма; преступления террористической направленности; террористическая деятельность; экстремизм.

© Евдокимов К.Н., 2026

K.N. Evdokimov

THE SPECIFICS OF PROSECUTORIAL ACTIVITIES TO COMBAT TERRORISM AND EXTREMISM IN RUSSIA AND ABROAD

In the modern world, terrorism and extremism are considered as one of the main threats to the security of the world and humanity. Terrorist and extremist activities of international and foreign criminal organizations disrupt the work of government agencies, local governments, and civil society institutions. At the same time, the number of terrorist and extremist crimes in Russia and abroad is increasing annually. The Prosecutor's Office, as a supervisory authority with the function of criminal prosecution, occupies a special place in the State mechanism for countering terrorism and extremism. The article examines the place of the prosecutor's office in the system of state power of the Russian Federation and foreign countries. The functions and competence of the prosecutor's offices of Russia, the member states of the Commonwealth of Independent States, the European Union, the United States of America, and the People's Republic of China are considered. The author conducts a comparative analysis of the powers of the prosecutor's office in the field of countering terrorism and extremism. The author draws conclusions about the role, functions, and scope of powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and foreign countries for the prevention, detection, suppression, disclosure, and investigation of terrorist and extremist crimes.

Key words: foreign countries; prosecutor's office; prevention of terrorism; terrorist crimes; terrorist activity; extremism.

В Российской Федерации за последние годы отмечается тенденция значительного росту преступлений террористической и экстремистской направленности.

По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации в 2020 году было зафиксировано 833 преступления террористической направленности (+42.4 %), в 2021 году – 1057 преступлений (+27.5 %), в 2022 году – 1566 преступлений (+48,2 %), в 2023 году – 1340 преступлений (–14,4 %), в 2024 году – 3714 преступлений (+55,9 %), в 2025 году зареги-

стрировано 5920 преступлений террористического характера, что в сравнении с аналогичным периодом прошлого года показывает рост на 59,4 %.

Наибольшее количество преступлений террористического характера было совершено в Белгородской области (427), Брянской области (418), Дагестане (299), городе Москва (257), Краснодарском крае (168), Московской области (167).

Не менее тревожная обстановка сложилась в России и с экстремистской преступностью. Так, если в 2024 году в России было зарегистрировано 1719 экстремистских преступлений (+28,3 %), то в 2025 году было уже зафиксировано 2241 преступлений, что больше на 30,4 % в сравнении с аналогичным периодом прошедшего года.

В числе лидеров по количеству совершенных преступлений экстремистской направленности выступили город Москва (167), Свердловская область (87), Краснодарский край (67), Московская область (66), Кабардино-Балкарская Республика (66), Республика Дагестан (57), Кемеровская область-Кузбасс (56), Республика Крым (53)[1].

При этом динамика роста количества преступлений террористической и экстремистской направленности продолжает сохраняться, что вызывает определенную тревожность в обществе и требует более эффективной деятельности со стороны правоохранительных органов.

Вместе с тем, в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) и Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» прокуратура Российской Федерации осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе с террористической и экстремистской преступностью.

Кроме того, прокуроры в соответствии с Законом о прокуратуре и приказами Генерального прокурора РФ от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму», от 21.03.2018

[1] Портал правовой информации. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 02.03.2026).

№ 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» осуществляет прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии терроризму и экстремистской деятельности органами власти, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе за соответствием законам издаваемых ими правовых актов.

Таким образом, следует сделать вывод, что российская прокуратура играет важную роль в государственном механизме противодействия терроризму и экстремизму как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, в рамках международного сотрудничества.

С учетом вышесказанного, представляет интерес рассмотреть особенности прокурорской деятельности по противодействию терроризму и экстремизму в России и зарубежных странах.

Прежде чем перейти к компаративистскому исследованию полномочий органов прокуратуры Российской Федерации и иностранных государств в рассматриваемой сфере следует отметить, что функции и объем полномочий прокуроров непосредственно обусловлены местом прокуратуры в системе органов государственной власти и ее правовым статусом.

В частности, анализ конституционных и законодательных актов зарубежных стран о роли и месте органов прокуратуры в системе разделения властей показывает, что в государствах существуют пять вариантов нормативно-правового решения данной проблемы, с учетом которых органы прокуратуры (функционально схожие с ними органы) можно отнести к той или иной ветви власти:

1) прокуратура находится в составе министерства юстиции, т.е. исполнительной власти (Япония, Соединенные Штаты Америки);

2) прокуратура входит в состав судебной власти, включена в состав судейского корпуса (магистратуры) и находится при судах, (Испания, Италия, Франция);

3) прокуратура выделена в самостоятельный государственный орган (Россия, государства-члены СНГ, Китай, Австрия, Германия, Португалия) [4, с. 148; 7, с. 19].

Так, например, в Соединенных Штатах Америки (далее – США) Министерство юстиции и Атторнейская служба объеди-

нены под руководством Генерального атторнея (прокурора), который назначается президентом США с согласия Сената. В ведении Генерального атторнея (прокурора) находится общее руководство и контроль (надзор) за деятельностью Федерального бюро расследования (далее – ФБР), Миграционной службы, Управления по борьбе с наркотиками, Службы маршалов, Федерального бюро тюрем и т.д.[1]

Расследованием террористических актов в США занимаются сотрудники ФБР из отдела по борьбе с терроризмом[2], а федеральные прокуроры осуществляют уголовное преследование террористов в суде, выступая в качестве государственного обвинителя.

Так 17 октября 2025 года федеральной прокуратурой в штате Техас были предъявлены обвинения Кэмерону Арнольду и Закари Эветтсу за участие в террористической деятельности и оказание поддержки террористам при расстреле полицейского в иммиграционном центре содержания под стражей[3].

Также уголовно-правовая специализация прокуратуры закреплена в Японии. Как и в США прокуратура Японии структурно входит в состав Министерства юстиции. Согласно Закону о прокурорах от 3 мая 1947 года[4] прокурор обладает следующими полномочиями: предварительное расследование наиболее важных и сложных уголовных дел; разрешение ряда уголовных дел без передачи их на судебное рассмотрение (эта мера, именуемая «отсрочкой возбуждения обвинения», может применяться даже при наличии улик, достаточных для направления дела в суд); надзор за следствием в полиции; возбуждение уголовного преследования, т. е. направление дела в суд

---

[1] United States Department of Justice. URL: https://www.justice.gov (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Counterterroism Division Organizational Chart. URL: https://oig.justice.gov/reports/FBI/a0410/orgchart.htm (дата обращения: 02.03.2026).

[3] US prosecutors bring first antifa terrorism charges in Texas police shooting case. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a0016f7a-69a9271a-109f4b71-74722d776562/https/www.yahoo.com/news/articles/us-prosecutors-bring-first-antifa-220233615.html (дата обращения: 02.03.2026).

[4] Закон о прокуратуре (検察庁法) от 3 мая 1947 года. URL: https://togudv.ru/media/filer_public/2a/76/2a76f1d2-bb35-4e3c-818b-ba27ba88ef48/zarubina-posobie-cp-japan.pdf; https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e3a08f4f-69a92d6c-0999f9aa-74722d776562/; https/en.wikipedia.org/wiki/Public_Prosecutors_Office_(Japan)#cite_note-8 (дата обращения: 02.03.2026).

(исключительное полномочие прокурора); поддержание обвинения в суде; надзор за исполнением наказаний, назначенных судом [3, с. 129; 4, с. 148].

Так, например, Генеральной прокуратурой Японии было завершено расследование террористического акта и покушения на жизнь премьер-министра Японии Фумио Кисиду, произошедшего во время его выступления 15 апреля 2023 года в префектуре Вакаяма. Как было установлено, японский гражданин Рюдзи Кимура бросил самодельное взрывное устройство в премьер-министра, при этом ранение получил полицейский. Материалы уголовного дела в отношении Кимуры были направлены прокуратурой в суд, где государственный обвинитель требовал для подсудимого наказания до 15 лет лишения свободы. Окружной суд префектуры Вакаяма 19 февраля 2025 года приговорил Рюдзи Кимуру к 10 годам тюрьмы[1].

Следует отметить, что в государствах Европейского Союза прокуратура также выполняет уголовно-правовую функцию (расследует дела о преступлениях террористической (экстремистской) направленности, либо осуществляет процессуальный надзор за органами расследования, поддержание государственного обвинения в суде при рассмотрении уголовных дел о терактах). Однако, исключением выступают такие страны как Португалия и Италия, где на прокуратуру возложена функция общего надзора за исполнением законов.

В соответствии с частью 1 статьи 219 Конституции Португалии, В компетенцию прокуратуры входят представительство государства и защита интересов, определяемых законом, а также участие в проведении политики, определяемой органами государственной власти в сфере борьбы с уголовными преступлениями и их профилактики, осуществление уголовного преследования, основанного на принципе законности, и защита демократической законности[2].

В Итальянской Республике прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов о правосудии, о правах государства, о юридических лицах, недееспособных; имеет право принятия

---

[1] Совершившего покушение на премьера Кисиду японца приговорили к 10 годам тюрьмы. URL: https://dzen.ru/a/Z7ViIzCGzVdrjB9M (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Portugal's Constitution of 1976 with Amendments through 2005. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005 (дата обращения: 02.03.2026).

таких охранительных мер, какие считает нужными. Прокурор требует наказания за преступления и применения административных мер взыскания, исполнения приговоров, вступивших в законную силу, и других постановлений суда в случаях, установленных законом.

Уложение о судоустройстве № 12 от 30 января 1941 года регулирует полномочия (компетенцию) прокурора по уголовным, гражданским делам и по надзору за исполнением законов в местах лишения свободы [2, с. 36].

В свою очередь, Китай является одной из стран, где сохраняется социалистическая модель прокуратуры, созданная в СССР. Статус прокуратуры определен Конституцией КНР 1982 года, в соответствии с которой Народная прокуратура Китайской Народной Республики является государственным органом надзора за соблюдением законности (статья 134)[1].

Согласно Закону об организации народных прокуратур (ст. 2) народные прокуратуры осуществляют уголовное преследование, обеспечивают национальную безопасность и общественный порядок, защищают законные интересы отдельных лиц и организаций, защищают государственные и общественные интересы, обеспечивают правильное исполнение законов, поддерживают социальную честность и справедливость, единообразие и авторитет законов, обеспечивают постепенный прогресс в построении социализма с китайской спецификой. Согласно ст. 20 вышеуказанного закона народные прокуратуры обладают следующими полномочиями:

1) осуществляют следственные действия по уголовным делам;

2) рассматривают материалы уголовных дел, принимая решения об их утверждении и даче санкции на арест подозреваемых в совершении преступлений;

3) рассматривают материалы уголовных дел, принимая решение о возможности предъявления обвинения и направления дела в суд, и поддерживают государственное обвинение в случаях, когда они принимают решение о предъявлении обвинения;

4) инициируют судебный процесс в интересах общества в соответствии с положениями закона;

---

[1] Конституция КНР от 4 декабря 1982 г. Текст в редакции от 11 марта 2018 г. (неофиц. пер. на англ.). URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html (дата обращения: 02.03.2026).

5) осуществляют правовой надзор за судебной деятельностью;

6) осуществляют правовой надзор за исполнением судебных решений, постановлений и других подобных правовых документов;

7) осуществляют правовой надзор за деятельностью тюрем и следственных изоляторов[1].

Таким образом, прокуратура Китайской Народной Республики наделена широкими полномочиями в сфере противодействия терроризму и экстремизму, от возбуждения уголовных дел о преступлениях террористической (экстремистской) направленности и их предварительного расследования, до участия в рассмотрении судами указанных дел, включая опротестовывание незаконных приговоров и решений судов [8, с. 50].

Прокурорская деятельность государств-участников СНГ и правовой статус их прокуратур определены в конституциях (ч. I ст. 133 Конституции Азербайджанской Республики, п. 2 ст. 103 Конституции Республики Армения, ст. 125 Конституции Республики Беларусь, ч. 1 ст. 83 Конституции Республики Казах стан, п. 2 ст. 104 Конституции Кыргызской Республики, ст. 93 Конституции Республики Таджикистан, ст. 110, 111 Конституции Туркменистана, ст. 118 Конституции Республики Узбекистан, п. 3 ст. 121 Конституции Украины). Например, в соответствии с Конституцией Республики Казахстан (ч. 1 ст. 83) прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов на территории Республики, за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства, принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законности, а также опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики [6, с. 1077].

[1] Закон Китайской Народной Республики об организации народной прокуратуры от 1 июля 1979 г., в редакции от 26.10.2018 (неофиц. пер. на англ. язык). URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/organic-law-of-the-peoples-procuratorate-of-the-prc-2018 (дата обращения: 02.03.2026); Справочник «Прокуратуры стран мира» / КНР. URL: https://agprf.org/mir/china (дата обращения: 02.03.2026).

В свою очередь, прокуратура Российской Федерации в сфере противодействия терроризму и экстремизму на основании Закона о прокуратуре осуществляет следующие функции:

1) надзор за исполнением законов о противодействии терроризму и экстремизму (например, в части профилактики финансирования терроризма и экстремизма организациями, осуществляющими денежные операции и сделки с недвижимым имуществом);

2) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (например, нарушенных как в результате совершения террористических преступлений, так незаконными действиями (бездействием) должностных лиц);

3) надзор за исполнением законов о противодействии терроризму и экстремизму органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях экстремистской (террористической) направленности;

4) надзор за исполнением законов о противодействии терроризму и экстремизму судебными приставами;

5) надзор за исполнением законов о противодействии терроризму и экстремизму администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу;

6) уголовное преследование за совершение преступлений террористической (экстремистской) направленности;

7) координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;

8) возбуждение дел об административных правонарушениях террористической и экстремистской направленности (например, статьи 15.27, 15.27.1, 20.3.1, 20.3.2, 20.29, 20.35 КоАП РФ) и проведение административного расследования;

9) участие в рассмотрении дел судами, арбитражными судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов (например, обращение в доход государства имущества террористических и экстремистских организаций);

10) представительство и защита интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и меж-

дународных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах);

11) участие в правотворческой деятельности (например, разработка модельных правовых актов для органов местного самоуправления в части профилактики терроризма и экстремизма);

12) правовое просвещение граждан в сфере противодействия терроризму и экстремизму;

13) участие прокуроров в заседаниях федеральных органов законодательной и исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления (например, участие Генерального прокурора в заседаниях Совета безопасности Российской Федерации, Национального антитеррористического комитета, а прокуроров субъектов Российской Федерации в заседаниях антитеррористических комиссий).

Резюмируя вышесказанное, автор полагает, что проведенный компаративистский анализ законодательства о прокуратуре Российской Федерации и зарубежных стран позволяет сделать вывод, что российская прокуратура обладает большим объемом полномочий в сфере противодействия терроризму и экстремизму чем прокуратуры большинства азиатских, американских, африканских, европейских и других иностранных государств.

Вместе с тем, анализ научной литературы [1; 2; 5; 6] и законодательства зарубежных стран показывает, что с 2010 года российская прокуратура имеет ряд ограничений в части уголовного преследования, в том числе за терроризм и экстремизм (прокуроры не наделены полномочиями возбуждения уголовных дел или проведения самостоятельного расследования преступлений), что связано с созданием Следственного комитета Российской Федерации, который расследует большую часть преступлений экстремистской и террористической направленности.

В свою очередь, автор придерживается мнения, что в рамках прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие прокурору следовало бы возвратить полномочие по возбуждению уголовных дел

в случае выявления фактов нарушения законности следователями и органами дознания, дополнив соответствующим положением статью 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Евдокимов К.Н. Специфика личности террористического преступника в России: тенденции и перспективы трансформации в современных условиях / К.Н. Евдокимов // Уголовная политика современной России: теория, концепция, стратегия (к 75-летию доктора юридических наук, профессора Босхолова Сергея Семеновича) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., проводимой в рамках IV Байкал. юрид. форума, Иркутск, 09–10 окт. 2025 г. – Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2025. – С. 66–75.

2. Князева Е.Г. Прокурорский надзор в зарубежных странах / Е.Г. Князева // Юридический мир. – 2014. – № 3. – С. 34–37.

3. Кузьмин И.А. Особенности конституционно-правовой охраны в Японии / И.А. Кузьмин, А.В. Юрковский // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 5. – С. 123–137.

4. Мячина Д.А. Правовое положение прокуратуры Российской Федерации и зарубежных стран / Д.А. Мячина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. – 2018. – № 1 (20). – С. 147–151.

5. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / А.В. Юрковский, В.М. Деревскова, Ж.Д. Дондоков [и др.]. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – 306 с.

6. Таболина К.А. Особенности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве в зарубежных странах / К.А. Таболина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 6 (55). – С. 1076–1083.

7. Тюнина И.И. Конституционно-правовой статус прокуратуры в России и зарубежных странах / И.И. Тюнина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 16–26.

8. Юрковский А.В. Органы прокуратуры в странах Северо-Восточной Азии: конституционно-правовой анализ / А.В. Юрковский // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2008. – № 3 (5). – С. 49–55.

Информация об авторе

Константин Николаевич Евдокимов – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, kons-evdokimov@yandex.ru.

Author

Konstantin Nikolaevich Evdokimov – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, kons-evdokimov@yandex.ru.

УДК 34.05

Р.Р. Ефаров

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СРАВНЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье дан анализ отдельных правоприменительных вопросов сравнения нового и перспективного института российского трудового права – приостановление трудового договора и аналогичного института трудового права в зарубежных странах. Подвергнуты сравнительному анализу: само понятие приостановления трудового договора в России и зарубежных странах с точки зрения их логического и правового доказательственного смысла, особенности этих похожих институтов и их существенные признаки. В статье также затронуты отдельные проблемные вопросы нового института трудового права России – приостановление трудового договора, как с точки зрения их теоретической значимости и разработанности, так и точки зрения их правоприменительного смысла и содержания. С точки зрения сравнительного анализа предложены отдельные варианты решения этих проблемных вопросов с позиции теоретической и практической правовой применимости.

Ключевые слова: приостановление трудового договора в России; приостановление трудового договора в зарубежных странах; мобилизация; временный перевод работника; сохранение места работы; социально-трудовые гарантии.

R.R. Efarov

SELECTED ISSUES OF COMPARISON OF THE SUSPENSION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article provides an analysis of certain law enforcement issues related to the comparison of a new and promising institution of Russian labor law, the suspension of an employment contract, and a similar institution of labor law in foreign countries. The article compares the concept of suspending an employment contract

© Ефаров Р.Р., 2026

in Russia and foreign countries in terms of their logical and legal significance, as well as the features and essential characteristics of these similar institutions. The article also addresses certain problematic issues of the new institution of labor law in Russia, such as the suspension of an employment contract, both in terms of their theoretical significance and development, as well as in terms of their legal meaning and content. Based on a comparative analysis, the article proposes certain solutions to these problematic issues from a theoretical and practical legal perspective.

Key words: suspension of an employment contract in Russia; suspension of an employment contract in foreign countries; mobilization; temporary transfer of an employee; job retention; social and labor guarantees.

Приостановление трудового договора – одна из новелл трудового законодательства последних лет. Новый институт был введен Федеральным законом от 7 октября 2022 года № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ»[1]. В частности, появление такого института в трудовом праве России было связано с необходимостью обеспечения гарантий для граждан, мобилизованных для участия в специальной военной операции.

Однако такая новелла в трудовом законодательстве породила множество вопросов, в том числе в вопросах сравнения с приостановлением трудовых договоров в зарубежных странах, поскольку явила собой новшество, с которым трудовое право России ранее никогда не сталкивалось [3, с. 1]. К настоящему времени этот институт, по-видимому, прочно «прописался» в трудовом законодательстве РФ на постоянной основе и будет активно развиваться. 22 февраля 2024 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, предусматривающий приостановление трудового договора в случае призыва работника на военную службу. Несмотря на то, что законопроект был снят в связи с отзывом субъектом законодательной инициативы, очевидно,

[1] О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ: федер. закон [от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428311.

что институт приостановления трудового договора находится под пристальным вниманием законотворческих органов[1].

Обратимся к особенностям нового института трудового права. Включив термин «приостановление трудового договора», законодатель не посчитал нужным дать ему законодательное определение [2, с. 93], что отличает российский институт права от аналогичного института, например, в Республике Молдова[2]. Согласно ст. 75 Трудового кодекса Республики Молдова под приостановлением понимается приостановление работы работником и выплаты ему вознаграждений (заработной платы, надбавок, других выплат) работодателем.

Такое положение в российском законодательстве вряд ли следует признать обоснованным. Учитывая, что ничего подобного в российском трудовом законодательстве ранее не было (в отличие, например, от института приостановления смежных гражданско-правовых договоров в России, имеющего уже обширную правоприменительную практику), законодательное определение термина позволило бы максимально точно и предметно оценить правовую специфику и особенности новеллы.

Для того, что сформулировать определение приостановления трудового договора попробуем обратиться к его признакам, установленным законом. Одним из основных признаков приостановления трудового договора является сохранение места работы за мобилизованным работником. Таким образом, работник наделяется правом, гарантирующим ему возможность вернуться к прежней работе (при этом имея в запасе три месяца после окончания действия контракта с Министерством обороны Российской Федерации), а на работодателя возлагается обязанность – не принимать на постоянной основе на место мобилизованного работника другое лицо. Необходимо заметить, что в Молдове основанием для приостановления трудового договора является призыв на военную или альтернативную службу, а также другие обстоятельства, не зависящие от воли сторон,

[1] О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: законопроект [от 22 февраля 2024 года № 60576-8] // сайт Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ bill/560576-8.

[2] Трудовой кодекс Республики Молдова от 28 марта 2003 года № 154-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.07.2025 г.) // [Электронный ресурс]: сайт ИС Параграф. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30398053 &pos=12;291&doc_id2=30398053&pos2=1254;268.

например, болезнь или травма (ст. 76 Трудового кодекса Республики Молдова).

Следующим признаком приостановления трудового договора в России является включение периода приостановления трудового договора в стаж работника (как общий трудовой, так и специальный). Здесь также наблюдается сохранение права за работником с наделением других субъектов права обязанностью. Аналогичная норма есть в трудовом законодательстве США (например, в случае приостановления трудовых отношений в связи с отсутствием работы) [3, с. 161].

Сохранение социально-трудовых гарантий является признаком приостановления трудового договора, при котором работник, не исполняющий обязанностей по трудовому договору на период приостановления, получает определенные преференции от работодателя. Необходимо заметить, что и здесь существует аналог в зарубежном законодательстве. Например, при приостановлении трудового договора в Великобритании в связи с предоставлением «садового отпуска», работник сохраняет право на оплату [1, с. 431–432].

Таким образом, из анализа признаков приостановления трудового договора в России следует, что особенностью этого института является неисполнение условий трудового договора на неопределенный срок одной стороной – работником, при возложении на другую сторону – работодателя обязанности обеспечивать реализацию рядя гарантий для работника в течение всего срока. Это существенно отличает институт приостановления трудового договора в России от аналогичного института в республике Молдова, где акцент сделан именно на взаимном неисполнении договора.

Указанные особенности позволяют отграничить приостановление трудового договора от приостановления гражданско-правового договора и в российском праве. В гражданских правоотношениях приостановление договора означает, что обе стороны договора временно не исполняют условия такого договора. При этом, как правило, приостановление, является результатом соглашения сторон гражданско-правового договора. В гражданском процессе институт приостановления гражданского дела влечет за собой временное неисполнение действий по гражданскому делу всеми участниками гражданского судопроизводства.

Для приостановления трудового договора характерна обратная ситуация. Приостановление здесь всегда следствие причин, не зависящих от воли сторон. Главным же отличием является сохранения за одной из сторон трудового договора – работодателем обязанностей на период приостановления.

Однако наряду с Трудовым кодексом Российской Федерации термин приостановление трудового договора активно использует и постановление Правительства от 30.03.2022 № 511 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022–2024 годах»[1].

Обратим внимание на признаки приостановления трудового договора в этом нормативно-правовом акте. Здесь они иные, нежели в Трудовом кодексе Российской Федерации. Прежде всего здесь приостановление является не следствием мобилизации гражданина на специальную военную операцию, а результатом временного перевода работника к другому работодателю по направлению Центра занятости населения (следует отметить, что аналогов в зарубежном праве нет). При этом предварительно требуется получить письменное согласие работника, а работодатель может и не согласиться на перевод работника к другому работодателю. Первоначальный трудовой договор приостанавливается на период заключения нового трудового договора с другим работодателем. Права и обязанности по приостановленному трудовому договору стороны не исполняют. И в этом случае за работником сохраняется место работы. Такая правовая конструкция приостановления трудового договора ближе по своей сути к классическим признакам приостановления гражданско-правового договора.

Таким образом, под одним термином – приостановление трудового договора, в России объединены две различные правовые конструкции, что вряд ли целесообразно. Ведь такое положение не может не привести к путанице в правоприменительной практике.

Представляется логичным, что термин «приостановление трудового договора» может применяться только для случаев

[1] Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 - 2024 годах: постановление Правительства РФ [от 30 марта 2022 г. №511 (с посл. изм. и доп.)] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413689.

временного перевода работника к другому работодателю. В случае же с отсутствием на рабочем месте мобилизованного работника, было бы правильно употреблять термин «одностороннее приостановление трудового договора», так как он наиболее точно соответствует признакам, установленным законом для таких случаев. Ведь в этом случае работодатель несет определенные законом обязанности, работник же в трудовых отношениях не несет никаких.

Теперь обратимся к признакам приостановления трудового договора мобилизованного работника, поскольку они являются существенным отличием от смежного института в гражданском праве, и рассмотрим каждый в отдельности. Сохранение места работы является признаком, определяющим суть приостановления трудового договора, что также является обязательным признаком данного института права в зарубежных странах, отдельным исключением, пожалуй, является приостановление трудового договора во Франции [5, с. 42]. На период отсутствия работника это место не может быть занято другим работником по трудовому договору на неопределенный срок (возможно замещение по срочному трудовому договору). Работодатель не может сократить штатную единицу работника, уволить его (кроме случаев ликвидации организации или прекращения деятельности в качестве индивидуального предпринимателя), изменить в одностороннем порядке условия трудового договора с отсутствующим работником.

Таким образом, на период приостановления трудового договора в России работодатель фактически лишен права совершать действия, направленные на организационные или технологические изменения, затрагивающие место работы мобилизованного работника. Однако не лишен возможности совершать действия, направленные на прекращение деятельности всей организации.

При таком положении следует обратить внимание на вероятный случай прекращения трудовых отношений с мобилизованным работником в связи с ликвидацией организации или прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем в сфере малого и среднего предпринимательства. В частности, работодатель малого или среднего предприятия может прекратить свою деятельность с целью избавиться от трудовых отношений с одним или несколькими мобилизованными ра-

ботниками, а затем по истечение некоторого времени возобновить работу своего предприятия, наняв всех прежних работников, но без принятия на работу мобилизованных работников. В такой ситуации закон не нарушен, увольнение мобилизованных лиц оспорить почти невозможно.

Вряд ли можно признать такое положение нормальным. Представляется разумным, установить дополнительные гарантии для мобилизованных работников, у которых трудовые договоры заключены с субъектами малого и среднего предпринимательства. Например, повышенный размер выходного пособия при увольнении в связи с ликвидацией организации или преимущества при трудоустройстве для мобилизованных, уволенных в связи с ликвидацией организации.

Сохранение социально-трудовых гарантий и учет стажа работника являются дополнительными преференциями мобилизованных граждан. Однако не совсем ясно как применять данную льготу если для предоставления социально-трудовой гарантии необходимо личное присутствие работника. Например, такой гарантией может являться предоставление работнику права на санитарно-курортное лечение или выдача ему дополнительного питания. Ни закон, ни подзаконные акты не дают разъяснений каким образом такие гарантии должны предоставляться на период приостановления трудового договора.

В целом институт приостановления трудового договора вызовет немало вопросов в правоприменительной практике, что должно стимулировать развидите этого института российского права, в том числе в контексте сравнения этого института с аналогичными институтами зарубежного права.

Список использованной литературы

1. Бугров Л.Ю. Трудовой договор в России и за рубежом : монография / Л.Ю. Бугров. – Пермь, 2013. – 642 с.

2. Кичигин С.В. Приостановление действия и приостановление исполнения трудового договора // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 91—98.

3. Княжева Е.А. Приостановление трудового договора: правовая природа и реальность применения на практике / Е.А. Княжева, Е.Н. Редикульцева, Т.Е. Сучкова // E-Scio. 2023. №1 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priostanovlenie-

trudovogo-dogovora-pravovaya-priroda-i-realnost-primeneniya-na-praktike (дата обращения: 25.02.2026).

4. Трудовое и социальное право зарубежных стран: основные институты. Сравнительно-правовое исследование / под ред. Э.Б. Френкель. – Москва : Юристъ, 2002. – 687 с.

5. Филипова И.А. Особенности правового регулирования труда по законодательству России и Франции. Сравнительно-правовое исследование : монография / И.А. Филипова. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016. – 115 с.

Информация об авторе

Ренат Реваевич Ефаров – старший преподаватель Забайкальского государственного университета, efarov1977@mail.ru.

Author

Renat Revaevich Efarov – Senior Lecturer at the Transbaikal State University, efarov1977@mail.ru.

УДК 343.98

А.В. Земляков

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ФОРЕНЗИКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 207.3 УК РФ

В статье исследуется зарубежный опыт использования методов цифровой форензики при расследовании уголовных дел, связанных с распространением ложной информации в цифровой среде. В условиях, когда российская правоприменительная практика сталкивается с вызовами расследования преступлений, предусмотренных статьей 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, анализ международных подходов к работе с цифровыми доказательствами, включая OSINT-расследования, методы верификации контента и стандарты обеспечения допустимости электронных доказательств, приобретает особую актуальность. На основе изучения зарубежных кейсов, методических рекомендаций (Берклийский протокол) и практики международных организаций (Совет Европы, Интерпол) автором обосновываются предложения по совершенствованию отечественных криминалистических методик. Особое внимание уделяется проблемам аутентификации доказательств, работе с метаданными, противодействию дипфейкам и тактике перекрестных запросов при доказывании умысла.

Ключевые слова: цифровая форензика; ст. 207.3 УК РФ; дезинформация; фейки; OSINT; зарубежный опыт; электронные доказательства; верификация; дипфейки; судебная экспертиза.

A.V. Zemlyakov

FOREIGN EXPERIENCE IN THE USE OF DIGITAL FORENSICS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines international experience using digital forensics methods in investigating criminal cases involving the dissemi-

© Земляков А.В., 2026

nation of false information in the digital environment. Given the challenges facing Russian law enforcement in investigating crimes under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, an analysis of international approaches to working with digital evidence, including OSINT investigations, content verification methods, and standards for ensuring the admissibility of electronic evidence, is particularly relevant. Based on a study of international cases, methodological recommendations (the Berkeley Protocol), and the practices of international organizations (the Council of Europe, Interpol), the author substantiates proposals for improving domestic forensic methods. Particular attention is paid to issues of evidence authentication, working with metadata, countering deepfakes, and cross-query tactics in proving intent.

Key words: digital forensics; Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation; disinformation; fakes; OSINT; international experience; electronic evidence; verification; deepfakes; forensic examination.

Цифровая трансформация общественных отношений привела к появлению новых вызовов в сфере уголовного судопроизводства. Одним из таких вызовов стала необходимость эффективного расследования преступлений, связанных с распространением ложной информации. В Российской Федерации ответственность за такие деяния установлена, в частности, статьей 207.3 УК РФ[1] .

Специфика данных преступлений заключается в том, что их следы существуют исключительно в цифровой среде, а доказывание субъективной стороны (заведомости) требует применения сложных инструментов цифровой криминалистики. Как справедливо отмечают В.М. Харзинова и Г.Г. Небратенко, криминалистическая характеристика данного вида преступлений включает такие элементы, как способы подготовки и реализации противоправного контента, характер его распространения в телекоммуникационных сетях, а также особые характеристики лица, совершающего данные деяния [10, с. 88].

Зарубежные страны, столкнувшиеся с феноменом дезинформации ранее, накопили значительный опыт в разработке

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

методов сбора, фиксации и анализа цифровых доказательств по таким делам. Цель данной статьи – проанализировать этот опыт и определить возможности его адаптации для российской правоприменительной практики с учетом фундаментальных положений отечественной криминалистической науки.

Прежде чем обращаться к зарубежному опыту, необходимо отметить, что теоретический фундамент для работы с цифровыми следами был заложен в трудах видных отечественных криминалистов. Основоположник криминалистической кибернетики Н.С. Полевой [7] в 1982 году определил ее как теорию информационных процессов и систем в криминалистике, подчеркнув важность математизации и автоматизации обработки криминалистической информации [6, с. 89]. Его идеи о применении кибернетических методов для решения криминалистических задач получили развитие в современных исследованиях.

В фундаментальном учебнике по криминалистике под редакцией Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корнухова и Е.Р. Россинской обосновываются общетеоретические подходы к собиранию и исследованию доказательств, включая электронные носители информации [1]. Р.С. Белкин в своей криминалистической энциклопедии сформулировал базовые категории, имеющие методологическое значение для понимания природы цифровых следов [2].

Современные исследователи, такие как А.В. Малык, обращают внимание на необходимость уточнения понятия «источник электронных доказательств» и предлагают рассматривать кибернетическое пространство в качестве самостоятельного источника доказательственной информации [5, с. 64]. Данный подход имеет принципиальное значение для осмысления зарубежного опыта, поскольку позволяет интегрировать международные стандарты в отечественную правоприменительную практику.

Методология OSINT и верификация открытых источников.

Одним из ключевых элементов расследования преступлений, связанных с фейковой информацией, является работа с данными из открытых источников (OSINT – Open Source Intelligence). Зарубежная практика, в частности, отраженная в Берклийском протоколе о цифровых открытых расследованиях (Berkeley Protocol), предлагает строгую методологию работы с такой информацией [11].

Зарубежные эксперты выделяют три обязательных этапа верификации цифрового контента: анализ источника, технический анализ и анализ содержания [16]. Для российского следователя по ст. 207.3 УК РФ это означает, что недостаточно просто зафиксировать факт публикации; необходимо доказать, что источник (аккаунт, сайт) принадлежит конкретному лицу (анализ источника), что метаданные файла не свидетельствуют о монтаже (технический анализ), а контент не вырван из контекста (анализ содержания).

Международные трибуналы и национальные суды активно используют методы геолокации (сопоставление ландшафта со спутниковыми снимками) и хронологии (анализ теней, погоды, сезонных изменений) для проверки подлинности видео [18]. В делах по ст. 207.3, где часто фигурируют видео с мест событий, применение этих методов позволяет опровергнуть ложные сведения, доказывая, например, что видео снято в другое время или в другом месте.

Важно отметить, что в российской науке также разрабатываются подходы к верификации цифрового контента. Так, Е.И. Галяшина и К.М. Богатырев исследуют индикаторы фейковизации поликодовых текстов в контексте выявления недостоверной информации в Интернете [9, с. 41]. Т.Н. Секераж предложен методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации [9].

Техническая форензика: работа с метаданными и скрытой информацией.

Зарубежные кейсы демонстрируют критическую важность анализа метаданных и служебной информации файлов, которая зачастую игнорируется при поверхностном рассмотрении.

Как показывает практика эксперта Джессики Хайд в резонансном деле «Кэрен Рид», простой вывод автоматизированных инструментов может быть обманчив [12]. Время создания скриншота, время открытия вкладки браузера и время самого поиска – это разные временные метки. Эксперт должен не просто запустить утилиту, а интерпретировать ее результаты, учитывая особенности работы операционных систем и приложений. По ст. 207.3 это актуально для доказывания момента, когда лицо осознанно разместило ложный пост, а не просто сделало репост старой записи.

В практике зарубежных форензик-лабораторий широко используется анализ «пробелов» в логах [20]. Отсутствие данных в момент совершения преступления (например, телефон был выключен) может быть таким же важным доказательством, как и их наличие. Использование второго инструмента для верификации находок становится стандартом качества, позволяя избежать ошибок, когда одна программа «не видит» улики, а другая находит [19].

В российской науке проблемы собирания цифровых следов активно исследуются в рамках криминалистической кибернетики. Как отмечается в современных исследованиях, одной из ключевых проблем является противоречие между развивающимися технологическими возможностями обработки цифровых данных и нормативными ограничениями, накладываемыми уголовно-процессуальным законодательством. Использование информационных технологий в расследовании преступлений должно соответствовать принципам законности, уважения прав и свобод человека, сочетания гласных и негласных методов [6, с. 89].

Противодействие дипфейкам и синтетическому контенту.

С появлением искусственного интеллекта проблема различения реального и сфабрикованного контента становится краеугольным камнем цифровой форензики. Зарубежные эксперты предупреждают о наступлении эры «дипфейков» и «широкоформатных фейков» (shallowfakes) [15].

Специализированное программное обеспечение (например, InVid, WeVerify) позволяет извлекать метаданные и выявлять следы ИИ-генерации, такие как артефакты на изображении или несоответствие аудиоряда артикуляции губ [15]. Внедрение таких инструментов в экспертные подразделения является необходимым условием для качественного расследования фейков.

Зарубежная доктрина обращает внимание на эффект «дивидента лжеца», когда реальные доказательства объявляются защитой дипфейками [16]. Российскому следователю необходимо быть готовым к таким заявлениям и иметь в арсенале заключения специалистов, подтверждающих подлинность (или подделку) медиафайла.

Трансграничное взаимодействие и стандарты электронных доказательств.

Преступления по ст. 207.3 УК РФ часто совершаются с использованием серверов, доменов и платформ, зарегистрированных за рубежом. Здесь бесценен опыт Совета Европы и Европейского Союза.

Программа CyberSEE Joint Project демонстрирует механизмы трансграничного сотрудничества, включая проведение совместных операций и обучение методам live acquisition (изъятия цифровых данных в реальном времени) [14]. В рамках региональных судебных тренингов по электронным доказательствам особое внимание уделяется стандартам фиксации цифровых следов, обеспечивающим их признание в судах разных стран.

Опыт Молдовы и Узбекистана, которые при поддержке ОБСЕ внедряют международные стандарты аккредитации IT-лабораторий, показывает важность унификации процедур [8, с. 206]. Российским экспертным учреждениям важно учитывать эти стандарты (ISO/IEC 17025), чтобы результаты их исследований были признаваемы и понятны на международном уровне.

Интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику.

Современные зарубежные исследования акцентируют внимание на интеграции искусственного интеллекта в криминалистическую практику. Применение алгоритмов машинного обучения позволяет автоматизировать анализ больших массивов цифровых данных, выявлять скрытые закономерности и существенно сокращать время экспертного исследования.

При расследовании дел о дезинформации ИИ-алгоритмы могут использоваться для:

а) мониторинга социальных медиа на предмет выявления противоправного контента;

б) анализа тональности текстов и выявления скоординированных кампаний;

в) сопоставления больших объемов визуального контента для выявления повторяющихся элементов.

Как показывают исследования по криминалистической кибернетике, применение кибернетических методов позволяет значительно повысить объективность и точность криминалистических исследований [8]. Аналогичные подходы могут быть использованы для анализа цифровых следов: идентификации

пользователей по поведенческим паттернам, выявления скрытых связей в данных, прогнозирования киберпреступлений [6].

Проведенный анализ зарубежного опыта применения цифровой форензики позволяет сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ:

1. Необходимо разработать ведомственные рекомендации по тактике сбора и фиксации информации, находящейся в открытом доступе, включая обязательную фиксацию всей цепочки действий (веб-архивы, скриншоты с хешами) для обеспечения последующей допустимости этих доказательств в суде. Целесообразно использовать зарубежные методические разработки как базовую основу для таких рекомендаций с учетом положений, разработанных в трудах Н.С. Полевого о системном подходе к обработке криминалистической информации [7].

2. Целесообразно расширение компетенций судебных экспертов в области компьютерно-технической экспертизы, включив в нее разделы по исследованию контента на предмет наличия признаков монтажа или генерации ИИ, а также углубленный анализ метаданных. При этом важно учитывать классификацию цифровых следов, предлагаемую современными исследователями (виртуальные следы, электронные следы, цифровые артефакты).

3. Требуется оснащение экспертно-криминалистических подразделений современным программным обеспечением для верификации цифрового контента и анализа больших данных, а также регулярное повышение квалификации следователей и экспертов по работе с цифровыми следами. Положительный опыт в этом направлении демонстрируют программы Совета Европы и ОБСЕ.

4. При проведении исследований цифровых носителей закрепить в качестве рекомендации использование как минимум двух независимых программно-аппаратных средств для исключения ошибок интерпретации и повышения надежности выводов. Это соответствует подходу, обоснованному еще Р.С. Белкиным относительно необходимости всестороннего исследования доказательств [3].

5. Учитывая трансграничный характер цифровой информации, целесообразно приведение отечественных методик работы с электронными доказательствами в соответствие с меж-

дународными стандартами (ISO/IEC 17025, рекомендации Интерпола), что облегчит взаимодействие с зарубежными правоохранительными органами и повысит легитимность полученных доказательств.

Зарубежный опыт показывает, что только глубокий, многослойный анализ цифровых следов позволяет установить истину по делу и обеспечить неотвратимость наказания для лиц, использующих информационное пространство для совершения противоправных деяний. При этом важно сохранять преемственность с фундаментальными положениями отечественной криминалистической науки, разработанными в трудах Р.С. Белкина, Н.С. Полевого и других видных ученых.

Список использованной литературы

1. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – Москва : Норма, 2023. – 928 с.

2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 2-е изд., доп. – Москва : Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

3. Белкин Р.С. Собрание трудов : в 4 т. / Р.С. Белкин. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – Т. 2: Теория доказывания. – С. 245–247.

4. Галяшина Е.И. Индикаторы фейковизации поликодовых текстов в контексте выявления недостоверной информации в Интернете / Е.И. Галяшина, К.М. Богатырев // Эксперт-криминалист. – 2023. – № 2. – С. 11–14.

5. Малык А.В. К вопросу об источнике электронных доказательств / А.В. Малык // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2025. – № 3. – С. 64–76.

6. Манжаро В.В. Криминалистическая кибернетика: современные возможности собирания и исследования цифровых следов / В.В. Манжаро, А.В. Коршунов, А.А. Гайдуков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 3 (35). – С. 89–96.

7. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика: теория информационных процессов и систем в криминалистике / Н.С. Полевой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 208 с.

8. Сарсенбаева Б.Б. Интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику: от анализа данных к принятию решений / Б.Б. Сарсенбаева, А.К. Шаркемелов, С.А. Бегимбаев // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2025. – № 4 (13). – С. 206–216.

9. Секераж Т.Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – № 17 (2). – С. 41–48.

10. Харзинова В.М. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях / В.М. Харзинова, Г.Г. Небратенко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 2 (96). – С. 88–93.

11. Berkeley protocol on digital open source investigations : a practical guide on the effective use of digital open source information in investigating violations of international criminal, human rights and humanitarian law / United Nations Human Rights, Office of the High Commissioner ; Human Rights Center, UC Berkeley School of Law. – New York ; Geneva, 2022. – 102 p.

12. Daniel L. Karen Read Trial: Expert Explains 'Hos Long To Die In Cold' Search And Deleted Calls / L. Daniel // Forbes. – 2025. – July 9. – URL: https://www.forbes.com/sites/larsdaniel/2025/07/09/karen-read-expert-from-trial-explainshos-long-to-die-in-cold-and-deleted-calls/ (дата обращения: 18.02.2026).

13. Chesney R. Deep Fakes and the New Disinformation War / R. Chesney, D. Citron // Foreign Affairs. – 2024. – Vol. 103, № 1. – P. 78–93.

14. CyberSEE strengthening capacities in digital forensics and electronic evidence : [Digital Forensics Conference 2025, Belgrade, 4–5 November 2025] / The Council of Europe. – Belgrade, 2025. – URL: https://www.coe.int/fr/web/cybercrime/-/cybersee-strengthening-capacities-in-digital-forensics-and-electronic-evidence (дата обращения: 18.02.2026).

15. InVid: Video Verification Plugin / Amsterdam University of Applied Sciences. – 2025. – URL: https://www.invid-project.eu (дата обращения: 18.02.2026).

16. Koenig A. Open Source Evidence and Human Rights Cases / A. Koenig // Journal of International Criminal Justice. – 2023. – Vol. 21, № 3. – P. 451–476.

17. Koenig A. The Liar's Dividend in the Age of Deepfakes / A. Koenig // Harvard International Law Journal. – 2025. – Vol. 66, № 1. – P. 112–148.

18. McDermott Rees Y. Geolocation and Chronometry in Digital Investigations / Y. McDermott Rees // Digital Investigation. – 2024. – Vol. 48. – Article 301589.

19. Representative Cases / Bunting Digital Forensics. – 2025. – URL: https://buntingdigitalforensics.us/representative-cases (дата обращения: 18.02.2026).

20. When the Chain Breaks: Metadata Manipulation and Chain-of-Custody Violations in Federal Investigation / Bunting Digital Forensics. – 2025. – URL: https://buntingdigitalforensics.us/insights/when-the-chain-breaks (дата обращения: 18.02.2026).

21. Uzbek digital forensic experts learn from Moldova's experience in building accredited IT laboratories / OSCE. – 2025. – October 29. – URL: https://www.osce.org/secretariat/600323 (дата обращения: 18.02.2026).

Информация об авторе

Александр Владимирович Земляков – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, zemlyakov.alex@mail.ru.

Author

Alexandr Vladimirovich Zemlyakov – Senior Lecturer at the Department of General Hu-manitarian and Socio-Economic Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, zemlyakov.alex@mail.ru.

УДК 336.14

Е.Ю. Иванова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей ответственности за нецелевое использование бюджетных средств в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются действующие нормы российского и китайского законодательства, определяющие степень ответственности за подобные правонарушения, а также приводится сравнение подходов обеих стран к обеспечению сохранности государственных средств.

Анализируются современные тенденции и вызовы, стоящие перед системами правосудия двух стран, предлагаются рекомендации по совершенствованию их законодательства и практики применения нормативных правовых актов. Особое внимание уделяется опыту Китайской Народной Республики, характеризующемуся жесткой системой наказаний за экономические преступления, включая случаи нецелевого использования бюджетных средств.

Ключевые слова: бюджет; ответственность; нецелевое использование бюджетных средств; Российская Федерация; Китайская Народная Республика.

E.Yu. Ivanova

RESPONSIBILITY FOR MISUSE OF BUDGETARY FUNDS: EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

This article focuses on the features of liability for misappropriation of budget funds in the Russian Federation and the People's Republic of China. It examines the current norms of Russian and Chinese legislation that determine the degree of liability for such vi-

© Иванова Е.Ю., 2026

olations, and provides a comparison of the approaches of both countries to ensuring the safety of public funds.

The article analyzes current trends and challenges facing the justice systems of both countries, and offers recommendations for improving legislation and the implementation of regulations. Special attention is given to China's experience, which is characterized by a strict system of penalties for economic crimes, including cases of misappropriation of budget funds.

Key words: budget, misappropriation of budget funds; Russian Federation; People's Republic of China; responsibility.

Современная российская экономика сталкивается с множеством сложных вызовов, среди которых выделяются нестабильная финансовая ситуация, снижение объемов поступлений в региональные и местные бюджеты, а также нарастающие кризисные процессы в экономической и социальной среде. Так, в 2025 году сотрудники экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России раскрыли более 13 тыс. преступлений в бюджетной сфере, ущерб от которых превысил 154 млрд. рублей[1]. Эти факторы настоятельно требуют значительно жестче подходить к вопросам дисциплины и ответственности при управлении государственными денежными потоками, особенно целевого расходования бюджетных средств. Данная необходимость подтверждается анализом прокурорской практики, который свидетельствует о сохраняющихся серьезных проблемах с соблюдением законности в бюджетной сфере[2].

Факты неэффективного и нецелевого использования бюджетных средств широко распространены как на федеральном и региональном, так и на местном уровне. Важно отметить, что подобные нарушения проникают в различные сферы общественных отношений: жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, оборонно-промышленный комплекс, строительство и социальное обеспечение.

В пункте 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 указано, что участники бюджетного процесса, в рамках по-

[1] URL: https://iz.ru/2036791/mvd-v-proshlom-godu-vyiavilo-prestupleniia-v-biudzhetnoi-sfere-na-154-mlrd-rublei-izi (дата обращения: 24.02.2026).

[2] Статистический отчет «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» по форме ОН за 2025 год.

становленных перед ними задач, обладают полной самостоятельностью при совершении той или иной денежной операцией, если это не выходит за пределы выделенных им на определенные цели лимитов бюджетных средств[1].

Под нецелевым использованием бюджетных средств понимается направление выделенных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным в бюджетной росписи, смете доходов и расходов или ином правовом основании (статья 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации[2], далее – БК РФ). Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, использование бюджетных средств строго регулируется, и любые отклонения от установленных норм считаются недопустимыми [1, С. 40]. Этот тип нарушений является широко распространенным и регулярно обнаруживается в ходе проверок органов финансового контроля. Такие действия не только подрывают финансовую дисциплину, но и снижают эффективность государственных расходов, нанося ущерб экономике и социальной сфере страны.

Интересно отметить, что сходные категории нарушений присутствуют и в законодательстве Китайской Народной Республики (далее - КНР), где используется похожее юридическое обозначение «использование казенных средств не по назначению»[3].

Государственная реакция на несоблюдение принципов правильного распоряжения государственными деньгами выражается в комплексе мер, применяемых государством для восстановления законности в бюджетной сфере.

Целевой характер является определяющим для правовой природы бюджетных средств [2, с. 42]. В соответствии с законодательством Российской Федерации, нецелевое расходование бюджетных средств влечет за собой применение бюджетной ответственности (меры бюджетного принуждения), а также административной или уголовной.

Составы бюджетных правонарушений перечислены в статьях 306.4, 306.5, 306.6 и 306.7 БК РФ (нецелевое использование

---

[1] О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации : постановления Пленума ВАС Российской Федерации от 22 июня 2006 № 23 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430 _11614090.htm (дата обращения: 01.03.2026).

бюджетных средств, невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита, неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом, нарушение условий предоставления бюджетного кредита) [2, с. 80].

Меры бюджетного принуждения (ст. 306.4 БК РФ) включают в себя финансовые санкции:

1) бесспорное взыскание суммы, равной объему нецелевого использованных средств, полученных из другого бюджета бюджетной системы РФ, и/или платы за их пользование;

2) сокращение предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций).

Административная ответственность за данное нарушение установлена статьей 15.14 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Ее действие распространяется на бюджеты всех уровней, включая бюджеты государственных внебюджетных фондов. К административной ответственности за нецелевое использование можно привлекать всех, кто получил денежные средства из бюджета, включая физических и юридических лиц. Применение данной статьи происходит в случаях, когда действия виновного лица не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Статья 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, совершенное в крупном размере. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности руководителей юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц по статье 285.1 УК РФ невозможно, поскольку законодательством не устанавливается ответственность лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса.

В законодательстве КНР, в отличие от российского, закреплена система административной и уголовной ответственности за нецелевое использование государственных средств.

Закон о бюджете КНР[1] предусматривает юридическую ответственность. Так, статья 74 Закона «О бюджете КНР» предусматривает, что в случае произвольного использования средств казначейства, или в случае, если положенные в казну средства используются каким-либо другим образом, в нарушение законов или административных правил и инструкций, финансовые отделы органов власти дают распоряжение о возвращении или возмещении данных средств в казну, а органы власти более высокого уровня применяют административные санкции к руководителю и лицам, несущим прямую ответственность[2].

Статья 8 Закона КНР «Об административных наказаниях» устанавливает следующие виды административных взысканий[3]:

1) предупреждение;

2) штраф;

3) конфискация незаконно полученных доходов, конфискация незаконно нажитых ценностей;

4) вынесение решения о приостановлении деятельности;

5) временное приостановление либо аннулирование действия лицензии, временное приостановление либо аннулирование действия патента;

6) административный арест;

7) иные административные наказания, предусмотренные законом, административным законодательством.

Важно подчеркнуть разницу в субъектах ответственности за расходование бюджетных средств в китайской и российской системах. В КНР за нецелевое использование бюджетных средств может понести наказание любой государственный служащий любого государственного учреждения, который воспользовался преимуществами своего служебного положения. При этом само понятие «государственный служащий» в законодательстве КНР включает в себя очень широкий круг лиц, которые не обязательно имеют допуск к осуществлению самих финансовых операций. По российскому же законодательству субъектом нецелевого расходования бюджетных средств может

---

[1] Закон о бюджете КНР. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30188245 (дата обращения: 21.02.2026).

[2] Там же.

[3] URL: https://chinalawinfo.ru/administrative_law/law_administrative_punishment/law_administrative_punishment_ch2 (дата обращения: 01.03.2026).

считаться только должностное лицо – получатель бюджетных средств [3]. Таким образом, китайский подход заметно шире и строже регулирует поведение государственных служащих, усиливая контроль над государственными активами и укрепляя принципы честности и ответственности.

Весьма примечательной особенностью китайского уголовного законодательства является широкий спектр статей, регламентирующих ответственность за нецелевое использование государственных средств, предназначенных для особых нужд общества. Помимо общих положений о нецелевом распоряжении государственными средствами, в статье 384 Уголовного кодекса КНР отдельно акцентируется внимание на ситуациях, когда средства, предназначенные для экстренной помощи пострадавшим от природных катастроф, ликвидации чрезвычайных ситуаций, предупреждения наводнений, адресной социальной поддержки малообеспеченных слоев населения, помощи мигрантам и прочих гуманитарных мероприятий, используются ненадлежащим образом[1]. В этом случае наказывается максимально суровым наказанием из предусмотренных настоящей статьей – бессрочным лишением свободы.

Статистика демонстрирует, что борьба с таким видом нарушений ведется весьма последовательно: в минувшем году Китай провел широкомасштабные антикоррупционные чистки, в ходе которых были наказаны 69 высокопоставленных государственных служащих. Среди них оказались чиновники уровня министров и руководителей регионов[2]. Результаты года свидетельствуют о значительном увеличении количества расследованных дел и выявленных нарушителей по сравнению с предыдущими периодами.

Механизм наказания за подобные правонарушения схож в Российской Федерации и КНР и основывается на принципе защиты финансовой стабильности и правил справедливого расходования бюджетных средств. Нарушения подобного рода затрагивают ключевые элементы финансовой безопасности и доверия граждан к органам власти.

---

[1] URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm (дата обращения: 02.03.2026).

[2] URL: https://news.rambler.ru/world/55908937-stalo-izvestno-skolko-chinovnikov-vlasti-kitaya-nakazali-za-korruptsiyu (дата обращения: 02.03.2026).

Однако российский опыт требует дальнейшего усовершенствования, поскольку судебная практика показывает недостаточную проработанность механизма ответственности. Целесообразно рассмотреть расширение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за подобные деяния, включив сюда, кроме получателей бюджетных средств, всех должностных лиц получателей средств из бюджета. Такой подход позволил бы существенно укрепить финансовую безопасность и снизить риск возникновения повторных нарушений в будущем.

Список использованной литературы

1. Иванова Е.Ю. Бюджетные средства как финансово-правовая категория / Е.Ю. Иванова // Искусство правоведения. – 2024. – № 4 (12). – С. 37–43. – EDN QODVGF.

2. Энциклопедия российского финансового права / под редакцией Е.Ю. Грачевой, Р.Е. Артюхина. – Москва : Проспект, 2024. – 928 с.

3. Глушкова О.В. Бюджетно-правовая ответственность за нецелевое использование бюджетных средств на примере Китая / О.В. Глушкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 16 (411). – С. 186–190. – URL: https://moluch.ru/archive/411/90470.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Иванова – научный сотрудник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, аспирант Байкальского государственного университета, eivanovangarsk@yandex.ru.

Author

Elena Yurievna Ivanova – Researcher of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Provision of the Irkutsk Juridical Institute (Branch Office) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Postgraduate Student of Baikal State University, eivanovangarsk@yandex.ru.

УДК 340

А.Е. Канузель

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, ТАДЖИКИСТАНА И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

В статье представлен сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства об ответственности за мошенничество в сфере кредитования. Исследуются нормативные подходы Российской Федерации, Республики Таджикистан, государств постсоветского пространства, а также стран, представляющих романо-германскую, англосаксонскую, социалистическую и мусульманскую правовые семьи. Выявляются общие закономерности и национальные особенности криминализации кредитного мошенничества, формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Таджикистан.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования; сравнительное правоведение; уголовная ответственность; кредитный обман; зарубежное уголовное законодательство; правовые семьи.

A.E. Kanuzel

CRIMINAL LIABILITY FOR LOAN-SECURITY FRAUD UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA, TAJIKISTAN AND OTHER STATES

The article presents a comparative legal analysis of the criminal legislation on liability for loan-security fraud. The normative approaches of the Russian Federation, the Republic of Tajikistan, the states of the post-Soviet space, as well as the countries representing the Romano-German, Anglo-Saxon, socialist and Muslim legal families are investigated. The article identifies general patterns and national specifics of the criminalization of credit fraud, and formulates proposals for improving the criminal legislation of the Republic of Tajikistan.

© Канузель А.Е., 2026

Key words: credit fraud; comparative law; criminal liability; credit deception; foreign criminal legislation; legal families.

Сравнительно-правовой метод выступает инструментом познания, позволяющим выявить универсальные закономерности установления уголовно-правового запрета и особенности национальных правовых систем, обусловленные историко-культурным контекстом. Как справедливо отмечал Н.С. Таганцев, полная изоляция от правового опыта иных народов препятствует развитию собственного национального права [1, с. 15]. Р. Давид и К. Жоффре-Спинози обосновали способность компаративистики углублять понимание отечественной правовой системы через сопоставление с иными правопорядками [2, с. 14, 45–48].

Актуальность сравнительного анализа уголовной ответственности за мошенничество в кредитной сфере обусловлена цифровизацией финансовых отношений, трансграничным характером экономических преступлений, а также интеграционными процессами на пространстве Содружества Независимых Государств. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ задает ориентиры гармонизации законодательства в борьбе с преступлениями экономической направленности [3].

В качестве объектов настоящего исследования избраны уголовно-правовые нормы России, Таджикистана и государств, репрезентирующих различные правовые семьи. Среди них: Германия, Франция, Швейцария (романо-германская правовая семья); Соединенные Штаты Америки, Великобритания (англосаксонская правовая семья); Китай, Куба (социалистическая правовая семья); Оман, Иран (мусульманская правовая семья); Беларусь, Казахстан (государства с общей постсоветской историей). Выбор означенных стран обусловлен необходимостью выявления как общих закономерностей, так и национальных особенностей криминализации мошеннических посягательств в кредитной сфере.

Российская Федерация, сохраняя принадлежность к романо-германской правовой семье, избрала путь дифференциации экономических преступлений. Статья 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] выделяет мошенничество в сфере кредитования в самостоятельный состав, конкретизируя пред-

мет преступного посягательства – денежные средства, предоставляемые в рамках кредитного обязательства, – и способ его совершения: предоставление заемщиком заведомо ложных либо недостоверных сведений. Норма дифференцирована по степени общественной опасности, содержит квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки (совершение группой лиц, использование служебного положения, крупный и особо крупный размер). Санкции варьируются от штрафа до десяти лет лишения свободы с возможностью назначения дополнительных наказаний.

Республика Таджикистан, правовая система которой исторически испытала влияние адата и мусульманского права, при сохранении романо-германской основы не выделяет кредитное мошенничество в специальный состав. Статья 247 Уголовного кодекса Республики Таджикистан охватывает все формы мошенничества через признаки хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Законодатель Таджикистана предусматривает квалифицирующие признаки, аналогичные российским, однако санкции выражены в расчетных показателях, а также сохранена конфискация имущества, нехарактерная для современной российской правоприменительной практики [5].

Различие законодательных подходов отражает особенности развития банковского сектора и оценки кредитных рисков в каждом из государств. Российский законодатель демонстрирует тенденцию к узкой специализации экономических составов, тогда как таджикский уголовный закон исходит из универсальной модели квалификации имущественных преступлений.

Уголовный кодекс Республики Казахстан в статье 190 применяет универсальную норму, не выделяя кредитную сферу в отдельный состав. Вместе с тем казахстанский законодатель акцентирует внимание на цифровых аспектах противоправной деятельности, включая обман пользователя информационной системы. Усиленная ответственность установлена для должностных лиц и лиц, наделенных публичными функциями: штраф до двадцатикратной стоимости похищенного и пожизненное лишение права занимать определенные должности. Ужесточение санкций предусмотрено также при рецидиве, совершении преступления в отношении двух и более лиц, при причинении ущерба в особо крупном размере. В отличие

от Уголовного кодекса Таджикистана, подход Казахстана демонстрирует комплексную типологизацию мошенничества с расширенной системой квалифицирующих признаков, адаптированной к современным угрозам кредитной сферы [6].

В Республике Беларусь кредитное мошенничество также не обособлено в самостоятельный состав и квалифицируется по статье 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь как разновидность общего хищения. Правоприменительная практика ориентируется также на статью 237 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающую ответственность за незаконное получение кредита. Субъектом данного преступления выступает индивидуальный предприниматель либо должностное лицо юридического лица, объектом – установленный порядок осуществления экономической деятельности. Максимальная санкция достигает десяти лет лишения свободы, что совпадает с пределом, установленным частью 4 статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако доминирующее значение в белорусской модели имеют имущественные взыскания – штрафы и конфискация.

Белорусская и таджикская законодательные модели демонстрируют приверженность традиционному универсализму, что объективно затрудняет идентификацию специфики именно кредитных мошенничеств и требует от правоприменителя дополнительных усилий по разграничению смежных составов.

Уголовное законодательство Федеративной Республики Германия в параграфе 265b Уголовного уложения выделяет кредитный обман, акцентируя внимание на предоставлении недостоверных либо неполных экономических сведений. Субъектом данного преступления выступает исключительно лицо, обращающееся за получением кредита. Санкции дифференцированы: до трех лет лишения свободы за основной состав, до пяти лет и более при наличии квалифицирующих признаков [7, с. 46]. Германский законодатель предусмотрел возможность смягчения ответственности для лиц, добросовестно уведомивших кредитора о своих финансовых затруднениях до момента фактического получения кредита. Данный подход отражает исправительную направленность германского уголовного права и стимулирует позитивное посткриминальное поведение.

Французская правовая система квалифицирует кредитное мошенничество как разновидность злоупотребления доверием

(статья 314-1 Уголовного кодекса Франции), допуская широкую интерпретацию субъектного состава. К ответственности могут привлекаться как физические, так и юридические лица, участвующие в операциях, связанных с кредитными обязательствами. Санкции достигают семи лет лишения свободы за квалифицированные составы и десяти лет – при отягчающих обстоятельствах, связанных с действиями сотрудников правоохранительных органов.

Швейцарское уголовное законодательство не содержит норм, аналогичных российским, об ответственности за незаконное получение кредита либо уклонение от его погашения. Ответственность установлена за злоупотребление платежными документами (статья 148 Уголовного кодекса Швейцарии) при условии наличия умысла заемщика и соблюдения кредитором разумных мер предосторожности. Ошибки кредитных учреждений, допущенные при оценке платежеспособности заемщика, квалифицируются как административные либо гражданско-правовые деликты.

В законодательстве Великобритании, в частности в Законе о мошенничестве 2006 года, деяние характеризуется как получение имущественной выгоды посредством ложного представления. Объективная сторона преступления определяется не только фактом обмана, но и его общественно опасными последствиями: неуплата услуг, получение кредита без намерения его погасить. Умысел выступает центральным элементом субъективной стороны, его наличие подлежит обязательному доказыванию. Санкции варьируются от штрафов и краткосрочного лишения свободы до десяти лет лишения свободы при обвинительном заключении.

В законодательстве Соединенных Штатов Америки объектом преступного посягательства выступает получение кредита либо иного имущества посредством представления недостоверных сведений. Примерный уголовный кодекс, а также нормы отдельных штатов, в частности параграф 32.32 Уголовного кодекса штата Техас, устанавливают количественные пороговые значения ущерба. Это позволяет дифференцировать деяния по степени общественной опасности и применять санкции от штрафов до длительных сроков лишения свободы в строгом соответствии с масштабом причиненного вреда [8, с. 205].

Опыт англосаксонской правовой семьи демонстрирует существенные преимущества детализированной оценки объективных признаков преступления и четкой корреляции между размером ущерба и мерой уголовной ответственности. Количественные критерии обеспечивают объективизацию судейского усмотрения и снижают риск необоснованного применения либо чрезмерной суровости наказания.

Уголовное законодательство Китайской Народной Республики в статье 193 рассматривает объектом мошенничества не только имущественные интересы кредитора, но и стабильность финансово-экономического порядка государства, что отражает социалистическую направленность уголовно-правовой охраны. Состав преступления сконструирован как формальный: противоправное получение кредитных средств путем предоставления ложных сведений признается оконченным независимо от фактического наступления ущерба. Законодательно закреплены количественные критерии ущерба, начиная с пятидесяти тысяч юаней, что позволяет четко разграничивать простой и квалифицированный составы. Субъектами преступления выступают физические лица, должностные лица, а также лица, действующие от имени организаций. Использование служебного положения признается квалифицирующим обстоятельством и влечет более суровое наказание [9, с. 112].

Кубинское законодательство (статья 334 Уголовного кодекса Республики Куба) определяет объектом преступного посягательства имущественные интересы, однако не адаптирует норму к специфике кредитной деятельности. Объективная сторона сформулирована предельно широко – как злоупотребление доверием с целью незаконного завладения чужим имуществом. Несмотря на наличие квалифицированных составов (использование служебного положения, совершение преступления группой лиц), отсутствие количественных порогов ущерба и конкретизации способов совершения применительно к кредитным правоотношениям создает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение закона.

Китайская законодательная модель отличается системностью, формализованностью и превентивной направленностью, что позволяет рассматривать ее в качестве ориентира для совершенствования уголовного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств.

В законодательстве Султаната Оман объектом преступного посягательства в соответствии со статьей 296 Уголовного кодекса выступает хищение денежных средств и движимого имущества, переданных в качестве займа, депозита либо аренды. Норма не содержит дифференциации по способу формирования имущественных отношений либо специфике кредитования. Максимальное наказание ограничено двумя годами лишения свободы, что существенно ниже пределов, установленных уголовным законодательством России и Таджикистана.

В Исламской Республике Иран положения Закона об исламских уголовных наказаниях применяются к широкому кругу имущественных посягательств, не специализируясь на структуре кредитных правоотношений. Субъективные элементы состава преступления оцениваются с учетом религиозных принципов, в системе наказаний сохранены телесные наказания, нехарактерные для светских правовых систем. Обе модели демонстрируют унифицированный подход к квалификации мошеннических деяний, уступая российскому и таджикскому законодательству в степени дифференциации составов и детализации объективных признаков.

Первое. Законодательство постсоветских государств демонстрирует два основных подхода к криминализации кредитного мошенничества. Российская Федерация избрала модель специализации, выделив самостоятельный состав в статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Таджикистан и Беларусь сохраняют универсальную модель, квалифицируя кредитное мошенничество по общей норме о мошенничестве. Казахстан, формально придерживаясь универсальной модели, существенно дополняет ее квалифицирующими признаками, отражающими современные цифровые и коррупционные риски.

Второе. В романо-германской правовой семье наибольшую корреляцию с российским и таджикским подходами обнаруживает германское уголовное законодательство, акцентирующее специального субъекта – заемщика и дифференцирующее санкции в зависимости от наличия квалифицирующих признаков. Французская и швейцарская модели, при всей их близости к континентальной правовой традиции, демонстрируют либо расширительную трактовку субъектного состава, либо принципиально иной подход к криминализации кредитных правонарушений.

Третье. Англосаксонская правовая система демонстрирует неоспоримые преимущества количественной дифференциации ущерба и гибкости санкционного инструментария. Установление четких пороговых значений причиненного вреда позволяет обеспечить точность уголовно-правовой квалификации и максимальную индивидуализацию наказания, что заслуживает внимания при совершенствовании уголовного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств.

Четвертое. Китайское уголовное законодательство характеризуется формализованной конструкцией состава преступления, закреплением количественных критериев ущерба и выраженной превентивной направленностью. В данном аспекте китайская модель превосходит российскую и таджикскую, ориентированные преимущественно на репрессивное реагирование по факту уже наступивших общественно опасных последствий.

Пятое. Законодательство государств мусульманской правовой семьи не предусматривает специального состава кредитного мошенничества, устанавливая ответственность на основе общих норм о хищении имущества с предельно широкой объективной стороной.

На основании проведенного сравнительно-правового исследования представляется целесообразным внесение следующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан:

1. Выделение самостоятельного состава мошенничества в сфере кредитования с детализацией предмета преступного посягательства – денежных средств, предоставляемых на основании кредитного договора либо договора займа, – и исчерпывающим перечнем способов совершения деяния.

2. Дополнение квалифицирующих признаков указанием на использование цифровых технологий, включая обман пользователя информационной системы, а также на совершение преступления лицом с использованием служебного положения (по аналогии со статьей 190 Уголовного кодекса Республики Казахстан).

3. Введение количественных критериев ущерба для дифференциации простого, квалифицированного и особо квалифицированного составов преступления с установлением четких пороговых значений [10].

4. Обеспечение гибкости санкционной системы путем закрепления возможности смягчения наказания при добросовестном уведомлении кредитора о финансовых затруднениях до момента получения кредита (по аналогии с параграфом 265b Уголовного уложения Федеративной Республики Германия), а также дифференциация санкций в строгом соответствии с размером причиненного ущерба.

Реализация обозначенных предложений позволит существенно повысить точность уголовно-правовой квалификации, адаптировать уголовное законодательство Республики Таджикистан к современным экономическим реалиям, обеспечить эффективность противодействия преступным посягательствам в кредитной сфере в условиях цифровой трансформации финансовых отношений и интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств.

Список использованной литературы

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – Т. 1. – Москва, 1994. – 380 с.

2. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – Москва, 1998. – 400 с.

3. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=500185&cacheid=B4F6774C899905D50BD1EC4388BCA50B&mode=rubr&rnd=O3RgGQ&kgZsufUppUnVI869 (дата обращения: 10.01.2026).

5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574-ЗРТ // Континент.

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V // СПС «Юрист».

7. Дорожкин С.С. Мошенничество в сфере кредитования в зарубежном уголовном законодательстве / С.С. Дорожкин // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 5 (7). – С. 45–48.

8. Гоибназарзода П.А. Криминализация мошенничества в сфере кредитования по законодательству Соединенных Штатов Америки / П.А. Гоибназарзода // Закон и право. – 2024. – № 11. – С. 205–206.

9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева, А.И. Коробеева ; пер. с кит. Хуан Даосю. – 2-е изд. – Москва, 2021.

10. Гоибназарзода П.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4. / П.А. Гоибназарзода. – Москва, 2025. – 28 с.

Информация об авторе

Артур Евгеньевич Канузель – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, kana34774@gmail.com.

Author

Arthur Evgenievich Kanuzel – Lecturer at the Department of Tactical and Special Training of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kana34774@gmail.com.

УДК 342.9

Н.В. Кешикова

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В тезисах актуализируется проблема значимости Концепции устойчивого развития для совершенствования антикоррупционных институтов. Обращается внимание на многозначность понимания устойчивого развития в международных актах и в отечественной науке. Предпринимается попытка систематизации отдельных представлений об устойчивом развитии как модели на основе использования уровневого подхода. Осуществляется выбор в пользу комплексной модели. Уделяется внимание позитивной практике регулирования и формирования специализированных антикоррупционных институтов и механизмов на национальном и международном уровнях. Выявляется точечный, фокусированный характер развития устойчивости противодействия коррупции в России. Обращается внимание на необходимость разработки концепции устойчивого развития сферы противодействия коррупции, учреждения самостоятельного органа по противодействию системной коррупции, а также внедрения мер актуальных научных разработок, которые поспособствуют устойчивому развитию сферы противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: концепция; устойчивое развитие; интеграция; противодействие коррупции.

N.V. Keshikova

THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND ITS INTEGRATION INTO THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

The theses actualize the problem of the importance of the Concept of Sustainable Development for improving anti-corruption institutions. Attention is drawn to the ambiguity of the understanding

© Кешикова Н.В., 2026

of sustainable development in international acts and in domestic science. An attempt is being made to systematize individual ideas about sustainable development as a model based on the use of a tiered approach. A choice is being made in favor of the integrated model. Attention is paid to the positive practice of regulating and forming specialized anti-corruption institutions and mechanisms at the national and international levels. The pinpoint, focused nature of the development of anti-corruption resilience in Russia is revealed. Attention is drawn to the need to develop a concept for the sustainable development of the anti-corruption sphere, establish an independent body to combat systemic corruption, as well as implement measures of relevant scientific developments that will contribute to the sustainable development of the anti-corruption sphere in Russia.

Key words: concept; sustainable development; integration; anti-corruption.

Бесспорно, что проблема развития постоянно находилась в зоне интересов государств. Однако особенно остро она встала во главу угла и оказалась в фокусе внимания международного сообщества в лице 193 государств-членов ООН с сентября 2015 г. Точкой отсчета стало принятие ГА ООН Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее – Повестка дня) [10]. Как известно, в ней изложены 17 целей, поставленных для реализации до 2030 года. В соответствии с Повесткой дня государства взяли на себя обязательство уделять приоритетное внимание прогрессу тех, кто находится в наиболее неблагоприятном положении [14].

Последующее толкование самого устойчивого развития, исходя из положений Повестки дня, не отличается особым единообразием. Пожалуй, лишь в одном экспертные представления по вопросу понимания устойчивого развития в принципе сходятся – в выборе методологии познания, отдавая предпочтение методу моделирования. В остальном же мнения расходятся. Это выражается в том, что авторы и эксперты, опираясь на один и тот же метод – моделирование, под устойчивым развитием при этом понимают различные виды моделей.

На наш взгляд, основные позиции по этому вопросу вполне можно выстроить с помощью уровневого подхода следующим образом: макроуровень – мезоуровень – микроуро-

вень. С одной стороны, на макроуровне предполагается, что устойчивое развитие должно рассматриваться в качестве своего рода модели развития человеческой цивилизации в целом, при которой потребности современного поколения людей удовлетворяются без ущерба для возможностей будущего поколения. Не случайно белорусский автор Н. Я. Кажуро подчеркивает, что «устойчивое развитие общества предполагает следующее: современное поколение людей планеты должно удовлетворять свои потребности так, чтобы на век наших детей и внуков тоже хватило ресурсов. Поэтому жить, позволяя себе постоянный рост потребления, уже нельзя» [5, с. 519–520].

С другой стороны, на мезоуровне исследуемое нами понятие видится либо как эколого-экономическая модель развития и национального государства и общества в нем, либо – в качестве модели развития сугубо общества. Так, в Докладе Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под руководством Гру Харлем Брунтланд 1987 года «устойчивое развитие представляется в качестве модели поступательного развития общества, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений людей» [16].

Наконец, на микроуровне – в одном случае авторы подчеркивают, что устойчивость развития означает его не истощающий характер и делают упор на определении его как эколого-ресурсной модели. Исходя из этого отождествляют устойчивое развитие с «моделью использования ресурсов и взаимодействия между людьми и природой» [1]. Во втором варианте акцентируется внимание на экономической основе. Как-то в формулировке Всемирного банка устойчивое развитие – модель управления совокупным капиталом общества в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей [12].

Следует заметить, что данная методология применяется и в исследовании сферы противодействия коррупции [6]. В развитие их результатов в данном случае для нас представляет интерес относимый к микроуровню третий вариант понимания устойчивого развития в качестве «новой эколого-экономической модели развития на государственном и локальном уровнях управления. Будучи таковой, устойчивое развитие призвано определять основные направления деятельности, позволяющие приблизить момент реализации концепции устойчивого развития» [7,

с. 122]. Поскольку мы исходим из того, что Цели устойчивого развития ООН являются ключевыми направлениями эволюции не только для международного сообщества в целом, но и для каждого конкретного государства. Поэтому их достижение и возникающие в связи с этим риски, вызовы и угрозы актуальны и для России, и не только потому что она стремиться к «формированию многополярного мира и закрепления в нем своей позиции как ключевого игрока, что в свою очередь возлагает тем самым на нее ответственность и за судьбу цивилизации» [9, с. 32]. Но и в связи с задачами социально-экономического развития Российской Федерации и противодействия коррупции на национальном и региональном уровнях. Как показывают исследования ИЗиСП при Правительстве РФ, именно «усилия по борьбе с коррупцией имеют решающее значение для создания сильных, прозрачных и подотчетных институтов в целях эффективного удовлетворения потребностей всех людей» [11]. В свою очередь результаты социологических исследований доказывают, что коррупция представляет собой угрозу не только для экономики, но и негативно воздействует на политическую и общественную жизнь, препятствуя сохранению и укреплению устойчивости государства, его связи с гражданским обществом [13, с. 219].

Немаловажное значение антикоррупционным институтам придается в зарубежных странах. Потому что такого рода институты зеркально отображают специфику их политической системы и уровень развития правосознания населения. Проиллюстрируем на примере некоторых государств. В ближайшем нашем соседе – Китае в 2018 г. на базе Центральной комиссии Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины был создан относительно новый институт – Национальная надзорная комиссия, в функциональное назначение которой вошли функции дисциплинарного и административного контроля. Данная комиссия призвана не только взаимодействовать с Генеральной прокуратурой, но и самостоятельно проводить досудебные расследования в отношении государственных служащих. Причем де-факто ей подответственны не только партийные, но и «непартийные» чиновники [8, с. 87].

В Бразилии установлена обязанность участников закупок по внедрению комплаенс-программ на основе соответствующего Указа от 9 декабря 2024 г. № 12.304/2024. В соответствии

с ним полномочия по контролю за внедрением комплаенс-программ возлагаются на Генерального контролера Союза (Controladoria-Geral da União). В частности, «его офис будет выполнять следующие функции: – проведение проверок исполнения требований о внедрении комплаенс-программ по запросу государственных органов и организаций или по собственной инициативе; – привлечение к ответственности в случае обнаружения неисполнения требований о внедрении комплаенс-программ; – разработку и принятие методологии оценки и минимальных критериев признания факта наличия (совершенствования) комплаенс-программ» [3].

В свою очередь Президент Кыргызской Республики подписал Закон от 13 февраля 2026 года № 14 «О противодействии коррупции», где «впервые прямо закреплено наличие специального уполномоченного органа по предупреждению коррупции. Однако пока остается не ясным, какой именно орган будет наделен данным функционалом. Закон также предусматривает создание межведомственного Координационного совета по вопросам противодействия коррупции при Генеральной прокуратуре и аналогичных советов при нижестоящих прокуратурах» [4].

Государства совместными усилиями в составе членства в межгосударственных организациях разрабатывают пути применения цифровых технологий, включая и те, что работают на базе ИИ, для противодействия коррупции [2]. Так, государствами-членами АТЭС подготовлен отчет «Технологии предотвращения, выявления и борьбы с коррупцией» (Technologies for Preventing, Detecting, and Combating Corruption), в котором рассматриваются перспективные институты и механизмы, в том числе «использование ИИ/машинного обучения для выявления аномалий и прогнозирования коррупционных рисков; внедрение блокчейн-реестров для фиксации неизменяемых следов решений и контрактов; применение продвинутой аналитики данных и сетевого анализа для расследований; использование распознавания лиц и биометрии для контроля доступа; использование дронов и дистанционного мониторинга для контроля соблюдения нормативов в труднодоступных зонах; интеграция нескольких технологий для построения автономных систем предупреждения нарушений)» [17].

Для России характерна целая система государственных институтов – органов, различных ведомств, которые тем или

иным образом участвуют в процессе противодействия коррупции. Причем наблюдается, с одной стороны, пересечение их полномочий, с другой – их взаимодополняющий характер. В результате имеет место явная разобщенность самой их деятельности и неприемлемая несогласованность при определении стратегических приоритетов.

Справедливости ради следует отметить актуальные научные изыскания РАНХиГС (2026 г.), «центральным итогом работы которых стало создание научного прототипа системы автоматизированного обнаружения целевых маркеров коррупционного поведения в сфере контрольно-надзорной деятельности. Разработанная методика является первым междисциплинарным решением, интегрирующим юридический, лингвистический, психологический и технологический анализ в контексте реализации контрольно-надзорных мероприятий» [15]. Вместе с тем, как правило, все предпринимаемые усилия носят дискретный, фокусированный характер, что сказывается отрицательно на системе противодействия коррупции, что в свою очередь явно не способствует развитию устойчивости антикоррупционных институтов, как ее элементов. Все эти обстоятельства одновременно влияют отрицательно и на степень устойчивости развития сферы противодействия коррупции в целом. В связи с чем остро встает вопрос консолидации не оправдавших себя организационных институтов в единый специальный орган и одновременной интеграции мер противодействия коррупции во всех основных областях и секторах развития указанной сферы. Предполагается, что доктринальным обоснованием устойчивости развития институтов и мер противодействия коррупции станет Концепция устойчивого развития сферы противодействия коррупции [11], которая в идеале должна быть положена в основу новой Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции на ближайшую перспективу. В плане совершенствования организационной структуры существует необходимость учреждения Федерального агентства по противодействию системной коррупции (ФАПСК) по модели независимых антикоррупционных органов (с цифровой платформой для анонимных сообщений). Такого рода предложения соответствуют мировым трендам (модели независимых органов и data-driven аналитика), которые хотя точечно и внедряются в РФ через си-

стему «Посейдон» и ведомственные ИТ-решения, но институциональное объединение в рамках ФАПСК, к сожалению, до сих пор остается на уровне экспертных дискуссий.

В целях обеспечения устойчивого антикоррупционного развития вполне возможно интегрировать в антикоррупционную политику и осуществить комплекс системных мер по ее оптимизации, объединяющий ключевые отечественные разработки в области правового регулирования и правоприменения: расширение декларационного контроля на совершеннолетних детей чиновников; введение уголовной ответственности за злоупотребление процессуальными иммунитетами; формализацию межведомственного взаимодействия через Единый реестр следственных действий с обязательной письменной отчетностью.

Список использованной литературы

1. Абрамов Е. Что такое устойчивое развитие. Разные взгляды и подходы / Е. Абрамов, А. Марк, Ю. Бубнов. – URL: https://www.icsgroup.ru/library/publications/Sustainable_development (дата обращения: 27.02. 2026).

2. Актуальные направления противодействия коррупции: использование ИТ и ИИ. 9 декабря 2025 г. – URL: https://anticor.world/main/news_page/aktualnye_napravleniya_protivodeystviya_09_12_2025 (дата обращения: 27.02. 2026).

3. В Бразилии установлена обязанность участников закупок по внедрению комплаенс-программ. 25 января 2025. – URL: https://anticor.world/main/news_page/v_brazilii_ustanovlena_obyazannost_uchastnikov_zakupok_po_vnedreniyu_komplaensprogramm (дата обращения: 27.02. 2026).

4. В Кыргызстане принят новый антикоррупционный закон. 27 февраля 2026 г. – URL: https://anticor.world/main/news_page/v_kyrgyzstane_prinyat_27_02_2026 (дата обращения: 27.02. 2026).

5. Кажуро Н.Я. Концепция устойчивого развития как новая парадигма общественного прогресса / Н.Я. Кажуро // Наука и техника. – 2016. – Т. 15, № 6. – С. 511–520.

6. Кешикова Н.В. Идентификация российской модели в системе моделей противодействия коррупции в мире / Н.В. Кешикова // Байкальские компаративистские чтения : ма-

териалы междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2025. – С. 134–144.

7. Косолапов О.В. Модель устойчивого развития: условия реализации / О.В. Косолапов, В.Е. Стровский // Известия УГГУ. – 2018. – Вып. 4 (52). – С. 122–126.

8. Кузнецова Н.М. Антикоррупционная политика в органах публичной власти современной России: политологический анализ : дис. … канд. полит. наук / Н.М. Кузнецова. – Челябинск, 2025. – 274 с.

9. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России / С.Н. Митяков // Развитие и безопасность. – 2023. – № 1. – С. 21–35.

10. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция ГА ООН от 25 сентября 2015 г. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda (дата обращения: 28.02.2026).

11. Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития : монография / Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев, А.М. Цирин и др. ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Инфотропик Медиа, 2024. – 236 с.

12. Устойчивое развитие / Финансовый словарь. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/30834 (дата обращения: 27.02. 2026).

13. Устойчивость российского государства и общества в условиях укрепления традиционных ценностей и становления многополярного мира. Социальная и социально-политическая ситуация : монография / Т.В. Барановская, В.А. Безвербный, Н.В. Березина [и др.] ; под ред. В.К. Левашова ; ФНИСЦ РАН. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2025. – С. 219.

14. Что представляют собой Цели устойчивого развития? / Программа развития ООН. – URL: https://www.undp.org/sustainable-development-goals#:~:text=What%20are%20the%20Sustainable%20Development,clean%20drinking%20water%20and%20sanitation (дата обращения: 27.02. 2026).

15. Эксперты Президентской академии представили прототип системы антикоррупционного мониторинга на базе ИИ / Институт права и национальной безопасности РАНХиГС. –

URL: https://ilns.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=10887 (дата обращения: 19.02. 2026).

16. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development. 1987 / United Nations Documents – URL: https://digitallibrary.un.org/record/133790?ln=ru&v=pdf (дата обращения: 27.02. 2026).

17. Technologies for Preventing, Detecting, and Combating Corruption// ISSUES PAPER. – No. 15. – APEC Policy Support Unit. – June 2025. – 89 p. – URL: https://metaintelligence.org/wp-content/uploads/2025/07/225_psu_apec-anti-corruption-technologies-report.pdf (дата обращения: 27.02. 2026).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Кешикова – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, nvkeshikova2012@mail.ru.

Author

Natalia Vladimirovna Keshikova – Associate Professor Chair of Constitutional Law and Theory of Law of the Irkutsk Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Ph.D. in Law, Associate Professor, nvkeshikova2012@mail.ru.

УДК 340

А.А. Козлова

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Охрана исторической памяти имеет огромное значение и является частью государственной политики, направленной на обеспечение и сохранение культурного наследия общества. В современных условиях потребность в сохранении исторической памяти постоянно возрастает в силу стремительности тех перемен, которыми характеризуется социальная реальность. В статье проводится сравнительный анализ правовых средств, которые используются в правовой охране исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь. Рассматривая такие правовые средства, автор приходит к выводу о том, что они весьма разнообразны, их система обладает высоким потенциалом. Недостаточная эффективность указанных средств в современных российских реалиях обусловливается не их недостаточной проработанностью, а сложностью вызовов, с которыми сталкивается современное Российское государство, с беспрецедентностью тех угроз, от которых сегодня требуется защищать историческую память.

Ключевые слова: историческая память; охрана исторической памяти; культурное наследие; духовное наследие; духовно-нравственные ценности.

A.A. Kozlova

LEGAL PROTECTION OF HISTORICAL MEMORY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS

The protection of historical memory is of great importance and is part of the State policy aimed at ensuring and preserving the cultural heritage of society. In modern conditions, the need to preserve historical memory is constantly increasing due to the rapidity of the

© Козлова А.А., 2026

changes that characterize social reality. The article provides a comparative analysis of the legal means used in the legal protection of historical memory in the Russian Federation and the Republic of Belarus. Considering such legal means, the author comes to the conclusion that they are very diverse, and their system has high potential. The insufficient effectiveness of these tools in modern Russian realities is due not to their lack of elaboration, but to the complexity of the challenges faced by the modern Russian state, with the unprecedented nature of the threats that historical memory needs to be protected from today.

Key words: historical memory; protection of historical memory; cultural heritage; spiritual heritage; and spiritual and moral values.

Вопросы охраны исторической памяти являются актуальными для любого социума, а в современном мире, в котором постоянно происходят серьезные изменения в экономике, политике, духовно-культурной сфере, они стоят особенно остро. Сохранение исторической памяти приобретает значение индикатора, который «позволяет судить о состоянии общества, его нравственных ориентирах, правопреемстве в политическом, социальном, экономическом, культурном развитии» [1, с. 9].

Российским государством накоплен большой опыт использования правовых инструментов в охране исторической памяти. Однако обилие публикаций, посвященных проблемам такой охраны, свидетельствует о существовании у научной общественности некоторой неудовлетворенности тем, с какой эффективностью в ее осуществлении используются правовые средства. В данном контексте приобретает значимость изучение того опыта правовой охраны исторической памяти, который имеется у других государств, и прежде всего тех, ментальность и духовность народов которых близка ментальности и духовности российского народа, а правовые системы которых схожи с правовой системой России. Одним из таких государств является Республика Беларусь.

Ни в современном российском, ни в белорусском законодательстве нет определения понятия «историческая память». Таким образом, несмотря на то, что наблюдается включение термина «историческая память» в юридический язык, выступающее необходимым условием формализации отношений,

связанных с правовой охраной исторической памяти, значение соответствующего понятия юридически не закрепляется. Законодатель не идет по пути дефинирования понятия «историческая память», а также других связанных с ним понятий, тем самым принципиально не ограничивая круг социокультурных институтов, охрана которых в качестве исторической памяти может обеспечиваться правовыми средствами.

В Конституции Российской Федерации[1] мы встречаем косвенное упоминание исторической памяти в нормах, которые акцентируют внимание на важности сохранения культурного наследия, национальных традиций и исторического опыта.

В ч. 3 ст. 44 Конституции Российской Федерации говорится о том, что каждый обязан заботиться о сохранении исторического, культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Таким образом, на граждан Российской Федерации фактически возлагается правовая обязанность чтить историю страны, всячески заботиться о сохранении исторической памяти. Часть 3 ст. 67.1 Конституции провозглашает: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Пункт «д» ч. 1 ст. 72 Конституции относит охрану памятников истории и культуры к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Это не только позволяет региональным властям участвовать в регулировании вопросов, связанных с сохранением исторической памяти, но и дает основание рассматривать ее охрану в качестве обязанности, лежащей одновременно на органах государственной власти как федерального, так и регионального уровня.

Анализируя конституционные нормы, сложно не согласиться с мнением о «формировании новой категории конституционного права – категории исторической памяти» [2, с. 100]. При этом важно подчеркнуть, что в российском правовом поле историческая память оказывается в числе объектов не только конституционно-правовых отношений, но и конституционно-правовой охраны.

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».

В Конституции Республики Беларусь в ст. 15 указывается, что государство «ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия» и «обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны»[1]. Об обязанности каждого беречь историко-культурное наследие и о том, что сохранении исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа является долгом каждого гражданина, говорится и в ст. 54 Конституции Республики Беларусь.

В целом, основополагающие принципы правовой охраны исторической памяти, если их рассматривать в конституционно-правовом измерении, в Российской Федерации и Республике Беларусь весьма схожи. Их схожесть с закономерностью обусловливает схожесть тех правовых средств, которые могут использоваться для охраны исторической памяти о событиях, значимых для российского и белорусского народов.

Анализ норм действующего законодательства позволяет заключить, что и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь особое внимание уделяется охране исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Федеральный закон Российской Федерации от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»[2] – новый закон, который обязывает увековечивать память о героических подвигах и о стойкости советского народа, также в нем отражены запреты на пропаганду идей нацизма, оправдание действий немецких захватчиков. Одной из наиболее важных задач, которые призван решить названный закон, является защита чести и достоинства ветеранов войны и жертв репрессий.

В Республике Беларусь похожий закон, нацеленный на то, чтобы предотвратить искажение исторической правды и памяти о советских гражданах, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, был при-

[1] URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus (дата обращения: 26.01.2026 г.).

[2] Собрание законодательства РФ, 28.04.2025, № 17, ст. 2103.

нят в 2022 году. Это закон «О геноциде белорусского народа»[1], положения которого имеют огромную значимость.

Россия и Беларусь прилагают совместные усилия для укрепления международного сотрудничества, нацеленного на сохранение исторической памяти и недопущение фальсификации истории. Для обоих государств важно совместными усилиями защищать национальную память от воздействия, ее разрушающего или искажающего.

В уголовном праве Российской Федерации активно развивается комплекс правовых норм, направленных на сохранение и защиту исторической памяти. Например, ст. 243–243.4 обеспечивают охрану историко-культурной составляющей исторического наследия. Применение названных статей УК РФ играет важную роль в обеспечении защиты исторической памяти в общественной, культурной, духовной жизни современного общества. С помощью норм, закрепленных в ст. 214 УК РФ, обеспечивается правовая охрана не только военно-культурных, исторических, патриотических ценностей, но и исторической памяти о тех событиях, с которыми они неразрывно связаны. Ст. 282.4 предусматривает ответственность за неоднократные пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, ст. 354.1 – ответственность за реабилитацию нацизма.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ нормы, которые могут использоваться в качестве правовых средств охраны исторической памяти, помещены в главу 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности» и в главу 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность».

В Республике Беларусь в охране исторической памяти используется прежде всего инструментарий административного права. В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях[2] административным правонарушениям в области охраны историко-культурного наследия посвящена отдельная глава, в ней прописаны важные механизмы правовой

[1] URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&po=H12200146 (дата обращения: 26.01.2026 г.).

[2] URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&po=HK2100091 (дата обращения: 26.01.2026 г.).

защиты исторической памяти, истории, культуры. Именно административно-правовые инструменты обеспечивают соблюдение государственных мер, направленных на сохранение исторического и культурного достояния. Вместе с тем Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 130[1]) и отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130[2]).

Истинные, научные, исторически доказанные знания выступают основой, на которой формируется историческое сознание, их наличие является необходимым условием укрепления исторической памяти народа и в Российской Федерации, и в Республики Беларусь. В этой связи историческое просвещение неизбежно становится частью государственной политики.

Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»[1], закрепляют положение о том, что в условиях роста международной напряженности и кризиса национальной идентичности, в основе которого лежат уничтожение исторической памяти, реабилитация и воскрешение неоколониализма, неоимпериализма и неонацизма, российское общество и государство сталкиваются с целым рядом явлений, несущих в себе риски и угрозы, и с такими рисками и угрозами необходимо бороться.

В правовом поле Республики Беларусь аналогичные нормы отсутствуют. Вместе с тем Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года[2] в пункте 4.6 Сохранение культурного наследия и рост национального самосознания делает акцент на осуществлении мероприятий, связанных с поддержанием, развитием, историко-культурного наследия и нематериальных благ.

Эффективному решению задач, связанных с охраной исторической памяти, способствуют общественные организации, деятельность которых не просто регламентируется, но и стимулируется действующим законодательством. Среди таких организаций, например, Российское историческое общество, кото-

[1] Собрание законодательства РФ, 13.05.2024, № 20, ст. 2587.

[2] URL: https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf (дата обращения: 26.01.2026 г.).

рое сегодня очень много делает для объединения усилий государства и гражданского общества в деле формирования и сохранения исторической памяти. Существуют фонды, которые предпринимают шаги, направленные на сохранение историческо-культурного наследия, активно участвуют в патриотическом воспитании молодежи («Историческая память», «Память Эпохи», «Достойная память» и другие). Функционирование подобных организаций, строго соблюдающих нормы действующего законодательства, играет важную роль в противодействии фальсификации истории.

В 2023 году Указом Президента Российской Федерации № 817 в ответ на актуальные геополитические вызовы был создан Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации[1]. Главная цель, которую преследует данный центр, – сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей, сохранение исторической памяти, культурного наследия. Для борьбы с деструктивными информационными потоками, для стратегического планирования развития нашей страны и защиты исторического суверенитета, как Президент Российской Федерации неоднократно подчеркивал, функционирование данного центра чрезвычайно значимо.

В Республике Беларусь практическим решением вопросов, связанных с защитой исторической памяти, занимается Научно-практический центр Генпрокуратуры Беларуси. В 2024 году Научно-практический центр Генпрокуратуры Беларуси и Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации подписали Соглашение о сотрудничестве[2].

Итак, правовая охрана исторической памяти является сегодня актуальной задачей и для Российской Федерации, и для Республики Беларусь. Опираясь на анализ действующего законодательства, можно утверждать, что арсенал правовых средств охраны исторической памяти и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь весьма разнообразен, при этом в Российской Федерации он несколько богаче, чем в Республике Бела-

---

[1] О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 // Собрание законодательства РФ, 06.11.2023, № 45, ст. 8034.

[2] URL: https://prokuratura.gov.by/special/media/sobytiya-i-meropriyatiya/ zashchita-istoriches160924/?ysclid=ml9hv57u4x351047754 (дата обращения: 26.01.2026).

русь, и обладает более высоким потенциалом. Таким образом, недостаточно эффективное решение задач, связанных с охраной исторической памяти, обусловливается не отсутствием необходимых правовых инструментов или недостаточностью усилий тех субъектов, которые наделены полномочиями их применять, а сложностью вызовов, с которыми сталкивается современное Российское государство, с беспрецедентностью тех угроз, от которых сегодня защищается историческая память.

Список использованной литературы

1. Дорская А.А. Сохранение исторической памяти в СССР и Российской Федерации: общее и особенное в правовых подходах / А.А. Дорская, А.Ю. Дорский // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. – 2023. – № 1 (49). – С. 9–15.

2. Кирносов И.Д. Историческая память как категория конституционного права / И.Д. Кирносов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика, Управление, Право. – 2024. – № 1. – С. 100–105.

Информация об авторе

Анастасия Александровна Козлова – преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, соискатель Московского университета МВД России, nastenkkozlova@yandex.ru.

Author

Anastasia Alexandrovna Kozlova – Lecturer of the Department of the Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Interior of Russia, Candidate of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, nastenkkozlova@yandex.ru.

УДК 340.132.6

Ж.В. Кононова

ПРОБЛЕМА ОФИЦИОЗНОГО ТОЛКОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена анализу категории официозного толкования как промежуточного слоя интерпретации между официальным и неофициальным толкованием права. На материале отечественной теории права, современных исследований судебного и казуального толкования и европейской континентальной доктрины выделяются критерии официозного толкования и круг субъектов, его формирующих. Показано, что в российской и зарубежной литературе описывается сходный по функциям слой квазиофициальных интерпретаций, обладающих значительной фактической нормативной силой при неопределенности формального статуса. Обосновано понимание официозного толкования как индикатора зоны латентного перераспределения нормотворческой компетенции от законодателя к правоприменителю, что позволяет по новому оценить риски для принципа правовой определенности и необходимость процессуальных гарантий предсказуемости интерпретационной практики.

Ключевые слова: официозное толкование; виды толкования права; судебное толкование; доктринальное толкование; юридическая герменевтика; правовая определенность; конституционная юриспруденция.

Zh.V. Kononova

THE PROBLEM OF SEMI-OFFICIAL INTERPRETATION IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGAL LITERATURE

The article analyses the category of semi official interpretation as an intermediate layer between official and unofficial interpretation of law. Drawing on Russian legal theory, contemporary studies of judicial and casuistic interpretation and European continental

© Кононова Ж.В., 2026

doctrine, the paper identifies the criteria of semi official interpretation and the range of actors involved in its formation. It is shown that both Russian and foreign literature describe a functionally similar layer of quasi official interpretations which have significant de facto normative force despite their uncertain formal status. Semi official interpretation is substantiated as an indicator of a zone of latent redistribution of law making competence from the legislator to the law applier, which makes it possible to reassess the risks to the principle of legal certainty and the need for procedural safeguards ensuring the predictability of interpretative practice.

Key words: semi-official interpretation; types of legal interpretation; judicial interpretation; doctrinal interpretation; legal hermeneutics; legal certainty; constitutional jurisprudence.

В отечественной теории права традиционно закрепилось деление толкования по субъекту на официальное и неофициальное [2, с. 102–105; 3, с. 156–159]. Официальное толкование связывается с деятельностью компетентных органов, чьи разъяснения обладают юридической обязательностью. Неофициальное толкование соотносится с интерпретацией, осуществляемой негосударственными субъектами, и опирается на авторитет и профессиональную компетентность [2, с. 109–112]. Такая бинарная схема удобна для базовой систематизации, но оказывается недостаточной, когда анализируется практика интерпретаций, исходящих от органов публичной власти и фактически влияющих на правоприменение при отсутствии статуса официального нормативного толкования.

Развитие правоприменения выявило интерпретации, исходящие от органов публичной власти и институционально значимых структур, которые не оформляются как акты официального нормативного толкования, фактически воспринимаются правоприменителями как обязательный ориентир. Это обусловило постановку вопроса о промежуточных категориях толкования, находящихся между официальным и неофициальным уровнями [4, с. 24–25].

Концептуальным решением стала категория «официозное толкование», предложенная А. Ф. Черданцевым. Ученый предложил выделить официозное толкование как промежуточный тип интерпретации [1, с. 294–295]. Под ним понимается деятельность государственных органов, результаты которой

не имеют юридически обязательного характера, но учитываются правоприменителем в силу институционального авторитета субъекта.

В зарубежной доктрине специального термина не сформировалось, однако ряд герменевтических, догматических и судебных концепций фиксирует функционально аналогичные явления [5, с. 83–89; 6, с. 103–119].

Классическое деление на официальное и неофициальное толкование исходит из наличия либо отсутствия властных полномочий у субъекта. А. С. Пиголкин подчеркивал, что официальное толкование исходит от компетентных государственных органов и выражается в актах, обязательных для адресатов [2, с. 102–105].

Неофициальное толкование подразделялось на обыденное, профессиональное и доктринальное; критерием выступал характер субъекта и отсутствие властных полномочий [2, с. 109–112].

Эта схема задает ориентир, но не учитывает интерпретации, исходящие от публичных органов и не являющиеся актами официального нормативного толкования.

Современные работы развивают эту линию.

Предлагается термин «официозное казуальное толкование» [4, с. 25] для обозначения решений, которые по форме остаются индивидуальными актами применения права, но по содержанию выполняют интерпретационно-нормативную функцию [10, с. 48–52]. К сфере официозного толкования обоснованно относят прежде всего такие интерпретационные акты, как ведомственные разъяснения и обзоры судебной практики высших судов, которые исходят от органов публичной власти, но не признаются нормативными. Особое значение приобретают материалы официальных справочно правовых систем, которые в данном контексте целесообразно рассматривать не как особый вид толкования, а как технический инструмент доступа к указанным квазиофициальным интерпретациям.

Обобщение отечественной литературы позволяет выделить признаки официозного толкования.

Субъектом выступают органы публичной власти и институционально авторитетные структуры, не наделенные полномочиями на принятие актов официального нормативного толкования [4, с. 18; 9, с. 93].

Результаты не имеют статуса актов официального нормативного толкования: отсутствует установленная форма и формальная общеобязательность [1, с. 294; 4, с. 19].

Интерпретации обладают высокой фактической обязательностью: правоприменители систематически ориентируются на них при разрешении дел [9, с. 94; 10, с. 51].

Официозное толкование выполняет интерпретационно-нормативную функцию, влияя на формирование правовых стандартов и уточняя содержание норм [10, с. 50].

Официозное толкование описывает слой интерпретаций, при котором фактическое нормативное воздействие не подкреплено соответствующим формальным статусом.

Резюмируя изложенное, представляется возможным утверждать, что в российской теории права категория официозного толкования прошла стадию первичного терминологического оформления и фактически превратилась в концептуальный маркер целого пласта интерпретационной практики, не укладывающейся в дихотомию «официальное – неофициальное» толкование. Критериями ее выделения являются: а) особый субъектный состав (органы публичной власти, не обладающие полномочиями на принятие актов нормативного толкования); б) отсутствие формального статуса официального толкования; в) высокая фактическая обязательность вырабатываемых интерпретаций, проявляющаяся в устойчивой ориентации правоприменения на соответствующие позиции.

Как уже отмечалось, в европейской континентальной литературе специальный термин, соответствующего «официозному толкованию», не используется. Вместе с тем ряд концепций фиксирует сходный по функциям слой интерпретаций. В герменевтической концепции Э. Бетти интерпретация права понимается не только как познавательная, но и как нормативно нагруженная деятельность [4, с. 47]. Обосновывая необходимость опоры на «объективные» герменевтические каноны, Бетти показывает, что интерпретации, вырабатываемые судами и ведущими доктринальными центрами, превращаются в устойчивые ориентиры для правоприменения, даже если формально они не включены в перечень источников права [5, с. 86–87; 11, с. 38–40].

Ф. Жени, критически оценивая позитивистский подход, предлагает концепцию «свободного научного исследования»

как дополнительного источника регулирования [4, с. 49]. Он акцентирует внимание на «юридических творениях», возникающих на основе судебной практики, доктрины и обычая и фактически определяющих содержание права при формальном сохранении приоритета закона [12, с. 160–162].

Ж. Шевалье анализирует взаимодействие юридической доктрины и юридической науки, показывая, что устойчивые доктринальные конструкции становятся обязательными схемами мышления для судов и администрации [4, с.52]. Доктрина выступает не только как интерпретация, но и как сосоздатель нормативной реальности, влияя на правоприменение при отсутствии формального статуса источника права [6, с. 103–119].

Ж.-П. Камби, анализируя решение Конституционного совета Франции от 21 апреля 2005 г., показывает, что Совет формирует комплекс нормативных позиций, которые воспринимаются как устойчивые ориентиры при применении закона и фактически образуют «конституционную доктрину» [4, с. 53; 13, с. 849–867].

М. Лемонье выявляет аналогичную картину в налоговом праве [4, с. 50]. Государственный совет вырабатывает интерпретации налоговых норм, которые корректируют объем обязанностей налогоплательщиков и применяются к уже сложившимся правоотношениям [7, p. 68–70]. Это ставит вопрос о допустимости ретроактивного действия интерпретаций и их соответствии принципу правовой определенности [8, с. 123–128].

Сопоставление показывает, что российская и европейская континентальная доктрины фиксируют сходные явления, но концептуализируют их различными средствами. В российской теории права введение специального термина «официозное толкование» обеспечивает терминологическую фиксацию промежуточного слоя интерпретаций и позволяет описывать его через совокупность критериев.

В зарубежной литературе специальный термин отсутствует. Однако через концепции юридической герменевтики (Э. Бетти), доктринальной догматики (Ф. Жени, Ж. Шевалье), конституционной юриспруденции (Ж.-П. Камби) и налоговой интерпретации (М. Лемонье) описывается функционально аналогичный слой квазиофициальных интерпретаций, обладаю-

щих значимой регулятивной ролью при отсутствии прямого закрепления в системе формальных источников права.

Таким образом, ключевая проблема, выявляемая как российской, так и зарубежной доктриной, заключается не только в потенциальном конфликте между принципом правовой определенности и фактической обязательностью квазиофициальных интерпретаций, но и в том, что данный конфликт носит системный характер: правопорядок устойчиво опирается на интерпретации, которые функционируют как нормы, не будучи нормами по форме. В российской литературе подчеркивается, что письма финансовых и налоговых органов, официальные разъяснения и обзоры судебной практики формируют устойчивые ожидания участников оборота, хотя их правовой статус остается неопределенным и постоянно балансирует между информационной функцией и de facto нормативностью.

С нашей точки зрения, принципиальное различие между российской и зарубежной традициями состоит не только в степени терминологической определенности, но и в характере реагирования на феномен квазиофициальных интерпретаций. Российская модель фиксирует проблему через введение специального термина («официозное толкование») и включение его в классификацию видов толкования, но пока в меньшей степени разрабатывает процедурные средства ограничения и легитимации такого рода интерпретаций. Европейская модель, напротив, избегая специального обозначения, развивает разветвленный набор механизмов контроля (конституционный контроль, ограничения ретроактивности, стандарты мотивировки), смягчающих риски произвольного расширения интерпретационной власти судов и административных органов.

В этом контексте российская категория официозного толкования может и должна рассматриваться не только как инструмент описания квазиофициальных интерпретаций, выявляемых в европейской герменевтической, доктринальной и судебной литературе, но и как отправная точка для постановки вопроса о границах допустимого «латентного правотворчества». Без увязки официозного толкования с требованиями правовой определенности, предсказуемости правоприменения и процессуальной прозрачности существует реальный риск трансформации этого феномена в устойчивый, но не подкон-

трольный канал перераспределения нормотворческой компетенции от законодательной власти к правоприменителю.

Список использованной литературы

1. Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юридическая литература, 1979. – 168 с.
2. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. – Москва : Госюриздат, 1962. – 166 с.
3. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1987. – 336 с.
4. Минникес И.А. Проблемы толкования права / И.А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2023. – 58 с. (Научные доклады. Юридические науки. Вып. 1).
5. Россиус Ю.Г. О теории интерпретации Э. Бетти / Ю.Г. Россиус // История философии. – 2012. – № 17. – С. 83–89.
6. Chevallier J. Doctrine juridique et science juridique / J. Chevallier // Droit et société. – 2002. – N° 50. – P. 103–119.
7. Lemonnier M. Interpretation of the tax law in France: Selected problems / M. Lemonnier // Financial Law Review. – 2017. – № 3 (5). – P. 61–70.
8. Старженецкая Л.Н. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: зарубежный и российский опыт / Л.Н. Старженецкая // Финансовое право. – 2019. – № 4. –С. 123–128.
9. Пирмаев Е.В. Судебное толкование: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Пирмаев. – Иркутск, 2019. – 243 с.
10. Дудко Г.Н. Казуальное толкование: к постановке вопроса о понятии и видах / Г.Н. Дудко // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 48–52.
11. Россиус Ю.Г. Эмилио Бетти: от истории права к общей теории интерпретации / Ю.Г. Россиус // Философская мысль. – 2020. – № 11. – С. 30–44.
12. Gény F. Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif. Essai critique / F. Gény. – Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1899. – 320 p.

13. Camby J.-P. La loi et la norme (À propos de la décision n° 2005-512 DC du 21 avril 2005) / J.-P. Camby // Revue du droit public. – 2005. – N° 4. – P. 849–867.

Информация об авторе

Жанна Владимировна Кононова – аспирант кафедры теории и истории государства и права, преподаватель цикловой комиссии правовых дисциплин Колледжа Байкальского государственного университета, 227120@mail.ru.

Author

Zhanna Vladimirovna Kononova – postgraduate student in the Department of Theory and History of State and Law, and a lecturer in the cycle commission of legal disciplines at the Baikal State University College, 227120@mail.ru.

УДК 343.9(592.3)

А.И. Коробеев

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СИНГАПУРА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ОТ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ К БОРЬБЕ С ОНЛАЙН-МОШЕННИЧЕСТВОМ

В статье анализируется эволюция уголовного законодательства Сингапура в сфере высоких технологий. Рассматривается базовый Закон о злоупотреблении компьютерами (Computer Misuse Act 1993), заложивший основы ответственности за хакинг и неправомерный доступ. Особое внимание уделяется новеллам 2023–2024 годов, направленным на борьбу с транснациональными интернет-мошенничествами (scams) и феноменом «денежных мулов». Анализируются положения Закона о преступном вреде в интернете (Online Criminal Harms Act 2023), вводящего механизмы блокировки вредоносного контента, а также поправки в закон CDSA, криминализирующие неосторожное отмывание денег. Делается вывод о смещении вектора правового регулирования с преследования технических атак на превентивное ограничение криминальной инфраструктуры и повышение ответственности владельцев цифровых идентификаторов.

Ключевые слова: уголовное законодательство; хакинг; неправомерный доступ; интернет-мошенничество; денедные мулы; отмывание денег; ответственность; Сингапур.

A.I. Korobeev

CRIMINAL LAW POLICY OF SINGAPORE IN THE SPHERE OF COUNTERING CYBERCRIME: FROM TECHNICAL PROTECTION TO COMBATING ONLINE SCAMS

The article analyzes the evolution of Singapore's criminal legislation in the field of high technologies. The basic Computer Misuse

© Коробеев А.И., 2026

Act 1993, which laid the foundations for liability for hacking and unauthorized access, is examined. Special attention is paid to the 2023–2024 novelties aimed at combating transnational internet scams and the «money mule» phenomenon. The provisions of the Online Criminal Harms Act 2023, introducing mechanisms for blocking malicious content, as well as amendments to the CDSA criminalizing negligent money laundering, are analyzed. It is concluded that the vector of legal regulation is shifting from prosecuting technical attacks to proactively limiting criminal infrastructure and increasing the liability of digital ID owners.

Key words: criminal law; hacking; unauthorized access; internet fraud; money mules; money laundering; liability; Singapore.

Сингапур, являясь одним из ведущих финансовых и технологических хабов Азии, одним из первых приступил к реформированию уголовного законодательства в сфере киберпреступлений. При этом за несколько десятилетий законодательство претерпело неоднократные изменения. Если в 1990-е годы основным вызовом была защита компьютерных систем от взлома, то в 2020-х годах фокус законодателя сместился на противодействие массовому онлайн-мошенничеству (scams) и использованию цифровых платформ для распространения преступного контента.

Фундаментом системы кибербезопасности Сингапура является Закон о злоупотреблении компьютерами 1993 года (англ. Computer Misuse Act – CMA). Исторически он был основан на британском аналоге 1990 года, но за прошедшие десятилетия претерпел значительные изменения.

Основу закона составляют три классических состава киберпреступлений:

1. Несанкционированный доступ (ст. 3). Криминализирует любой умышленный доступ к компьютерным данным без полномочий.

2. Доступ с целью совершения иного преступления (ст. 4). Квалифицированный состав, применяемый, если взлом является подготовкой к мошенничеству или краже.

3. Несанкционированная модификация (ст. 5). Охватывает внедрение вредоносного ПО, шифровальщиков и изменение баз данных.

В отличие от многих юрисдикций, сингапурский законодатель активно расширяет действие CMA. Так, статья 8A вводит специальную ответственность за передачу паролей и кодов доступа к чужим системам, что стало ответом на рост рынка киберкриминальных услуг.

В последние годы Сингапур столкнулся с резким ростом кибермошенничества, ущерб от которого исчисляется сотнями миллионов сингапурских долларов. Это вынудило правительство принять пакет радикальных законодательных мер, вступивших в силу в 2024 году.

Борьба с «денежными мулами» (англ. Money Mules). В 2024 году вступили в силу поправки к Закону о коррупции, наркоторговле и иных тяжких преступлениях (CDSA) и CMA, направленные на борьбу с лицами, предоставляющими свои счета для вывода украденных средств. Ранее для привлечения лица, которое обналичивает преступные деньги, к ответственности требовалось доказать, что оно знало о преступном происхождении денег. Новые нормы вводят концепцию «неосторожного отмывания денег». Теперь уголовная ответственность наступает, если владелец счета не провел элементарную проверку источника средств или личности получателя перевода, несмотря на наличие подозрительных признаков (англ. «red flags»).

Защита национальной цифровой идентичности (система – Singpass). Сингапурская система цифровой идентификации Singpass стала частой целью преступников. Новые поправки в CMA (Ст. 8B) криминализируют передачу собственных учетных данных Singpass третьим лицам, если это делается ради корысти или с пониманием риска их использования в преступных целях. Это фактически ставит вне закона практику «продажи личности» для регистрации фирм-однодневок или криптокошельков.

Закон о преступном вреде в Интернете (Online Criminal Harms Act 2023 – OCHA). Данный акт, вступивший в силу в феврале 2024 года, знаменует переход от наказания преступников к превентивному блокированию инфраструктуры. Закон наделяет компетентные органы правом выдавать обязательные предписания онлайн-сервисам, провайдерам и платформам. В случае выявления признаков подготовки мошенничества или вредоносной киберактивности, власти могут потребовать:

1) блокировки доступа к конкретному контенту или аккаунту;

2) ограничения функционала учетной записи;

3) удаления приложения из магазинов.

Важно отметить, что для выдачи таких предписаний в отношении мошенничества достаточно лишь «подозрения», а не «разумных оснований», что существенно ускоряет реакцию правоохранителей.

Законодательные реформы Сингапура 2023–2024 годов сочетают в себе ужесточение ответственности для пособников киберпреступлений (владельцев счетов и аккаунтов) с наделением государства широкими полномочиями по внесудебной зачистке информационного пространства от криминальной информации. Опыт законодателя Сингапура в сфере противодействия киберпреступности заслуживает внимание и российского законодателя с учетом предполагаемого в ближайшее время реформирования действующего Уголовного кодекса России.

Информация об авторе

Александр Иванович Коробеев – главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, akorobeev@rambler.ru.

Author

Alexander Ivanovich Korobeev – Chief Research Fellow at the Institute of Legal Research, Professor in the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, akorobeev@rambler.ru.

УДК 343.54

Е.О. Коршикова

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЯПОНИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье проведен компаративный анализ исторического развития и современного состояния уголовного законодательства России и Японии об ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности. Выявлены общие тенденции к ужесточению наказуемости таких деяний, а также установлены различия в законодательной технике. Сделан вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства обеих стран.

Ключевые слова: половая свобода; половая неприкосновенность; уголовное законодательство Японии; возраст согласия.

E.O. Korshikova

CRIMINAL LEGAL POLICY OF RUSSIA AND JAPAN IN THE SPHERE OF PROTECTION OF SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INVINCIBILITY OF THE PERSON

This article provides a comparative analysis of the historical development and current state of criminal legislation in Russia and Japan regarding liability for crimes against sexual freedom and sexual integrity. General trends toward increasing penalties for such offenses are identified, as well as differences in legislative approaches. A conclusion is reached regarding the need to improve the current legislation of both countries.

Key words: sexual freedom; sexual integrity; Japanese criminal law; age of consent.

В Японии положения о наказании за сексуальные преступления впервые появились в Уголовном кодексе 1880 г., регламентировавшем нормы об ответственности за преступления

© Коршикова Е.О., 2026

насильственной непристойности (ст. 346) и изнасилования (ст. 347) как преступлений против тела и требовавшем подачи заявления от потерпевших [5].

В настоящее время в Японии действует УК 1907 г. На протяжении 110 лет нормы, устанавливающие преступность и наказуемость деяний сексуального характера, оставались практически неизменными и предусматривали ответственность за развратные действия с применением насилия (ст. 176), изнасилование (ст. 177), преступные деяния, приравниваемые к развратным действиям с применением насилия и изнасилованию (ст. 178). Ответственность за развратные действия наступала в случае, если такие действия совершались в отношении лица в возрасте 13 лет и старше с применением насилия или угроз или в отношении лица моложе 13 лет. Данное деяние наказывалось лишением свободы на срок от 6 месяцев до 7 лет. Изнасилование, т.е. совращение лица женского пола, достигшего 13 лет, с применением насилия или угроз либо совращение девочки моложе 13 лет, наказывалось лишением свободы на срок не менее 2 лет. Под действиями, приравненными к развратным или изнасилованию, подразумевались случаи, когда лицо, воспользовавшись бессознательным состоянием или неспособностью другого лица сопротивляться либо доведя другое лицо до такого состояния, совершает развратные действия или совращение. Наказывались такие деяния так же, как развратные действия с применением насилия и изнасилование, соответственно [8].

Статья 177 действовала в первоначальной редакции на протяжении столетия, вплоть до ее пересмотра в 2017 г., если не брать во внимание незначительное изменение в 2004 г., когда минимальное установленное законом наказание было усилено до 3 лет и более. На момент принятия УК Японии в 1907 г. изнасилование считалось преступлением против «целомудрия», социально-правового интереса или морали. После Второй мировой войны стало доминировать мнение о том, что юридические интересы, защищаемые этой нормой, являются личными юридическими интересами, такими как индивидуальная сексуальная свобода или право на сексуальное самоопределение. Тем не менее, данная норма была направлена на защиту целомудрия, т.е. «девственности» невинных женщин, которые однажды выйдут замуж, или «целомудренной

жены», покорной своему мужу. Потерпевшими от изнасилования являлись только женщины как субъекты целомудрия, а насильственный половой акт в естественной форме наказывался более сурово, нежели анальный половой акт, сексуальное насилие над мужчиной и т.д., которые подпадали под развратные действия [7].

Изменения 2017 г. существенно расширили понятие преступления, предусмотренного ст. 177 УК Японии. Если раньше эта норма предусматривала ответственность за насильственный половой акт в естественной форме, совершенный мужчиной в отношении женщины (девочки), то теперь под это преступление подпадают как указанные действия, так и анальный и оральный половой акт, а потерпевшим от преступления может быть и мужчина. Наказуемость такого деяния усилена: лишение свободы на срок не менее 5 лет. Введена ответственность за непристойные действия или половой акт и другие действия сексуального характера, совершенные опекуном в отношении лица, не достигшего 18 лет, с использованием своего влияния на такое лицо. Упразднено требование об уголовном преследовании только при наличии заявления потерпевшего[1].

Изнасилование оставалось преступлением, требующим подачи заявления, в течение 110 лет до его пересмотра в 2017 г. В учебниках и комментариях по уголовному праву приводилась причина, заключающаяся в том, что из-за характера таких преступлений их преследование и обнародование могут нанести вред репутации жертвы. Связано это с устойчивым в японском обществе предрассудком, известным как «миф об изнасиловании» – «целомудренная женщина будет оказывать сильное сопротивление, если не хочет быть изнасилованной, и что искреннее сопротивление может предотвратить изнасилование», «жертвами сексуальных преступлений являются женщины, которые сексуально неприличны, имеют какой-либо недостаток, например поведение или одежду, которые способствуют преступлению» [7]. Существовало мнение и о том, что люди не хотят огласки. Но для самих жертв решение о подаче заявления было эмоционально тяжелым переживанием. В связи

[1] 日本の刑法 (Уголовный кодекс Японии). URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view /3581/en#je_pt2ch24at3.

с этим требование о подаче заявления было отменено для уменьшения психологической нагрузки на потерпевших.

Несмотря на то, что такие изменения в японском законе явились большим шагом вперед в деле защиты прав потерпевших от половых преступлений, они были подвергнуты критике со стороны лиц, их переживших, и общественных организаций в связи с недостаточностью принятых мер. В 2019 г. в Японии поднялась волна протестов, вызванная рядом оправдательных приговоров по делам о сексуальном насилии. По одному из этих дел мужчина был оправдан по предъявленному обвинению в изнасиловании своей несовершеннолетней дочери, притом, что факт совершения этих действий против ее воли был доказан. Такие судебные решения в Японии были возможны потому, что по действовавшему закону необходимо было доказать, что потерпевшая активно сопротивлялась или что в связи с примененными обвиняемым насилием или угрозами жертва сопротивляться не могла [4, с. 84].

Призывы к ужесточению наказаний за сексуальные преступления усилились, и правительство начало рассматривать правовые реформы и усиление поддержки жертв. В Министерстве юстиции в 2020 г. состоялось первое заседание Дискуссионной группы по уголовному закону в отношении половых преступлений, в состав которой вошли пострадавшие, специалисты по психологии и поддержке жертв, исследователи уголовного права и практики, в целях принятия мер, соответствующих реальной ситуации. В Бюро по гендерному равенству Кабинета министров состоялось совещание соответствующих министерств и ведомств, и три года, предшествующие 2022 финансовому году, были объявлены периодом интенсивного усиления мер по борьбе с сексуальными преступлениями [6].

Результатом этих и других обсуждений стало внесение изменений в УК Японии законом от 23.06.2023 № 66. Развратные действия, половое сношение, иные действия сексуального характера стали уголовно наказуемыми и в тех случаях, когда потерпевший оказывается в состоянии, когда ему трудно сформировать, выразить или осуществить намерение не давать согласия. Такие деяния признаются преступными независимо от брачных отношений (до этих изменений считалось, что супруги обязаны выполнять супружеский долг независимо от своего желания).

Самое значимое, на наш взгляд, нововведение касается повышения возраста согласия потерпевшего на совершение с ним действий сексуального характера. До 2013 г. законодательство Японии предусматривало возможность вступления в сексуальные отношения без уголовно-правовых последствий с лицом, достигшим возраста 13 лет. Теперь этот возраст увеличен до 16 лет – совершение действий сексуального характера с лицом до 16 лет является уголовно наказуемым даже если насилие в отношении него не применялось. Исключение составляет ситуация, когда разница в возрасте между субъектом и потерпевшим менее 5 лет, – такие деяния уголовно не наказуемы.

Таким образом, на протяжении более чем векового действия УК Японии в основе норм, предусматривающих ответственность за половые преступления, лежали устаревшие патриархальные представления о необходимости уголовно-правовой охраны целомудрия женщины, а не половой неприкосновенности / свободы личности. Изменения, внесенные в уголовный закон поэтапно с 2004 г., стали возможными во многом благодаря активности гражданского общества Японии. Постепенно во главу угла стала ставиться защита прав и законных интересов личности, а не общественной морали.

Развитие российского законодательства об ответственности за половые преступления отличается от японского пути, что обусловлено различиями в исторически складывавшихся традициях, культурных норм, религии, менталитете россиян и японцев.

Изначально под влиянием православных канонов в церковных Уставах Владимира и Ярослава Мудрого к преступлениям против семьи и нравственности были отнесены лишь пошибание (изнасилование) боярских жен и дочерей. В Воинском Артикуле 1715 г. предусматривалась ответственность за мужеложство, наказываемое смертной казнью или, в исключительных случаях, лишением свободы, и изнасилование, влекущее отсечение головы или пожизненную ссылку на каторгу (арт. 166, 167). В Уголовном уложении 1903 г. наряду с мужеложством (ст. 516) предусматривалась ответственность за «любострастные действия» (ст. 513–515) [1, с. 89–90].

Уголовные законы советской эпохи об ответственности за половые преступления характеризуются большей системностью и детальностью по сравнению с дореволюционными.

УК РСФСР 1922 г. предусмотрел ответственность за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 166), то же деяние, совершенное в извращенной форме (ст. 177), развращение малолетних или несовершеннолетних путем развратных действий (ст. 168) и изнасилование (ст. 169). Санкции этих норм предусматривали только нижний предел наказания[1]. В 1926 г. была установлена ответственность за мужеложство: добровольное и с применением насилия или с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Санкции также предусматривали нижний предел наказаний[2].

В УК РСФСР 1960 г. предусмотрены квалифицированные составы изнасилования (ст. 117), а в 1993 г. в него внесены изменения, декриминализировавшие мужеложство, совершенное при отсутствии признаков «с применением насилия, угроз или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего»[3]. Примечательно и то, что в советское время судебная практика шла по пути расширительного толкования понятия изнасилования, понимая под ним любой сексуальный насильственный акт, как в естественной форме, так и сопряженный с введением мужского полового члена в какую-либо полость тела женщины (coitus per anum и coitus per os) [3, с. 15]. В УК РФ 1996 г. законодатель выделил в отдельный состав преступления насильственные действия сексуального характера и отказался от такого признака несовершеннолетнего потерпевшего от рассматриваемых преступлений как «недостижение половой зрелости», ввиду сложности его определения [9, p. 62–70].

Но наиболее динамичным изменениям законодательство России об ответственности за преступления против половой неприкосновенности / свободы было подвергнуто в последние годы, демонстрирующие тенденцию к ужесточению их наказуемости.

В 2012 г. установлен запрет на условное осуждение лиц, совершивших такие преступления в отношении потерпевших,

---

[1] О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексов Р.С.Ф.С.Р.) : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // Там же.

[3] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Там же.

не достигших 14 лет, применения к ним отсрочки отбывания наказания. В 2009 г. ужесточены требования к минимальному сроку отбытия наказания для условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом. С 2009 по 2022 гг. последовательно ужесточались санкции отдельных норм об ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, статьи Особенной части УК РФ дополнялись особо квалифицированными составами преступлений, наказуемых вплоть до пожизненного лишения свободы.

Одним из наиболее значимых законодательных решений является отнесение в 2012 г. к изнасилованию или насильственным действиям сексуального характера любых действий, подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных ст. 134, 135 УК, если они совершены в отношении лица, не достигшего 12 лет. Это решение породило дискуссии в доктрине уголовного права [2, с. 270–274].

Таким образом, современные уголовные законы России и Японии об ответственности за половые преступления имеют общие тенденции к ужесточению их наказуемости, устанавливают одинаковый возраст согласия несовершеннолетних на совершение с ними действий сексуального характера, дифференцирует ответственность в зависимости от способа совершения преступления (насильственный или ненасильственный). Вместе с тем подходы законодателей названных стран к вопросу о преступности и наказуемости деяний против половой неприкосновенности / свободы существенно различаются.

Так, УК Японии, в отличие от российского уголовного закона, не предусматривает квалифицированных составов преступлений в зависимости от возраста потерпевшего, не обеспечивая тем самым дифференциацию ответственности по степени общественной опасности деяния, на которую существенным образом влияет возраст потерпевшего, предоставляя более широкие дискреционные полномочия суду при назначении наказания. В этом смысле УК РФ представляется более прогрессивным, поскольку обладает большей степенью императивности в защите прав несовершеннолетних.

Вместе с тем, на наш взгляд, российский законодатель в своем стремлении обеспечить охрану половой неприкосновенности несовершеннолетних уголовно-правовыми средства-

ми зашел чрезмерно далеко, приравняв примечанием к ст. 131 УК ненасильственные действия (такие как, например, демонстрация полового члена) к насильственным действиям сексуального характера, предусмотренным частью 4 ст. 132 УК и наказуемым лишением свободы на срок от 12 до 20 лет.

Резюмируя изложенное, полагаем, что в целом результаты развития как российского, так и японского законодательства об ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности заслуживают положительной оценки. Вместе с тем в отдельных аспектах наказуемость этих преступлений требует совершенствования в сторону дифференциации ответственности в обеих странах, но в разных направлениях: в Японии – в зависимости от возраста потерпевшего, в России – в зависимости от способа совершения преступления в отношении лиц, не достигших 12 лет.

Список использованной литературы

1. Авдеев В.А. Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности и половой свободы личности: сравнительно-правовой анализ российской, японской и китайской систем уголовного права / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2016. – Т. 18, № 1-2. – С. 85–99.

2. Антонова Е.Ю. Преступления сексуальной направленности в отношении малолетних лиц, не достигших 12-летнего возраста / Е.Ю. Антонова, И.М. Антонов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12 (216). – С. 270–274. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_270.

3. Ким Е.П. Изнасилование: уголовно-правовой, криминологический и виктимологический аспекты / Е.П. Ким, Е.Ю. Антонова, И.М. Антонов ; Дальневосточный юридический институт МВД РФ. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2003. – 76 с.

4. Листопадова А.Д. Изменения в Уголовном кодексе Японии (к вопросу о преступлениях против половой неприкосновенности) / А.Д. Листопадова, В.А. Туркулец // Юридическая наука и практика: современное состояние и тенденции развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф.и, Хабаровск, 31 мая

2024 г. – Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 83–87.

5. Отани Минору. Сэйдзай хан сёбацу китэй кайсэй ни цуйтэ но (О пересмотре положений о наказании за половые преступления), 2025. – Токио, Япония. – URL: https://www.seibundoh.co.jp/files/ProductCorrection/33/sts_pdfl/978-4-7923-5290-5.pdf.

6. Политика усиления мер по борьбе с сексуальными преступлениями и сексуальным насилием. 11 июня 2020 г. Межведомственное совещание по усилению мер по борьбе с сексуальными преступлениями и сексуальным насилием // Бюро по вопросам гендерного равенства Кабинета министров Японии. – URL: https://www.gender.go.jp/policy/no_violence/seibouryoku/pdf/policy_02.pdf.

7. Симаока Мана. Ни окэру сэйдзай хан кайсэй но нидзю: нэн (20 лет реформирования законодательства о половых преступлениях в уголовном праве) // Тиба дайгаку хо:гаку ронсю: сб. науч. тр. по юриспруденции Университета Тиба. – 2024. – Т. 39, № 1. – URL: https://opac.ll.chiba-u.jp/da/curator/900122632/S09127208-39-1-P340.PDF?lang=1.

8. Уголовный кодекс Японии / под ред. А.И. Коробеева; пер. с яп. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000.

9. Antonova E.Yu. On the Issue of the Object of Crimes of Sexual Directivity / E.Yu. Antonova, I.M. Antonov // Журнал гражданского и уголовного права. – 2016. – No. 2 (6). – P. 62–70. – DOI 10.13187/zngup.2016.6.62.

Информация об авторе

Елена Олеговна Коршикова – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, ekorshikova85@gmail.com.

Author

Elena Olegovna Korshikova – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, ekorshikova85@gmail.com.

УДК 343

Д.С. Кузнецов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КИБЕРБУЛЛИНГ И ТРОЛЛИНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ, ФРАНЦИИ И США)

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий и перемещения общения преимущественно в условия цифрового пространства, получили широкое распространение различные деструктивные формы общения, среди которых значительную долю занимают кибербуллинг и троллинг. Пользуясь возможностью анонимизации личности, отдельные индивиды последовательно осуществляют в цифровом пространстве издевательства в отношении отдельных лиц, подвергают их травле, преследуя при этом различные цели. Данные действия в Российской Федерации влекут уголовную ответственность только при самоубийстве или попытке самоубийства жертвы. При отсутствии указанного последствия, когда результатом являются психические страдания жертвы, уголовной ответственности не предусмотрено. В статье проведен анализ особенностей криминализации действий, расцениваемых как троллинг и кибербуллинг, в ряде зарубежных стран: Италии, Франции и США, что позволило выявить сходства и различия в уголовно-правовом противодействии рассматриваемым деструктивным формам общения.

Ключевые слова: кибербуллинг; троллинг; уголовная ответственность за кибербуллинг; травля; угрозы; преследование.

D.S. Kuznetsov

RESPONSIBILITY FOR CYBERBULLYING AND TROLLING: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS (USING THE EXAMPLES OF ITALY, FRANCE AND THE USA)

With the development of information and telecommunication technologies and the shift of communication to the digital space, various destructive forms of communication have become wide-

© Кузнецов Д.С., 2026

spread, including cyberbullying and trolling. Taking advantage of the opportunity to anonymize a person, certain individuals consistently carry out bullying and harassment of individuals in the digital space, pursuing various goals. In the Russian Federation, these actions entail criminal liability only in cases of suicide or attempted suicide of the victim. If there is no such consequence, and the result is merely the victim's mental distress, there is no criminal liability. This article analyzes the specific features of the criminalization of actions considered to be trolling and cyberbullying in several foreign countries, including Italy and France.

Key words: cyberbullying; trolling; criminal liability for cyberbullying; harass-ment; threats; stalking.

Кибербуллинг и троллинг признаются негативными и опасными явлениями во всем мире, поскольку они не просто снижают самооценку жертвы и вызывают у нее страдания, но могут и влечь за собой долгосрочные психологические травмы, посттравматические стрессовые расстройства [1, с. 12–22] и даже приводить к самоубийству жертвы. Так, Ф. познакомился в социальной сети с несовершеннолетней Н. и поддерживал с ней общение путем ведения переписки. Поскольку у Н. возникла симпатия к Ф., она переслала ему свои фотографии интимного содержания, после чего Ф. регулярно унижал человеческое достоинство Ф., угрожал публично распространить ее фотографии, вследствие чего Н. совершила самоубийство[1].

Наибольшей степенью общественной опасности, на наш взгляд, обладает кибербуллинг – преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые на протяжении определенного времени в отношении избранного объекта травли индивидом или группой лиц в цифровом пространстве посредством использования цифровых технологий и нацеленные на унижение, подавление жертвы.

Многие страны разрабатывают программы противодействия кибербуллингу, но они в большей степени направлены на профилактику этого деструктивного явления. Уголовная же ответственность за него предусмотрена только в отдельных государствах. Российский уголовный закон не содержит самостоя-

[1] Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 08.05.2024 по делу № 1-15/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.02.2026).

тельной нормы, которая бы устанавливала ответственность за кибербуллинг. Уголовное преследование лиц за такие действия возможно лишь в случае, если они привели к самоубийству или попытке самоубийства, при условии, что доказан умысел виновного лица на доведение жертвы до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Одним из передовых в сфере противодействия кибербуллингу, по оценкам исследователей, является итальянский законодатель [3, с. 45], который в 2017 г. принял закон «О кибербуллинге». Кибербуллинг в данном нормативном акте определяется как «любая форма давления, агрессии, преследования, шантажа, оскорбления, клеветы, хищения личных данных, изменения, незаконного приобретения, манипуляции, незаконной обработки персональных данных в ущерб несовершеннолетним, осуществляемые электронным способом, а также распространение онлайн-контента, касающегося одного или нескольких членов семьи несовершеннолетнего, умышленной и преобладающей целью которого является изолировать ребенка или группу несовершеннолетних, совершив серьезное насилие, совершив вредоносное нападение или высмеяв их» [2]. Основные обязанности по профилактике кибербуллинга и оказанию помощи жертве, ее защиты, в Италии возлагаются на образовательную сферу, регламентированные в «Руководстве по предотвращению и борьбе с явлениями буллинга и кибербуллинга» [2].

Повышенному вниманию к кибербуллингу в Италии способствовало резонансное событие в 2015 г., когда в социальной сети бывший молодой человек итальянки Т. Кантоне разместил видео интимного характера с ее участием, которое стало поводом для осуществления в отношении нее кибербуллинга. Она несколько раз предпринимала попытки суицида, последняя завершилась смертью.

Осознавая, что профилактических мер не всегда достаточно в противодействии этому явлению, итальянский законодатель установил за него уголовную ответственность, трактуя при этом кибербуллинг в самом общем виде как публичное оскорбление. Так, в ст. 594 УК Италии криминализировано оскорбление чести присутствующего лица, которое влечет наказание в виде штрафа до 516 евро либо лишения свободы на срок до шести месяцев. Аналогичные санкции применяются, если оскорбление выражено в письме, рисунке, сообщении и направлено потерпевшему.

В ст. 595 УК Италии предусмотрена ответственность за оскорбление репутации другого лица, наказывается штрафом в размере до 1 032 евро или лишением свободы сроком до одного года, а при оскорблении репутации путем клеветы – штрафом до 2 065 евро или лишением свободы сроком до двух лет. Наиболее сурово наказывается оскорбление репутации посредством прессы, в рекламе или в публичном документе, в этом случае штраф не может составлять менее 516 евро, либо виновный может быть лишен свободы на срок от шести месяцев до трех лет. В ст. 612 УК Италии предусмотрена ответственность за угрозу другому лицу «несправедливым вредом», что влечет штраф в размере до 1 032 евро. Серьезная угроза либо угроза, выраженная с помощью анонимного сообщения, влечет наказание в виде лишения свободы на срок до одного года.

Таким образом, в УК Италии криминализированы разные виды оскорбления и угроз, в том числе совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако, сопоставляя имеющиеся в УК Италии составы преступлений, отнесенных к кибербуллингу, с его определением в законе «О кибербуллинге», можно увидеть, что в целом уголовно-правовое противодействие этому явлению осуществляется не в полном объеме.

Похожим образом осуществляется борьба с кибербуллингом во Франции, где также криминализированы некоторые его проявления. В частности, в ст. 222-33-2-2 установлена ответственность за причинение вреда какому-либо лицу неоднократными словами или действиями, направленными на ухудшение условий его жизни либо повлекшими ухудшение его физического или психического здоровья. Наказывается такое деяние штрафом до 15 000 евро либо лишением свободы на срок до одного года. Более строгое наказание (штраф в размере 30 000 евро или лишение свободы на срок до двух лет) установлено за совершение такого преступления в отношении несовершеннолетнего, в его присутствии либо с использованием онлайн-службы связи общего пользования или с помощью цифровых или электронных средств.

В ст. 222-33-2-3 УК Франции предусмотрено наказание в виде штраф в размере 45 000 евро либо лишения свободы на срок до трех лет за акты психологического домогательства в отношении учащегося любым лицом, обучающимся или осу-

ществляющим профессиональную деятельность в том же образовательном учреждении. Таким образом, французский законодатель выделил так называемый «школьный кибербуллинг» в отдельный состав преступления, что объясняется исследователями распространенностью данного деструктивного явления в образовательной среде – травле подвергаются как школьники, так и учителя.

Итак, ответственность за кибербуллинг во Франции наступает при условии причинения определенного вреда. При этом трактовка преступления во французском уголовном законе более широкая, поскольку последствия не ограничены самоубийством жертвы, достаточно ухудшение ее физического или психического состояния. Представляется, что такая позиция в большей степени отвечает общественной опасности кибербуллинга и позволяет привлекать к уголовной ответственности агрессоров и в тех случаях, когда жертва не прибегла к суициду.

Законодательство США является разрозненным в силу того, что нет единого уголовного закона, а каждый штат может реализовывать собственную политику по противодействию преступлениям. В то же время существуют некоторые общие положения законодательства, учитываемые всеми штатами: определены действия, рассматриваемые как буллинг и кибербуллинг, их формы (физическая, вербальная и невербальная) [4, с. 26]. Уголовную ответственность за кибербуллинг предусматривают только некоторые штаты.

Так, в штате Северная Каролина в уголовном законе выделена отдельная глава 14 о преступлениях, совершаемых с использованием компьютерных технологий, где в пар. 14-458.1-1 под кибербуллингом понимаются разнообразные действия, совершаемые с использованием компьютерных технологий для истязания потерпевшего, причинения ему вреда. Криминализированы виртуальная слежка, провокационные оскорбления, направление сообщений анонимно или с ложных аккаунтов и т.д. Взрослое лицо подвергается тюремному заключению до 120 дней, если субъектом преступления выступает несовершеннолетний, наказание снижается в два раза.

В штате Калифорния предусмотрена ответственность за травлю, запугивание и оскорбление, которые считаются мелкими правонарушениями, влекущими наказание в виде штрафа до 1 000 долларов либо тюремного заключения

до одного года. Более опасным признается кибербуллинг, сопряженный с распространением фото и видеоизображений сексуального характера, предусматривающее наказание в виде штрафа до 5 000 долларов либо тюремного заключения на срок до пяти лет [5, с. 203].

Таким образом, в наибольшей мере действия, образующие кибербуллинг, криминализированы в штате Северная Каролина, поскольку уголовно-наказуемыми являются оскорбления, преследование в цифровом пространстве, при этом для наступления уголовной ответственности не требуется наступления общественно опасных последствий, достаточно осуществления действий в отношении потерпевшего с целью издевательства над ним.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет утверждать, что в рассмотренных нами государствах предприняты попытки введения уголовной ответственности за кибербуллинг. Троллинг к общественно опасным деяниям не отнесен, что следует признать верным, т.к. он не преследует цели причинения вреда жертве, а в большей степени представляет собой развлечение, хотя и достаточно жестокое. При увеличении степени агрессии со стороны троллей фактически происходит перерастание в кибербуллинг, который уже столь опасен, что требует противодействия уголовно-правовыми средствами.

Отметим, что криминализация кибербуллинга в изученных государствах является фрагментарной. Так, в итальянском уголовном законе ответственность предусмотрена лишь за оскорбления, в том числе публичные, совершаемые в цифровом пространстве. Французский законодатель определяет деяние как слова и действия, направленные на ухудшение физического или психического здоровья конкретного лица. В США только отдельные штаты предусмотрели уголовную ответственность за кибербуллинг. Наиболее широко состав преступления сформулирован в штате Северная Каролина, который является формальным, как и во Франции, что следует отметить с положительной точки зрения. Полагаем, что российскому законодателю следует обратить внимание на опыт указанных государств и решить вопрос о криминализации кибербуллинга, четко определив, какие именно действия его образуют. Представляется, что это могут быть любые негативные высказывания о потерпевшем непосредственно ему или другим лицам в цифровом пространстве, размещение

фото, видеоматериалов, с целью причинения потерпевшему психических страданий. Такой состав преступления необходимо сконструировать в качестве формального, что позволит привлекать виновных к уголовной ответственности независимо от наступления негативных последствий.

Список использованной литературы

1. Антонова Е.Ю. Цифровые технологии и их влияние на развитие уголовного права // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т., Казань, 22 сентября 2023 г. – Казань : Познание, 2023. – С. 12–22.

2. Букалерова Л.А. Ответственность за кибербуллинг несовершеннолетних в отношении несовершеннолетних: зарубежный / Л.А. Букалерова, Г.М. Даитгаджиев, А.К. Бикманова // Международный правовой курьер. – URL: https://inter-legal.ru/otvetstvennost-za-kiberbulling-nesovershennoletnih-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-zarubezhnyj-opyt.

3. Голованова Н.А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом / Н.А. Голованова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3 (76). – С. 42–57.

4. Ложкина Т.Е. Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.Е. Ложкина, Е.В. Могилева, А.С. Первакова // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 2 (26). – С. 24–29.

5. Попов В.В. Юридическая ответственность несовершеннолетних граждан за противоправные действия в сети Интернет (сравнительно-правовой аспект) / В.В. Попов, А.В. Ерохина, С.В. Черкасова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 202–207.

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Кузнецов – аспирант Московского университета «Синергия», dmitriy_kuznetsov01@mail.ru.

Author

Dmitry Sergeevich Kuznetsov – Postgraduate Student of the Moscow University «Synergy», dmitriy_kuznetsov01@mail.ru.

УДК 341

Л.И. Лавдаренко

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В АСПЕКТЕ ГУМАНИЗАЦИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В статье рассматривается правовая регламентация меры пресечения в виде заключения под стражу в аспекте гуманистических ценностей. В результате проведенного историко-правового исследования меры пресечения в виде заключения под стражу резюмируется, что изменение правовой регламентации данной меры пресечения в сторону ее гуманизации обусловливалось развитием общественных отношений, изменением государственной политики в области уголовной юстиции. В настоящее время, несмотря на введение альтернативных мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, заключение под стражу все еще остается одной из наиболее часто применяемых мер пресечения. В связи с этим при избрании данной меры пресечения необходим индивидуальный подход, учет всех обстоятельств, связанных с личностью и образом жизни обвиняемого (подозреваемого), в отношении несовершеннолетних должны быть установлены дополнительные уголовно-процессуальные гарантии.

Ключевые слова: меры пресечения; заключение под стражу; гуманизм; уголовно-процессуальная политика; регламентация; индивидуальный подход.

L.I. Lavdarenko

ANALYSIS OF CHANGES IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN THE ASPECT OF HUMANIZATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF DETENTION

The article examines the legal regulation of a preventive measure in the form of detention in the aspect of humanistic values. As a

© Лавдаренко Л.И., 2026

result of the conducted historical and legal study of the preventive measure in the form of detention, it is summarized that the change in the legal regulation of this preventive measure towards its humanization was due to the development of public relations and changes in state policy in the field of criminal justice. Currently, despite the introduction of alternative preventive measures in the form of house arrest and the prohibition of certain actions, detention is still one of the most frequently used preventive measures. In this regard, when choosing this preventive measure, an individual approach is necessary, taking into account all the circumstances related to the personality and lifestyle of the accused (suspect), additional criminal procedural guarantees should be established for minors.

Key words: preventive measures; detention; humanism; criminal procedure policy; regulation; individual approach.

Право на свободу неотделимо от личности и неразрывно с ней связано, наряду с правом на жизнь, оно является наиболее общим, универсальным правом человека. В системе основных (фундаментальных) прав оно занимает особое место – «именно к данному субъективному праву могут быть, по сути, сведены все признаваемые мировым сообществом субъективные права человека» [1, с. 13]. Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «... право на свободу и личную неприкосновенность является одним из неотъемлемых основополагающих прав человека. Оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека»[1].

Вместе с тем, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, право на свободу и личную неприкосновенность в силу статьи 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации может быть правомерно ограничено при задержа-

[1] По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2011. № 51. Ст. 7552.

нии, а также применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Сущность меры пресечения в виде заключения под стражу заключается в более продолжительном, в сравнении с задержанием, ограничении внешней (физической) свободы лица, при котором оно принудительно выдворяется из привычной среды, изолируется от общества, помещается в замкнутое, ограниченное пространство с замкнутой системой общения и принудительно содержится в этом пространстве. Происходит не только ограничение свободы и личной неприкосновенности, но и связанное с этим резкое изменение образа жизни человека. Он лишается свободы ведения личного (частного, индивидуального, отличающегося от других) образа жизни, права распоряжения собой, права на уединение, на общение по своему усмотрению с другими людьми, возможности владеть и пользоваться личным имуществом, его переписка контролируется, он подвергается личному досмотру. Режим (фр. régime образ жизни) содержания в следственных изоляторах носит принудительных характер. При этом условия содержания заключенного под стражей – обвиняемого (подозреваемого), т. е. лица, еще не признанного судом виновным, – не отличаются от условий содержания для осужденного, поскольку следственные изоляторы в своем большинстве – тюрьмы, построенные в XIX в. как карательные учреждения. При этом Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений отметил, что правовое положение лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления и заключенных под стражу, значительно отличается от правового положения осужденных к лишению свободы в худшую сторону[1].

В связи с этим одним из важнейших направлений современной уголовно-процессуальной политики является гуманизация меры пресечения в виде заключения под стражу.

Гуманизм (гуманистические ценности) как сложное многогранное явление с античных времен исследовался, в основ-

[1] По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пунктов 139–143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е.В. Парамонова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 50-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 290.

ном, на философском уровне, в современных же условиях важное значение гуманистические ценности приобретают в правовой сфере в поиске «путей и средств задействования этих ценностей в целях создания благоприятных условий для гармоничного развития личности и гуманного отношения к человеку» [3, с. 102]. Гуманизм, по мнению ученых-правоведов, – это «… система воззрений, признающих самоценность личности в мире; право человека на свободу, счастье, развитие своих способностей» [3, с. 102]. Гуманизация уголовного судопроизводства означает, что «…в центр каждого следственного действия и принимаемого решения ставились интересы человека, его права, свободы и индивидуальные особенности» [6, с. 3].

В контексте постановки вопроса о гуманизации меры пресечения в виде заключения под стражу представляется необходимым обращение к эволюции данной меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве.

Прообразом меры пресечения в виде заключения под стражу явилась мера – «отдача под присмотр» или «сиденье за приставом», заключавшаяся в полном лишении свободы лица и нахождении его в оковах (заковывание в колоду) во дворе у пристава. Как писал известный правовед А.Ф. Кистяковский, «… сидевшие за приставом мало того, что были заключаемы в оковы, но в то же время были забиваемы или сажаемы в колоду, от чего произошло слово колодник, которое, как и само сажание в колоду, очень долго держалось в практике и в нашей юридической терминологии» [4, с. 29]. Следует отметить, что в обыденной речи до настоящего времени относительно наказания в виде лишения свободы и меры пресечения – заключения под стражу используется термин «посадить».

В рамках преобразований времен Петра I мера уголовно-процессуального принуждения – «отдача за пристава» – была отменена Указом от 20 октября 1653 года, которым предписывалось: «…впредь татей и разбойников за приставы не отдавать, а держать их до указу в тюрьмах». Содержание в тюрьме, как и другие принудительные меры, носило смешенный характер – выступало как наказание и как мера пресечения [7, с. 28–29].

Значительные изменения в направлении гуманизации меры пресечения в виде заключения под стражу произошли в период правления Екатерины II, а именно с изданием Наказа Уложенной комиссии 1767 г., написанного собственноручно

Екатериной Великой на основании заимствований из трактатов Шарля Монтескье «О духе законов», Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Дени Дидро и Жана Д'Аламбера «Энциклопедии». Одной из основных прогрессивных идей, изложенных в Наказе, являлась идея о том, что меры уголовно-процессуального принуждения и меры уголовного наказания имеют разные цели и что содержание обвиняемого под стражей до суда должно быть, сколь возможно, короче. В Наказе от 30 июля 1767 г., а затем в Уставе благочиния 1782 г. был приведен примерный перечень улик, достаточных для заключения в тюрьму. Этот перечень был полностью заимствован из трактата Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 г. Позднее данный перечень был незначительно изменен и включен в Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Элементы данного перечня сохранились до настоящего времени в качестве оснований задержания подозреваемого. Наказом вводился запрет на применение заключения под стражу в отношении лица, совершившего преступление небольшой тяжести, что обосновывалось, в том числе, нецелесообразностью в таком случае применения данной меры пресечения.

Екатерина II предложила не заключать обвиняемых под стражу без сообщения им о сути обвинения и их допроса, а также ввести судебный порядок рассмотрения жалоб на незаконное заключение под стражу. Так, на основании «Учреждения о губерниях», принятого в 1775 г., в системе судов учреждался Совестный суд (ст. 401), который имел право рассматривать жалобы обвиняемых на принятые решения о заключении их под стражу. Несмотря на то, что данное право распространялось, в основном, на дворян, впервые появился институт обжалования принятого решения о мере пресечения. Предусматривалось следующее: если кто-либо в течение трех дней содержался в тюрьме без допроса, то по его жалобе не позже чем через одни сутки он должен быть доставлен в Совестный суд, который рассматривает жалобу на незаконный арест и принимает решение об освобождении на поруки либо подтверждает правильность ареста.

Кроме того, с точки зрения гуманизации содержания под стражей арестованных Екатериной II были предприняты меры по раздельному содержанию в камерах мужчин и женщин, а также лиц, оказывающих «дурное» влияние на подследствен-

ных. Предусматривалось ограничение количества лиц, содержащихся в одном изоляторе (камере) двумя-тремя лицами.

Стремление власти к защите человеческого достоинства при применении мер принуждения было продемонстрировано в эпоху правления Александра I (1801–1825 г г.). Так 15 сентября 1801 г. (день коронации Александра I) был издан Императорский Указ «Об отмене пыток». Законом от 20 марта 1822 г. устанавливалось, что мужские кандалы должны весить не более 5,5 фунтов, т.е. чуть более 2 кг, а налагаемые на ноги обручи было предписано обшивать кожей (женщин в кандалы не заковывали). Вместе с тем, указом от 29 января 1825 г. было введено унижающее человеческое достоинство бритье половины головы у арестантов. Мотивировалось это ветхостью тюрем и частыми побегами заключенных. Данная мера была отменена в 1858 г. Гуманизм проявлялся и в том, что заключенные могли получать доход: их отпускали для прошения милостыни «в связках» или отдавали на казенную работу, выдавая за нее по 3–4 копейки в день. Кроме того Александром I предпринимались попытки к сокращению сроков содержания под стражей: он предписал Сенату вне очереди рассматривать арестантские дела. За нарушение предписания был установлен вычет 1/3 жалования судьи.

Время правления Александра II именуется как эпоха «великих реформ», одной из которых являлась судебная реформа. Накануне этой реформы в 1860 г. вводится институт судебных следователей и применение всех мер пресечения (за исключением краткосрочного задержания) изымается из компетенции полиции и относится к компетенции следователей, являющихся представителями судебной власти. Тогда же, в 1860 г. издается Наказ судебным следователям, предписывающий (ст. 86 и 90 Наказа) при заключении обвиняемых под стражу в тот же день составлять особые акты, которые в обязательном порядке на следующий день представлять на утверждение суда.

В 1864 г. издается Устав уголовного судопроизводства (далее сокращенно – УУС), в главе VI которого «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия» определяется заключение под стражу как «взятие под стражу».

Уставы 1864 г. содержали статью 421, которую можно считать аналогом статьи 99 УПК РФ – «Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения», следующего содержа-

ния: «При избрании к пресечению обвиняемому способов уклоняться от следствия, принимаются в соображение не только строгость угрожающего ему наказания, но также сила представляющих его улик, возможность скрыть следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе» [8, с. 2313].

Уголовно-процессуальные кодексы советского периода, в т.ч. УПК РСФСР 1961 г. определяли основания избрания заключения под стражу и дополнительно учитываемые при этом обстоятельства. В соответствии со ст. 96 УПК РСФСР заключение под стражу применялось по делам о преступлениях, за которые законом предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком свыше одного года. В период действия УПК РСФСР 1961 г. заключение под стражу являлось основной мерой пресечения, на ее долю из общего числа избранных следователями и дознавателями мер пресечения приходились 50–60 % [5, с. 88].

С целью сокращения применения данной меры пресечения в УПК РФ были введены такие меры пресечения как домашний арест и запрет определенных действий. Однако эти меры не стали альтернативой заключению под стражу [2, с. 138].

Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в ст. 108 УПК РФ были внесены изменения и дополнения, направленные на сокращение возможностей избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу в зависимости от категорий и характера преступлений, в совершении которых подозреваются (обвиняются) лица, состояния их здоровья; с учетом социальных и иных характеристик подозреваемых (обвиняемых), а также их поведения при осуществлении предварительного расследования. Некоторые исследователи справедливо отмечают, что внесенные изменения сделали норму, регулирующую избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, сложной в восприятии, привели к избыточному формализму. При этом не все уязвимые в социальном отношении группы лиц – в первую очередь несовершеннолетние – были учтены законодателем в аспекте установления дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов [9, с. 145; 10, с. 168].

Как представляется, при избрании данной меры пресечения необходим индивидуальный подход, учет всех обстоятельств, связанных с личностью и образом жизни обвиняемого (подозреваемого), ее избрание должно отвечать требованиям разумности и справедливости, в отношении несовершеннолетних должны быть установлены дополнительные уголовно-процессуальные гарантии.

Таким образом, изменение правовой регламентации данной меры пресечения в сторону ее гуманизации обусловлено развитием общественных отношений, изменением государственной политики в области уголовной юстиции.

Список использованной литературы

1. Авдеенкова М.П. Право на физическую свободу / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 13–22.

2. Волосова Н.Ю. Запрет определенных действий как отражение гуманистических начал уголовного судопроизводства / Н.Ю. Волосова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 135–139.

3. Кашепов В.П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия / В.П. Кашепов // Журнал российского права. – 2015. – № 12 (228). – С. 101–112.

4. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А.Ф. Кистяковский. – Санкт-Петербург : Судебный вестник, 1868. – 195 с.

5. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития / А.В. Орлов // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 1 (32). – С. 85–89.

6. Прокофьева С.М. Гуманизация уголовного судопроизводства : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.М. Прокофьева. – Санкт-Петербург, 2002. – 42 с.

7. Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности / И.Т. Тарасов. – Киев : Университетская типография, 1875. – 245 с.

8. Хапаев И.М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде за-

ключения под стражу (XIX–XX вв.) / И.М. Хапаев // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2310–2315.

9. Давлетов А.А. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества / А.А. Давлетов, Н.В. Азарёнок // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (77). – С. 140–147.

10. Ксендзов Ю.Ю. Краткий анализ новых условий допустимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу/ Ю.Ю. Ксендзов // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. – 2025. – Т. 1. – С. 162–172.

Информация об авторе

Людмила Ивановна Лавдаренко – доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, lavdarenko@mail.ru.

Author

Lyudmila Ivanovna Lavdarenko – Associate Professor of the Department of Arrangement and Methodology of Criminal Prosecution of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. (Law), Associate Professor, lavdarenko@mail.ru.

УДК 341.01

Г.М. Лановая

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В системе современного международного права Всеобщая декларация прав человека воспринимается не только в качестве основополагающего, но и в качестве наиболее универсального международного документа в области прав человека. Подразумевается, что она апеллирует к первостепенно значимым для любого народа и любого регионами мира ценностям и, опираясь на них, закрепляет ключевые принципы, которые в силу свой связи с универсальными ценностями также носят универсальный характер. Вместе с тем в теории и практике международного права нет никакой другой темы, которая бы до сих пор вызывала столько же дискуссий, сколько вызывают права человека, причем эти дискуссии нередко касаются именно глубинных вопросов аксиологического плана. Принимая во внимание изложенное, автор сравнивает ценностные основания той глобальной системы защиты прав человека, базовые параметры которой определяются Всеобщей декларацией прав человека, с ценностными основаниями аналогичных региональных систем, с тем, чтобы выяснить, являются ли в действительности универсальными ценностями в области защиты прав человека блага, провозглашаемые таковыми.

Ключевые слова: права человека; защита прав человека; Всеобщая декларации прав человека; правовые ценности; международные документы в области прав человека.

© Лановая Г.М., 2026

G.M. Lanovaya

THE VALUE FOUNDATIONS OF THE HUMAN RIGHTS PROTECTION SYSTEM: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS AND REGIONAL INTERNATIONAL DOCUMENTS

In the system of modern international law, the Universal Declaration of Human Rights is perceived not only as fundamental, but also as the most universal international document in the field of human rights. It is understood that it appeals to the values that are of paramount importance to any nation and any region of the world, and that it establishes key principles that are also universal due to their connection with universal values. At the same time, there is no other topic in the theory and practice of international law that has generated as much discussion as human rights, and this discussion often focuses on fundamental issues of value. Taking into account the above, the author compares the value bases of the global human rights protection system, the basic parameters of which are defined by the Universal Declaration of Human Rights, with the value bases of similar regional systems in order to find out whether the benefits proclaimed as such are actually universal values in the field of human rights protection.

Key words: human rights; protection of human rights; Universal Declaration of Human Rights; legal values; international human rights instruments.

Традиционно вопрос о правах человека относится к числу важнейших как в теории, так и в практике международного права. При этом, с одной стороны, подразумевается, что права человека в силу их неразрывной связи с природой человека не только естественны, но и универсальны, с другой стороны, в действительности нет, пожалуй, никакой другой темы, которая бы вызывала столько же дискуссий, сколько вызывают права человека.

Споры по связанным с защитой прав человека вопросам, которые позиционируются в качестве способных получить в меж-

дународном праве универсальное решение и, более того, требующих такого решения, разгораются либо вследствие разного ценностного восприятия одних и тех же явлений и процессов в контексте разных культур, либо в силу политических разногласий, возникающих между государствами в определенных геополитических условиях. Поскольку различия в ценностном восприятии являются неустранимыми, а политические разногласия могут быть разрешены, для теории и практики принципиально важным представляется вопрос о том, имеет ли система защиты прав человека универсальные ценностные основания. Найдя ответ на поставленный вопрос, можно более верно оценить значимость политических усилий для разрешения тех дискуссий, которые ведутся сегодня по обозначенной проблематике.

Методологически верным представляется для решения сформулированного теоретически значимого вопроса сравнить те ценности, к которым апеллирует преамбула Всеобщая декларация прав человека[1], с ценностными основаниями тех систем защиты прав человека, которые сложились после принятия названной декларации в разных регионах мира и нашли отражение в известных региональных международных документах.

Анализ текста Преамбулы Всеобщей декларации прав человека позволяет говорить о том, что положения названного документа нацелены на защиту таких ценностей, как человеческая личность, достоинство человека, равноправие, свобода, справедливость, мир, экономическая и политическая безопасность, права и свободы человека.

Если рассматривать перечисленные ценности через призму доминант духовности и смыслообразующих идей различных культур [1, с. 404–426], то можно обнаружить их очевидную связь с ценностями западной правовой культуры. Очевидным представляется и то влияние, которое оказало на формирование тех ценностных координат, которые задает для международного права прав человека Всеобщая декларация прав человека, исторического контекста (им, прежде всего, обусловливается апеллирование к такой ценности как мир). Вместе с тем исторический контекст влияет на рассматриваемую систему ценностей

[1] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml?ysclid=mli03m2kvw954406751 (дата обращения: 10.02.2026).

не непосредственно, а преломленным в тех идеях и установках, которые характерны для западной правовой культуры.

Показательным является следующий факт: несмотря на то, что Организацией Объединенных Наций рассматриваемая Декларация позиционируется в качестве результата «тесного взаимодействия специалистов в области права, представлявших все регионы планеты» [2], в действительности идейные источники названного международного документа являются частью западной культуры. В частности, названный документ отражает ключевые идеи концепции «Четырех свобод», провозглашенной президентом США Ф. Рузвельтом в ежегодном обращении к Конгрессу «О положении в стране» 6 января 1941 года.

Те же ценности, к которым апеллирует Всеобщая декларация прав человека, выступают идейными ориентирами для других универсальных по сфере своего действия документов в области прав человека, уточняющих и дополняющих ее положения, при этом обнаруживаемые различия обусловливаются не разницей в ценностном восприятии, а различием в характере отношений, выступающих предметом регулирования.

Общность ценностных ориентиров универсальных по сфере своего действия документов в области прав человека свидетельствует о том, что Всеобщая декларация прав человека апеллирует далеко не к умозрительным идеалам. Вместе с тем она еще не свидетельствует о том, что указанные ценностные ориентиры в действительности первостепенно значимы для любого народа и любого регионами мира.

Обратимся к документам, имеющим по общему признанию основополагающее значение для тех систем защиты прав человека, которые сложились в различных регионах мира, и прежде всего – к их преамбулам (поскольку именно в преамбулах находят отражение как мотивы и цели принятия соответствующих документов, так и та идейно-ценностная платформа, на которой базируются их положения).

Европейская система защиты прав человека ориентирована на защиту тех же ценностей, что и Всеобщая декларация прав человека, о чем свидетельствует анализ текста Конвенции

о защите прав человека и основных свобод 1950 года[1], и прежде всего ее преамбулы.

Вместе с тем примечательно, что «защита и развитие прав человека и основных свобод» именуется в названном документе средством достижения большего единства между членами Совета Европы, а участники Конвенции указывают на имеющееся у них общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права. Таким образом, в рассматриваемом документе акцент переносится на то, что ценности, составляющие основу европейской системы защиты прав человека, имеют политический смысл. Сам по себе этот факт вряд ли можно считать удивительным, если принимать во внимание то, что западная правовая культура и в целом, и в отдельных своих проявлениях характеризуется политичностью. Важно другое: в описанном контексте права человека перестают быть терминальными ценностями, приобретают значение инструментальных ценностей.

Американская конвенция о правах человека 1969 года[2] основывается, в сущности, на тех же ценностях, что и Всеобщая декларация прав человека. Вместе с тем примечательными можно считать два факта. Во-первых, внимание привлекает интеграция указанных ценностей в одном более сложном, собирательном образе («идеал свободного человека»). Во-вторых, не случайно за рамки рассматриваемой системы ценностей через 20 с лишним лет после принятия Всеобщей декларации прав человека выводится то, что оказывается среди ценностных оснований защиты прав человека в силу специфики не культурного, а исторического контекста («всеобщий мир»).

Африканская Хартия прав человека и народов 1981 года[3] акцентирует в своей преамбуле внимание на ценности не только достоинства человека, но также достоинства народов,

---

[1] European Convention on Human Rights. Rome, 4.XI.1950; as amended by Protocoles Nos. 11 and 14, supplemented by Protocols Nos. 1, 4, 6, 7, 12 and 13. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/convention_eng.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

[2] American Convention on Human Rights «PACT OF SAN JOSE, COSTA RICA» (B-32). Documents of the 1969 Inter-American Conference on Human Rights. URL: https://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_ Rights.htm (дата обращения: 10.02.2026).

[3] African Charter on Human and Peoples' Rights. Concluded at Nairobi on 27 June 1981. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36390-treaty-0011_-_african_charter_on_human_and_peoples_rights_e.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

на важности защиты не только прав человека, но и «прав народов». Подчеркивается значимость «исторических традиций и ценности африканской цивилизации». Декларируется, что такие традиции и ценности должны «вдохновлять» и «находить отражение» в «концепции прав человека и народов».

Таким образом, если Всеобщая декларация прав человека призывает исходить из тех ориентиров, которые приобретают аксиологическую значимость в контексте персоноцентристкой культуры, то положения Африканской Хартии прав человека и народов апеллируют также и к ценностям, которые имеют значимость в контексте социоцентристских культур. При этом анализ текста преамбулы рассматриваемого документа не дает оснований для того, чтобы с полной уверенностью утверждать, что в ситуации конфликта ценностей социоцентристской культуры с ценностями культуры персоноцентристской приоритетны последние.

Не ограничивается апеллированием к ценностям, актуальным в системе координат, задаваемых Всеобщей декларация прав человека, и Декларация прав человека Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, которая была принята 18 ноября 2012 года[1]. Подтверждая ценность прав человека и основных свобод, она также акцентирует внимание на значимости верховенства закона и надлежащего управления. В преамбуле Декларации, кроме того, выражается уверенность в том, что она поможет создать основу для сотрудничества в области прав человека в регионе и внесет вклад в процесс создания сообщества АСЕАН.

Принимая во внимание то, как именно расставляет акценты Декларация прав человека АСЕАН в качестве основополагающего для Юго-Восточной Азии документа в рассматриваемой сфере правового регулирования, можно утверждать, что она, подобно Африканской Хартии прав человека и народов, не ограничивается утверждением тех ценностей, которые Всеобщей декларацией прав человека провозглашены универсально имеющими первостепенную значимость.

---

[1] The ASEAN Human Rights Declaration (AHRD). Done in Phnom Penh, Kingdom of Cambodia, November 18th, 2012. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/resources/ASEAN %20Publication/2013 %20(7. %20Jul) %20-%20ASEAN %20Human %20Rights %20Declaration %20(AHRD) %20and %20Its %20Translation.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

Обратимся к документам, отражающим ценностные основания защиты прав человека в том регионе, который принято называть арабским миром.

Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 года[1], Исламская декларация прав человека 1990 года[2], Арабская Хартия прав человека 2004 года[3], а также Каирская декларация Организации исламского сотрудничества о правах человека 2020 года[4] фактически утверждают в качестве ценностных оснований защиты прав человека ценности ислама.

Существует мнение, что когда большинство арабских государств взяли на себя обязательства по реализации положений важнейших международных актов в области прав человека, это стало «первым шагом на пути к ... конвергенции национальных правовых систем по лекалам либерально-демократического стандарта» [3, с. 73]. Однако с ним нельзя согласиться, в особенности потому, что сама идея прав человека «не является имманентной исламу» [4, с. 180].

Итак, Всеобщая декларация прав человека в действительности позиционирует в качестве наиболее значимых ориентиров блага, не имеющие абсолютно универсального характера, приобретающие ценностную значимость именно в системе координат западной политико-правовой культуры, но даже в ней не получающие статус терминальных ценностей. Те ценностные основания, на которых базируются положения названного международного документа, не совпадают полностью с ценностными основаниями региональных систем защиты прав человека. Это, во-первых, объясняет серьезные затруднения, возникающие в ситуациях, когда предпринимаются попытки

---

[1] Всеобщая исламская декларация прав человека. Принята 19 сентября 1981 г. Исламским советом Европы в Париже. URL: https://www.worldislamlaw.ru/?p=2671&ysclid=mlqcsbwbrn414764900 (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Исламская декларация прав человека. Принята на саммите ОИК в Каире в 1990 году. URL: https://www.worldislamlaw.ru/?p=2156 &ysclid=mlqcwq37d9698881641 (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Arab Charter on Human Rights 2004. Tunis, 2004-05-22. URL: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/02/2-01/arab-human-rights-revised.html (дата обращения: 10.02.2026).

[4] The Cairo Declaration of the Organization of Islamic Cooperation on Human Rights. Organization of Islamic Cooperation, 2020-11-28. URL: http://oic-iphrc.org/ckfinder/userfiles/files/final %20ohrd %20clean %20 %20version %2024_12_ 2020.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

найти консенсус по вопросам защиты прав человека в той сетке координат, которую задает Всеобщая декларации прав человека, во-вторых, свидетельствует о том, что решения многих проблем в области защиты прав человека следует искать прежде всего на региональном уровне.

Список использованной литературы

1. Малахов В.П. Философия права / В.П. Малахов. – Москва : Юнити-Дана, 2025. – 543 с.

2. Глобальные вопросы повестки дня. Права человека. – URL: https://www.un.org/ru/global-issues/human-rights?ysclid=mlg11gnfv724093129 (дата обращения: 10.02.2026).

3. Дураев Т.А. Права человека в международных исламских документах / Т.А. Дураев, Н.В. Тюменева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 3 (122). – С. 73–80.

4. Варламова Н.В. Исламская концепция прав человека: попытка совмещения шариата с универсальными стандартами / Н.В. Варламова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 11 (123). – С. 172–181.

Информация об авторе

Галина Михайловна Лановая – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, lanovaya-galina@mail.ru.

Author

Galina Mikhailovna Lanovaya – Professor of the Department of the Theory of State and Law of the Moscow Orden of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Doctor of Law, Professor, lanovaya-galina@mail.ru.

УДК 34.05

В.В. Лисаускайте

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ВЫДАЧИ ПРЕСТУПНИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ

В рамках данной статьи представлен анализ правового регулирования отдельных вопросов реализации процедуры экстрадиции в национальном законодательстве государств и международных договорах. В качестве предмета исследования выбраны общественные отношения между Российской Федерацией и Королевством Таиланд в вопросах выдачи преступников. Нормативно-правовой основой проведения сравнительной характеристики выступают положения действующего двустороннего договора, заключенного между этими странами, а также нормы их национального законодательства. Результатом проведенной работы стало формирование самостоятельных выводов автора о достаточно качественной унификации исследованных правил. Но, в то же время, отмечены некоторые проблемные аспекты используемых законодательных формулировок, применение которых может привести к возникновению затруднений в реализации одной из важных форм борьбы с преступностью – экстрадиции.

Ключевые слова: экстрадиция; выдача преступников; двустороннее сотрудничество; договор о выдаче.

V.V. Lisauskaite

SOME FEATURES OF REGULATION OF CERTAIN ISSUES OF CRIMINALS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF NATIONAL LEGISLATION AND INTERNATIONAL STANDARDS

This article presents an analysis of the legal regulation of specific aspects of extradition procedures in national legislation

© Лисаускайте В.В., 2026

and international treaties. The subject of this study is public relations between the Russian Federation and the Kingdom of Thailand regarding the extradition of criminals. The legal framework for this comparative analysis is based on the provisions of the current bilateral treaty concluded between these countries, as well as the provisions of their national legislation. The author draws independent conclusions regarding the high-quality unification of the rules examined. However, certain problematic aspects of the legislative formulations used are also noted, the application of which may lead to difficulties in the implementation of extradition, an important form of crime control.

Key words: extradition; extradition; bilateral cooperation; extradition treaty.

Борьба с преступностью представляет собой важное, стратегическое направление деятельности каждого государства. Учитывая интенсивный транснациональный характер распространения преступности по всему миру, взаимодействие государств рассматривается в качестве необходимого общемирового процесса. Реализация такого взаимодействия осуществляется посредством практического применения конкретных форм, установленных странами в зависимости от вида преступности и их потребностей.

Как и любая сфера, международная борьба с преступностью основана на конкретном правовом механизме, платформенным основанием которого выступает конкретный международный договор или их совокупность. В настоящее время в практике России применяется большое количество таких соглашений многостороннего и двустороннего характера. Они закрепляют конкретные процедурные мероприятия, которые непосредственно реализуются правоохранительными органами государств. Особенность этого механизма заключается в том, что такая деятельность внутри страны, даже на основании международного договора о сотрудничестве, функционирует в строгом соответствии с национальным процессуальным законодательством. Поэтому в развитых странах изначально установлено достаточно большое количество норм – регуляторов.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ такие правила установлены в рамках Раздела XVIII, где предусмотрены различные формы процедурного сотрудничества. Одной из тако-

вых выступает процедура выдачи, которая обладает своими особенностями правового регулирования. Выдача лиц (экстрадиция) по своей юридической природе является сложной процедурой, так как нормативное закрепление данный институт получил как на государственном уровне, так и на международном [1, с. 431]. Данная процедура применяется, в том числе, при наличии между Россией и иностранным государством международного договора о выдачи.

В 2024 году такое соглашение было заключено с Королевством Таиланд. Его появление вполне логично и закономерно, поскольку наши страны тесно сотрудничают много лет, а в последние годы поток российских граждан длительное время находящихся на территории Таиланда существенно увеличился.

Следует отметить, что реализация процедуры выдачи между любыми государствами давно применяется и используются общие, унифицированные правила. Однако исследовательский интерес представляет вопрос соотношения норм национального процессуального законодательства взаимодействующих государств и действующего между ними соглашения. Рассмотрим данную специфику применительно к выше указанному двустороннему договору и правовому взаимодействию этих двух стран.

В соответствии с Соглашением «влекущими выдачу, являются преступления, за которые законодательством обеих Сторон предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание»[1]. Аналогичное правило содержится и в национальных законах обоих государств. Однако в каждом из них есть свои особенности используемой законодательной формулировки. Так, в соответствии со ст. 462 УПК РФ выдача лица может быть произведена, «если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание, когда выдача лица производится для уголовного преследования»[2]. В Королевстве Таиланд вопросы выдачи регулируются специальным законом, согласно

[1] Договор между Российской Федерацией и Королевством Таиланд о выдаче 2024 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1313517763 (дата обращения: 11.02.2026)

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

положению которого «Преступление, подлежащее экстрадиции, является уголовным и наказуемым в соответствии с законодательством запрашивающего государства и Таиланда смертной казнью, лишением свободы или иными формами содержания под стражей на срок более одного года, если это преступление, подпадающее под действие той же главы, или то же самое преступление в обоих государствах»[1].

Сравнительный анализ выше указанных норм позволяет сделать следующие выводы. Все три документа содержат унифицированное правило относительно минимального срока наказания в виде лишения свободы, которое может быть установлено за экстрадируемое преступление (не менее одного года). В тоже время, различной является формулировка, указывающая на иные виды наказаний, которые могут быть установлены национальными нормами за такое преступное деяние. Соглашение и УПК РФ используют более обобщенную норму «более тяжкое наказание». В законе об экстрадиции Королевства Таиланд может быть установлена в качестве наказания смертная казнь или иные формы содержания под стражей на такой же срок, что и лишение свободы.

Отметим, что на наш взгляд, формулировка российского закона позволяет избежать возможных бюрократических противоречий при осуществлении процедуры, поскольку «более тяжкое наказание» в каждом государстве устанавливается с учетом национальных особенностей. Отсутствие указания на смертную казнь связано с официальным отрицанием данного вида наказания нормами международного права. Таиланд же напротив устанавливает более конкретную норму, подчеркивая наличие высшей меры наказания. Поскольку в настоящее время в Российской Федерации смертная казнь не назначается и не применяется, как вид наказания, за совершение преступлений, наша страна вправе, при выполнении запроса Таиланда, требовать гарантий его неприменения в отношении выдаваемого лица. Об этом свидетельствует и п. «ж» ч. 1 ст. 5 Соглашения, устанавливающий соответствующее основание в качестве основания для отказа в выдаче.

---

[1] Extradiction Act 2008 Thai law translation // Samuiforsale. URL: https://www.samuiforsale.com/law-texts/extradiction-act-2008-thai-law-translation.html (дата обращения: 11.02.2026).

Следующее интересное для сравнительного анализа правило – основания для отказа в выдаче. Как правило, предусматривается целый перечень таких оснований. Остановимся на основании, в соответствии с которым в выдаче будет отказано, если основанием послужило совершение преступления, рассматривается запрашиваемой Стороной как политическое. Так, Соглашение и Закон об экстрадиции Таиланда устанавливает перечень, который сформулирован через отрицание, определяя какие преступления не относятся к политическим. Таким образом, оставляя открытым вопрос что именно к ним следует относить. Ст. 464 УПК РФ не содержит конкретной нормы такого характера. На наш взгляд, такой подход создает предпосылки возникновения спорных аспектов при установлении каждым государством какое именно преступление все-таки является политическим, поскольку их позиции могут различаться. Однако подчеркнем, что это устойчивая практика многих государств в использовании именно таких формулировок относительно понимания термина «политические преступления».

В соответствии со ст. 6 Договора, стороны установили взаимное обязательство не выдавать своих граждан. Однако национальное регулирование этого вопроса у РФ и Таиланда различается. Наша страна устанавливает жесткое правило не выдачи граждан России. Однако, в случае совершения этими лицами преступлений, подпадающих под нормы УК РФ, запрашивающее государство в праве передать все необходимые материалы для привлечения данного лица к уголовной ответственности по законодательству РФ. Законодательство Королевства Таиланд не устанавливает такого запрета, наоборот, Раздел 12 Закона об экстрадиции устанавливает основания осуществления процедуры в отношении гражданина Таиланда.

Учитывая такую существенную разницу в национальном регулировании данного вопроса, Соглашение между сторонами установило компромиссное правило: отсутствие обязательства выдавать своих граждан; а также закрепление выше обозначенного правила о передаче документов другой стороне для реализации принципа неотвратимости наказания. Однако оно носит диспозитивный характер, то есть остается на усмотрение одной из сторон.

Представленное выше исследование некоторых положений двустороннего договора между РФ и Таиландом о выдаче,

а также национальные нормы этих государств в указанной сфере свидетельствуют, что в настоящее время, вопросы сотрудничества по осуществлению экстрадиции достаточно гармонизированы и унифицированы. Отметим и наличие определенных национальных особенностей в их содержании, одни из которых учтены в заключенном соглашении, а другие, напротив, могут способствовать возникновению процедурных сложностей.

Список использованной литературы

1. Коновалова А.Б. Экстрадиция как форма международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы теории и практики / А.Б. Коновалова, Е.В. Оксак // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) : сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. : в 4 т., Киров, 1–26 апр. 2019 г. Вятский государственный университет. – Киров : Вятский гос. ун-т, 2019. – Т. 3. – С. 430–434.

Информация об авторе

Валентина Владо Лисаускайте – профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, vlado@mail.ru.

Author

Valentina Vlado Lisauskaite – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor, vlado@mail.ru.

УДК 341.48/.4

Д.В. Лобач

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье на примере отдельных государств Африканского Союза (Центральноафриканская Республика, Эфиопия, Мали, Нигер, Руанда, Лесото, Буркина-Фасо, Южно-Африканская Республика, Кения) исследуется уголовно-правовой опыт борьбы с преступлениями, посягающими на мир и безопасность человечества. Особое внимание уделяется посткризисной уголовно-правовой политике Руанды в сфере отправления правосудия и обеспечения гражданского мира. Отмечается, что специальные законы по имплементации положений Римского статута Международного уголовного суда свидетельствуют не только о выполнении международных обязательств, но и отражают адаптацию национального законодательства к положениям этого международного договора. Делается вывод о том, что весомым фактором для нормативной унификации уголовной ответственности за бесчеловечные деяния, составляющие группу международных преступлений, на национальном уровне выступает признание юрисдикции МУС.

Ключевые слова: международные преступления; Африканский Союз; преступления против человечности; геноцид; военные преступления; международный мир и безопасность.

D.V. Lobach

CRIMINAL LAW POLICY OF MEMBER STATES OF THE AFRICAN UNION IN THE SPHERE OF PROTECTION OF INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY OF HUMANITY IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE RESEARCH

The article examines the criminal law practices of individual African Union states (Central African Republic, Ethiopia, Mali, Ni-

© Лобач Д.В., 2026

ger, Rwanda, Lesotho, Burkina Faso, South Africa and Kenya) in combating crimes against the peace and security of humanity. Particular attention is paid to Rwanda's post-crisis criminal law policy in the area of administration of justice and ensuring civil peace. It is noted that special laws implementing the provisions of the Rome Statute of the International Criminal Court not only demonstrate compliance with international obligations but also reflect the adaptation of national legislation to the provisions of this international treaty. It is concluded that recognition of the ICC's jurisdiction is a significant factor in the normative harmonization of criminal liability for inhumane acts constituting international crimes at the national level.

Key words: international crimes; African Union; crimes against humanity; genocide; war crimes; international peace and security.

В системе международной безопасности особое внимание занимают региональные международные интеграционные образования (международные межправительственные организации), цели и деятельность которых направлены на решение серьезных проблем в различных сферах межгосударственного сотрудничества, среди которых особое внимание обращается на обеспечение международного мира и безопасности. На сегодняшний день отношения, составляющие международный мир и безопасность человечества, являются основными (фундаментальными) подсистемами современного международного правового порядка, а их обеспечение осуществляется через сложный механизм, включающий все разнообразие взаимосвязанных нормативных, институциональных и политических средств в сфере международных отношений. При этом международно-правовое регулирование правоохранительных отношений в сфере обеспечения всеобщего (международного) мира и безопасности человечества тесно связано с национальной политикой отдельных государств, которые в силу интеграционных процессов, связанных с объективными закономерностями глобализации, принимают на себя конвенционные международные обязательства в сфере противодействия деяниям, посягающим на эти объекты, что закономерным образом приводит к инкорпорации норм международного права в национальное законодательство [2]. Особенно этот процесс наблюдается

в уголовно-правовой политике отдельных государств, где посредством уголовно-правовых запретов регулируются правоохранительные отношения в сфере охраны мира и безопасности человечества. В этом плане особый интерес вызывает уголовно-правовая политика государств–членов Африканского Союза (далее – АС), в который на сегодняшний день входит 55 государств Африканского континента. Данная организация, возникшая в результате демонтажа колониальной системы, происходившего со второй половины XX века, ознаменовала консолидацию политических сил молодых африканских государств в направлении решения различных политических, экономических, экологических, геополитических, гуманитарных и других проблем, возникших на этом континенте. Среди 14 целей Устава АС, закрепленных в ст. 3 этого документа, ряд положений опосредованно определяют необходимость борьбы с международными преступлениями. Например, такая уставная цель как защита суверенитета, территориальной целостности и независимости государств – членов АС (п. «b») релевантна международной противоправности агрессии, а цель поддержания мира, безопасности и стабильности (п. «f») отражает общий вектор противодействия преступлениям против человечества, то есть наиболее общественно опасным деяниям, вызывающим озабоченность у международного сообщества, поскольку посягают на фундаментальные основы международного правопорядка, а следовательно, в силу интеграционного взаимодействия затрагивают интересы каждого субъекта международного сообщества. В свою очередь, интерес к уголовно-правовой политике этих государств в сфере обеспечения мира и безопасности человечества продиктован не только обязательствами, вытекающими из факта участия в этой организации или в связи с действием специальных международных договоров, криминализировавших бесчеловечные деяния в качестве международных преступлений, но и признанием большинством государств АС юрисдикции Международного уголовного суда (далее – МУС) [1; 3], особенностями развития национальной правовой системы, а также вооруженными конфликтами, которые терзают африканский континент и приносят неисчислимые бедствия.

Одной из особенностей уголовно-правовой политики государств АС является неоднозначное восприятие общественных

отношений, составляющих международный мир и безопасность человечества. Анализ уголовных законов отдельных государств этой организации демонстрирует разные варианты уголовно-правового обеспечения указанных социальных отношений. Так, раздел IV «Преступления против человеческой личности» УК Центральноафриканской Республики (далее – УК ЦАР) содержит нормы (ст. 152–157), устанавливающие ответственность за геноцид, военные преступления и преступления против человечности, а также закрепляющие общие положения привлечения к уголовной ответственности (ст. 158–161). Второй раздел Уголовного кодекса Федеративной Демократической Республики Эфиопия (далее – УК Эфиопии) под названием «Преступления, нарушающие международное право» состоит из двух глав: «Глава 1. Основные преступления» (ст. 269–280 УК Эфиопии) и «Глава 2. Преступления против гуманитарных организаций» (ст. 281–283 УК Эфиопии). Нормы первой главы этого раздела устанавливают ответственность за геноцид (ст. 269), военные преступления против гражданского населения (ст. 270), военные преступления против раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, или медицинских работников (ст. 271), военные преступления против военнопленных и интернированных лиц (ст. 272), грабеж, пиратство, мародерство (ст. 273), подстрекательство и подготовка военных преступлений (ст. 274), применение запрещенных средств и методов в вооруженном конфликте (ст. 275 и 276), нарушение договоров о перемирии или мире (ст. 277), участие в вооруженном конфликте в качестве франтиреров (ст. 278), жестокое обращение или неисполнение обязанностей по отношению к раненым, больным или заключенным (ст. 279), отказ в правосудии (ст. 280). Третья книга Уголовного кодекса Мали (далее – УК Мали) открывается первым разделом о преступлениях против человечности, в котором размещены нормы, предусматривающие ответственность за преступления против человечности (ст. 29), геноцид (ст. 30) и военные преступления (ст. 31). Также, как и в уголовном законодательстве Мали, в уголовных законах Республики Нигер (далее – УК Нигер) и Королевства Лесото (УК Лесото) имеются самостоятельные разделы о международных преступлениях (ст. 208.1, 208.2 и 208.3 УК Нигер, ст. 93–95 УК Лесото).

Некоторые страны африканского континента непосредственно столкнулись с массовым институционализированным проявлением насилия и тотальной дискриминацией, определяемых в системе современного международного права как преступления против человечества (международные преступления). Такие трагические события постигли Руанду, где в 1994 г. происходил самый интенсивный в истории человечества геноцид, в результате которого было убито до 800 000 человек. Гражданская война в Сьерра-Леоне в период с 1991 по 2002 гг., сопровождалась военными преступлениями, в которые были массово втянуты несовершеннолетние и которые также совершали бесчеловечные деяния против мирного населения. Политика расовой сегрегации в ЮАР с 1948 по 1994 гг. продемонстрировала преступный режим и преступную политику, направленные на институционализированную дискриминацию широких слоев чернокожего населения в этой стране, а в начале XXI века в Судане в условиях гражданской войны были совершены массовые убийства мирного населения (Дарфурский конфликт). Подобного рода трагические события оказали позитивное влияние на развитие национального уголовного законодательства через криминализацию общественно опасных деяний, посягающих на мир и безопасность человечества. В этом ключе прежде всего хотелось бы обратить внимание на посткризисную правовую политику Руанды, направленную как на восстановление социальной справедливости через реализацию уголовной ответственности в отношении тех, кто прямо или косвенно принимал участие в практике геноцида, так и на установление гражданского мира в обществе. Еще в 2004 г. был принят Закон № 16/2004 «Об организации, компетенции и деятельности судов gacaca, уполномоченных осуществлять уголовное преследование и назначать наказание лицам, совершившим преступление геноцида и другие преступления против человечности в период с 1 октября 1994 по 31 декабря 1994 г.»[1]. В преамбуле этого закона было закреплено, что преследование

[1] Rwanda: Organic Law No. 28/2006 of 2006 Modifying and Complementing Organic Law No. 16/2004 of 19/06/2004 Establishing the Organisation, Competence and Functioning of Gacaca Courts Charged With Prosecuting and Trying the Perpetrators of the Crime of Genocide and Other Crimes Against Humanity, Committed Between October 1, 1990 and December 31, 1994. URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2006/en/35705 (дата обращения: 01.03.2026).

и судебные процессы над виновниками и соучастниками геноцида осуществляются не только с целью наказания, но и с целью восстановления руандийского общества, разрушенного политическими лидерами, которые подстрекали население к истреблению части населения. В соответствии с этим законом все лица, участвующие в практике геноцида, были подразделены на три категории: 1) лица, которые осуществляли планирование, организацию, имитацию (подражание), руководство совершением геноцида или преступлениями против человечности, а также управление действиями его сообщников; осуществление или подстрекательство к геноциду или преступлениям против человечности, совершенные лицами, занимающими руководящие должности на национальном уровне, на уровне префектуры, субпрефектуры, коммуны, в политических партиях, армии, жандармерии, муниципальной полиции, религиозных конфессиях или в ополчении; убийцы, ставшие известными своим рвением к совершению бесчеловечных деяний; лица, участвующие в пытках и изнасилованиях; лица, совершавшие глумления над трупами; 2) лица, совершившие бесчеловечные деяния, приравненные к убийствам, или которые повлекли смерть; лица, совершившие покушения на убийства или иные тяжкие преступления против здоровья; лица, совершившие иные тяжкие преступления против личности; 3) лица, совершившие преступления против собственности. Таким образом, дифференциация наказания с учетом индивидуализации ответственности была поставлена в зависимость от роли конкретного лица в совершаемых бесчеловечных деяниях, составляющих практику геноцида или преступлений против человечности. Не меньший интерес вызывает Закон от 23.07.2008 № 18/2008 «О наказаниях за преступления, связанные с идеологией геноцида»[1]. С учетом исторических событий многострадального руандийского общества этот закон по своей природе уникален по ряду причин. Прежде всего в нем осуждается идеология геноцида, под которой понимается совокупность мыслей, отраженных в поведении, речах, документах и других действиях, которые направлены на истребление или подстрекательство к истреблению других лиц

[1] Rwanda: Law No. 18/2008 of 2008 Relating to the Punishment of the Crime of Genocide Ideology. URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2008/en/68627 (дата обращения: 01.03.2026).

на основе этнической принадлежности, происхождения, национальности, региона, цвета кожи, внешнего вида, пола, языка, религии или политических убеждений, совершенных в мирное время или во время войны. В соответствии со ст. 3 этого закона преступление идеологии геноцида может выражаться в любом из ряда ранжируемых по степени общественной опасности действий, охватывающих как вербальные акты, посягающие на честь и достоинство (угрозы, запугивания, клевета, документы и действия, направленные на разжигание ненависти), так и отдельные поведенческие акты, связанные с высмеиванием чужого несчастья, издевательством, хвастовством и другими низменными проявлениями (например, презрение, унижение, введение в заблуждение в целях отрицания имевшего в Руанде геноцида). Кроме того, идеология геноцида раскрывается не только через интеллектуально-волевые действия (распространение идей, взглядов, теорий), но и через конкретные поведенческие акты (убийства, планирования убийства или покушения на убийства с целью распространения идеологии геноцида).

Ряд государств АС, признавших юрисдикцию МУС (всего их по состоянию на февраль 2026 насчитывается 33[1]), в разное время приняли специальные законы, которыми были имплементированы отдельные положения Римского статута МУС (например, Закон № 052-2009/AN от 16 июня 2009 г. Об определении компетенции и порядка применения Римского статута в отношении Международного уголовного суда в юрисдикциях Буркина-Фасо[2], Закон Южно-Африканской Республики об реализации Римского статута Международного уголовного суда № 27 от 2002 г.[3], Закон о международных преступлениях Кении от 2008 г.[4]). Создание таких законов

---

[1] The States Parties to the Rome Statute African States. URL: https://asp.icc-cpi.int/states-parties/african-states (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Law Regarding the Competences and Procedures Required for the Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court by National Courts (No. 52), 31 December 2009. URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/review/2010/irrc-879-national-implementation.pdf?ysclid=mm8v0r54xe889349169 (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act 27 of 2002. URL: https://www.gov.za/documents/implementation-rome-statute-international-criminal-court-act-0 (дата обращения: 01.03.2026).

[4] The International Crimes Act, 2008. Act No. 16 of 2008, L.N. 66/2009. URL: https://www.vertic.org/media/National %20Legislation/Kenya/KE_International_Crimes_Act.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

в национальных правовых системах отражает, с одной стороны, имплементацию международных обязательств в сфере уголовно-правовой борьбы с международными преступлениями, а с другой – адаптацию национального законодательства к положениям Римского статута МУС.

Вместе с тем криминализация таких деяний в системе национального законодательства происходит не всегда в соответствии с положениями международных договоров, что, однако, не свидетельствует об отступлении от взятых на себя международных обязательств. Продемонстрировать сказанное можно на примере криминализации геноцида в таких странах, как Эфиопия, Мали и Центральноафриканская Республика. Норма ст. 269 УК Эфиопии, предусматривающая ответственность за геноцид, ставит под правовую охрану не только социальные группы, закрепленные в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. (национальная, этническая, религиозная и расовая), но и политические группы, а также социальные общности, идентифицируемые по цвету кожи. Законодатель Центральноафриканской Республики также расширил охраняемую социальную группу за счет включения в норму о геноциде указания на группу, определяемую на основании любых произвольных критериев (ст. 152 УК ЦАР). Кроме того, в отличие от конвенционной модели геноцида, состав этого преступления в УК ЦАР также был дополнен таким признаком, как совершение деяний во исполнение согласованного плана.

Вместе с тем выполнение государствами международных обязательств, связанных либо с членством в Африканском Союзе, либо с признанием юрисдикции Международного уголовного суда, в абсолютном большинстве случаев касается только геноцида, бесчеловечных деяний, составляющих группу военных преступлений и преступлений против человечности. Однако агрессия, будучи традиционным преступлением против мира и нашедшая свое нормативное закрепление в 2010 г. в Римском статуте МУС[1], по-прежнему не криминализирована на национальном уровне этих государств.

[1] Resolution RC/Res.6. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/RC-Res.6-ENG.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

В заключение необходимо отметить, что уголовно-правовая политика рассмотренных выше государств Африканского Союза, с учетом международных обязательств и особенностей национальной правовой культуры, в той или иной степени признает отношения, составляющие международный мир и безопасность, в качестве объектов уголовно-правовой охраны, что отражает корреляцию с целевыми положениями Устава Африканского Союза. Весомым фактором для нормативной унификации уголовной ответственности за бесчеловечные деяния, составляющие группу международных преступлений, на национальном уровне является признание юрисдикции МУС.

Список использованной литературы

1. Bergsmo M. Importing Core International Crimesinto National Law. Second Edition / M. Bergsmo, M. Harlem, N. Hayashi. – Oslo : Torkel Opsahl Academic EPublisher, 2010.

2. Fazlollah F. The International Criminal Responsibility of Governments in the Process of Globalization / F. Fazlollah, M. Mohammad // Journal of Politics and Law. – 2016. – № 10 (1). – P. 262–278.

3. Implementation of international crimes under the Rome Statute into national legal systems / N. Shulzhenko, S. Romashkin, O. Shulzhenko, S. Mokhonchuk // Revista Amazonia Investiga. – 2020. – № 9 (28). – P. 528–535.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Лобач – доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, dimaved85@mail.ru.

Author

Dmitry Vladimirovich Lobach – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, dimaved85@mail.ru.

УДК 34.01

Е.Д. Лобачев

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР В АНГЛИИ И РОССИИ (XVII – КОНЕЦ XIX ВЕКА)

В данном исследовании проводится сравнительный анализ правового регулирования азартных игр и пари в Англии и России в период с XVII по начало XX века. По результатам исследования, получены выводы о том, что несмотря на то, что система законодательного регулирования исследуемого института в России и Англии развивалась различным образом, к концу XIX века сформировались схожие подходы: с точки зрения частноправового регулирования правоотношения между участниками азартной игры и пари образуют натуральное обязательство, а с точки зрения публичного права – государства выборочно допускает проведение азартных игр, пари и лотерей, с целью получения фискальной и иной выгоды, при этом наделяя правоохранительные органы соответствующими полномочиями про противодействию нелегальных пари и азартных игр. Полученные выводы позволяют глубже понять исторические корни современных подходов к регулированию гэмблинга.

Ключевые слова: азартная игра; сравнительный анализ; английское право; российское дореволюционное право; игорный долг; натуральное обязательство

E.D. Lobachev

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF GAMBLING IN ENGLAND AND RUSSIA (17TH TO THE LATE 19TH CENTURY)

This study provides a comparative analysis of the legal regulation of gambling and betting in England and Russia from the 17th to the early 20th centuries. Based on the research findings, it concludes that despite the legislative systems for the institution in question developing differently in Russia and England, similar

© Лобачев Е.Д., 2026

approaches had emerged by the end of the 19th century: from a private law perspective, the legal relations between participants in gambling and betting constitute a natural obligation; from a public law perspective, states selectively permit gambling, betting, and lotteries to obtain fiscal and other benefits, while simultaneously granting law enforcement agencies corresponding powers to combat illegal betting and gambling. These conclusions allow for a deeper understanding of the historical roots of modern regulatory approaches to gambling.

Key words: gambling; comparative analysis; English law; pre-revolutionary Russian law; gambling debt; natural obligation.

Азартные игры, являясь неотъемлемой частью человеческой культуры с древнейших времен, всегда находились в фокусе внимания государства, а следовательно, и права. Выбор Англии и России для сравнительного анализа не случаен: британское общее право выработало наиболее детализированную систему регулирования, оказавшую влияние на многие правопорядки мира, в то время как российское право, развиваясь в русле континентальной традиции, прошло собственный уникальный путь.

Цель настоящего исследования – выявить общие закономерности и принципиальные различия в генезисе законодательства об азартных играх и пари в двух странах в период XVII–XIX веков, а также проследить эволюцию правового статуса игорного долга от полного отрицания к признанию его «натуральным обязательством».

Анализ нормативной базы

Формирование английского подхода происходило эволюционно, «снизу», через реакцию парламента на конкретные социальные бедствия. Отправной точкой стал «Акт против обманчивой, беспорядочной и чрезмерной игры» 1664 года (An Act against deceitfull disorderly and excessive Gameing:16 Car. II, c. 7)[1], принятый после Реставрации Стюартов как ответная мера на процветание азарта и последующее разорение аристо-

[1] Charles II, 1664: An Act against deceitfull disorderly and excessive Gameing. Chapter 7 // Statutes of the Realm: Volume 5, 1625-80 / ed. by J. Raithby. [Б. м.], 1819. P. 523. URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/p523 (дата обращения: 01.03.2026).

кратии [7, с. 25]. Этот статут ввел три ключевых принципа: защита дворянства от профессиональных шулеров, объявление ничтожными долгов свыше 100 фунтов, проигранных в кредит, и поощрение сообщений о нелегальных играх и игорных домах.

«Акт о пресечении лотерей» 1698 года (An Act for suppressing of Lotteries: 10 Will. III, c. 23)[1] объявил все негосударственные лотереи «общественным злом», ввел наказание не только для организаторов, но и для игроков, при этом сохранив фискальный интерес казны – параллельно с запретом частных лотерей была запущена масштабная государственная Million Lottery [5].

Закон королевы Анны от 1710 года (An Act for the better preventing of excessive and deceitful Gaming: 9 Ann. c. 14)[2] стал поворотным в частноправовом регулировании: он объявил полностью недействительными («utterly void») любые долговые расписки, векселя и закладные, выданные по игорным долгам, а также запретил займы, предоставленные для игры. Тем самым игорный долг впервые приобрел черты «естественного» (натурального) обязательства. Закон 1739 года (An Act for the better preventing of excessive and deceitful Gaming: 12 Geo. II c. 28)[3], усилил запретительные меры, объявив ничтожными любые сделки с недвижимостью, совершенные вследствие игры, и приравняв популярные карточные игры (фараон, бассет) к запрещенным лотереям.

Венцом развития английской правовой мысли стал Gaming Act 1845 года (Gaming Act: 8 & 9 Vict. c. 109)[4]. Его знаменитая секция 18 объявила все договоры пари и азартных игр «ни-

---

[1] An Act for suppressing of Lotteries : 10 William III, 1698 Chapter 23 // Statutes of the Realm : in 11 vol. London : George Eyre and Andrew Strahan, 1820. Vol. 7 : 1695-1701. P. 532–533. URL: https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/pp532-533 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] An Act for the better preventing of excessive and deceitful Gaming : 9 Anne, 1710 Chapter 14 // The Statutes at Large : from the Magna Charta, to the End of the Last Parliament, 1761 / ed. by D. Pickering. Cambridge : Joseph Bentham, 1764. Vol. 12. P. 266–268. URL: https://vlex.co.uk/vid/gaming-act-1710-842483414 (дата обращения: 01.03.2026).

[3] An Act for the more effectual preventing of excessive and deceitful gaming : 12 George II, 1739 Chapter 28. [London] : [Thomas Baskett], 1739. 4 p. URL: https://catalog.folger.edu/record/786064 (дата обращения: 01.03.2026).

[4] An Act to amend the Law concerning Games and Wagers (Gaming Act 1845) : 8 & 9 Victoria, 1845 Chapter 109 // The Public General Statutes. London : George E. Eyre and William Spottiswoode, 1845. Vol. 18-19. P. 765-768. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/8-9/109/1991-02-01 (дата обращения: 01.03.2026).

чтожными и не имеющими исковой силы» («null and void»), окончательно превратив игорный долг в натуральное обязательство. Закон также ввел важные процессуальные нормы: для признания заведения игорным домом достаточно было доказать неравенство шансов игроков, полиция получила широкие полномочия по обыску и изъятию. При этом, так называемые «игры навыка» (теннис, кегли) были выведены из-под запрета. Под «навыком» понималась доля участия игрока в процессе определения исхода игры.

Завершил формирование системы Gaming Act 1892 года (Gaming Act: 55 & 56 Vict. c. 9)[1], который закрыл последнюю лазейку, возникшую после прецедента Read v. Anderson [6, с. 38]: он запретил взыскание с игрока любых сумм, уплаченных агентом или посредником по пари, тем самым распространив режим натурального обязательства на все сопутствующие отношения.

Российское законодательство, в отличие от английского, развивалось немного иначе, отражая, в первую очередь, дух абсолютной монархии – нормы и правила формировались указами и иными актами непосредственно. Они не являлись реакцией парламента на текущую ситуацию, а были прямой волей монарха.

Полагаем, что уникальным для Европы экспериментом стала система откупов при царе Михаиле Федоровиче (1613–1645). Государство не запрещало азартные игры, а передавало право их организации на откуп местным властям, получая стабильный фискальный доход. Существовали легальные игорные дома («откупные зерни»), однако рост откупных сумм (в Нижнем Новгороде с 17 рублей в 1618 г. до 200 рублей в 1626 г.) делал эту систему экономически неустойчивой [3, с. 14]. В рамках текущего экономического развития данная система давала необходимый результат.

Соборное уложение 1649 года ужесточило ответственность, но, вопреки распространенному мнению, не запретило игры полностью. Наказания вводились для тех игроков, чья деятель-

[1] An Act to amend the Act of the eighth and ninth Victoria, chapter one hundred and nine, intituled «An Act to amend the Law concerning Games and Wagers» (Gaming Act 1892) : 55 & 56 Victoria, 1892 Chapter 9 // The Law Reports: The Public General Statutes. London : Council of Law Reporting, 1892. Vol. 29. P. 22–23. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/55-56/9/1991-02-01 (дата обращения: 01.03.2026).

ность привела к иным преступлениям (кражам, разбоям), то есть игра рассматривалась как криминогенный фактор [3, с. 18]. Основные положения содержатся в главе XXI «О розбойных и о татиных делах», и предусматривают систему мер: от членовредительства и лишения дохода в пользу государства, до смертной казни [1]. При этом система откупов формально не отменялась, что свидетельствует о сохранении фискального интереса государства.

Петровская эпоха привнесла милитаризованный подход: азартные игры рассматривались прежде всего как угроза боеспособности армии и флота (запрет игры на деньги в книге IV, главе I, артикуле 19 Морского устава 1717 года[1], суровые наказания за продажу или залог оружия и мундира согласно параграфам 42–43 Артикула воинского от 1715 года[2]). Однако указ 1717 года[3] впервые установил универсальный запрет для всего населения. Важно отметить, что в этот период гражданско-правовое регулирование игорных долгов по-прежнему отсутствовало.

Переломным моментом стал Указ Елизаветы Петровны 1761 года[4], который: впервые ввел в русский язык термин «азартная игра» (от французского *hazard*); разделил игры на запрещенные (азартные, основанные на чистой случайности) и дозволенные (коммерческие – ломбер, пикет и др., разрешенные в дворянских домах «для препровождения времени»).

Устав благочиния 1782 года[5], принятый Екатериной II, закрепил этот подход и сделал важный шаг в частноправовом регулировании: статья 67 Устава не допускала судебной защиты требований из запрещенных игр. Таким образом, обязательства из запрещенных игр стали натуральными, в то время как обя-

---

[1] Книга Устав морской : о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. Санкт-Петербург : При Сенате, 1720. 326 с.

[2] Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1986. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. С. 327–389.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3135 (Именной указ от 17 декабря 1717 г. «О неигрании в деньги»).

[4] О запрещении азардныхъ игръ и о дозволении играть в дворянскихъ домахъ для препровождения времени и не на большия суммы въ ломберъ и прочия тому подобныя игры : указ от 16.06.1761. URL: https://www.runivers.ru (дата обращения: 20.03.2025).

[5] Именно такая формулировка содержится в документе, что дает еще одно подтверждение французского происхождения данного слова.

зательства из игр дозволенных (коммерческих) по-прежнему пользовались судебной защитой (установлено статьей 67 Устава). Одновременно развивалась фискальная политика: введено клеймение игральных карт со сбором в казну.

Окончательное оформление российская правовая доктрина получила в Своде законов Российской империи (при анализе использована редакция от 1857 г.[1]). Статьи 2014–2016 тома X объявили безденежными и не подлежащими взысканию: 1) долги по займам, произведенным во время картежной игры; 2) долги по игре вообще; 3) займы, произведенные для игры с ведома заимодавца. Статьи 1225–1229 Уложения о наказаниях[2] сохранили уголовную ответственность для организаторов и участников запрещенных игр, при этом важная судебная практика установила[3], что только суд, а не полиция, вправе относить игру к запрещенной или дозволенной.

Обобщение и выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения.

Во-первых, несмотря на различные исходные точки, законодательство обеих стран пришло к аналогичному регулированию. К концу XIX века обе правовые системы пришли к частноправовому закреплению натурального обязательства как основы игры и пари. При этом, обе правовые системы криминализировали несанкционированные государством азартные игры, особенно – их проведение.

При этом, гражданское законодательство обеих стран прошло эволюционный путь от полного отрицания сделок, возникающих из игр и пари, до надлежащего их закрепления

---

[1] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный : издание 1857 года : [в 15 т.]. Санктпетербург : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857–1876. Т. 10, ч. 1 : Свод законов гражданских. 1857. [1007] с. разд. Паг.

[2] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный : издание 1857 года : [в 15 т.]. Санктпетербург : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857–1876. Т. 15 : Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1857. С. 657–659.

[3] Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробным предметным, алфавитным и постатейным указателями за 1870 г. № 910-1301 / издатель Л. М. Ротенберг. Екатеринослав : Типография Книгоиздательства Л. М. Ротенберга, 1903. С. 1976.

и даже защиты, при помощи механизма естественного (натурального) обязательства.

Во-вторых, правопорядкам был свойственен дуализм государственной политики: публичное моральное осуждение азартных игр сочеталось с активной фискальной эксплуатацией игорного досуга. В Англии это проявилось в поощрении доносительства (часть штрафа шла информатору) и в параллельном существовании запрета частных и разрешения государственных лотерей. В России фискальная составляющая была выражена ярче: от системы откупов при Михаиле Федоровиче до введения клеймения игральных карт при Екатерине II. В обеих странах государство одновременно преследовало «нелегальную» игру и получало стабильный доход от «легальной» (через пошлины, сборы, штрафы).

Таким образом, к концу XIX века, две важнейшие державы Европы сформировали поразительно схожую концепцию регулирования азартных игр, как с публично – правовой, так и с частно-правовой точек зрения.

Список использованной литературы

1. Бычков В. О татебных и разбойных делах по уложению царя Алексея Михайловича 1649 года сравнительно с новоуказными статьями 1669 года / В. Бычков // Временник Демидовского Юридического лицея. – Ярославль, 1892. – Кн. 56.

2. Веселовский С.Б. Московское государство : XV–XVII вв. : из научного наследия / С.Б. Веселовский. – Москва : АИРО-XXI, 2008. – 384 с. – ISBN 978-5-91022-065-8.

3. Ковтун Е.В. История правового регулирования азартных игр в России / Е.В. Ковтун. – Москва : ИПЦ «Маска», 2009. – 240 с.

4. Шевцов В.В Карточные игры в общественном быту (конца XVI – начала XIX вв.) // Всероссийская научная конференция «Бренное и вечное». Вып. 3. – В. Новгород, 2001.

5. Mint 18, no. 56. A Proclamation against deceitfull and unlawfull gaming [Electronic resource] // Newton and the Mint : [website]. – University of Oxford. – URL: https://newtonandthemint.history.ox.ac.uk/transcriptions/diplomatic/MINT01856 (дата обращения: 01.03.2026).

6. Rowsell H.W. A guide to the law of betting civil & criminal / H.W. Rowsell, C.G. Moran. – London : Butterworth, 1911. – XIII, 170 p. – URL: https://catalog.hathitrust.org/Record/007663360 (дата обращения: 01.03.2026).

7. Uglow J. A Gambling Man : Charles II and the Restoration, 1660-1670 / J. Uglow. – London : Faber and Faber, 2009. – 580 p.

Информация об авторе

Егор Дмитриевич Лобачев – аспирант Байкальского государственного университета, E-mail: 708947_law@mail.ru.

Autho

Yegor Dmitrievich Lobachev – Postgraduate Student of Baykal State University, E-mail: 708947_law@mail.ru

УДК 340.1

И.Б. Ломакина

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ НАУКАХ

В статье рассматривается ориенталистская традиция, сложившаяся в европейской культуре и ставшая «кривым зеркалом», отражающим весь неевропейский мир. Автор вслед за евразийцами приходит к мысли о необходимости пересмотра европейского универсализма, претендующего на некий прогрессизм. В качестве методологического основания автор статьи предлагает использовать постклассический антрополого-правой подход, который не выносит априори положительных или отрицательных оценок. В статье отмечается, что сегодня существует мощный социальный заказ на новый интеллектуальный продукт и этот продукт по-новому должен показать Восток со всеми его нестандартными и неуниверсальными формами существования права. Данный подход предлагает равнодостойное партнерство всем актором политической и правовой коммуникации вне зависимости от того какая форма правления, какой политический режим и какую религию исповедует коммуникант.

Ключевые слова: европоцентризм; ориенталистская традиция; история; культурный вектор развития; право.

I.B. Lomakina

ON THE NEED TO OVERCOME EUROCENTRISM IN THE THEORETICAL AND LEGAL SCIENCES

The article examines the orientalist tradition that has developed in European culture and has become a «crooked mirror» reflecting the entire non-European world. The author, following the Eurasianists, comes to the idea of the need to revise European universalism. As a methodological basis, he suggests using a postclassical anthropological-right approach that does not make a priori positive or negative assessments. From these positions, the legal reality

© Ломакина И.Б., 2026

constructed by a person is determined by the material conditions of life and his mentality. The article notes that today, more than ever, there is a powerful social order for a new intellectual product, and this product should show the East in a new way with all its non-standard and non-universal forms of legal existence. This approach offers equal partnership to all actors of political and legal communication, regardless of which form of government, which political regime, and which religion the communicant professes.

Key words: eurocentrism; orientalist tradition; history; cultural vector of development; law.

Современный мир неуклонно и стремительно движется в направлении признания того факта, что сегодня «прошлое Запада не находится на Востоке». Глобализационные процессы лишь усугубили дуальность мира. С точки зрения диалогической философии дуализм проистекает из бытия человека, являющего собой как единичное (индивид), так и коллективное существо (статусная группа, общество). В утвердившееся западной гуманитарной традиции, человек обычно воспринимается как индивидуум, то есть в своей единичной определенности. В восточной же традиции всегда был и остается примат за коллективом. «Общественное – выше личного!» – принцип, конституирующий весь незападный мир. Между тем, подлинной сущностью человека является единство его коллективного и индивидуального начал, слитого в его интерсубъективности.

Западный мир стал превосходить в своем экономическом и политическом развитии Восток лишь к середине XVI века. Эту позицию отстаивает американский историк Уильям Мак-Нил, который в отличие от многих не разделяет идею господства Европы, хотя, и признает ее значение в мировом масштабе в условиях развитого капитализма (индустриализма) [4].

Восточный мир по мере развития западного капитализма, постепенно втягивался в международную коммуникацию на не выгодных для него условиях. Превращаясь в мировое захолустье, скатываясь в поставщика сырья и дешевой рабочей силы, он стал лакомым куском для динамично развивающейся Европы. Европейская интеллектуальная элита долго и кропотливо формировала негативный образ ничем неограниченного восточного дикаря и деспота. Этот образ подкреплялся метафорами: «восток развивается по кругу», «восток лишен внутрен-

него импульса развития», «на востоке нет права», «мир востока являет тупиковые формы культуры». Красочно шельмуя восточную государственность К. Виттфогель, видит в нем сплошной порок, выраженный «политическим евнухизмом», «рабством» и «демократий оборванцев и попрошаек, зависящих от деспотической власти» [8]. Несколько позже Э. Саид, осмысливая европейскую ориенталистскую интеллектуальную традицию заметил: «Восток – это артефакт Запада», а сама ориенталистская традиция – это символ европейской власти над Востоком» [6, с. 37].

Сегодня, становится очевидным, что оценки данные восточной государственности как внеисторической, дикой и отсталой не выдерживают критики. Это в свою очередь, порождает необходимость осмысливать и переосмысливать политико-правовой опыт всех тех, кто выбивается из европейских цивилизационных рамок, чья система ценностей далека от индивидуалистических идеалов свободы, как Абсолюта, включающего всевозможные эксперименты над самим собой и обществом в целом (трансгуманистических практик, гендерных экспериментов и проч.).

Это в свою очередь, формирует интеллектуальную потребность, в том числе связанную с социальным заказом, формировать адекватный образ себя и своей истории в соответствии со своим материальным условиям жизни и ментальностью [2, с. 37]. Настала пора обновлять категориальный аппарат, а, в ряде случаев, наполнять новым смыслом старые идеологемы и мифологемы, нивелируя их европоцентристский смысл. Поэтому те вопросы, которые сегодня актуальны для понимания себя в новом мире, по-прежнему связаны с историей и теорией права. Ведь, понять себя можно только через призму «вчера». В этом смысле, история и есть та «история» тысячи дорог в совокупности, являющих один героический рассказ, который должен показать будущим поколениям истоки, культурную традицию и место конкретного народа во всемирно-историческом процессе и это требует новых подходов в историко-правовых исследованиях. Новая интеллектуальная традиция настойчиво требует обновленных подходов, в которых должны быть преодолены «родимые пятна» и дефекты индустриальной культуры, в качестве альтернативы предлагается постклассический антрополого-правовой подход [3, с. 63–75].

История – это «настоящее прошедшего», то есть коллективная память, но память не только на события, но и их интерпретация [7, с. 147–148].

Европоцентристкая (ориенталистская) интеллектуальная традиция с ее идеологическими мифологемами и идеологемами постепенно утрачивает свой эвристический потенциал. Ф. Фукуяма ошибся в своих прогнозах о конце истории и победе либерализма во всем мире. Поэтому современная интеллектуальная традиция должна по-новому посмотреть на Запад и на Восток, видя в них два равнозначных и равнодостойных пути развития. Новая тотальная интеллектуальная история не должна состоять только из описания побед Запада над «деспотическим», «диким» и «отсталым» Востоком.

Непредвзятый взгляд на всемирный исторический процесс должен показывать, что в разные исторические периоды, в разных регионах и тот, и другой тип культуры весьма успешно воспроизводился в социальных практиках народов. Исторический материал не дает никаких оснований для утверждения, что культура индивидуализма, сложившаяся в Европе, имеет какой-либо приоритет над восточной холистической культурой [1, с. 141].

Весьма интересный проект в рамках российской интеллектуальной традиции предложили, в свое время, евразийцы. Отрицая коммунизм, а за одно и весь советский строй, эмигрировав на «блистательный Запад», они не нашли там того светоча, который искали; не нашли они там ни особой духовности, не увидели и правды в праве, да и свобода оказалась эфемерной иллюзией и не более того… Исходным и самым сущностным моментом евразийской концепции выступают положения о необоснованной претензии европейской культуры на универсальный характер и о ее откровенной чужеродности российской культуре. Евразийские идеи связанные с особым путем развития России безусловно интересны, но не со всеми можно согласиться, особенно в части мессианства и богоизбранности русского народа, обладающего особой духовностью. Представляется, что противопоставление богоизбранности того или иного народа, плохая стратегия в поликонфессиональном обществе и единство надо усматривать в другом, по крайней мере во второй четверти XXI века.

Как отмечает Д.А. Пашенцев, наука сегодня находится в условиях новой научной рациональности, характеризующейся смещением акцентов на актора истории, и требует междисциплинарного подхода [5, с. 22]. Нам представляется, что формируемый сегодня неклассический антрополого-правовой подход должен по-новому показать всемирно исторический процесс.

История, как новый интеллектуальный продукт, должен сочетать в себе две системы ценностей: индивидуализм и коллективизм. Поэтому ориенталистская традиция, сформированная европоцентристским дискурсом, не отвечает больше реалиям сегодняшнего дня. Непредвзятый взгляд на историю показывает существование равнодостойных культурных традиций, которые должны найти свое место в современной всемирной истории. История – это не череда фактов и событий, история – это не только и не столько закономерное развитие того или иного государства, общества и его права, а конструируемый процесс, в котором формулируются, воспринимаются и воспроизводятся практиками людей те или иные ценности. Есть только один путь из прошлого в настоящее, и есть сто дорог из настоящего в будущее и от того каким это будущее будет отчасти зависит и от нас, носителей определенной культурной традиции, носителей правового статуса и тех практик, в которых мы участвуем в сфере образования и воспитания подрастающего поколения.

Список использованной литературы

1. Ломакина И.Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности / И.Б. Ломакина // Криминалист, 2024. – №1. – С. 141–147.

2. Ломакина И.Б. Понимание восточной государственности в агро-гидравлической концепции К.А. Виттфогеля / И.Б. Ломакина // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. – 2023. – № 2 (50). – С. 31–43.

3. Ломакина И.Б. Конструктивизм как принцип исследования права и правопорядка / И.Б. Ломакина, И.Л. Честнов // Метатеория и методология права и правопорядка : монография кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук А.В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Давыдовой. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. – С. 63–75.

4. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества / У. Мак-Нил. – Киев : Ника-Центр; Москва : Старклайт, 2004.

5. Асонов Н.В. История как наука / Н.В. Асонов // Власть. – 2018. – № 2. – С. 4.

6. Пашенцев Д.А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности / Д.А. Пашенцев // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сб. науч. ст. по итогам Всерос. форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. ; под ред. А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Москва : Саратов : Саратовский источник, 2022.

7. Саид Э. Ориентализм / науч. ред. А.Р. Ихсанов. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.

8. Харрари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю.Н. Харрари. – Москва : Синдбад, 2016.

9. Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven and London, CT: Yale University Press, 1957 / K.A. Wittfogel. – Inc. sixth printing Forge Village: The Murray Printing Company, 1967. 326 p. (Неофициальный перевод Страхова А.А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти, 2017. – URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 11.06.2023)).

Информация об авторе

Ирина Борисовна Ломакина – профессор кафедры теории и истории государства и права Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербургский юридический институт), доктор юридических наук, профессор, lomakina7311@gmail.com.

Author

Irina Borisovna Lomakina – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg Law Institute), Doctor of Law, Professor, lomakina7311@gmail.com.

УДК 340.11+342.5+004

П.Н. Маковская

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ТИПЫ, ФУНКЦИИ И КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОВ СНГ, КАЗАХСТАНА И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена рассмотрению концептуальных основ выработки принципов использования юридического искусственного интеллекта. Приводится определение юридического искусственного интеллекта. Рассматриваются три уровня информационного обмена, на которых происходит применение юридического искусственного интеллекта и определяются особенности его использования на каждом из уровней. Проводится анализ положений законов СНГ, Казахстана и Евросоюза, в которых содержится типизация систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; юридический искусственный интеллект; принцип использования; правоприменение; уровень риска.

P.N. Makovskaya

LEGAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE: TYPES, FUNCTIONS AND COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LAWS OF THE CIS, KAZAKHSTAN AND THE EUROPEAN UNION

The article is devoted to the consideration of the conceptual foundations of the development of the principles of the use of legal artificial intelligence. The definition of legal artificial intelligence is given. Three levels of information exchange, at which the application of legal artificial intelligence takes place, are considered and the features of its use at each level are determined. The article analyzes the provisions of the laws of the CIS, Kazakhstan, and the European Union, which contain the typification of artificial intelligence systems.

Key words: artificial intelligence; legal artificial intelligence; principle of use; law enforcement; risk level.

© Маковская П.Н., 2026

В настоящий период одной из наиболее критичных сфер общественной жизни, в которых происходит внедрение искусственного интеллекта (ИИ), является сфера права, которая имеет свои важные специфические особенности (в частности, морально-этический фундамент).

Именно в сфере права использование ИИ не только приводит к повышению скорости и эффективности решения различных прикладных задач, но и оказывает непосредственное влияние на всех членов общества, поскольку само существование активного ИИ оказывает деформирующее воздействие на правовое сознание человека, которое со времен Платона считается важнейшим компонентом его нравственного базиса [1].

В связи с этим, исследователи вполне обоснованно считают целесообразным при синтезе рациональных принципов использования ИИ, выделение из всего многообразия типов ИИ, используемых в социуме, систем искусственного интеллекта для юридической сферы, которые мы будем называть юридическим ИИ (ЮИИ).

В соответствии с определением работы [2], под ЮИИ будем понимать «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когни-тивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, предназначенные для поддержки, вспомогательного обеспечения либо выполнения ряда действий в правовой сфере, функционирующий с четко определенной степенью автономности, обеспечивающий прозрачность своих выводов, соответствие принципам справедливости и правовой защиты, а также подлежащий специальной сертификации и контролю в целях минимизации рисков для прав и законных интересов участников правоотношений».

Развитие технологий ИИ привело к тому, что некоторые ученые говорят не только о машиночитаемом праве, но даже о машинопроектируемых и машиноисполняемых правовых нормах. Однако, если использование ИИ в процессах правотворчества или в официальном толковании права [3], считается вполне допустимым, то вхождение ЮИИ в область правоприменения обоснованно специалистами воспринимается с настороженностью.

Одним из главных аргументов, которые выдвигаются против использования ИИ в сфере правоприменения, является тезис о том, что ничем не ограниченное проникновение алгорит-

мов в сферу права грозит ее дегуманизацией [4]. Замена судейского усмотрения, как важнейшей компоненты гуманистического содержания права, на принятие решений «по таблице» приведет к превращению правосудия в набор алгоритмов, в которых нюансы и обстоятельства жизненной ситуации конкретного индивида не будут иметь никакого значения, ибо они принципиально не воспринимаемы программой.

Для того, чтобы использовать во благо общества и прогресса неоспоримые вычислительные и алгоритмические способности ИИ при одновременном обеспечении минимального риска деформации тех морально-этических императивов, которые заложены в фундамент системы права, необходимо выработать концептуальные подходы к определению рациональных принципов использования искусственного интеллекта в правоприменении.

Как правило, в различных источниках (в том числе, юридических статьях), авторы разделяют искусственный интеллект на сильный и слабый, в других применяют иные противопоставляемые друг другу категории: ограниченный ИИ и разумный ИИ; ИИ с инсталлируемым сознанием и ИИ с самосоздаваемым сознанием; ИИ без самообучения и ИИ с самообучением; ИИ с реакцией и ИИ с глубокой памятью и др.

При этом действующий национальный стандарт России ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» прямо указывает, что категории «слабый ИИ» и «сильный ИИ» в основном важны для философов, но не актуальны для исследователей в сфере практического использования систем ИИ.

В указанном ГОСТ Р 71476-2024 описаны следующие противопоставляемые друг другу категории: «узконаправленный ИИ» и «универсальный ИИ». Отметим, что в соответствии с ГОСТ Р 71476-2024, универсальный искусственный интеллект является гипотетическим концептом с неясной перспективой практической реализации.

Из-за отсутствия общепринятых дефиниций, в исследованиях, посвященных использованию систем ИИ в сфере правоприменения, зачастую ученые не понимают друг друга только из-за терминологических нестыковок. Представляется, что с учетом бурно развивающейся отрасли систем ИИ, как минимум для сферы правоприменения следует использовать описание систем ИИ по их содержательному, функциональному зна-

чению безотносительно достигнутого уровня развития техники и использованных технологий.

Исходя из этого, для всех систем ИИ, используемых в юридической сфере, будем использовать обобщенный термин ЮИИ.

Использованием термина ЮИИ мы избавляемся от необходимости уточнения дефиниций «слабый/сильный» искусственный интеллект или «узконаправленный/универсальный» искусственный интеллект и других указанных выше дихотомий, а также от необходимости точного указания на технологию реализации (нейросети или нейросимволические системы), сосредоточившись на ключевом, содержательном аспекте: обсуждению в исследовании подлежат компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта.

С учетом того, что мы будем определять рациональные принципы использования ЮИИ, который можно представить как средство обработки информации, следует условно представить всю область информационного обмена в виде «слоеной» фигуры, которую разделим на три части: нижнюю receiving-область приема информации (от англ. receiving – прием); среднюю processing-область обработки информации (от англ. processing – обработка) и верхнюю decision-область принятия решения (от англ. decision – решение).

Размер каждой из областей соответствует общему объему функций, которые на этом уровне делегируются искусственному интеллекту. В соответствии с этим, следует представить области информационного обмена в виде сужающейся кверху пирамиды, что наделит такую модель вполне определенным смыслом: чем выше уровень обработки информации, тем на этом уровне меньшую долю функций следует поручать ЮИИ.

Предлагаемая концепция ЮИИ позволяет абстрагироваться от несущественных в данном контексте особенностей ИИ «от техницизма», посвятив внимание основному вопросу безотносительно реализационных нюансов, а именно: определению рациональных принципов использования юридического искусственного интеллекта (как существующих систем, так и перспективных).

Представляется, что в receiving-области ЮИИ может использоваться без каких-либо ограничений, автоматизируя процессы информационного обмена между судебной инстанцией

и человеком. В этом контексте он выполняет роль обеспечения электронного документооборота и цифровизации в буквальном смысле этого слова, то есть, осуществляя функцию оцифровки или распознавания машиночитаемых документов. По существу, это системы с минимальным риском – вспомогательные инструменты, не оказывающие прямого влияния на содержание или исход юридически значимых действий (системы для поиска и каталогизации судеб¬ных решений, инструменты распознавания и грамматической проверки юридических документов, системы для организации документооборота) [2].

В processing-области ЮИИ выполняет функции, которые сейчас являются вообще основным драйвером обсуждений повсеместного внедрения систем ИИ. Именно в processing-области проявляются те впечатляющие способности систем ИИ по сверхбыстрой обработке гигантских объемов информации (нормативных актов, судебной практики и др.), по мгновенному нахождению противоречий в массиве данных, по распознаванию скрытых закономерностей и т.д., которые, собственно, и вызывают сейчас определенный ажиотаж вокруг технологий ИИ. Вместе с этим, уже здесь, в средней области информационной пирамиды, начинает проявляться ограниченность возможностей ЮИИ, которая выражается в принципиально низкой эффективности ЮИИ по обработке плохоформализуемых данных, к числу которых относятся внешние проявления когнитивной и чувственно-эмоциональных сфер человека. Между тем, это именно тот аспект, который напрямую связывается с гуманистическим содержанием права и который, как будет показано ниже, принципиально не реализуют системы ЮИИ. Так или иначе, это системы ограниченного риска – системы, прямо взаимодействующие с поль¬зователем и генерирующие контент, который может быть воспринят как юридически значимый, но окончательное решение остается за человеком [2].

Decision-область использования ЮИИ является в настоящее время наиболее спорной. Именно здесь окончательно должна воплощаться в судебном решении гуманность права на основании высоких морально-этических принципов судьи, и поэтому именно в этой области использование ЮИИ представляется наиболее проблематичным. С точки зрения риск-ориентированного подхода, это системы, которые непосредственно участвуют в выработке выводов по спорам и могут принимать решения, создающие угрозу безопасности лично-

сти, общества и государства, а также нарушающие основополагающие права и свободы человека и гражданина (системы формирования судебных решений, инструменты для оценки риска рецидива в уголовном судопроизводстве и т. д.). Эта категория является центральной для регулирования юридического ИИ и требует строгого нормативного регламентирования [2].

Разделение всех используемых систем ЮИИ на три типа будет соответствовать риск-ориентированному подходу [2], при котором ЮИИ в receiving-области представляют собой системы с минимальным риском, ЮИИ в processing-области представляют собой системы с ограниченным риском; ЮИИ в decision-области представляют собой системы с высоким риском. Наверное, следует отметить еще область неприемлемо высокого риска, где использование ЮИИ не допустимо, в связи с чем четвертый тип ЮИИ является вырожденным.

Проведем сравнение предлагаемой риск-ориентированной типизации систем ЮИИ с положениями законов СНГ, Казахстана и Евросоюза, которые применимы для задачи разделения ЮИИ по степени риска.

Для этих целей были подвергнуты анализу Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (принятый 18 апреля 2025 года на 58-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ); Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте» и Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте «Artificial Intelligence Act» (AI Act), принятый Европейским Парламентом 13марта 2024 года.

Следует отметить, что во всех трех нормативных актах не содержится определения ЮИИ.

Статья 21 Модельного закона СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» по степени риска разделяет все системы ИИ на системы с малым или минимальным риском; системы с ограниченным риском; системы с высоким риском; системы с неприемлемым риском (запрещенные системы ИИ).

Статья 17 Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» по степени риска разделяет все системы ИИ на системы минимальной степени риска; системы средней степени риска и системы высокой степени риска.

AI Act все системы ИИ безотносительно их специализации разделяет по уровням риска на три типа: запрещенные системы

(с недопустимой степенью риска); системы с высокой степенью риска и остальные системы ИИ.

Компаративистский анализ позволяет сделать вывод, что предлагаемая типизация систем ИИ по степени риска в наибольшей степени соответствует риск-ориентированному подходу, предусмотренному Модельным законом СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» и может быть использована при разработке отечественного закона «Об искусственном интеллекте».

Список использованной литературы

1. Маковская П.Н. Аспекты влияния искусственного интеллекта на правовое сознание / П.Н. Маковская // International Law Journal, 2025. – № 8. – С. 149–157.

2. Овчинников А.И. Юридический искусственный интеллект: понятие, оценка рисков и регулирование / А.И. Овчинников, П.Н. Маковская, В.И. Фатхи // Вестник юридического факультета Южного федерального университета, 2025. – № 4. – С. 52–62.

3. Терехов Е.М. Искусственный интеллект в официальном толковании права: за или против? / Е.М. Терехов // Legal Bulletin, 2025. – № 2. – С. 9–17.

4. Степанов О.А. Судебное правоприменение с учетом возможностей систем искусственного интеллекта / О.А. Степанов // Современное право, 2025. – № 2. – С. 26–28.

Информация об авторе

Маковская Полина Николаевна – стажер адвоката, Ростовская областная коллегия адвокатов «Бизнес и право», rostov.niks7@yandex.ru.

Author

Makovskaya Polina Nikolaevna – Trainee Lawyer, Rostov Regional Bar Association «Business and Law», rostov.niks7@yandex.ru.

УДК 340

Д.В. Малик

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЧЕТНЫХ СТАТУСОВ В РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в российском законодательстве единого нормативного акта, регулирующего институт почетных правовых статусов, а также необходимостью совершенствования наградной системы с учетом международного опыта. Целью работы является попытка сравнительно-правового анализа правовой природы почетных статусов, их конституционно-правовых основ и правовых последствий в правовых системах России и Великобритании. В ходе исследования применялись диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также анализ нормативных актов, доктринальных источников и официальной практики. Установлено, что несмотря на общее назначение почетных правовых статусов как формы государственного поощрения, правовые системы демонстрируют существенные различия в подходах к их институционализации, наличию титульного элемента, степени формализации процедур присвоения и объему правовых последствий.

Ключевые слова: почет; заслуга; награда; правовой статус; правовые преимущества.

D.V. Malik

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF HONORARY STATUSES IN RUSSIA AND THE UK

The relevance of the study is due to the lack of a single regulatory act in Russian legislation regulating the institution of honorary legal statuses, as well as the need to improve the award system, taking into account international experience. The aim of the work is to attempt a comparative legal analysis of the legal nature of honorary statuses, their constitutional and legal foundations and legal consequences in the legal systems of Russia and the United Kingdom. The research applied dialectical, comparative legal, formal legal meth-

© Малик Д.В., 2026

ods, as well as an analysis of normative acts, doctrinal sources and official practice. It has been established that despite the general purpose of honorary legal statuses as a form of state encouragement, legal systems demonstrate significant differences in approaches to their institutionalization, the presence of a titular element, the degree of formalization of assignment procedures and the scope of legal consequences.

Key words: honor; merit; award; legal status; legal advantages.

Почетные юридические статусы как правовой институт занимают особое место в системе государственного поощрения, выступая одновременно инструментом морального стимулирования участников общественных отношений и разновидностью специального правового статуса субъекта [1; 2]. В условиях глобализации и усиления международных контактов актуализируется задача сравнительного анализа институтов почетных статусов в различных правовых системах с целью выявления универсальных черт и национальных особенностей их правового регулирования.

Почетный правовой статус субъекта – это особая разновидность специального правового статуса, представляющая собой систему установленных в нормативных правовых актах почетных прав, обязанностей, правовых преимуществ, гарантий их реализации и ответственности (юридической и моральной), основанную на уважении и признании заслуг субъекта перед обществом и государством, имеющую акцессорный характер по отношению к его основному правовому положению и характеризующуюся поощрительной и стимулирующей природой, тесной связью с институтами чести и достоинства, высокой общественной значимостью, и направленную на дальнейшее стимулирование общественно полезной деятельности субъекта.

Современная система почетных статусов Российской Федерации сформировалась в результате эволюции наградных традиций Российской империи и Советского Союза. Ключевым нормативным актом, определившим основы института почетных званий в постсоветский период, стал Указ Президента РФ от 30 декабря 1995 г. № 1341 «Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным зва-

ниям Российской Федерации»[1]. Данным актом были установлены такие почетные звания, как «Народный артист Российской Федерации», «Народный художник Российской Федерации», «Народный архитектор Российской Федерации», «Народный учитель Российской Федерации» и другие.

Важнейшим этапом развития наградной системы стало принятие Указа Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»[2]. Согласно п. 2 данного Указа, государственные награды Российской Федерации включают: высшие звания Российской Федерации (Герой Российской Федерации, Герой Труда Российской Федерации, Мать-героиня); ордена Российской Федерации; знаки отличия Российской Федерации; медали Российской Федерации; почетные звания Российской Федерации. Таким образом, законодатель четко разграничивает почетные звания как самостоятельный элемент наградной системы, не сводя их к орденам или медалям.

Положения о конкретных почетных званиях содержат единые структурные элементы:

1) наименование звания;

2) основания для присвоения (как правило, «за выдающиеся заслуги в соответствующей сфере деятельности»);

3) требования к стажу работы (обычно не менее 20 лет);

4) описание нагрудного знака;

5) порядок ношения знака.

Например, Положение о почетном звании «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» устанавливает, что данное звание присваивается «за выдающиеся заслуги в научной деятельности, способствовавшие укреплению обороноспособности страны, обеспечению безопасности государства, разви-

---

[1] Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации : указ Президента РФ от 30.12.1995 № 1341 (в ред. от 19.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаке отличия ордена Святого Георгия - Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия «За безупречную службу», почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации») : указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (в ред. от 22.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

тию экономики, науки, культуры, образования, здравоохранения, воспитанию подрастающего поколения»[1].

Особенностью российской системы является строгая иерархия почетных званий. На вершине находятся звания «Народный артист РФ», «Народный художник РФ» и т.д., которые традиционно считаются высшими в соответствующих отраслях. Ниже расположены звания «Заслуженный артист РФ», «Заслуженный деятель науки РФ» и другие. Такая градация отражает исторически сложившиеся традиции и позволяет дифференцированно подходить к поощрению граждан в зависимости от масштаба их заслуг.

Между тем, одной из самых интересных наградных систем, с точки зрения объективирования поощрения в институт почетного правового статуса, выступает королевство Великобритания. Британская система почетных статусов представляет собой уникальный синтез средневековых традиций и современных институтов. Ключевым элементом данной системы являются рыцарские титулы (*knighthoods*), присваиваемые монархом за выдающиеся заслуги перед государством и обществом. Согласно официальному сайту британской монархии, «получение титула рыцаря или дамы является одной из высших наград в Соединенном Королевстве и обычно присуждается тем, кто внес значительный вклад в национальную жизнь»[2].

Система британских орденов включает несколько уровней. Наивысшим является Орден Подвязки (*The Most Noble Order of the Garter*), учрежденный в 1348 году королем Эдуардом III. Орден был учрежден в память об инциденте, когда Эдуард III танцевал и одна из голубых подвязок его партнерши упала на пол. Пока зрители смеялись, Эдуард III галантно поднял подвязку и надел ее себе на ногу, предостерегая придворных на французском фразой, которая стала девизом ордена: «Honi soit qui mal y pense» («Стыд тому, кто дурно об этом подумает», в народе переведено как «Зло тому, кто дурно думает»)[3].

---

[1] Положение о почетном звании «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» : утв. Указом Президента РФ от 30.12.1995 № 1341.

[2] The Royal Family. Knighthoods and Damehoods. URL: https://www.royal.uk/knighthoods-and-damehoods (дата обращения: 30.01.2026).

[3] См.: The Most Noble Order of the Garter // Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/The-Most-Noble-Order-of-the-Garter.

Далее следуют Орден Бани (*The Most Honourable Order of the Bath*), Орден Британской империи (*The Most Excellent Order of the British Empire*) и другие. Орден Британской империи, учрежденный в 1917 году королем Георгом V, является наиболее массовым и включает пять классов: Рыцарь/Дама Большого креста (GBE), Рыцарь-командор/Дама-командор (KBE/DBE), Командор (CBE), Офицер (OBE) и Член (MBE)[1].

Особенностью британской системы является различие между титулом и орденом. Лица, получившие титул рыцаря (например, Рыцарь-бакалавр – Knight Bachelor, или Рыцарь Большого креста Ордена Британской империи), приобретают право именоваться «Сэр» (Sir) перед именем (для женщин – «Дама» – Dame). Однако этот титул не является наследственным и не дает права на членство в Палате лордов, в отличие от пэрских титулов (герцог, маркиз, граф, виконт, барон)[2]. Таким образом, британская система демонстрирует четкое разделение между почетными статусами (рыцарские титулы) и отдельными политическими привилегиями (пэрство).

Процедура присвоения рыцарских титулов регулируется как конституционными обычаями, так и статутами орденов. Номинации на награды подаются через специальные комитеты по различным сферам деятельности (искусство, наука, благотворительность и др.), после чего рассматриваются Кабинетом министров и утверждаются монархом. Дважды в год (в Новый год и в день рождения монарха) публикуются списки награжденных.

Сравнительный анализ систем почетных статусов в правовых системах России и Великобритании позволяет выделить как общие черты, так и существенные различия.

К элементам *общего* можно отнести:

а) признание почетных статусов как высшей формы морального поощрения граждан за выдающиеся заслуги перед государством и обществом;

б) централизация полномочий по присвоению высших почетных статусов на уровне главы государства (Президент Российской Федерации, монарх Великобритании);

---

[1] Order of the Garter – World History Encyclopedia. URL: https://www.worldhistory.org/Order_of_the_Garter (дата обращения: 30.01.2026).

[2] The London Gazette. Knights and Dames during the reign of Queen Elizabeth II // The London Gazette. URL: https://www.thegazette.co.uk/all-notices/content/104040 (дата обращения: 30.01.2026).

в) наличие многоуровневой системы наград, позволяющей дифференцированно подходить к поощрению в зависимости от масштаба заслуг;

К существенным отличим, характеризующим *особенности*, относятся:

во-первых, наличие или отсутствие титульного элемента. Британская система сохраняет средневековую традицию присвоения титулов («Сэр», «Дама»), тогда как в России почетные статусы не влекут изменения имени или титула гражданина. Это отражает различия в историческом развитии и конституционных традициях: монархические государства сохраняют элементы сословной системы, тогда как республиканские модели стремятся к формальному равенству граждан;

во-вторых, правовые последствия присвоения почетного статуса. В России почетные звания могут давать определенные льготы (например, приоритетное право на получение жилья в советский период, или сегодня – льготы при оплате жилого помещения и коммунальных услуг для ветеранов боевых действий). Британская система не характеризуется сильным и ярко выраженным материальным эквивалентом почетного статуса – рыцарские титулы дают право на особый этикет при обращении, но не влекут юридических привилегий.

Таким образом, почетный правовой статус представляет собой сложный и многогранный правовой феномен, требующий комплексного научного изучения и совершенствования правового регулирования. Развитие этого института должно соответствовать как национальным традициям признания заслуг граждан, так и современным требованиям правового государства, обеспечивая баланс между поощрением выдающихся достижений и принципами равенства, справедливости и законности.

Список использованной литературы

1. Минникес И.В. Государственно-правовой статус монарха (часть первая) / И.В. Минникес // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1 (99). – С. 28–34.

2. Репьев А.Г. Почетные права и обязанности: доктрина, практика, техника / А.Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 26–36.

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Малик – адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, malik.ufa@mail.ru.

Author

Dmitry Valeryevich Malik – Postgraduate Student of the Department of Public Law Disciplines Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, malik.ufa@mail.ru.

УДК 340.137

О.И. Милентьев

СУБИНСТИТУТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОСТИ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу субинститутов в правовых системах Российской Федерации и Республики Казахстан и их роли в обеспечении эффективности судопроизводства и реализации принципа взаимности. На основе системного, формально-юридического и сравнительно-правового методов автор раскрывает доктринальное содержание категории «субинститут права» как относительно автономного комплекса норм внутри правового института. Выявлены сходства и различия в процессуальных субинститутах двух государств, включая апелляцию, кассацию, упрощенное производство и институт признания иностранных судебных решений. Особое внимание уделено нормативному закреплению принципа взаимности в процессуальном законодательстве Российской Федерации иРеспублкии Казахстан.

Ключевые слова: субинститут права; система права; процессуальное право; принцип взаимности; сравнительное правоведение; судебная система; Российская Федерация; Республика Казахстан.

O.I. Milentiev

SUB-INSTITUTES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF RECIPROCITY

The article is devoted to a comparative legal analysis of sub-institutions in the legal systems of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan and their role in ensuring the efficiency of legal proceedings and the implementation of the principle of reciprocity. Based on the systemic, formal-legal, and comparative legal methods, the author reveals the doctrinal content of the cate-

© Милентьев О.И., 2026

gory «sub-institution of law» as a relatively autonomous set of norms within a legal institution. The article identifies similarities and differences in the procedural sub-institutions of the two states, including appeals, cassation, simplified proceedings, and the recognition of foreign court decisions. Special attention is paid to the regulatory consolidation of the principle of reciprocity in the procedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Key words: sub-institute of law; legal system; procedural law; principle of reciprocity; comparative law; judicial system; Russian Federation; Republic of Kazakhstan.

Эффективность правосудия во многом зависит от внутренней структурированности права, включающей отрасли, институты и субинституты.

В отечественной теории права проблема субинститута традиционно рассматривалась фрагментарно.

С.С. Алексеев определял институт как относительно самостоятельный комплекс норм, регулирующих однородную группу общественных отношений [1].

Развивая эту позицию, Н.И. Матузов, А.В. Малько указывали на необходимость более тонкой дифференциации нормативного материала внутри института [2].

В казахстанской доктрине аналогичные идеи развивались Г.С. Сапаргалиевым и М.К. Сулейменовым, подчеркивавшими системность права и внутреннюю взаимосвязь его структурных элементов [3].

Понятие субинститута права возникло в юридической науке для обозначения относительно самостоятельного комплекса правовых норм внутри более крупного правового института.

Иными словами, субинститут представляет собой совокупность норм, регулирующих специфический вид общественных отношений в рамках более общего института права.

Субинститут права представляет собой относительно автономный нормативный комплекс внутри правового института, обладающий функциональной обособленностью и регулирующий специализированный сегмент общественных отношений.

К числу критериев выделения субинститута относятся:

- нормативная компактность;
- функциональная самостоятельность;

• наличие специальных процедур;
• целевая направленность регулирования.

Несмотря на то, что субинституты фактически действуют в системе права, в теории до последнего времени им уделялось недостаточно внимания.

В российской и казахстанской правовой науке признается необходимость четкого определения данного понятия и его признаков, а также разработки классификаций субинститутов.

Это важно не только в теоретическом плане, но и для практики правоприменения – грамотная структура правовых норм способствует эффективному судопроизводству предотвращает сбои в работе правовой системы.

Для этих целей проведен сравнительный анализ роли субинститутов в правовых системах Российской Федерации (РФ) и Республики Казахстан (РК), включая их влияние на эффективность судопроизводства и реализацию принципа взаимности в правосудии двух государств [1; 7; 11].

Правовые системы России и Казахстана исторически относятся к одной правовой семье (романо-германской) и во многом имеют общие черты, унаследованные от советского права, а так же обладают сходной институциональной архитектурой.

В конституциях обоих государств провозглашены одни и те же фундаментальные начала: они являются демократическими правовыми государствами с разделением властей и признанием прав и свобод высшей ценностью (ст. 1 Конституции РФ; ст. 1 Конституции РК). Эти конституционные положения заложили основу для сходных принципов организации судебной власти.

В частности, и в РФ и в РК судопроизводство осуществляется на началах независимости судей, законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности и др. Такие принципы прямо закреплены в законодательстве о судах и судебной процедуре двух стран.

Конституция Казахстана, аналогично российской, гарантирует право каждого на судебную защиту, независимость судов и судей и другие базовые принципы правосудия.

Таким образом, на уровне общих принципов организации судопроизводства системы двух стран близки, что создает предпосылки для их взаимного сотрудничества и признания

судебных актов друг друга на основе принципа взаимности (об этом подробнее ниже) [7; 8].

Сходство российской и казахстанской правовых систем обусловлено не только общим историческим наследием, но и взаимным влиянием на современном этапе.

Как отмечают исследователи, конституционно-правовые основы судебной власти РФ и РК оказывали и продолжают оказывать значительное взаимное влияние, являясь объектом заимствования и сопоставления в странах СНГ.

Это проявляется, в частности, в схожести структуры судебной системы и процессуального законодательства. Оба государства имеют многоуровневую судебную систему общей юрисдикции (в РФ – мировые судьи, районные суды, облсуды и Верховный Суд РФ; в РК – районные суды, областные суды и Верховный Суд РК), а также системы специализированных судов по определенным категориям дел.

Однако имеются и различия, вытекающие из особенностей государственного устройства и проводимых реформ. Россия – федеративное государство, тогда как Казахстан – унитарное.

В российской доктрине структурная дифференциация права рассматривается как условие правовой определенности и единообразия судебной практики [10].

Напротив, в Казахстане, по мнению А.К. Котова, развитие процессуальных субинститутов связано с модернизацией судебной системы и укреплением гарантий прав человека [4].

В РФ наряду с судами общей юрисдикции исторически существовали самостоятельные арбитражные суды для рассмотрения экономических споров, тогда как в Казахстане дела по экономическим (хозяйственным) спорам долгое время рассматривались в рамках единых судов общей юрисдикции, хотя были специализированные составы (экономические суды).

В последнее время Казахстан провел реформы, направленные на дифференциацию судебной системы: с 1 июля 2021 года в РК введена система административной юстиции – начали работу отдельные административные суды для рассмотрения споров граждан и бизнеса с государственными органами.

В России же аналогичные дела рассматриваются судами общей юрисдикции по правилам Кодекса административного судопроизводства (КАС), без выделения отдельной ветви судов.

Тем не менее, в обоих государствах судебные системы строятся по отраслевому принципу (гражданские суды, уголовные, административные и т.д.), что отражает наличие специальных институтов и субинститутов в праве.

Сопоставление показывает, что субинституты судебной системы – то есть специализированные подразделения или процедуры внутри общей структуры правосудия – выполняют аналогичные функции в РФ и РК, которые позволяют более детально регулировать общественные отношения, учитывая национальные особенности.

Таким образом, соотношение субинститутов свидетельствует о том, что и российская, и казахстанская системы стремятся к внутренней дифференциации права для повышения гибкости и эффективности судопроизводства.

Казахстанское законодательство в ряде случаев пошло по пути более подробного закрепления принципов и норм, тогда как российское оставило их на уровне общих положений. Так, в новом Гражданском процессуальном кодексе РК (в редакции 2015 г.) прямо закреплен принцип справедливости как основополагающее начало гражданского судопроизводства. Данный принцип введен в виде самостоятельной нормы-принципа, что отражает человекоцентричную направленность казахстанского правосудия.

В российском ГПК принцип справедливости прямо не упомянут, хотя, разумеется, идея справедливого судебного разбирательства пронизывает весь процессуальный закон (она подразумевается через совокупность других принципов – законности, независимости суда, равенства сторон и др.).

Тем не менее, формальное отсутствие отдельной статьи о принципе справедливости в ГПК РФ можно рассматривать как качественное различие: казахстанский законодатель посчитал важным подчеркнуть данный принцип, в то время как российский ограничился конституционными и общепроцессуальными положениями [9].

В Казахстане несколько иначе реализованы отдельные процессуальные институты. К примеру, институт упрощенного (приказного) производства в гражданском процессе. В ГПК РК 2015 года значительно расширены возможности вынесения судебного приказа, предусмотрено широкое применение электронного судопроизводства и письменных процедур.

Российское гражданское процессуальное законодательство также содержит упрощенные процедуры (приказное производство, заочное решение), но казахстанские новеллы делают акцент на письменности процесса в определенных категориях дел, сочетая принцип устности с допускаемой письменностью там, где это упрощает разбирательство.

Таким образом, функция субинститутов упрощенного производства в обеих странах – ускорение и удешевление правосудия – достигается сходными методами, но с некоторыми различиями в деталях (большая степень формализованной письменности в Казахстане).

Так же можно отметить различия в организационных субинститутах судебной системы.

В РФ существует институт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве – этот институт закреплен Конституцией и УПК РФ для определенных категорий тяжких преступлений.

В Казахстане институт присяжных также введен (с 2007 года) для рассмотрения наиболее тяжких уголовных дел, однако его применение более ограничено по перечню статей и количеству присяжных.

Кроме того, Казахстан активно использует институт народных заседателей (аналог шеффенов, то есть непрофессиональных судей) в гражданском судопроизводстве на некоторых этапах, тогда как в РФ участие народных заседателей в гражданских делах было упразднено в 90-х годах прошлого столетия.

Эти различия показывают, что субинституты, касающиеся участия непрофессиональных элементов в осуществлении правосудия, эволюционировали несколько иначе: Россия сделала ставку на классическое жюри присяжных в уголовном суде, а Казахстан – на более гибкие формы участия граждан [7; 8].

В целом, функции субинститутов в праве РК и РФ совпадают – они служат для детализации правового регулирования и адаптации общих норм к отдельным ситуациям. Отличия носят количественный и качественный характер в зависимости от того, какие аспекты регулирования получили большее развитие.

Казахстанское право в последние годы демонстрирует стремление к более новаторским решениям (например, принцип справедливости, отдельные административные суды), тогда как российское сохраняет преемственность с существующей

системой, вводя изменения более постепенно, больше полагаясь на правоприменительную практику.

Тем не менее, оба государства восприимчивы к лучшим практикам друг друга и мирового опыта, что ведет к постепенному сближению подходов.

Принцип взаимности проявляется прежде всего в сфере международного гражданского процесса и юрисдикционного иммунитета государств.

В Российской Федерации положения о взаимности закреплены в законодательстве о юрисдикционных иммунитетах и процессуальных кодексах, допускающих ограничение иммунитета иностранного государства при отсутствии взаимного предоставления иммунитета РФ [5].

В Республике Казахстан аналогичные положения предусмотрены ГПК РК, допускающим признание и исполнение иностранных судебных решений при отсутствии международного договора на основе взаимности [6].

Таким образом, взаимность выступает субинститутом международного процессуального сотрудничества, выполняя компенсаторную и гарантийную функции. Она обеспечивает баланс суверенитетов и равенство государств в судебных отношениях.

Сравнительный анализ в статье показывает функциональную идентичность данного субинститута при различии нормативной техники.

Субинституты в правовых системах Российской Федерации и Республики Казахстан являются важным механизмом дифференциации и специализации правового регулирования и несмотря на различия, процессуальные субинституты двух государств демонстрируют высокую степень функциональной близости.

Принцип взаимности выступает системообразующим элементом трансграничного взаимодействия судебных систем, обеспечивая баланс публичных интересов и уважение государственного суверенитета.

Развитие субинститутов свидетельствует о тенденции к конвергенции правовых систем РФ и РК в условиях евразийской интеграции и модернизации судебной власти.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. / С.С. Алексеев. – Москва : Велби; Проспект, 2008.

2. Матузов Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Москва, 2017.

3. Сапаргалиев Г.С. Теория государства и права Республики Казахстан / Г.С. Сапаргалиев. – Алматы, 2011.

4. Котов А.К. Конституционные основы судебной власти в Республике Казахстан / А.К. Котов. – Алматы, 2015.

5. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации : федер. закон от 03.11.2015 № 297-ФЗ.

6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V.

7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм.).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V ЗРК (с изм.).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм.).

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм.).

11. Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30.08.1995 (с изм.).

Информация об авторе

Олег Игоревич Милентьев – аспирант кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, 740888@mail.ru.

Author

Oleg Igorevich Milentiev – Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law of the Baikal State University, 740888@mail.ru.

УДК 340.5

И.А. Минникес

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Обосновывается значение и место общей теории права в российской и зарубежной юриспруденции. При этом акцент на такие вопросы как проблемы правопонимания и пределы правового регулирования. Методологическая основа исследования представлена общим диалектическим методом научного познания в сочетании с методом формально-юридического анализа и сравнительно-правовым методом. На основе проведенного анализа с привлечением исследований зарубежных авторов обращается внимание на такие проблемы как предпринимаемые попытки примирить сторонников теории естественного права и юридического позитивизма. Показаны взгляды зарубежных юристов на достоинства и недостатки позитивного права. Применительно к пределам правового регулирования обращается внимание на то, что данная проблема никогда не утратить своей актуальности. Делается вывод, что многие устоявшиеся традиционные подходы в теории права нуждаются в дополнительном анализе и возможно в частичном пересмотре с учетом сложившихся правовых реалий и тенденций развития современного общества.

Ключевые слова: теория права; сравнительное правоведение; естественное право; позитивное право; пределы правового регулирования.

I.A. Minnikes

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

The importance and place of the general theory of law in Russian and foreign jurisprudence is substantiated. At the same time, the emphasis is on issues such as problems of legal understanding and the limits of legal regulation. The methodological basis of the research is represented by the general dialectical method

© Минникес И.А., 2026

of scientific cognition combined with the method of formal legal analysis and the comparative legal method. Based on the analysis conducted with the involvement of research by foreign authors, attention is drawn to such problems as the attempts being made to reconcile proponents of the theory of natural law and legal positivism. The views of foreign lawyers on the advantages and disadvantages of positive law are shown. With regard to the limits of legal regulation, attention is drawn to the fact that this problem will never lose its relevance. It is concluded that many well-established traditional approaches in the theory of law need additional analysis and possibly a partial revision, taking into account the prevailing legal realities and trends in the development of modern society.
Key words: theory of law; comparative law; natural law; positive law; limits of legal regulation.

Общая теория права как наука и как учебная дисциплина занимает разное место в российской и зарубежной юриспруденции. Однако есть проблемы, которые привлекают внимание ученых разных стран, на некоторые из которых хотелось бы обратить внимание.

Проблемы правопонимания. Дискуссия между сторонниками теории естественного и позитивного права длится уже несколько столетий и будет продолжаться столько, сколько будет существовать юридическая наука.

Неоднократно предпринимались попытки примирить сторонников противоположных точек зрения. Так, например, профессор Мичиганской школы права Ф. Сопер в монографии «Теория права» пытается сформулировать концепцию адекватного теоретического правопонимания, которая призвана преодолеть односторонность и естественно-правовой доктрины, и юридического позитивизма. По его мнению, такое правопонимание открывает новые перспективы в развитии юридической науки [1].

Однако большинство исследователей придерживаются традиционных подходов на понятие права. В этой связи интересны взгляды зарубежных юристов на достоинства и недостатки позитивного права.

Так, один из крупнейших немецких теоретиков права профессор Мангеймского университета Х-М. Павловски в монографии «Учение о методе для юристов. Теория нормы

и закона», касаясь необходимости существования позитивного права, указывает, что оно (позитивное право) имеет все-таки слишком зыбкую границу. С одной стороны, право стремится к некоторому абсолютизму, а с другой стороны имеет безусловную относительность. При этом речь идет не формальном равенстве, а о реальной сопоставимости систем поведения [2, s. 254–255].

Во многом созвучную идею высказывает американский исследователь С. Койл в статье «Позитивизм, идеализм и верховенство права». Он пишет о том, что нормы выражают те идеи, которые используются при определении правил поведения, однако не всегда полностью определяют эти идеи. Позитивное право позволяет увеличить точность и ясность идей, но из-за общих формулировок оставляя пределы нормы до некоторой степени неопределенными. Поэтому нормы дополняются иными правовыми стандартами. Ратуя за позитивное право, С. Койл считает, что даже прецедент является более слабой основой для социального порядка по сравнению с нормами позитивного права [3, s. 257–288].

Принимая во внимание специфику применяемой американским исследователем терминологии, можно сделать вывод, что речь идет о нормативных и дополняющих их индивидуальных регуляторах поведения, которые С. Койл называет «иными правовыми стандартами». При этом очень интересна мысль о том, что подобные дополнения вызваны общими формулировками, которые оставляют пределы нормы до некоторой степени неопределенными.

В современной зарубежной юриспруденции существуют и иные теории правопонимания.

Например, «Ценовая теория» профессора Л.М. Фридмана, которая изложена в статье «Две концепции права». Автор пишет, что законы, устанавливая прав и обязанности, определяют цену тому или иному поведению. Изменяя правовую норму, мы фактически манипулируем ценами. Таким образом, право в целом рассматривается как своеобразный налог на тот или иной вид поведения. Согласно ценовой теории, правовая система находится вне морали, она выступает в качестве инструмента, машины, которая подобно рынку трансформирует пожелание и спрос в цену и предложение [4, s. 14–35].

Представляет интерес и теория диспозитивного права, предложенная профессором Гиссенского университета Я. Шаппом в монографии «Основные проблемы юридической методологии» [5].

Существует также ряд иных теорий каждая из которых со своих пытается осмыслить такое многогранное явление как право.

Пределы правового регулирования. Еще более полувека назад В.В. Лазарев пророчески отмечал, «по своему существу проблема пределов сферы правового регулирования не может иметь раз и навсегда найденного решения» [6, с 39].

В советской юриспруденции большинство исследований в этой области сводились главным образом к анализу пределов нормативного правового регулирования, под которыми понимались обусловленные определенными факторами границы властного государственного вмешательства в общественные отношения при помощи норм права [7, с 151]. Это был один из самых распространенных подходов к пониманию пределов правового регулирования.

В российской юриспруденции из современных исследований особо следует отметить работы Е.С. Зайцевой [8; 9]. Кроме того, рядом ученых, наряду с пределами нормативного регулирования, был поставлен вопрос о пределах индивидуального правового регулирования [10, с. 17; 11].

Вызывала и вызывает интерес проблема пределов правового регулирования и у зарубежных правоведов. Причем их подходы значительно отличаются от подходов российских исследователей, тем интереснее провести их сравнительный анализ.

Из многих исследований остановимся на работах ученых, которые внесли наибольший вклад в осмысление этой проблемы.

Думается, что начать следует с работ К. Энгиша, который считается одним из крупнейших западногерманских ученых-правоведов. В монографии «Вопросы теории права» собраны наиболее важные работы последних лет жизни ученого. Проблеме пределов правового регулирования посвящена статья «Внеправовая сфера».

Он полагал, что право ограничено со всех сторон и во всех измерениях. Так как право учитывает лишь внешне выражен-

ное поведение, то здесь оно ограничено рамками реально возможного и направлено лишь в настоящее и будущее, а не в прошлое. К тому же право, по мнению автора, не действует в экстремальных ситуациях, т.е. человек в таких случаях как бы не считается в правом. Кроме того, пределы права обусловлены стремлением человека к свободе: отдельные сферы человеческого бытия изымаются из области правового регулирования в качестве «свобод». Наконец, существуют просто пробелы в праве [12].

В отличие от других исследователей К. Энгиш прежде всего акцентирует внимание на временных пределах правового регулирования, а затем походит к более распространенному делению пределов правового регулирования на объективные (реально возможные) и субъективные (зависящие от субъекта). Такой подход представляется наиболее перспективным, так как показывает и динамику пределов правового регулирования, и позволяет выделить их основные виды.

Нельзя обойти вниманием и работы Ю. Хабермаса, который считается одним из самых ярких представителем знаменитой Франкфуртской школы. Это один из наиболее влиятельных политических и социальных мыслителей второй половины XX века, создатель концепций коммуникативного действия и этики дискурса.

Он различает материально организованные отношения, существующие независимо от правового регулирования, подчиненные внутреннему механизму «неформального» регулирования, и формально организованные, т.е. впервые возникшие в форме правоотношений, не существующие ранее в качестве отношений внутреннего мира.

В процессе юридизации Ю. Хабермас выделяет две формы. Во-первых, «экспансию права», т.е. распространение правового регулирования на новые, прежде неформально регулировавшиеся сферы. И, во-вторых, «денсификацию права», т.е. дробление объекта правового регулирования на несколько новых объектов, в результате чего возникают новые отношения в рамках уже существующей сферы правового регулирования [13, p. 203–220].

Такой подход показывает динамику правового регулирования и подвижность пределов правового регулирования, которые не являются раз и навсегда данными и постоянно уста-

новленными. Но и в этом случае акцент делается на пределы нормативного правового регулирования, когда законодатель распространяет воздействие права на новые отношения или дифференцирует отношения, уже урегулированные правом.

Во многом созвучную идею высказывает известный швейцарский ученый, представитель социологической школы права Е. Хубер. В своей работе «Реалии законодательства» он разъясняет, что одни и те же фактические отношения изменяют свой характер в зависимости от того, рассматриваются ли они с позиции регулирования интересов или констатации реалий. Реальные факты, равно как и идея права, определяют ответ на вопрос, как должны быть упорядочены фактические отношения. Наличие определенного содержания отношений, с которым повсюду и во все времена законодатель был и будет вынужден мириться, устанавливают предел возможности законодательной власти [14, s. 36–40.]

Из чего следует, что пределы правового регулирования не просто существуют, а их определение объективно необходимо. И, кроме того, определенные общественные отношения в силу своей природы не нуждаются в правовом регулировании, и право не должно к этому стремиться.

Венгерский ученый академик В. Пешка различал общественные отношения, не нуждающиеся в правовом регулировании, и отношения, которые в силу своего положения, значения и роли в обществе требуют правового регулирования [15]. И в данном случае внимание обращается на пределы нормативного правового регулирования или, точнее на его объективные пределы.

Таким образом, и в российской, и в зарубежной юриспруденции пределы правового регулирования являются предметом для исследований и дискуссий.

Список использованной литературы

1. Soper P. A theory of law / P. Soper. – Cambrige; London, 1984. – 190 p.

2. Pawlowski H.-M. Methodenlehre fur Juristen. Trorie der Norm u. des Gesetzes. Ein Lehrbuch / H.-M. Pawlowski. – Heidelberg; Karlsruhe, 1981. – 440 s.

3. Coyle S. Positivism, idealism and the rule of the law / S. Coyle // Oxford j. of legal studies. – Oxford, 2006. – Vol. 26, № 2. – P. 257–288.

4. Freidman L.M. Two faces of law / L.M. Freidman // Wisconsin law rev. – Madison, 1984. – № 1. – P. 13– 35.

5. Schapp I. Hanptorobleme der junstischen Methodenlehre / I. Schapp. – Tubingen, 1983. – 106 s.

6. Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования / В.В. Лазарев // Сов. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38–44.

7. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.

8. Зайцева Е.С. Установление пределов правового регулирования / Е.С. Зайцева. – Москва : Изд. дом «Юрлитинформ», 2024. – 176 с.

9. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.1 / Е.С. Зайцева. – Санкт-Петербург, 2025. – 538 с.

10. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере / Т.В. Кашанина // Сов. государство и право. – 1992. – № 1. – С. 122–130.

11. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики / И.А. Минникес. – Иркутск : Институт законодательства и правовой информации, 2008. – 160 с.

12. Engisch K. Beitrage zur Rechtstheorie / K. Engisch. – Frankfurt a M., 1984. – 338 s.

13. Habermas J. Law as medium and law as institution / J. Habermas // Dilemmas of law in the welfare state. – Berlin; New York, 1986. – P. 203–220.

14. Huber E. Die Realien der Gesetzgeburg / E. Huber // Schweizerische Beitrage zur Rechtssoziologie. – Berlin, 1984. – S. 40.

15. Peschka V. Gondolatok a jogviszoayrol / V. Peschka. – Budapest, 1982. – 320 old.

Информация об авторе

Илья Анисимович Минникес – заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых

исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, iaminnikes@yandex.ru.

Author

Ilia Anisimovich Minnikes – Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law of the Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Professor, iaminnikes@yandex.ru.

УДК 340.153

И.В. Минникес

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ В РУССКОМ ПРАВЕ XI–XVI ВЕКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОЭФФИЦИЕНТА ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

В статье анализируется историческое развитие института свидетельских показаний в русском праве. На примере актов XI–XVI вв. исследуется вопрос о степени интереса законодателя к показаниям свидетелей как источнику доказательств. Интерес законодателя определяется с помощью авторского метода расчета коэффициента заинтересованности законодателя (КЗЗ). КЗЗ отвечает на вопрос о том, какая долю статей о доказательствах составляют нормативные предписания, регламентирующие показания свидетелей в каждом конкретном акте. Установлено, что динамика интереса законодателя к оформлению института свидетельских показаний в актах XI–XVI вв. не линейна. Сравнительный анализ полученных данных позволил сделать вывод, что максимальную заинтересованность в правовом регулировании показаний свидетелей проявили составители Пространной редакции Русской правды (70 % статей о доказательствах прямо или косвенно упоминают свидетелей). Наименьшая заинтересованность (менее 30 % статей, посвященных доказательствам) отмечена в Псковской Судной грамоте.

Ключевые слова: история русского права; доказательства; показания свидетелей; русское законодательство; Русская Правда; Псковская Судная грамота; Судебник; коэффициент заинтересованности законодателя.

I.V.Minnikes

WITNESS TESTIMONY IN RUSSIAN LAW OF THE 11th–16th CENTURIES: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATOR'S INTEREST COEFFICIENT

The article analyzes the historical development of the institution of witness testimony in Russian law. Using the example of acts

© Минникес И.В., 2026

of the XI–XVI centuries, the question of the degree of interest of the legislator in the testimony of witnesses as a source of evidence is investigated. The interest of the legislator is determined using the author's method of calculating the «Coefficient of legislator's interest» (CLI). The CLI answers the question of what proportion of articles on witness testimony are in the total number of articles on evidence in each act. It is established that the dynamics of the legislator's interest in the institution of witness testimony in the acts of the XI–XVI centuries is not linear. A comparative analysis of the data obtained led to the conclusion that the compilers of the Extensive edition of «Russkaya Pravda», showed the greatest interest in the legal regulation of witness testimony (70 % of articles on evidence directly or indirectly mention witnesses). The least interest (less than 30 % of the articles devoted to evidence) was noted in the for in the Pskov Judicial Charter.

Key words: Russian law history; evidence; witness testimony; Russian legislation; Russkaya Pravda; Pskov Judicial Charter; Judicial Code; Coefficient of legislator's interest.

Свидетель во все временя являлся важным субъектом процесса рассмотрения дела. Его статус урегулирован законодательно.

Так, согласно ст. 56 УПК РФ «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний…». К.Ф. Карибов оправданно уточняет, что «свидетель – это участвующее в уголовном процессе лицо, не причастное к совершению преступления, которое по требованию суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, обязано явиться и правдиво сообщить известные ему по уголовному делу сведения» [1, с. 11]. Несколько иная позиция относительно фигуры свидетеля изложена в ст. 69 ГПК: «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела»

Роль свидетеля – сообщение имеющей доказательственное значение информации. Юридическая форма изложения этой информации – показания свидетеля. Согласно ч. 1 ст. 79 УПК РФ «Показания свидетеля – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному де-

лу или в суде...». Согласно определению, предложенному Д.В. Поповым, «показания свидетеля – это устное сообщение, сделанное свидетелем на допросе, проведенном в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона в условиях непосредственного восприятия этого сообщения допрашивающим субъектом» [5, с. 7]. Ст. 69 ГПК РФ уточняет, что «Не являются доказательствами сведения, сообщенные свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности».

Можно заключить, что современный законодатель уделил внимание и самому свидетелю как субъекту процесса, и исходящим от него показаниям.

Как отмечает В.В. Молчанов, «Свидетельские показания относятся к числу наиболее распространенных в гражданском судопроизводстве средств доказывания и установления обстоятельств дела. Таковыми они являлись на протяжении всей истории развития отечественного и зарубежного судопроизводства и системы доказательств [4, с. 3]. Аналогичное заключение дается и в отношении свидетельских показаний в уголовном процессе: «интерес к показаниям как к виду доказательств неслучаен. Этот вид доказательства наиболее востребован практикой, присутствует во множестве в каждом уголовном деле, нередко выполняет роль прямого, а значит, весьма значимого доказательства» [2, с. 203–204].

Необходимо отметить, что в историческом контексте мысль о востребованности свидетельских показаний звучит во многих научных исследованиях.

Но насколько распространены были показания свидетеля в сравнении с иными доказательствами? Можно ли считать свидетельские показания превалирующей формой или, наоборот, они занимают весьма незначительное место в нормативном оформлении системы доказательств? Эти вопросы вполне можно решить с помощью сравнительно-правового анализа, используя диахронный метод исследования.

Не претендуя на глубинный анализ содержания нормативных предписаний, в данном исследовании представлен внешний формальный аспект. Проблема, которая поставлена в данной работе, заключается в выявлении количественного соотношения объема норм, посвященных свидетельским показаниям, с числом статей, посвященных доказательствам в целом.

В силу ограниченности объема статьи, в данной работе поставлены конкретные хронологические рамки – с XI по XVII в. Соответственно, в работе задействованы наиболее важные источники этого периода: Русская Правда (Краткой (далее – РПк) и Пространной редакции (далее – РПп)); Псковская Судная грамота (далее – Грамота), Судебники (1497,1550 и 1589 г.) и Соборное Уложение 1649 г. (далее – Уложение).

Промимо сравнительно-правового и формально-юридического методов, в работе используется математический алгоритм, разработанный автором и обозначенный как Коэффициент заинтересованности законодателя (далее – КЗЗ) [3].

КЗЗ применительно к данному исследованию указывает на удельный вес статей о свидетельских показаниях в общей массе нормативных предписаний, регламентирующих различные виды доказательств и рассчитывается по формуле: КЗЗ = СС : ОС · 100 %, где СС – количество статей, регламентирующих свидетельские показания, в конкретном акте, а ОС – это количество статей о доказательствах в этом документе. Если статья содержит упоминание о нескольких видах доказательств, (например, ст. 2 РПп: «Или будеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго же, то ли приидеть видок…» фактически указывает на два варианта – видока (свидетеля) и «знамение» (т.е. явные следы побоев), она учитывается и как статья о свидетелях, и как статья о доказательствах в целом.

Для иллюстративности данные представлены в виде таблицы.

Нормативный акт	Количество статей о свидетелях	Количество статей о доказательствах	КЗЗ в %
Русская Правда Кр.	4	9	44,5
Русская Правда Пр.	21	30	70
Псковская Судная грамота	20	68	29,4
Судебник 1497	11	25	44
Судебник 1550	15	46	32
Судебник 1589 г.	36	87	41,4

Исходя из полученных данных, можно заключить, что максимальная заинтересованность законодателя в регламентации свидетельских показаний связана с Русской Правдой про-

странной редакции. Вероятно, это объясняется тем, что именно на данном этапе процесс «судоговорения» в основном строился на базе свидетельских показаний. Резкое падение КЗЗ по свидетельским показаниям в Псковской Судной грамоте говорит о том, что в оборот вводится новое доказательство и именно на нем сделан акцент в контексте нормативного оформления. Действительно, Псковская Судная грамота уделила большое внимание письменным документам. В дальнейшем, как показывают данные Таблицы, законодатель достаточно ровно относился к показаниям свидетелей. Некоторый спад, наблюдаемый в Судебнике 1550 г., проистекает из необходимости урегулирования процесса выдачи и изъятия разного рода грамот, особенно тех, которые утверждают право на земли и на судебные иммунитеты.

Таким образом, можно заключить, что показания свидетелей в праве XI–XVI в. во все времена находились в поле зрения законодателя, но пик правового оформления данного вида доказательств относится к временам действия Русской Правды.

Список использованной литературы

1. Карибов К.Ф. Процессуальное положение свидетеля в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.Ф. Карибов. – Москва, 2001. – 245 с.

2. Лазарева В.А. Показания в уголовном процессе: содержание или форма? / В.А. Лазарева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. – 2021. – № 2 (45). – С. 203–210.

3. Минникес И.В. Конституционное регулирование выборов: сравнительный анализ коэффициента заинтересованности законодателя (на примере Российской Федерации и стран ближнего зарубежья) / И.В. Минникес // Конституционное и муниципальное права. – 2024. – № 2. – С. 11–18.

4. Молчанов В.В. Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / В.В. Молчанов. – Москва, 2009. – 50 с.

5. Попов Д.В. Надлежащий источник свидетельских показаний как необходимое условие их допустимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.В. Попов. – Самара, 2007. – 21 с.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Минникес – главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, ivminnikes@mail.ru.

Author

Irina Viktorovna Minnikes – Chief Researcher of the Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Professor, ivminnikes@mail.ru.

УДК 340.5

Р.Ч. Набиев,
А.М. Бянкина

РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА

Работа посвящена сравнительному исследованию правового регулирования семейных отношений в России и Азербайджане. Основное внимание уделяется правовым аспектам заключения брака, имущественных отношений супругов, порядка расторжения брака и защиты интересов детей. Рассматриваются также проблемы, возникающие при применении семейного права в межгосударственном пространстве.

Ключевые слова: семейное законодательство; брак; брачно-семейные отношения; супруги; семейное право; члены семьи; семья.

R.Ch. Nabiev,
A.M. Byankina

REGULATION OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND AZERBAIJAN

This paper presents a comparative study of the legal regulation of family relations in Russia and Azerbaijan. It focuses on the legal aspects of marriage, property relations between spouses, divorce procedures, and the protection of children's interests. Issues arising in the application of family law across borders are also considered.

Key words: family law; marriage; marital and family relations; spouses; family law; family members; family.

Правовая регламентация семейно-правовых отношений является важной частью национального законодательства каждой страны. Россия и Азербайджан имеют сходства и различия в правовых нормах, регулирующих семейные отношения. Ис-

© Набиев Р.Ч., Бянкина А.М., 2026

следование особенностей семейного права позволяет выявить общие тенденции и специфику регулирования отдельных институтов семьи в разных странах.

Семейное законодательство – это совокупность правовых норм, регулирующих семейные отношения, включая брак, права и обязанности супругов, родителей и детей, а также иные вопросы, связанные с семьей.

В России основным нормативным актом является Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) [1]. Дополнительно семейные отношения регулируются Гражданским кодексом РФ, федеральными законами, международными соглашениями и подзаконными актами.

Некоторые сферы регулирования семейного законодательства в России: заключение и расторжение брака (условия, порядок, последствия); права и обязанности супругов (имущественные и личные неимущественные отношения); режим имущества супругов (общая и раздельная собственность, брачный договор); права и обязанности родителей и детей (опека, попечительство, алименты, усыновление); ответственность за нарушение семейных прав (лишение родительских прав, оспаривание отцовства/материнства).

В Азербайджанской Республике правовое регулирование брачных и семейных отношений с юридической точки зрения осуществляется государством. Семейный кодекс Азербайджанской Республики [2] устанавливает правила и условия заключения, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между членами семьи (супругами, родителями и детьми), а также определяет правила принятия на воспитание детей, оставшихся без попечительства родителей.

Некоторые принципы регулирования семейных отношений в Азербайджане: добровольность брака мужчины и женщины, равенство прав супругов, разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритет семейного воспитания детей, забота об их благосостоянии и развитии, обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи [см. 3].

В России правовое регулирование основывается на тех же принципах. Например, введена возможность заключить брачный договор, цель которого – самостоятельное определе-

ние супругами своих имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и на случай его расторжения. Разрешено заключать соглашения об уплате алиментов.

Кроме того, в кодекс включены нормы, регулирующие семейные правоотношения с участием иностранцев и лиц без гражданства.

Семейный кодекс Российской Федерации регулирует вопросы вступления в брак, личные и имущественные права и обязанности супругов, порядок развода и алименты. Брак признается законным, если соблюдены требования закона относительно возраста, добровольности и отсутствия препятствий к заключению брака.

Основные положения российского семейного права: возраст вступления в брак – 18 лет (возможно снижение до 16 лет); брачный договор возможен для изменения режима совместной собственности; алименты выплачиваются добровольно либо принудительно через суд.

Азербайджанское законодательство также предусматривает аналогичные нормы. Основной источник семейного права – Семейный кодекс Азербайджанской Республики. Основные принципы азербайджанского семейного права аналогичны российским нормам [см. 3].

Особенности азербайджанского семейного права: минимальный возраст вступления в брак – 18 лет (исключение возможно при согласии органов местного самоуправления); развод осуществляется судом или органом ЗАГСа; возможна выплата алиментов, размер которых определяется судом.

В обеих странах процедура заключения брака включает подачу заявления в органы ЗАГСа и последующее проведение церемонии регистрации. Расторжение брака производится аналогичным образом, однако существуют различия в сроках рассмотрения дела и основаниях для прекращения брака.

Особенности норм российского законодательства следующие: средний срок рассмотрения дела о расторжении брака составляет около трех месяцев; супруги могут заключить соглашение о разделе имущества перед разводом.

Особенности норм азербайджанского законодательства: процедура развода в среднем занимает около двух месяцев; императивные правила позволяют суду определять доли имущества самостоятельно.

Проблемы возникают главным образом в случаях смешанных браков, когда супруги являются гражданами разных государств. Например, вопросы признания решений судов одной страны на территории другой требуют тщательного изучения и разработки механизмов взаимодействия [4].

Возможные пути решения проблем включают заключение двусторонних соглашений и унификации норм семейного права.

Исследование показало, что российское и азербайджанское семейное право имеет много общего, однако существует ряд различий, влияющих на практику реализации прав и обязанностей членов семьи. Дальнейшее развитие международного сотрудничества позволит устранить пробелы и повысить эффективность защиты прав и законных интересов граждан обоих государств.

Регулирование брачно-семейных отношений в России и Азербайджане имеет некоторые сходства, например, одно из главных условий заключения брака в обоих государствах – добровольность. Также в России и Азербайджане лица, желающие вступить в брак, подают совместное заявление в орган записи актов гражданского состояния.

Однако есть и различия:

– в России более детально регламентирована процедура расторжения брака, а также работают механизмы правового регулирования семейных отношений с лицами, находящимися в местах лишения свободы;

– в Азербайджане есть норма об обязательном медицинском обследовании лиц, вступающих в брак.

Кроме того, условия заключения брака для каждого из лиц, вступающих в брак, определяются законодательством того государства, гражданином которого оно является. При этом должны быть соблюдены требования законодательства страны, на территории которой заключается брак, в отношении препятствий к заключению брака.

Эти аспекты регулируются, в частности, Договором между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанным в Москве 22 декабря 1992 года [5].

Список использованной литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон [от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

2. Семейный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 28.12.199 № 781-IQ, с изм. и доп. на 11.04.2025 г.). – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420386 (дата обращения: 21.02.2026).

3. Махмудов Р.А. Актуальные проблемы семейного права Азербайджана // Вестник Дагестанского университета. – 2025. – № 2. – С. 114–122.

4. Решетов А.Н. Международное сотрудничество в области семейного права / А.Н. Решетов, О.В. Жигалова // Российский юридический журнал. – 2025. – № 4. – С. 56–68.

5. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 22 дек. 1992 г.). Начало действия документа – 20 янв. 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 18. – Ст. 1598.

Информация об авторах

Рауф Чингизович Набиев – студент международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета, член Азербайджанского молодежного объединения России Забайкальского края, член Забайкальского регионального национального культурного общественного объединения «Азербайджанское землячество», raufnabiev86@gmail.com.

Бянкина Анна Михайловна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета, eleon-84@mail.ru.

Authors

Rauf Chingizovich Nabiyev – Student of the International Faculty of Law and Business of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Transbaikal State University», member of the Azerbaijani Youth Association of Russia of the

Transbaikal Territory, member of the Transbaikal Regional National Cultural Public Association «Azerbaijani Community», raufnabiev86@gmail.com.

Anna Mikhailovna Byankina – Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the International Faculty of Law and Business of the Transbaikal State University, eleon-84@mail.ru.

УДК 343.1

Н.А. Назырова

АНАЛИЗ ДИСПОЗИЦИИ НОРМЫ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ В ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В научном исследовании осуществлен сравнительный анализ диспозиции нормы о приостановлении операций с денежными средствами, введенной в уголовно-процессуальное законодательство России в 2025 году, с нормами о приостановлении операций, блокировке (замораживании) счетов, закрепленными в других отраслях российского права (налоговом, таможенном, гражданском). Автором рассматривается множественность подходов законодателя к определению оснований, процедур и сроков приостановления операций как публично-правовых инструментов ограничений права собственности. При всем внешнем сходстве норм их правовая природа, цели и процедуры кардинально отличаются, что не исключает возможность конструктивного использования накопленного положительного опыта в применении обеспечительных мер таможенными и налоговыми органами для органов предварительного расследования. На основе проведенного исследования предлагаются пути совершенствования правового регулирования в рассматриваемом вопросе в уголовно-процессуальной сфере.

Ключевые слова: обеспечительные меры; приостановление операций; меры процессуального принуждения; блокировка (замораживание) счетов; ограничение права собственности.

N.A. Nazyrova

ANALYSIS OF THE DISPOSITION OF THE REGULATION ON SUSPENSION OF OPERATIONS WITH CASH FUNDS IN THE SECTORS OF RUSSIAN LEGISLATION

The research compares the provisions of the provision on the suspension of monetary transactions, introduced into Russian crim-

© Назырова Н.А., 2026

inal procedure legislation in 2025, with provisions on the suspension of transactions and the blocking (freezing) of accounts established in other areas of Russian law (tax, customs, and civil). The author examines the multiple approaches of the legislator to defining the grounds, procedures, and terms for the suspension of transactions as public-law instruments for restricting property rights. Despite the superficial similarity of these provisions, their legal nature, purposes, and procedures differ fundamentally. This does not preclude the constructive use of accumulated positive experience in the application of interim measures by customs and tax authorities for preliminary investigation bodies. Based on the conducted research, ways to improve legal regulation on this issue in the criminal procedure sphere are proposed.

Key words: interim measures; suspension of transactions; procedural coercive measures; blocking (freezing) of accounts; restriction on property rights.

Российское уголовно-процессуальное законодательство по вопросу принятия обеспечительных мер в целях исполнения приговора динамично развивается. Подтверждением данному выводу являются внесенные в июле 2025 года изменения[1] в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ), касающиеся приостановления операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (ст. 115.2 УПК РФ).

Необходимо отметить, что с позиции действовавшего на протяжении длительного времени комплекса иных мер принуждения в уголовно-процессуальном праве (глава 14 УПК РФ) введенная мера носит принципиально новый характер, связанный с упрощенным порядком временного ограничения права распоряжения собственностью на поименованные в норме закона средства. Вместе с тем, в гражданском законодатель-

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Российской Федерации от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения : 02.03.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174–ФЗ // Там же (дата обращения: 02.03.2026).

стве (ст. 858 Гражданского кодекса Российской Федерации)[1] еще с 2017 года предусмотрена возможность замораживания денежных средств в качестве ограничительной меры по распоряжению ими, а приостановление операций с денежными средствами наряду с наложением ареста на имущество применялись и ранее в качестве допустимых ограничений по распоряжению счетом при наличии законных оснований.

В пояснительной записке к законопроекту были обозначены цели введения новой уголовно-процессуальной нормы – эффективное обеспечение прав граждан и юридических лиц как потерпевших от преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Полагаем справедливым утверждение, что выработка стратегии противодействия преступности должна всегда строиться на принципах целеустремленности, наступательности и эффективности [3, с. 102]. Позиция законодателя в данном вопросе является прозрачной и понятной, так как правовое государство не только провозглашает как высшую ценность фундаментальные права человека, но и обеспечивает их защиту [1, с. 384]. Существующая редакция рассматриваемой статьи не содержит каких-либо ограничений по ее действию и при расследовании иных видов преступлений. В указанных случаях законодатель разрешает использовать имеющиеся сведения, доступные для идентификации клиента – владельца банковского счета (номер абонента, платежной карты и другие). Введенная уголовно-процессуальная норма позволяет органам предварительного расследования приостановление расходных операций и при отсутствии полных данных о банковском счете (п. 4 ч. 4 ст. 115.2 УПК РФ). Подобные изменения уголовно-процессуального законодательства представляются важными для противодействия незаконным финансовым операциям. Межведомственной рабочей группой в рамках подготовки пояснительной записки к упомянутому проекту федерального закона изучалась следственно-судебная практика, анализ которой привел к констатации средних сроков использования преступниками одних и тех же банковских счетов в пределах 14 суток. По истечении указанных сроков счета перестают использоваться, а размещенные

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.03.2026).

на них денежные средства выводятся различными способами, преимущественно на счета доверенных лиц либо фиктивные юридические лица.

Кроме того, наряду с предоставленными возможностями, упрощающими для органов предварительного расследования приостановление рассматриваемых операций, законодатель определил обязательные условия, подлежащие исполнению, при применении обеспечительных мер, предусмотренных ст. 115.2 УПК РФ. К таким условиям относятся:

– возбуждение уголовного дела;

– наличие достаточных данных полагать о произведенных зачислениях денежных средств, полученных в результате преступной деятельности, на банковские счета или счета, открытые для оплаты за услуги связи;

– вынесение постановления следователем, дознавателем с указанием фактических обстоятельств, которые обосновывают приостановление операций;

– согласование постановления о приостановлении операций в зависимости от формы предварительного расследования с руководителем следственного органа либо прокурором. Данное условие позволяет минимизировать коррупционные проявления лиц, в производстве которых находятся уголовные дела;

– ограничение суммы денежных средств, в отношении которой допускается приостановление расходных операций, в пределах зачисленной суммы, связанной с преступной деятельностью;

– ограничение сроков приостановления операций 10 сутками с последующим обращением уполномоченного лица, в производстве которого находится уголовное дело, в предусмотренном порядке с возбуждением ходатайства перед судом о наложении ареста на имущество (денежные средства, операции по которым приостанавливались), либо принятии правового решения об отмене постановления о приостановлении таких операций;

– обеспечение прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Императивность нормы о направлении следователем копии постановления о приостановлении операций прокурору в течение 24 часов с момента вынесения постановления;

– право на обжалование принятого решения органом предварительного расследования о приостановлении операций.

Новая уголовно-процессуальная норма предусматривает сокращенные сроки исполнения запросов следователей и дознавателей, реализующих полномочия, связанные с приостановлением операций. Такой срок составляет 3 рабочих дня с момента поступления запроса, а при осуществлении взаимодействия посредством электронного документооборота – 24 часа с момента поступления запроса. Иные сроки могут быть предусмотрены в самом запросе или устанавливаться федеральными законами.

Приведенный подход законодателя об ограничении срока приостановлений операций 10 сутками является одним из отличий уголовно-процессуальной нормы от схожих положений в налоговом (ст. 76 Налогового кодекса Российской Федерации)[1] и таможенном законодательстве (ст. 77 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ[2]).

Так, в рамках проведенного сравнительного анализа положений о приостановлении рассматриваемых операций в уголовно-процессуальном, налоговом и таможенном законодательстве необходимо отметить, что в каждом из указанных случаев мы имеем дело с обеспечительными мерами, ограничивающими имущественные права владельца счета. Однако, если в налоговом и таможенном праве целью принятия таких мер является обеспечение возможности по исполнению решения о взыскании задолженности и решения о бесспорном взыскании соответственно, то в уголовном процессе основанием выступает необходимость обеспечения надлежащего исполнения приговора. Следует подчеркнуть, что реализация норм налогового законодательства, касающегося приостановления операций и наложения ареста на имущество, может использоваться при надлежащем взаимодействии оперативных служб с налоговыми органами и в рамках расследования налоговых преступлений [4, с. 58]. По нормам налогового законодательства блокируются счета самого должника (налогоплательщи-

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.03.2026).

[2] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ // Там же (дата обращения: 02.03.2026).

ка) – организаций и индивидуальных предпринимателей. Аналогичный подход предусмотрен и в нормах таможенного законодательства с оговоркой на то, что такими счетами могут выступать и счета лица, несущего солидарную обязанность. Сроки приостановления подобных операций определены с указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. В уголовно-процессуальном законодательстве счет может принадлежать любому физическому или юридическому лицу, как и номер, используемый для услуг связи. Сроки же приостановления рассмотренных операций строго оговорены и ограничены 10 сутками. Важным отличием норм в сравниваемых отраслях права является и вид операций, подлежащей приостановлению. Общими видами выступают операции с денежными средствами и электронными денежными средствами. Отличием являются операции по счетам цифрового рубля в налоговом и таможенном праве, денежные средства как аванс за услуги связи – в нормах уголовно-процессуального права. Представляется важным также выделить отличия в процедуре приостановления операций в рассматриваемых отраслях права. Оформление (принятие и согласование) решений о применении таких операций в таможенном и налоговом праве предусмотрено исключительно внутри ведомств, в то время как в уголовно-процессуальном законодательстве только принятие решение следователем согласовывается внутри ведомства руководителем следственного органа, а решение дознавателя подлежит обязательному согласованию с прокурором.

В настоящее время практика применения обеспечительных мер, предусмотренных ст. 115.2 УПК РФ не сформирована. Возникает ряд обоснованных вопросов, связанных с пониманием какие данные могут быть признаны достаточными для принятия решения о приостановлении операции без обращения в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, как они должны подтверждаться материалами уголовного дела, могут ли в качестве таких данных использоваться сведения от органа дознания, производившего оперативно-розыскные мероприятия, изложенные в рапорте. Представляется, что выработанный положительный опыт оформления документов, связанных с принятием решений о приостановлении операций таможенными и налоговыми органами, может быть конструктивно использован на первоначальном этапе дознавателями и следова-

телями, применяющими новую для себя норму, а также для ее дальнейшего совершенствования с точки зрения уточнения перечня сведений, подлежащих включению. Как точно отмечено современными учеными, исследующими вопросы компаративистики, не всегда можно создать идеальную норму права без изучения определенного опыта [2, с. 51]. Подобный исторический опыт в российском и советском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовал, что безусловно связано с уровнем развития денежного оборота и самого нашего общества в более ранние исторические периоды.

По нашему мнению, перспективным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемом вопросе приостановления операций является и расширение перечня видов операций, в отношении которых может быть принято такое решение.

Список использованной литературы

1. Грибунов О.П. Прокурорский надзор за исполнением уголовно-процессуального законодательства по вопросам, затрагивающим права и свободы человека и гражданина / О.П. Грибунов, Н.А. Назырова // Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов : сб. ст. X Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верховного Суда Рос. Федерации, Казань, 20 окт. 2022 г. – Казань : Отечество, 2023. – С. 383–390.

2. Грибунов О.П. Сравнительное правоведение как неотъемлемый элемент правотворчества / О.П. Грибунов // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 21–22 марта 2024 г. – Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2024. – С. 50–54.

3. Жубрин Р.В. Теоретические подходы к выработке стратегии противодействия преступности в России / Р.В. Жубрин // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2025. – № 4 (108). – С. 97–104.

4. Иванова Е.Ю. О роли прокурора в возмещении ущерба, причиненного налоговыми преступлениями / Е.Ю. Иванова, Н.А. Нестерова // Искусство правоведения. – 2025. – № 4 (16). – С. 53–59.

Информация об авторе

Наталья Александровна Назырова – заведующий кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, n.nazyrova38@mail.ru.

Author

Natalia Alexandrovna Nazyrova – Head of the Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, n.nazyrova38@mail.ru.

УДК 340.134

А.К. Нуржанова

ДОКУМЕНТАЦИОННЫЕ РИСКИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И ПУТИ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

В статье исследуются документационные риски, возникающие в процессе подготовки и принятия нормативных правовых актов, а также их влияние на качество правового регулирования. Анализируются основные виды документационных рисков, связанные с юридико-техническим оформлением законопроектов, подготовкой сопроводительных материалов, проведением правовой и антикоррупционной экспертизы, а также управлением версиями нормативных текстов. Особое внимание уделяется проблемам цифровизации законотворческой деятельности и электронного документооборота. Обосновывается необходимость внедрения риск-ориентированного подхода к документационному обеспечению законотворческого процесса и формулируются практические направления минимизации выявленных рисков.

Ключевые слова: законотворческий процесс; документационные риски; юридическая техника; нормативные правовые акты; правовая экспертиза; антикоррупционная экспертиза; электронный документооборот; оценка регулирующего воздействия.

A.K. Nurzhanova

DOCUMENTATION RISKS IN THE LEGISLATIVE PROCESS AND WAYS TO MINIMIZE THEM

The article examines documentation risks arising in the process of drafting and adopting normative legal acts and their impact on the quality of legal regulation. The main types of documentation risks related to legal drafting techniques, preparation of accompanying documents, legal and anti-corruption expertise, as well as version control of legislative texts are analyzed. Particular attention is paid to the issues of digitalization of legislative activity and

© Нуржанова А.К., 2026

electronic document management. The necessity of implementing a risk-oriented approach to documentation support of the legislative process is substantiated, and practical measures for minimizing identified risks are proposed.

Key words: legislative process; documentation risks; legal drafting; normative legal acts; legal expertise; anti-corruption expertise; electronic document management; regulatory impact assessment.

Современный законотворческий процесс представляет собой сложную систему правовых, организационных и процедурных действий, направленных на формирование нормативных правовых актов, отвечающих требованиям законности, системности и эффективности. В условиях высокой динамики общественных отношений и постоянного обновления законодательства возрастает значение не только концептуальной проработанности правовых решений, но и качества их документационного оформления.

В научной доктрине и практике правотворчества условно могут быть выделены и иные группы рисков, в частности содержательные, процедурные и институциональные. К содержательным рискам относятся дефекты концепции правового регулирования, ошибки в определении предмета и целей правового воздействия, а также несоответствие принимаемых норм реальным общественным потребностям. Процедурные риски связаны с нарушением регламентированных стадий законотворческого процесса, несоблюдением сроков, порядка рассмотрения и принятия решений. Институциональные риски обусловлены особенностями взаимодействия субъектов правотворчества и распределением компетенций между ними. На этом фоне документационные риски представляют собой самостоятельную группу, отражающую дефекты подготовки, оформления, сопровождения и фиксации правотворческих решений, которые, не затрагивая напрямую содержание нормы, способны существенно повлиять на ее качество и эффективность.

На уровне подготовки и сопровождения документов формируются предпосылки для возникновения специфических рисков, которые в юридической науке целесообразно обозначать как документационные риски законотворческого процесса.

В научной литературе подчеркивается, что качество нормативного правового акта во многом определяется уровнем юридической техники и корректностью оформления законодательного материала.

Так, М.В. Ахаева указывает, что «технико-юридические ошибки нередко приводят к искажению смысла правовой нормы и затрудняют ее реализацию на практике» [2, с. 118]. Данное положение в полной мере применимо к документационным рискам, поскольку именно они лежат в основе значительной части технико-юридических дефектов.

Документационные риски проявляются уже на стадии подготовки текста законопроекта и сопроводительных материалов. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов устанавливают требования к структуре, логике изложения, использованию терминологии и редакционных формул [5, с. 5].

Однако на практике нередко фиксируются случаи несоблюдения указанных требований, что выражается в терминологической несогласованности, дублировании правовых норм, нарушении правил отсылок и нумерации. Как справедливо отмечает С.А. Белоусов, «ошибки юридической техники обладают кумулятивным эффектом, поскольку каждая неточность усиливает вероятность последующих нормативных дефектов» [3, с. 74].

Особое значение имеют риски, связанные с подготовкой пояснительной записки и финансово-экономического обоснования законопроекта. Эти документы призваны раскрывать цели правового регулирования, его социально-экономические последствия и ожидаемые результаты. Вместе с тем в условиях формального подхода пояснительная записка нередко превращается в декларативный документ, не отражающий реальных механизмов правового воздействия.

В связи с этим А.А. Демичев подчеркивает, что «отсутствие содержательной связи между текстом законопроекта и пояснительными материалами снижает обоснованность законодательных решений» [9, с. 42].

Значительную группу документационных рисков формируют дефекты, возникающие при проведении правовой и антикоррупционной экспертизы. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ закрепляет обязательность выявления коррупциогенных факторов в проектах нормативных правовых ак-

тов [10]. Однако в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда экспертиза проводится в отношении одной редакции законопроекта, тогда как на рассмотрение вносится иная версия.

В результате, как отмечает В.А. Илюхина, «экспертное заключение утрачивает свое превентивное значение и не обеспечивает должного уровня правовой безопасности» [4, с. 67].

Схожие проблемы характерны и для процедуры оценки регулирующего воздействия. Методика ОРВ ориентирована на выявление возможных социально-экономических последствий правового регулирования и выбор оптимального варианта решения проблемы [8]. Вместе с тем несоответствие сводного отчета актуальной редакции законопроекта создает риски искажения результатов оценки.

По мнению Ю.Г. Арзамасова, «формализация процедур оценки воздействия без надлежащего документационного сопровождения снижает их аналитическую ценность» [1, с. 2].

Важное место в структуре документационных рисков занимают риски управления версиями законопроекта. Множественность редакций, параллельное внесение поправок и отсутствие единого эталонного текста затрудняют контроль за целостностью нормативного материала. Регламент Государственной Думы предусматривает использование сравнительных таблиц и заключений правового управления [4, с. 2], однако при недостаточной документационной дисциплине данные инструменты не всегда позволяют обеспечить прозрачность изменений.

Н.Н. Негматов справедливо указывает, что «отсутствие четкой фиксации правок создает угрозу подмены содержания правовой нормы на поздних стадиях законотворческого процесса» [6, с. 91].

Таким образом, представляется целесообразным систематизировать документационные риски в зависимости от стадий законотворческого процесса, на которых они возникают. На этапе подготовки законопроекта преобладают риски, связанные с нарушением требований юридической техники, некорректным использованием терминологии, ошибками в структуре и логике нормативного текста, а также формальным характером пояснительных и обосновывающих материалов. На стадии экспертного и согласительного сопровождения

ключевыми становятся риски несоответствия версий законопроекта, недостаточной фиксации результатов правовой и антикоррупционной экспертизы, а также искажения выводов оценки регулирующего воздействия. В ходе парламентского рассмотрения и внесения поправок возрастает вероятность документационных рисков, связанных с управлением версиями, оформлением таблиц поправок и отсутствием прозрачной фиксации мотивов редакционных решений. Наконец, на этапе официального опубликования и постзаконодательного мониторинга проявляются риски, обусловленные техническими ошибками окончательной редакции, расхождениями между опубликованным и аутентичным текстом, а также недостаточностью документированной обратной связи от правоприменения.

В условиях цифровизации правотворческой деятельности документационные риски приобретают новые формы. Использование электронных систем документооборота и информационных ресурсов существенно ускоряет законодательный процесс, но одновременно усиливает требования к контролю версий, защите информации и корректности метаданных. Как подчеркивается в научных исследованиях, «цифровая среда не устраняет ошибок автоматически, а лишь трансформирует их, повышая требования к организационной и правовой дисциплине» [1, с. 3].

Аналогичные тенденции прослеживаются и в зарубежных правовых системах, где развитие цифровых инструментов законотворчества сопровождается формированием специальных механизмов документационного контроля и стандартизации подготовки нормативных актов.

В зарубежных правовых системах вопросам документационного обеспечения законотворческой деятельности также уделяется значительное внимание, поскольку качество подготовки нормативных правовых актов непосредственно влияет на эффективность правового регулирования и стабильность законодательства. Так, в государствах Европейского союза широко применяется институт оценки регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment), предусматривающий обязательное документирование целей правового регулирования, анализ возможных социально-экономических последствий и сопоставление альтернативных вариантов нормативного решения еще на стадии подготовки законопроекта. Указанный механизм рассматривается как

один из ключевых инструментов повышения качества законодательной деятельности и обеспечения обоснованности принимаемых правовых решений.

Наряду с этим в ряде государств активно внедряются стандартизированные цифровые форматы подготовки и сопровождения законодательных документов. В частности, в правовой системе Европейского союза применяется система European Legislation Identifier (ELI), обеспечивающая единый подход к идентификации и описанию нормативных актов посредством стандартизированных метаданных, что способствует упорядочению законодательных массивов и повышению доступности правовой информации [9, с. 57].

Дополнительное значение приобретает использование международных стандартов структурирования правовых документов. Одним из наиболее распространенных является стандарт Akoma Ntoso, представляющий собой специализированную XML-модель описания законодательных и парламентских документов, позволяющую формализовать структуру нормативных актов, отслеживать изменения их редакций и обеспечивать машиночитаемое представление правовых текстов.

Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует о том, что снижение документационных рисков в законотворческой деятельности достигается посредством институционализации процедур аналитического сопровождения законопроектов, стандартизации структуры законодательных документов и активного внедрения цифровых технологий управления нормативной информацией.

Дополнительным источником документационных рисков выступает несогласованность законотворческого процесса с действующей системой стратегического и программного регулирования. Законопроекты нередко разрабатываются вне увязки с документами стратегического планирования, государственными программами и концепциями развития отдельных сфер, что находит отражение в неполноте или формальности пояснительных материалов. В результате, как отмечается в научных исследованиях, «законодательное регулирование утрачивает системный характер и превращается в совокупность разрозненных норм» [8, с. 34]. Документационно это проявляется в отсутствии ссылок на стратегические документы, некор-

ректной постановке целей правового регулирования и слабой аргументации необходимости принятия нормативного акта.

Существенное значение имеют и риски, связанные с использованием шаблонных формулировок и заимствованных конструкций без учета специфики предмета регулирования. Подобная практика нередко приводит к появлению норм с неопределенным содержанием, расширительными или, напротив, чрезмерно ограничительными формулировками. В.А. Илюхина подчеркивает, что «унификация юридического языка не должна подменять собой смысловую точность и отраслевую специфику правового регулирования» [4, с. 69]. Документационные ошибки данного типа особенно опасны, поскольку формально текст может соответствовать требованиям юридической техники, но при этом содержать внутренние смысловые дефекты.

Отдельного внимания заслуживают риски, возникающие на стадии подготовки и внесения поправок ко второму и третьему чтениям законопроекта. На этом этапе документационная нагрузка существенно возрастает, поскольку, формируются таблицы поправок, альтернативные редакции статей, заключения профильных комитетов и правового управления. При недостаточной координации данных документов возрастает вероятность расхождений между текстом поправки и итоговой редакцией нормы. Как справедливо отмечается в доктрине, «поздние правки, не обеспеченные полноценным документационным сопровождением, являются одной из ключевых причин нестабильности законодательства» [11, с. 76].

В практике законотворчества также выявляются риски, связанные с недостаточной фиксацией мотивов принятия или отклонения предложенных изменений. Отсутствие документированного обоснования решений по поправкам затрудняет последующий анализ законодательной воли и негативно сказывается на качестве правоприменительной интерпретации нормы. Н.Н. Негматов указывает, что «непрозрачность принятия редакционных решений снижает предсказуемость правового регулирования и ослабляет доверие к закону» [6, с. 93]. В этом контексте документационные риски выходят за рамки технических проблем и приобретают институциональное значение.

Особую группу составляют риски, возникающие в процессе официального опубликования нормативных правовых актов. Ошибки в тексте, допущенные при подготовке окончательной

редакции, несоответствие опубликованной версии тексту, принятому законодательным органом, а также технические неточности в электронных базах данных способны существенно осложнить реализацию правовых норм. Как подчеркивается в научной литературе, «даже минимальные расхождения между официально опубликованным текстом и аутентичной редакцией могут породить коллизионные ситуации» [2, с. 121].

Не менее значимыми являются документационные риски, проявляющиеся на этапе постзаконодательного мониторинга и оценки эффективности правоприменения. Отсутствие систематизированных данных о практике применения норм, неполнота аналитических материалов и слабая связь между мониторингом и последующими законодательными изменениями снижают способность правовой системы к самокоррекции. В связи с этим Ю. Г. Арзамасов справедливо отмечает, что «качество законодательства определяется не только моментом его принятия, но и полнотой документированной обратной связи от правоприменения» [1, с. 4].

Рассмотренные факторы свидетельствуют о многоуровневой природе документационных рисков, охватывающих не только технологические параметры подготовки законопроектов, но и институциональные основы выработки решений. Результативное управление данными рисками достижимо исключительно через встраивание документационного контроля в единую архитектуру правотворчества, что означает смещение акцента с процедурной дисциплины на целенаправленное обеспечение качества нормативного содержания.

Снижение документационных угроз предполагает формирование целостной, риск-ориентированной модели документационной поддержки законодательной деятельности. Среди приоритетных направлений выделяются унификация структуры проектов и сопутствующей документации, закрепление контрольных этапов оценки качества, применение инструментов версионного учета, обязательная регистрация экспертных заключений и результатов согласительных процедур, наряду с развитием компетенций субъектов законотворчества в сфере юридической техники. Внедрение предложенных механизмов создает предпосылки для укрепления качественных характеристик нормативных актов и стабилизации правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Арзамасов Ю.Г. Новые цифровые технологии, применяемые в нормотворческой деятельности: плюсы и минусы / Ю.Г. Арзамасов // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 1.

2. Ахаева М.В. Технико-юридические ошибки в нормотворчестве / М.В. Ахаева // Альманах современной науки и образования. – 2016.

3. Белоусов С.А. Правотворческие ошибки и законодательный дисбаланс / С.А. Белоусов // Юридическая техника. – 2014.

4. Илюхина В.А. Конституционные принципы права как основа гражданского общества (на материалах российского и армянского права / В.А. Илюхина // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2021. – № 1.

5. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. – Москва, 2021.

6. Негматов Н.Н. Субъективные признаки юридических дефектов нормативных актов / Н.Н. Негматов, Г.М. Муртазина // Актуальные проблемы современной науки в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Душанбе, 2019.

7. Оценка регулирующего воздействия : метод. материалы // Официальный сайт Минэкономразвития России.

8. Об утверждении методики оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов... : Приказ Минэкономразвития России от 28.09.2023 № 676.

9. Семейное право : учебник / под ред. А.А. Демичева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2024.

10. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ.

11. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. 1 / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – Москва : Юрлитинформ, 2020.

12. Pilipenko A. Legistics as an Applied Legal Science / A. Pilipenko // Journal of Legislative Studies. – 2022.

Информация об авторе

Айнагуль Канаткалиевна Нуржанова – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, магистр юридических наук, старший преподаватель образовательной программы «Право» Западно-Казахстанского университета имени М. Утемисова, aina_ask@mail.ru.

Author

Ainagul Kanatkalievna Nurzhanova – Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law of the Volgograd State University, Master of Law, Senior Lecturer of the Educational Program «Law» of West Kazakhstan University Named after M. Utemisov, aina_ask@mail.ru.

УДК 343.21

О.В. Обернихина

ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРАВИЛО, ОСНОВАННОЕ НА КОНСТИТУЦИОННЫХ И ОТРАСЛЕВЫХ НАЧАЛАХ

В настоящей статье на основе доктринального анализа ст. 10 УК РФ и конституционных положений ст. 54 Конституции РФ исследуется правовая природа обратной силы уголовного закона. Автор обосновывает концепцию, согласно которой ретроактивность не является самостоятельным отраслевым принципом, а представляет собой специальное коллизионное правило темпорального действия закона, производное от конституционных предписаний.

Проведен анализ трудов А.Н. Барканова, А.М. Ерасова, А.Е. Якубова, А.И. Бойцова, А.А. Тилле, обосновывающих различные подходы к юридической природе данного института. Доказывается, что обратная сила уголовного закона выполняет инструментальную функцию, конкретизируя требования принципов законности, гуманизма, справедливости и равенства граждан перед законом. Аргументируется, что нормативное закрепление в самостоятельной статье Общей части УК РФ не трансформирует правило в принцип права. Формулируется вывод о коллизионной природе института обратной силы как подинститута действия уголовного закона во времени.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона; принципы уголовного права; действие закона во времени; гуманизм; справедливость; коллизионная норма.

O.V. Obernikhina

RETROACTIVE FORCE OF CRIMINAL LAW: A SPECIAL RULE BASED ON CONSTITUTIONAL AND SECTORAL PRINCIPLES

This article, based on a doctrinal analysis of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation and the constitutional

© Обернихина О.В., 2026

provisions of Article 54 of the Constitution of the Russian Federation, examines the legal nature of the retroactive force of criminal law. The author substantiates the concept according to which retroactivity is not an independent sectoral principle but rather a special conflict-of-laws rule governing the temporal operation of law, derived from constitutional prescriptions.

A critical analysis is conducted of the works by A.N. Barkhanov, A.M. Erasov, A.E. Yakubov, A.I. Boytsov, and A.A. Tille, who advocate different approaches to the legal nature of this institution. It is argued that the retroactive force of criminal law performs an instrumental function, giving effect to the requirements of the principles of legality, humanism, justice, and equality of citizens before the law. The article demonstrates that normative consolidation in a separate article of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation does not transform this rule into a principle of law. The conclusion is formulated regarding the conflict-of-laws nature of the retroactivity institution as a sub-institution within the framework of the temporal operation of criminal law.

Key words: retroactive force of criminal law; principles of criminal law; operation of law in time; humanism; justice; conflict-of-laws rule.

Вопрос о юридической природе обратной силы уголовного закона традиционно относится к числу наиболее дискуссионных в доктрине уголовного права. Принятие УК РФ 1996 г. и последующее конституционное закрепление правил ретроактивности (ч. 1 ст. 54 Конституции РФ) актуализировали полемику о месте этого института в системе уголовно-правового регулирования. В литературе сформировались два основных подхода. Согласно первому, обратная сила рассматривается как самостоятельный принцип уголовного права (А.Н. Барканов). Согласно второму, доминирующему в доктрине, ретроактивность представляет собой специальное правило (институт) действия закона во времени (А.М. Ерасов, А.И. Бойцов, А.А. Тилле, М.И. Блум).

В гносеологическом плане категория принципа сопоставима с категорией идеи, под которой понимается внутренняя логика, закон существования объекта, сущность явления [11, с. 76].

Принципы права – это руководящие идеи, определяющие содержание всей отрасли, ее «качественную характеристику». Они обладают свойством универсальности, пронизывают все

институты уголовного права и выполняют функцию непосредственного регулирования при пробелах в законе.

Напротив, институт обратной силы уголовного закона – это совокупность коллизионных норм. Как верно отмечал А.А. Тилле, темпоральные нормы традиционно рассматриваются юриспруденцией как коллизионные, определяющие выбор закона, с помощью которого должно быть урегулировано соответствующее общественное отношение [12, с. 50]. Сила закона, представляющая в своем содержании фактическую способность распространять свое действие на определенные события и действия, не есть требование следовать чему-либо [6, с. 88]. Соответственно, отождествление терминов «сила» и «принцип» этимологически и сущностно ошибочно.

Анализируя концепцию «обратной силы как принципа», предложенную А.Н. Барковым, следует отметить, что в качестве аргументов своей научной позиции автор руководствуется тремя основными тезисами:

1) законодатель выделил обратную силу в самостоятельную статью Общей части (ст. 10 УК РФ);

2) ст. 10 УК РФ определяет качественную характеристику уголовного закона;

3) содержательно обратная сила определяет необходимость ее учета при формировании и применении уголовного закона, выступая средством обеспечения прав личности [1, с. 15–16].

Представляется, что приведенные доводы свидетельствуют лишь о важности института, но не о его принципиальном статусе. Во-первых, выделение нормы в самостоятельную статью Общей части говорит о законодательной технике, но не о сущности явления. Многие институты (необходимая оборона, крайняя необходимость, добровольный отказ) закреплены в отдельных статьях, однако никто не признает их принципами права. Во-вторых, «качественная характеристика закона» – это не самостоятельная идея, а следствие соответствия закона принципам гуманизма и справедливости. В-третьих, как справедливо указывает А.М. Ерасов, «если и согласиться с применением термина «принцип» к правилам обратимости уголовного закона, то в современных условиях правильнее говорить о принципе придания обратной силы уголовному закону, устраняющему преступность деяния… но никак не о принципе

«обратной силы уголовного закона» [6, с. 88]. Рассматриваться он должен не в качестве принципа уголовного права в целом, а как принцип института действия уголовного закона во времени [2, с. 89; 6, 19; 12, с. 84].

Говоря о конституционной и отраслевой обусловленности правил обратной силы, отметим, что закрепление их в ч. 1 ст. 54 Конституции РФ имеет принципиальное значение. Конституционный запрет придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, и императивное требование применения нового закона в случае устранения или смягчения ответственности – это конституционное основание для отраслевого правила, но не принцип уголовного права. Конституционные положения адресованы законодателю, они устанавливают пределы его усмотрения.

А.Е. Якубов, анализируя историю вопроса, приходит к обоснованному выводу, что до принятия Конституции РФ 1993 г. в науке господствовала позиция о суверенном праве законодателя придавать закону обратную силу [15, с. 108], либо о допустимости исключений (М.Д. Шаргородский [13], Н.Д. Дурманов [5]). Однако с возведением этого правила в ранг конституционного законодатель утратил право на отступление от него. Тем не менее, конституционный уровень закрепления не трансформирует правило в отраслевой принцип. Он лишь придает правилу высшую юридическую силу в иерархии источников.

Говоря о функциональной роли обратной силы, отметим, что она конкретизирует требования отраслевых принципов в рамках правового института действия закона во времени [14, с. 245; 6, с. 89].

Соотношение с принципом законности. Принцип законности требует, чтобы преступность и наказуемость деяния определялись только законом, действовавшим во время его совершения (lex loci delicti commissi). Запрет обратной силы более строгого закона – это прямое следствие данной формулы. Иное понимание, как пишет А.И. Бойцов, не имеет ничего общего с принципом законности, поскольку «никому не дано обратить в прошлое регулятивный потенциал права» [4, с. 50]. В свою очередь, распространение обратной силы на более мягкий закон также продиктовано принципом законности: если государ-

ство отказалось от права на наказание, сохранение прежнего более строгого закона является нелогичным и недопустимым.

Соотношение с принципом вины. Лицо может нести ответственность лишь за деяние, общественная опасность и наказуемость которого охватывались его сознанием в момент совершения. А.Е. Якубов последовательно рассматривает институт обратной силы через призму субъективного вменения: при оценке действий лица может быть применен только такой закон, который охватывался сознанием этого лица в момент совершения им действий [15, с. 25]. Непридание обратной силы более строгому закону гарантирует, что лицо не будет наказано за нарушение запрета, о котором оно не могло знать. Здесь проявляется неразрывная связь презумпции знания закона и принципа вины.

Соотношение с принципом гуманизма и справедливости. Именно принципы гуманизма и справедливости являются этическим фундаментом для придания обратной силы более мягкому закону. А.Е. Якубов считает принцип гуманизма этическим обоснованием такого типа действия закона [15, с. 13, 15]. И.И. Карпец находил отвечающим общечеловеческим нравственным воззрениям принцип, согласно которому закон, устраняющий наказуемость или смягчающий ее, всегда имеет обратную силу [8, с. 13]. Следует согласиться с мнением С.П. Мокринского, что «исправление погрешности закона есть официальное признание его прежней несправедливости или недостаточности, которая засим, очевидно, практикуема быть не может» [10, с. 14]. Следовательно, обратная сила здесь выступает средством реализации, инструментом восстановления социальной справедливости, а не самостоятельной идеей.

Нельзя не отметить и то, что в юридической литературе справедливо отмечается, что нормы об обратной силе по своей природе являются коллизионными. Они не создают новых правил поведения, а разрешают конфликт между двумя или более законами, определяя, какой из них подлежит применению [7, с. 23; 9, с. 22]. Это еще одно важное отличие от принципов права, которые имеют регулятивный характер и определяют содержание правовых норм.

Ввиду специфической роли в правовом регулировании темпоральные нормы лишь обслуживают применение материальных норм. Их цель – обеспечить непротиворечивость пра-

вопримененения во времени, а не выразить сущностную характеристику уголовной ответственности. Как верно отмечают Э.Х. Эсенбулатова, С.Т. Ахмедханова и А.Г. Гаджиев, «саму же обратную силу уголовного закона… следует рассматривать только как один из типов действия закона во времени… В свою очередь, статью 10 УК РФ… можно рассматривать как подынститут в рамках определяемого статьями 9 и 10 УК РФ правового института действия уголовного закона во времени» [14, с. 245].

Таким образом, обратная сила уголовного закона не отвечает критериям, предъявляемым к отраслевым правовым принципам. Мы совершенно согласны с А.В. Наумовым в том, что принцип – это основополагающая идея, определяющая содержание всей отрасли, ее «внутреннюю логику» [11, с. 18].

При этом обратная сила уголовного закона – это специальное коллизионное правило, разрешающее временную конкуренцию уголовно-правовых норм. Данное правило носит производный, инструментальный характер. Оно не имеет самостоятельного нормативного содержания, отличного от содержания принципов законности, вины, гуманизма и справедливости. Ретроактивность закона есть способ (механизм) реализации этих принципов в конкретной правоприменительной ситуации.

Нельзя не согласить с мнением А.М. Ерасова о том, что правовая регламентация пределов обратной силы уголовного закона представляет в своем содержании конкретизацию их требований в рамках правового института действия уголовного закона во времени [6, с. 89].

Признание обратной силы правилом, а не принципом, имеет важное практическое значение. Это исключает возможность расширительного толкования ст. 10 УК РФ и не позволяет рассматривать данный институт в качестве источника для создания новых, не предусмотренных законом оснований смягчения ответственности. Он действует строго в пределах, установленных законодателем, и всегда подлежит проверке на соответствие конституционным началам.

Таким образом, обратная сила уголовного закона является специальным правилом, основанным на конституционном предписании и конкретизирующим отраслевые принципы, и именно в этом качестве она занимает свое место в механизме уголовно-правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Барканов А.Н. Обратная сила уголовного закона : дисс. ... канд. юрид. наук / А.Н. Барканов. – Саратов, 2000. – 22 с.

2. Бахрах Д.Н. Действие правовой нормы во времени / Д.Н. Бахрах // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 11–20.

3. Блум М.И. Обратная сила закона. Действие советского уголовного закона во времени / М.И. Блум, А.А. Тилле. – Москва : Юрид. лит., 1969. – 136 с.

4. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве / А.И. Бойцов ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1995. – 260 с.

5. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 320 с.

6. Ерасов А.М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права / А.М. Ерасов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 3 (260). – С. 75–89.

7. Иногамова-Хегай. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений : учеб. пособие / Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва : Инфра-М, 2002. – 169 с.

8. Карпец И.И. Уголовное право и этика / И.И. Карпец. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 256 с.

9. Медведев А.М. Пределы действия Уголовного кодекса Российской Федерации / А.М. Медведев ; под ред. В.П. Кашепова. – Москва, 1998. – 144 с.

10. Мокринский С.П. Новый закон и старые гарантии (О действии уголовного закона в пределах времени) // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – Март. – С. 10–21.

11. Наумов А.В. Реализация уголовного права и деятельность следователя : учеб. пособие / А.В. Наумов. – Волгоград, 1983. – 82 с.

12. Тилле А.А. Время, пространство, закон. Действие советского закона во времени и пространстве / А.А. Тилле. – Москва : Юрид. лит., 1965. – 203 с.

13. Шаргородский М.Д. Уголовный закон / М.Д. Шаргородский. – Москва : Юриздат, 1948. – 312 с.

14. Эсенбулатова Э.Х. Обратная сила уголовного закона и институт основополагающих принципов российского уголов-

ного права / Э.Х. Эсенбулатова, С.Т. Ахмедханова, А.Г. Гаджиев // Право и управление. – 2025. – № 1. – С. 241–246.

15. Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона / А.Е. Якубов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 127 с.

Информация об авторе

Олеся Валерьевна Обернихина – преподаватель кафедры уголовного-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, Кузбасского института ФСИН России, Olesia.Obernihina@ yandex.ru.

Author

Olesya Valerievna Obernikhina – Lecturer of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Execution of Sentences Not Involving Isolation of Convicts from Society of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Olesia.Obernihina@yandex.ru.

УДК 347.7

А.В. Плотникова

ОРИГИНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТОРГОВОГО ПРАВА: ОБЫЧНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО И КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО

Проблема понимания и определения места дореволюционного торгового (коммерческого) права в юридической науке является дискуссионной и сохраняет свою актуальность по сей день по нескольким причинам. Прежде всего, связанным с историческим опытом, теоретическим наследием и практическими потребностями современного правового регулирования. В данной статье акцент сделан на оригинальных доктринах торгового права – обычного торгового права и космополитического торгового права, в основу которых легли труды великих русских цивилистов Д.И. Мейера, А.Х. Гольмстена и Н.О. Нерсесова Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что они соединили исторический, догматический и практический подходы, позволяющих глубже анализировать торговые институты, сформировали теоретико-методологическую основу для изучения торговых отношений через призму гражданского права.

Ключевые слова: торговое право; доктрина; договор; закон; гражданское право; государство; законодатель.

A.V. Plotnikova

ORIGINAL CONCEPTS OF PRE-REVOLUTIONARY TRADE LAW: COMMON TRADE LAW AND COSMOPOLITAN TRADE LAW

The problem of understanding and determining the place of pre-revolutionary trade (commercial) law in legal science is controversial and remains relevant to this day for several reasons. First of all, it is related to historical experience, theoretical heritage, and practical needs of modern legal regulation. This article focuses on the original doctrines of commercial law – customary commercial law and cosmopolitan commercial law, which are based on the

© Плотникова А.В., 2026

works of the great Russian civilists D.I. Meyer, A.Kh. Holmsten, and N.O. Nersesov. The analysis of these studies allows us to conclude that they combine historical, dogmatic, and practical approaches, which allow for a deeper analysis of commercial institutions and form a theoretical and methodological basis for studying commercial relations through the lens of civil law.

Key words: commercial law; doctrine; contract; law; civil law; state; legislator.

Интересна и самобытна, на наш взгляд, концепция обычного торгового права, разработанная в трудах Д.И. Мейера и А.Х. Гольмстена Основоположник российской цивилистики Мейер Д.И. (1819–1856) в своем труде, посвященном исследованию торгового быта Одессы, впервые дал научное юридическое обоснование русскому обычному торговому праву [4]. С одной стороны, ученный рассматривал три сферы обычного права: морского страхования, договора комиссии и веселя. С другой стороны, обосновал, выявленные обычаи в торговом обороте Одессы с правовой точки зрения: «выдаваемое за обычай юридическое понятие содержит в себе действительно все принадлежности обычного права» [4, с. 11]. Но при этом отмечает неуклонное стремление законодательной власти к всеобъемлющему регулированию юридической сферы и замене обычая законом. Вместе с этим, исследователь отводит большую роль в судебной практике торговому обычаю, указывая, при этом, что «сторона, на нем [обычае] основывающая или им подкрепляющее право, указывает судьям на обычай или сами суды признают его в данном деле» [4, с. 10]. Д.И. Мейер указывает на важность торгового обычая в системе источников торгового права и его замена на нормативные акты не является приоритетной стороной законодателя поскольку является равноправным источником наравне с договором. С этой точкой зрения согласен В.А. Белов: «Торговый обычай – один из источников торгового права, как минимум равноправный закону и частному договору, а как максимум и приоритетный перед ними» [1, с. 49].

Большой отклик работа Д.И. Мейера получила у русского цивилиста конца XIX – начала XX в. А.Х. Гольмстена (1848–1920), который считал, что «Исследование это и посейчас не имеет себе подобного в нашей литературе торгового права и сохранило большую научную цену» [2, с. V]. Более того,

А.Х. Гольмстен призывал к дальнейшей разработке концепции торгового обычного права, что вылилось в написание работы «Очерки по русскому торговому праву», где он подверг резкой критике работы П.П. Цитовича и Г.Ф. Шершеневича, посчитав, что цивилисты «забывают, что от них требуется не бытовое описание, а юридическая квалификация и конструкция занимающих их явлений» [3, с. 1]. Не соглашается с их мнением об отсутствии норм русского торгового права из-за неразвитости торговли. В обосновании своей идеи русского обычного торгового права приводит доводы о высоком уровне развития внутренней и внешней торговли, которая осуществляется не только на основании договорных норм, но и на основе обычно-правовых норм при отсутствии в этом случае гражданского закона. Поэтому главную задачу, которую он ставит перед законодателем – это собрать и обнародовать торговые обычаи, а до тех пока это не будет сделано, говорить о самостоятельности науки торгового права не стоит. На этом основании, по мнению правоведа, торговое право есть отрасль права гражданского, одна из его специальных отраслей. Это одна из специальных его отраслей, что частные правоотношения, которыми занимается гражданское право, в торговом праве исследуется лишь постольку, поскольку они подвергаются изменению, упрощаются сообразно потребностям и условиям торгового оборота. Торговое право исследует жизненные отношения посредством тех юридических норм, которыми эти отношения определяются; оно оперирует над нормами – законами и обычными правилами, что выделяет его в особую отрасль право гражданского». Вместе с тем, положения, выработанные обычным правом, успешно применяются и в гражданском праве.

Заслуживает также внимание подход первого профессора торгового права в Императорском Московском университете Н.О. Нерсесова (1848–1894) к пониманию и определения места торгового права с его идеей об универсальности последнего. В своем исследовании он признает за торговым правом значение самостоятельности системы права, но при этом различия торгового и гражданского права находит в их солидарности, так торговое право относится к гражданскому как понятие видовое к родовому, специальное право к общему [5, с. 9, 10]. Гражданское право каждого народа образуется под влиянием национальных и местных особенностей, поэтому оно по своему характеру

национально. Основные черты торгового права – это космополитичность, свобода и точность торговых сделок. Торговля соединяет все народы в одно экономическое целое без различий.

Таким образом, исследование доктринальных взглядов великих русских правоведов послужили в дальнейшем основой для формирования теоретической базы развития российской науки коммерческого права, продемонстрировали взаимодействие обычного торгового права и официальных норм, соединили европейскую правовую традицию с потребностями российского торгового оборота.

Список использованной литературы

1. Белов В.В. Заслуги Дмитрия Ивановича Мейера в научной разработке русского торгового права / В.В. Белов // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019.– Т. 161. – Кн. 4. – С. 44–58.

2. Гольмстен А.Х. Дмитрий Иванович Мейер, его жизнь и деятельность / А.Х Гольмстен // Мейер Д.И. Русское гражданское право. – Санкт-Петербург : Тип. Д.В. Чичинадзе, 1902. – С. I–XVI.

3. Гольмстен А.Х. Очерки по русскому торговому праву / [Соч.] А.Х. Гольмстена, орд. проф. Воен.-юрид. акад. – Санкт-Петербург : тип. Д.В. Чичинадзе, 1895. – Вып. 1. – 1895. – 210 с.

4. Мейер Д.И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы / Д.И. Мейер. – Казань : издание книгопродавца И. Дубровина, 1855. – 46 с.

5. Нересесов Н.О. Торговое право : лекции 1886/7 г. / Н.О. Нерсесов. – Москва : [б. и.], 1887. – 456 с.

Информация об авторе

Александра Владимировна Плотникова – доцент кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, aleksanklyu@yandex.ru.

Author

Alexandra Vladimirovna Plotnikova – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Ph.D. in law, Associate Professor, aleksanklyu@yandex.ru.

УДК 342.8, 34.05

В.Е. Подшивалов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС

В статье исследуется законодательство о выборах Российской Федерации и некоторых государств из числа ее ближайших соседей (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) на предмет регулирования перечня форм и методов предвыборной агитации, а также учета в законодательстве специфических черт современных способов предвыборной агитации, в том числе социальных сетей.

Ключевые слова: выборы; избирательное законодательство; Евразийской экономический союз; предвыборная агитация; формы агитации; методы агитации.

V.E. Podshivalov

LEGISLATIVE REGULATION OF FORMS AND METHODS OF ELECTION CAMPAIGNING IN THE EAEU MEMBER STATES

The article examines the election legislation of the Russian Federation and some of its closest neighboring states (Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan) in terms of regulating the list of forms and methods of election campaigning, as well as taking into account in legislation the specific features of modern methods of election campaigning, including social networks.

Key words: elections; electoral legislation; Eurasian Economic Union; pre-election campaigning; forms of campaigning; methods of campaigning.

Между государствами-участниками Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[1], который первоначально создан Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Фе-

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: http://pravo.gov.ru. 2015.

© Подшивалов В.Е., 2026

дерацией, а также присоединившиеся к Союзу позднее Кыргызская Республика[1] и Республика Армения[2], осуществляется в первую очередь экономическое взаимодействие, но также и развиваются и иные связи, в том числе предполагающие гармонизацию законодательства на основе общих подходов. Это обусловлено не только общей историей государственного строительства во времена существования Советского Союза, но также естественными целями поддерждания добрососедских отношений, взаимопонимания хода общественных процессов.

Законодательство Российской Федерации о предвыборной агитации, представленное прежде всего Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[3] (глава VII) и основанные на нем иные федеральные законы, во-первых, не вполне последовательно используют термины «форма предвыборной агитации» и «метод предвыборной агитации». Как таковые формы предвыборной агитации не раскрываются, а незакрытый перечень методов дан в пункте 3 статьи 48: агитация на каналах организаций телерадиовещания, в периодических печатных и сетевых изданиях; посредством агитационных публичных мероприятий; путем распространения печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов (в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). Анализ данного перечня ясно показывает, с одной стороны, сочетание традиционных методов воздействия на общественное мнение и современных, а с другой стороны, отсутствие определенного классификационного основания, в результате чего, например, материалы, размещенные в социальных сетях, относятся к «аудиовизуальным» агитационным материалам, хотя для потребителя ничем не отличаются от материалов, размещенных в «сетевых изданиях».

---

[1] Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 38. Ст. 5213.

[2] Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 8. Ст. 1107.

[3] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации.2002. № 24. Ст. 2253. URL: http://pravo.gov.ru.

Рассмотрим зарубежный опыт в этой части в некоторых странах ЕАЭС.

Избирательный кодекс Республики Беларусь[1] использует термин «метод» применительно совершению избирательных действий (статья 4), но применительно к предвыборной агитации термины «форма» и «метод» не используются. Тем не менее, анализ главы 10 Избирательного кодекса Республики Беларусь показывает, что субъектам предвыборной агитации предоставляется право свободного и всестороннего *обсуждения предвыборных программ* кандидатов, проведения агитации *на собраниях, митингах*, в *средствах массовой информации*, *глобальной компьютерной сети Интернет*, а также во время *встреч с избирателями* (часть 1 статьи 45), а также предоставляется право изготавливать агитационные материалы,включая печатные (части 11, 12 той же статьи). Эти положения подробнее раскрыты в статье 45-1 о проведении массовых мероприятий, а также статье 46 об использовании средств массовой информации. В части размещения материалов в сети «Интернет» упомянуто только право кандидатов на некоторые должности на бесплатное размещение своей предвыборной программы на официальном сайте соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа в глобальной компьютерной сети Интернет в специальной рубрике, посвященной выборам (часть 13 статьи 46). Таким образом, законодательство Республики Беларусь регулирует только традиционные методы предвыборной агитации, обходя вниманием современные.

В Республике Казахстан общее регулирование предвыборной агитации осуществляется Конституционным законом Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» (первоначально издан в форме указа)[2]. В его статье 27 содержится перечень способов, которыми осуществляется предвыборной агитации, которые не характеризуются ни термином «форма», ни термином «метод». Так, предвыборная агитация осуществляется: 1) через средства массовой информации; 2) путем проведения публичных предвыборных мероприятий, публичных

[1] Избирательный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 года № 370-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 2000. № 6. Ст. 47.

[2] Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_ (дата доступа: 20.03.2026)

предвыборных дебатов и дискуссий, митингов, шествий, демонстраций и иных предвыборных мероприятий, а также личных встреч с избирателями (выборщиками); 3) путем выпуска и (или) распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов; 4) посредством онлайн-платформ.

Как видим, в целом перечень имеет много общих черт с соответствующим российским, но дополнен новым самостоятельным элементом – онлайн платформами. Для их пользователей сформулировано специфическое требование – воздерживаться от публикации агитационных материалов и иной информации, заведомо порочащих честь, достоинство и деловую репутацию кандидата или политической партии; предоставлять указанным лицам возможность бесплатного опубликования опровержения в защиту их чести, достоинства и деловой репутации (часть 7-1 статьи 27), а также право на договорной основе предоставлять объем информации для публикации агитационных материалов зарегистрированным кандидатам и политическим партиям, выдвинувшим партийные списки (часть 3 статьи 28) на основании единых расценок. По сути, деятельность пользователей онлайн-платформ в Казахстане по время выборов подчиняется тем же принципам, что и деятельность сетевых изданий в Российской Федерации.

В Кыргызской Республике Конституционный закон «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики»[1] использует термин «форма предвыборной агитации» в том же значении, что и термин «метод», используемый в российском Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», называя: 1) средства массовой информации; 2) агитационные публичные мероприятия (митинги, собрания, телевизионные дебаты и иные), за исключением концертов, театрализованных представлений и спортивных мероприятий; 3) выпуска и распространения печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов; 4) иные не запрещенные Законом формы (часть 13 статьи 22). Отдельно регулируются проведение пред-

[1] О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики : Конституционный закон Кыргызской Республики от от 2 июля 2011 года № 68. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/203244/edition/1273870/ru (дата доступа: 20.03.2026).

выборной агитации на телевидении и радио (статья 24), через печатные средства массовой информации и интернет-издания (статья 25), проведение массовых мероприятий (статьия 26), а также распространение печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов (статья 27), при этом социальные сети и иные подобные средства распространения информации не упоминаются. Таким образом, законодательство Кургызской Республики, как и Республики Беларусь, сосредоточено в основном на традиционных методах предвыборной агитации.

Подводя итог изложенному краткому анализу законодательства Российской Федерации и ее ближайших соседей, следует сделать вывод, что несмотря на объективно назревшую необходимость полноценного регулирования ведения предвыборной агитации не только традиционными, но и современными методами, законодатель не спешит предусмотреть специальное регулирование и ограничивается традиционным подходом с точечными уточнениями.

Информация об авторе

Владимир Евгеньевич Подшивалов – заместитель директора Института правовых исследований Байкальского государственного университета; член Избирательной комиссии Иркутской области с правом решающего голоса, кандидат юридических наук, helgon@yandex.ru.

Author

Vladimir Evgenievich Podshivalov –Deputy Head of the Legal Research Institute of the Baikal State University; Member of the Electoral Commission of Irkutsk Region With a Decisive Vote, Candidate of Law, helgon@yandex.ru.

УДК 342.1

С.В. Праскова

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ (СТАБИЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ) СУБЪЕКТОВ В КОНСТИТУЦИЯХ ФЕДЕРАЦИЙ МИРА

Автор утверждает, что необходимой характеристикой субъектов федерации является качественное состоянии из территории, которое он характеризует как территориальную целостность (стабильность территории). Выдвигается гипотеза, что оно должно находить свое выражение в качестве конституционного принципа федеративного устройства. Однако сравнительный анализ конституций современных федераций мира показал, что такой принцип не закрепляется. Единственным исключением являются положения Конституции Мексики. Автор делает вывод, что территориальная целостность субъектов федерации находит свое юридическое выражение в иной форме – закреплении гарантий недопустимости произвольного изменения их территории.

Ключевые слова: территория; границы; стабильность; целостность; принцип.

S.V. Praskova

FIXING THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY (TERRITORIAL STABILITY) OF SUBJECTS IN THE CONSTITUTIONS OF THE FEDERATIONS OF THE WORLD

The author argues that a necessary characteristic of the subjects of the federation is the qualitative state of the territory, which he characterizes as territorial integrity (stability of the territory). The hypothesis is put forward that it should find its expression as a constitutional principle of the federal structure. However, a comparative analysis of the constitutions of modern federations of the world has shown that this principle is not fixed. The only exception is the provisions of the Mexican Constitution. The author concludes that the territorial integrity of the subjects of the federation finds its legal expres-

© Праскова С.В., 2026

sion in another form – the consolidation of guarantees of the inadmissibility of arbitrary changes in their territory.
Key words: territory; borders; stability; integrity; principle.

Для федеративного государственного устройства характерна двойственность неотъемлемых характеристик государства: системы органов власти, системы нормативных актов, системы налогов и пр. Не является исключением в этом плане и территория, поскольку территория федерации включает территории ее субъектов. Как и прочие характеристики, двойственность территории требует юридического закрепления на самом высоком – конституционном – уровне. При этом важнейшее значение, на наш взгляд, имеет юридически гарантированная недопустимость произвольного изменения территории субъекта федерации, которую предлагается именовать территориальной целостностью или стабильностью территории субъекта федерации.

Территориальная целостность (стабильность территории) субъекта федерации – это качественное состояние его территории, при котором обеспечивается ее единство посредством юридических гарантий недопустимости самовольного (без соблюдения установленного порядка) или произвольного (без согласия самих субъектов федерации) ее изменения [1, с. 1398].

Данная категория не является общепризнанной в мировой науке конституционного права. Однако автором ранее высказано и аргументировано мнение, что для субъектов федерации, как государство-подобных образований, она необходима [1]. Территориальность субъекта федерации имеет иную природу, чем территориальность государства. При характеристике такого качественного состояния, на наш взгляд, предпочтительно использовать термин «стабильность территории субъекта федерации». Это позволит избежать двусмысленности. Но в силу достаточно распространенной терминологии нормативных правовых актов в Российской Федерации [1, с. 1391–1392] чаще употребляется термин «территориальная целостность». В рамках настоящего исследования они будет пониматься как синонимы.

Учитывая значение территории для любого публично-правового образования, стабильность территории субъектов федерации должна находить свое юридическое выражение, прежде всего, в качестве принципа. Под конституционно-правовыми

принципами понимаются идеи, которые имеют фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, и в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительное положение, являющее плодом научной мысли [2, с. 166]. Так обеспечение территориальной целостности государства является одной из центральных идей современной системы государств (Вестфальской системы). Вряд ли сейчас найдется хотя бы одно государство, которое в своей конституции не закрепило этот принцип.

Следуя этой логике, стабильность территории субъекта федерации должна быть определена в качестве конституционного принципа федеративного устройства. Условно его можно сформулировать следующим образом: «территория субъекта федерации не может быть изменена без согласия всех заинтересованных в этом субъектов федерации, а также одобрения федерацией» [3, с. 89]. Однако этот тезис нуждается в проверке.

К сожалению, сравнительный анализ конституций современных федераций мира опровергает эту гипотезу. В качестве принципа федеративного устройства стабильность территории субъектов федерации практически не закрепляется.

Интересное положение закреплено в ст. 109 Конституционной декларации Республики Судан[1]: границы штатов остаются такими же, какими они были на момент вступления в силу Конституции. Однако толковать эту норму нужно в контексте политической ситуации. Конституционная декларация принята как временный акт в результате военных переворотов и на настоящий момент фактически не действует. Закрепление данного положения было призвано отразить лишь преемственность ранее существовавшего территориального деления, но не стабильность территорий субъектов федерации.

Еще больший интерес представляет положение статьи 45 Конституции Мексики[2], предусматривающее, что штаты Федерации сохраняют свою нынешнюю территорию и границы

[1] Конституционная декларация Республики Судан 2019 года // Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Sudan_2019 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Конституция Мексиканских Соединенных Штатов 1917 (в ред. 2015 г.) // Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Mexico_2015 (дата обращения: 01.03.2026).

до тех пор, пока в отношении их не возникнут споры. В статье 46 также имеется минимальное регулирование процедуры изменения территории штатов, подразумевающее необходимость получения их согласия. При системном толковании этих положений, пожалуй, можно говорить о закреплении принципа территориальной целостности субъектов федерации.

Однако этот пример в мировой практике является единственным.

От закрепления принципа стабильности территории субъекта федерации следует отличать положения конституций, тем или иным способом определяющие территорию субъектов федерации на момент образования (преобразования) федерации. Например, часть 2 статьи 1 Конституции Малайзии[1] закрепляет перечень штатов, входящих в состав федерации, а часть 3 той же статьи предусматривает, что территориями каждого из штатов являются те территории, которые данный штат занимал непосредственно перед Днем независимости. Однако, не смотря на размещение в самой первой статье Конституции, данная норма носит лишь констатирующий характер. Схожее регулирование закреплено в разделе 6 «охватывающих положений» Конституционного акта Австралии[2]. Эти положения имеют большое значение для определения состояния политико-территориального устройства на момент первичного формирования (преобразования) федерации, но не означают невозможности его изменения. Также они не предназначены для отражения динамики федеративного устройства.

Более ярко это выражено в Конституции Федеративной Демократической Республики Непал[3], часть 3 статьи 56 которой закрепляет, что на момент вступления в силу Конституции в Непале существовали провинции и районы, а приложение 4 содержит состав территории провинций посредством перечисления районов, входящих в них. Однако и в этом случае имеет место лишь

---

[1] Конституция Малайзии 1957 года (в ред. 1996 г.) // Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Malaysia_1996 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Конституционный акт Австралийского Союза 1901 года (в ред. 1985 г.) // Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Australia_1985 (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Конституция Федеративной Демократической Республики Непал 2015 года // Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015 (дата обращения: 01.03.2026).

фиксация территориального деления на момент принятия конституции, но нет требований к порядку его изменения.

Схожее и еще более подробное регулирование закреплено в Конституции Федеративной Республики Нигерия[1], статья 3 которой закрепляет полный перечень штатов, а приложение 1 содержит перечень территорий местного самоуправления, входящих в состав штата, и его административный центр. В этом регулировании интересно то, что отсутствует привязка ко времени принятия Конституции. Это позволяет предположить, что изменение территории штатов будет отражено непосредственно в тексте Конституции. В таком случае это конституционное регулирование следует расценивать как учет текущего состояния территорий субъектов федерации. Но и в этом случае речь не идет о закреплении принципа территориальной целостности субъектов федерации.

Стабильность территории субъекта федерации в качестве конституционного принципа подразумевает не столько констатацию состояния внутрифедеральных границ, сколько недопустимость их изменения вне специальной процедуры. В этом плане, к сожалению, к конституционному закреплению данного принципа приблизилась лишь Мексика. Это и является, на наш взгляд, основной причиной спорности существования рассматриваемой категории.

Отрицательный результат данного сравнительно-правового исследования не означает, что к территории субъектов федерации неприменима такая качественная характеристика как целостность. Дело в том, что стабильность территории н субфедеральном уровне в конституциях государств выражается иначе – путем закрепления гарантий согласования территориальных изменений между федерацией и заинтересованными субъектами (населением). И такие правила зафиксированы в большинстве конституций федераций мира. Однако их сравнительный анализ составляет предмет самостоятельного исследования.

[1] Конституция Федеративной Республики Нигерия 1999 года // Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nigeria_1999#s1 (дата обращения: 01.03.2026).

Список использованной литературы

1. Праскова С.В. О территориальной целостности субъекта Российской Федерации / С.В. Праскова // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 4. – С. 1389–1400.

2. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – Москва : Юристъ, 2001. – 254 с.

3. Праскова С.В. Принцип стабильности территории субъекта Российской Федерации и его гарантии / С.В. Праскова // Принципы права: общетеоретические и отраслевые аспекты : материалы межвуз. «круглого стола», Иркутск, 25 марта 2011 г. / под ред. И.А. Минникеса, Ю.В. Виниченко. – Иркутск, 2011. – С. 88–92.

Информация об авторе

Светлана Васильевна Праскова – старший научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, savap@mail.ru.

Author

Svetlana Vasilievna Praskova – Scientific Research Institute of the Baikal State University, Ph.D. in Law, Associate Professor, savap@mail.ru.

УДК 340.12

А.А. Пятков

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В УЧЕНИИ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Изучение права М.М. Ковалевский связывал с исследованием истории общества путем ряда методов, одним из которых является сравнительно-исторический. Ценность и практическая направленность указанного метода, как считает мыслитель, заключается в возможности сопоставления различных норм права, с целью определения закономерностей развития, а также выявления обоснованности юридических норм и их логичности в соответствии с историческим периодом. Описывая указанный метод, автор отмечает специфику его применения: для адекватного анализа объекты сравнения должны находится на равных стадиях общественного развития; заимствование правовых норм должно происходить с учетом индивидуального исторического пути и особенностей социума. Ученый полагал, что дальнейшее развитие сравнительно-исторического метода способно привести к построению новой науки – истории естественного роста человеческих обществ.

Ключевые слова: сравнительно-исторический метод; М.М. Ковалевский; сравнительное правоведение.

A.A. Pyatkov

THE COMPARATIVE HISTORICAL METHOD IN THE TEACHING OF M.M. KOVALEVSKY

M.M. Kovalevsky connected the study of law with the study of the history of society through a number of methods, one of which is comparative historical. The value and practical orientation of this method, according to the thinker, lies in the possibility of comparing various legal norms in order to determine the patterns of development, as well as to identify the validity of legal norms and their consistency in accordance with the historical period. Describing this method, the author notes the specifics of its application: for an adequate analysis, the objects of comparison should be at equal

© Пятков А.А., 2026

stages of social development; the borrowing of legal norms should take into account the individual historical path and the characteristics of society. The scientist believed that the further development of the comparative historical method could lead to the construction of a new science – the history of the natural growth of human societies.

Key words: comparative historical method; M.M. Kovalevsky; comparative jurisprudence.

Считая право составной частью политической, экономической и духовной жизни общества, М.М. Ковалевский связывал изучение действующего права и его дальнейшее развитие с исследованием истории социума. «Только при помощи истории можно ответить на вопрос, в какой мере данное право является продуктом всего предшествующего наслоения юридических норм, и что в нем продолжает стоять в согласии или противоречии с намеченными жизнью решениями», – утверждает автор [5]. Данное изучение возможно по М.М. Ковалевскому посредством ряда методов, подробно сформулированных и примененных на практике им самим [2; 4]. Отдельного внимания заслуживает сравнительно-исторический метод, характеризуемый ученым, как «параллельное изучение общественной эволюции различных народов, древних и современных, которое должно, в конечном счете, дать общую формулу поступательного движения общественной жизни» [3, с. 19].

Рассуждая о значении указанного метода, автор отмечает, что «его применение, не ведя к открытию новых фактов юридической жизни, одно способно дать научное объяснение уже установленным фактам» [1, с. 26]. Сравнительно-исторический метод объясняет взаимную согласованность юридических норм, какие из них не отвечают своему времени, а какие являются «задатком будущего» [5]. В этом заключается практическая польза и обоснованность применения метода.

Описывая данный метод, автор предостерегает от простого сравнения институтов двух далеких друг от друга народов в плане их общественного развития. Подобное сравнение именуется М.М. Ковалевским как «сопоставление». Действительно, сопоставление может быть интересным и занятным, что отмечает сам ученый, но «никакого научного значения не имеет и иметь не может» [1, с. 5]. «Цель всякого научного сопоставления, – утверждает автор, – состоит в том, чтобы выделить об-

щие черты явления, ввиду установления его действительной природы» [5]. Для этого необходимо, что бы стадии развития объектов исследования были тождественны друг другу.

Помимо бессмысленности простого сравнения разных объектов, М.М. Ковалевский говорит о вредности такого метода. В случае подобного сопоставления нередко делается вывод, что «одно абсолютно хорошо, а другое абсолютно дурно; что одно поэтому должно быть всюду введено, а другое отовсюду вытеснено» [1, с. 9]. Слепо копируя учреждения и нравы, часто упускается из виду исторический путь, пройденный народом, его традиции и особенности развития. Примером может служить Франция первой половины XIX века. М.М. Ковалевский утверждает, что попытка перенять английскую конституцию – это «логическая ошибка, которая для своего исправления потребовала революций 30 и 48 года». Ученый полагает, что заимствование возможно в том случае, когда объекты сравнения находятся на одной ступени общественного развития, а весь предшествующий ход истории благоприятствует этому. В противном случае нововведение в результате «окажется мертвым и бесполезным» [5].

М.М. Ковалевский считал, что сравнительно-исторический метод в дальнейшем способен сформироваться в отдельную дисциплину – историю естественного роста человеческих обществ [1, с. 22]. Исследователи будущего с помощью данной дисциплины, смогут вывести государственные и мировые законы развития правовых отношений.

Таким образом М.М. Ковалевский убежден, что применение сравнительно-исторического метода с учетом перечисленных особенностей его использования, дает исследователю ключ к открытию закономерностей развития права и приведению действующего права к его оптимальному состоянию.

Список использованной литературы

1. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права / М.М. Ковалевский. – Москва, 1880. – 72 с.

2. Ковалевский М.М. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений (вступитель-

ная лекция к курсу сравнительной истории права) / М.М. Ковалевский // Юридический вестник. – 1878. – № 1. – С. 3–24.

3. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М.М. Ковалевский. – Санкт-Петербург, 1895.

4. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении / М.М. Ковалевский. – Т. 1 – Москва, 1886 – 340 с.; Т. 2. – Москва, 1886. – 410 с.

5. Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии: Методы сравнительного изучения права / М.М. Ковалевский // Сборник по общественно-юридическим наукам ; под ред. Ю.С. Гамбарова. – Санкт-Петербург, 1899. – Вып. 1. – С. 1–29. – URL: https://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_sravnitelno_istoricheskoe_pravovedenie.html (дата обращения: 10.02.2026).

Информация об авторе

Александр Александрович Пятков – командир взвода следственного факультета Омской академии МВД России, alexandr.pyatkov99@mail.ru.

Author

Alexander Alexandrovich Pyatkov – Platoon Commander of the Investigative Faculty of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, alexandr.pyatkov99@mail.ru.

УДК 343.9

А.Л. Репецкая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ КРИМИНАЛЬНЫМ РЫНКАМ

Современные криминальные рынки в основном имеют транснациональный характер, поскольку их функционирование связано с перемещением товаров, людей, информации и денег (криптовалюты) через границы государств. Противодействие таким рынкам требует новых подходов в современных условиях. Эффективным представляется согласование действий государств, внутри определенных их союзов типа БРИКС или ШОС, которые находятся в одном экономическом поле, сотрудничают, имеют сходные приоритеты развития и гуманитарные ценности. Это позволит унифицировать меры противодействия, создаст возможности для нейтрализации хотя бы части факторов, детерминирующих развитие таких рынков. К числу мер может относится: разработка законодательства, предусматривающего ответственность за совершение унифицированных преступлений в цифровой среде; цифровизация процесса выявления и наказания преступников; жесткое правовое регламентирование оборота криптовалют, и другие меры.

Ключевые слова: криминальные рынки; транснационализация; противодействие; цифровизация; криптовалюта.

A.L. Repetskaya

MAIN DIRECTIONS OF COUNTERING TRANSNATIONAL CRIMINAL MARKETS

Modern criminal markets are mainly transnational in nature, since their functioning is associated with the movement of goods, people, information and money (cryptocurrencies) across state borders. Countering such markets requires new approaches in modern conditions. It seems effective to coordinate the actions of states within certain unions such as the BRICS or the SCO, which are in the same economic field, cooperate, have similar development

© Репецкая А.Л., 2026

priorities and humanitarian values. This will make it possible to unify counteraction measures and create opportunities to neutralize at least some of the factors that determine the development of such markets. These measures may include the development of legislation that provides for liability for committing unified crimes in the digital environment; the digitalization of the process of identifying and punishing criminals; strict legal regulation of the circulation of cryptocurrencies, and other measures.
Key words: criminal markets; transnationalization; counteraction; digitalization; cryptocurrency.

Криминальный рынок как структурный элемент теневой экономики создает собственное экономическое и социальное пространство, обеспечивая себя необходимой инфраструктурой: коммуникациями, информацией, другими видами сервиса. Глобальным процессом, повлиявшим на всю экономическую жизнь общества во всем мире, в последние годы стали: с одной стороны бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, детерминируемое глобальной цифровизацией в различных сферах общественной жизни; а с другой – пандемия COVID-19, которая не только изменила содержание структурных элементов криминального рынка, но и многие его сегменты переместила в виртуальное пространство.

В этой связи функционирование криминальных рынков разной направленности совершенно изменилось, многие материальные процессы обеспечения их работы (поиск клиентов, предложение и выбор товаров и услуг, их оплата) перешли в интернет-пространство, которое стерло границы государств. В результате подавляющее большинство криминальных рынков приобрели транснациональный характер.

Значительно способствовало развитию транснационализации криминальных рынков и сложная международная обстановка, сложившаяся на евро-азиатской территории, начиная с 2022 года. Военные действия на Украине, множественные санкции в отношении России, Китая и других стран, связанных экономическим сотрудничеством, которые ограничили торговый оборот, транспортное сообщение, обмен финансовыми потоками – привели к развитию транснациональных негативных процессов, в результате которых потребителям предоставляются товары и услуги, находящиеся за рамками легальных рынков [1].

Параллельно развивались процессы, способствующие получению и легализации прибыли, а также развитию новых сегментов внутри традиционных криминальных рынков. Эти изменения коснулись всех структурных элементов, в числе которых: криминальный рынок рабочей силы, товаров и услуг.

В настоящее время практически все виды преступных доходов отмываются с использованием криптовалют. Эти действия варьируют от легализации доходов, уже находящихся в цифровой форме, до преобразования огромных сумм наличных денег в виртуальные активы. Сети по отмыванию денег предоставляют свои услуги другим преступным сетям, которые могут включать приобретение или торговлю криптовалютами, легализацию преступных активов и обналичивание средств со счетов преступников. В конечном счете профессиональные сети по отмыванию денег позволяют действовать другим преступным сетям.

При обслуживании нужд криминального рынка, коррупционные услуги необходимы для защиты от разных форм социального контроля, и прежде всего от контроля со стороны налоговых и правоохранительных органов; при подавлении конкуренции как со стороны легальных, так и нелегальных субъектов экономической деятельности; при получении доступа к закрытой коммерческой информации, необходимой например, при производстве контрафактной продукции и т.д.

Вооруженные конфликты, сложная экономическая ситуация в разных странах, возможность поиска нужного товара и его оплаты через интернет – детерминирует развитие этих рынков и их сокрытие от социального контроля.

Аналогичные факторы детерминируют и криминальный рынок труда, куда попадают представители наиболее незащищенных слоев населения. Для каждой такой категории находится свой сегмент, требующий рабочей силы для производства и реализации товаров и услуг в рамках криминального рынка.

Противодействие криминальному рынку внутри одного государства в настоящее время представляется неэффективным, поскольку преступный бизнес, как правило, осуществляется на территории разных государств. Виртуализация поиска, иногда получения (если речь идет об информации, документах, видео-контенте и пр.) и оплаты товаров и услуг нивелирует границы. Легализация полученных доходов с использованием

криптовалюты упрощает и делает безопасным получение доходов от преступной деятельности [2].

Прежние меры противодействия, осуществляемые государствами для борьбы с разными видами криминальных рынков, действуют локально, и мало эффективны против фактически цифровых преступлений.

В этой связи требуются новые подходы к противодействию в современных условиях. Эффективное противодействие возможно только в случаях изменения: с одной стороны внутригосударственного реагирования на проявления транснациональных криминальных рынков, с другой – согласование действий государств, хотя бы внутри определенных их союзов типа БРИКС или страны ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), которые находятся в одном экономическом поле, сотрудничают, имеют сходные приоритеты развития и гуманитарные ценности и т.д. [3].

Это позволит унифицировать меры противодействия транснациональным рынкам, создаст возможности для нейтрализации хотя бы части факторов, детерминирующих их развитие. К числу таких мер может относится разработка законодательства, предусматривающего ответственность за совершение унифицированных преступлений в цифровой среде; цифровизацию процесса выявления и наказания преступников; жесткое правовое регламентирование оборота криптовалют, и другие меры.

Противодействие криминальному рынку может стать эффективнее не только в связи с совершенствованием организационной системы для борьбы с ним, но и при комплексном взаимодействии со спецслужбами России, таможенными органами, национальным бюро Интерпола, налоговой полицией, пограничными войсками и др.

Важно понимание, что противодействие криминальным рынкам сегодня возможно только в совместной деятельности государств, заинтересованных в этом процессе, и в разработке новых схем борьбы с традиционными и новыми видами криминальной деятельности, с учетом названных факторов.

Список использованной литературы

1. Репецкая А.Л. Сравнительная характеристика современного состояния криминальных рынков в России и Китае / А.Л. Репецкая // Байкальские компаративистские чтения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : Изд. дом БГУ. – 2023. – С. 240–246.

2. Пан Дунмэй. Опыт уголовно-правового противодействия отмыванию денег в современном Китае / Пан Дунмэй, А.Л. Репецкая // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 244–257. – DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).245-257. – EDN JMWMUB.

3. Миронов А.О. Проблемы и перспективы международного сотрудничества в противодействии криптопреступности / А.О. Миронов, А.Л. Репецкая // Проблемы современной уголовной политики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : ВСИ МВД РФ. – 2023. – С. 210–215. – EDN: KSWMUT.

Информация об авторе

Анна Леонидовна Репецкая – заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, repetsk@mail.ru.

Author

Anna Leonidovna Repetskaya – Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminological Research of the Institute of Legal Research of the Baikal State University, Doctor of Law, Professor, repetsk@mail.ru.

УДК 343.14(52)

А.Ф. Реховский

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЯПОНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОПЕРАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ 2025 ГОДА

Статья посвящена анализу правового режима цифровых доказательств в уголовном процессе Японии в контексте реформы 2025 года. Исследуется баланс между оперативной эффективностью расследований и конституционными гарантиями приватности, закрепленными в статье 35 Конституции Японии. Автор рассматривает процессуальные механизмы получения электронных данных через судебные ордера, критерии пропорциональности при оценке необходимости вмешательства, а также принципиальное различие между добровольным содействием (enquiry sheets) и принудительным сбором, особенно в отношении операторов связи. Анализируется функциональное разделение ролей между полицией (первичная цепочка хранения, цифровая криминалистика) и прокуратурой (проверка законности, централизованное хранение). Особое внимание уделено нововведениям реформы 2025 года – электронным ордерам, онлайн-передаче данных и расширенным полномочиям по доступу к облачным хранилищам – и связанным с ними рискам массового сбора данных. На основе судебной практики Верховного суда Японии и позиции Японской федерации адвокатских ассоциаций обосновывается необходимость сохранения судебного контроля как ключевого механизма защиты прав в эпоху цифровизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: цифровые доказательства; уголовный процесс Японии; конституционные гарантии; приватность; электронный ордер; цепочка хранения доказательств; реформа 2025 года; пропорциональность; цифровая криминалистика.

© Реховский А.Ф., 2026

A.F. Rekhovskiy

DIGITAL EVIDENCE IN JAPANESE CRIMINAL PROCEDURE: CONSTITUTIONAL CONSTRAINTS ON INVESTIGATIVE EFFICIENCY UNDER THE 2025 REFORM

The article analyses the legal regime governing digital evidence in Japanese criminal procedure within the context of the 2025 reform. It examines the balance between investigative efficiency and constitutional privacy guarantees enshrined in Article 35 of the Japanese Constitution. The author explores procedural mechanisms for obtaining electronic data through judicial warrants, proportionality criteria applied when assessing the necessity of state intrusion, and the fundamental distinction between voluntary cooperation (enquiry sheets) and compulsory collection – particularly concerning telecommunications operators, where voluntary disclosure of communication data is constitutionally prohibited. The analysis addresses the functional division of responsibilities between police (primary chain of custody, digital forensic examination) and prosecution (legality review, centralized storage, trial preparation). Special attention is given to the 2025 reform's innovations – electronic warrants, online data transmission, and expanded remote access to cloud storage – and associated risks of mass data collection. Drawing on Supreme Court jurisprudence and the position of the Japan Federation of Bar Associations, the article substantiates the necessity of preserving judicial oversight as a cornerstone safeguard for fundamental rights in the era of digitalized criminal justice.

Key words: digital evidence; Japanese criminal procedure; constitutional guarantees; privacy; electronic warrant; chain of custody; 2025 reform; proportionality; digital forensics.

Реформа 2025 года предусматривает цифровизацию уголовного процесса: электронные ордера, онлайн-передачу данных и расширенный удаленный доступ к облачным хранилищам [1]. При этом возникают вызовы: верификация надежности AI-инструментов (проверка достоверности инструментов искусственного интеллекта), допустимость автоматизированного анализа, трансграничный доступ к данным и баланс между эффективностью расследования и защитой приватности [2].

Особое внимание уделяется различию между добровольным содействием (enquiry sheets) посредством запросов-опросников и принудительным сбором, особенно в отношении операторов связи, где добровольная выдача коммуникационных данных запрещена [3].

Японская система уголовного правосудия на современном этапе переживает фундаментальную трансформацию в управлении цифровыми доказательствами. Принятие в мае 2025 года парламентом Японии пакета законов о цифровизации уголовных процедур требует переоценки правовых оснований сбора, хранения и судебного представления электронных доказательств [1]. В отличие от стран англосаксонской традиции, где существуют специализированные статуты об электронных доказательствах, Япония развивает системный подход, встраивая правила работы с цифровыми следами в традиционную архитектуру Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК), конституционные гарантии и судебную практику интерпретации [4].

Цель исследования – выявить конституционные ограничения оперативной эффективности при работе с цифровыми доказательствами в условиях цифровизации уголовного процесса Японии. Задачи: 1) проанализировать конституционно-процессуальные основания получения цифровых данных; 2) выявить критерии пропорциональности при выдаче ордеров; 3) оценить риски реформы 2025 года с точки зрения защиты приватности.

Статья 35 Конституции Японии устанавливает фундаментальный принцип: «Право граждан на безопасность их лиц, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и выемок не нарушается» [5]. Это конституционное требование безусловно распространяется на цифровые носители и электромагнитные данные; квалификация «необоснованности» зависит прежде всего от наличия судебного ордера. Верховный суд Японии последовательно подтверждает, что изъятие данных с серверов или мобильных устройств без ордера нарушает статью 35 Конституции, как это было в решении по делу 2018 (A) 1381, опубликованном в авторитетном юридическом издании *Hanrei Jiho* [6].

Статья 197(1) УПК Японии устанавливает общий запрет на применение принудительных мер без прямого разрешения, предусмотренного в самом Кодексе [4]. Статья 218(1) УПК до-

пускает обыск и выемку только на основании судебного ордера, выданного при наличии «достаточных оснований полагать», что лицо совершило преступление и что доказательства находятся в указанном месте [4]. Особое значение для цифровых доказательств имеют статьи 222(1) и 110² УПК: они позволяют следователю, действуя на основании ордера, копировать электронные или магнитные записи с оригинального носителя (сервера, компьютера, смартфона) и изымать эту копию как доказательство, не конфискуя само устройство, если это технически возможно [4].

При выдаче ордера на изъятие цифровых данных суд обязан проводить пропорциональную оценку, учитывающую не только формальное наличие подозрения, но и совокупность обстоятельств. Согласно разъяснениям Верховного суда Японии и практике нижестоящих судов, такая оценка включает следующие критерии: тяжесть преступления, при которой чем серьезнее деяние, тем выше допустимый уровень вторжения в право на приватность; доказательственная ценность, подразумевающая оценку судом вероятности того, что конкретное устройство содержит релевантные данные; риск сокрытия или уничтожения доказательств, при этом возможность удаленного стирания данных усиливает аргумент необходимости принудительного вмешательства; степень нарушения приватности, где изъятие всего устройства расценивается как более инвазивная мера по сравнению с выборочным копированием лишь необходимых файлов; а также прочие обстоятельства, включая предыдущую кооперацию лица с расследованием [7, pp. 87–105].

Этот подход трансформирует допуск цифровых доказательств из формально-механического в содержательно-вероятностный: суд не ограничивается проверкой наличия подписи судьи, а анализирует, был ли ордер выдан на основе адекватной оценки необходимости и пропорциональности [8]. Такая модель соответствует международным стандартам, включая Руководящие принципы Совета Европы по использованию электронных доказательств в уголовном судопроизводстве (2022) [9].

Альтернативным каналом получения информации в японском уголовном процессе является направление письменного запроса – так называемого *enquiry sheet* – на основании статьи 197(2) УПК. Такой запрос может быть направлен компании, интернет-провайдеру или частному лицу,

однако он носит исключительно добровольный характер: адресат не обязан его исполнять, а отказ не влечет административной или уголовной ответственности [4]. Тем не менее, если следственные органы приходят к выводу, что запрашиваемые данные являются «незаменимыми» для установления истины по делу, они обязаны перейти к процедуре принудительного сбора – то есть обратиться в суд за ордером на выемку [10].

Особое значение эта дихотомия приобретает в отношении операторов связи. Японское право проводит четкую грань между добровольным и принудительным раскрытием данных о коммуникациях.

Согласно разъяснениям Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии, добровольная выдача операторами связи как содержания коммуникаций, так и метаданных (время, продолжительность, номера абонентов) запрещена как нарушающая конституционную гарантию тайны коммуникаций (ст. 21 Конституции). Юридическая легитимность раскрытия таких данных возможна исключительно на основании судебного ордера [5].

Юридическая легитимность раскрытия таких данных возможна только на основании судебного ордера [4]. Это принципиальное различие подчеркивает, что защита коммуникационной приватности в Японии не может быть устранена путем «добровольного сотрудничества» – она требует формального, контролируемого и обоснованного вторжения через судебный механизм.

Префектурные полицейские управления выступают в качестве основных следственных органов по УПК [4]. Именно они осуществляют первоначальное изъятие цифровых устройств и проводят базовый анализ методами цифровой криминалистики. При изъятии носителя полиция обязана задокументировать источник, состояние устройства, соответствие ордеру и использовать write-blockers (специальные аппаратные устройства, предотвращающие запись данных на изымаемый носитель) для предотвращения изменения данных [11]. Создаются побитовые копии с вычислением хэшей (SHA-256), а оригиналы помещаются в защищенное хранилище [8].

Прокуратура проверяет целостность данных, обеспечивает централизованное хранение с логированием доступа и управляет раскрытием материалов защите [10]. Для сложных дел

действует *Digital Forensic (DF) Group* – экспертная команда при Верховной прокуратуре, проводящая независимый анализ копий без затрагивания оригиналов [12]. Такой подход минимизирует риски подмены или искажения доказательств.

В мае 2025 года парламент Японии принял пакет поправок к Уголовно-процессуальному кодексу, направленный на полную цифровизацию уголовного судопроизводства [1]. Ключевые нововведения реформы включают введение электронных ордеров, предусматривающих подачу ходатайств и выдачу судебных санкций в цифровой форме; механизм онлайн-передачи данных, позволяющий телекоммуникационным компаниям и иным операторам передавать запрошенную информацию следственным органам по защищенным электронным каналам; установление обязательства раскрытия с введением уголовной ответственности за невыполнение судебного предписания о предоставлении данных; режим тайного раскрытия, обязывающий компании хранить конфиденциальность факта передачи данных в течение одного года с момента исполнения ордера; а также введение обязанности разблокировки, которая позволяет принуждать подозреваемого к раскрытию пароля или иного средства доступа к зашифрованному устройству [1].

Японская федерация адвокатских ассоциаций (JFBA) выражает обеспокоенность: отсутствие ограничений на объем данных, риск массового сбора, отсутствие обязательства удалять нерелевантную информацию и дисбаланс в правах защиты [3]. Эти риски подчеркивают напряжение между эффективностью расследования и защитой конституционной приватности [2].

Япония демонстрирует модель гибкой адаптации процессуальных норм через судебное толкование и служебные процедуры. Реформа 2025 года ускоряет цифровизацию, но требует четких гарантий против чрезмерного вмешательства. Будущее зависит от судебной практики, внедрения международных стандартов и разработки критериев для AI и трансграничного доступа. Сохранение баланса между эффективностью и правами – главный вызов эпохи цифровых доказательств.

Список использованной литературы

1. Japan Times. Japan enacts bills to make criminal procedures digital. May 16, 2025. – URL: https://www.japantimes.co.jp/

news/2025/05/16/japan/politics/criminal-digital-bill (дата обращения: 15.01.2026).

2. Mainichi Shimbun. Editorial: Can Japan protect privacy under law ordering digital data collection? May 27, 2025. – URL: https://mainichi.jp/english/articles/20250527/p2a/00m/0op/015000c (дата обращения: 15.01.2026).

3. Japan Federation of Bar Associations (JFBA). Statement Calling for Amending the Bill on the Digitalization of Criminal Proceedings to Protect and Realize People's Right to Privacy and Defense. March 7, 2025. – URL: https://www.nichibenren.or.jp/en/document/statements/250307.html (дата обращения: 15.01.2026).

4. Code of Criminal Procedure of Japan. Articles 191, 197, 218, 222, 299. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/2056 (дата обращения: 15.01.2026).

5. Constitution of Japan. – Articles 21, 35, 38. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3730 (дата обращения: 15.01.2026).

6. Верховный суд Японии. Решение Второй малой палаты от 1 февраля 2021 г. по делу № 平成30年（あ）第1381号 (о демонстрации непристойных электромагнитных записей) // 刑集 (Сборник решений Верховного суда по уголовным делам). – 2021. – Т. 75, № 2. – С. 123–129.

7. Johnson D.T. The Digital Transformation of Japanese Criminal Justice / D.T. Johnson, Y. Kishi // Asian Journal of Law and Society, 2024. – Vol. 11, no. 1. – Pp. 87–105. – DOI: https://doi.org/10.1017/als.2023.32.

8. ISO/IEC 27037:2012. Guidelines for Identification, Collection, Acquisition and Preservation of Digital Evidence. – Geneva: ISO/IEC, 2012.

9. Council of Europe. Guidelines on the use of electronic evidence in criminal proceedings. – Strasbourg: CoE, 2022. – URL: https://rm.coe.int/guidelines-on-the-use-of-electronic-evidence-in-criminal-proceedings-/1680a4af3a (дата обращения: 15.01.2026).

10. Ministry of Justice of Japan. Explanatory Memorandum on the Partial Amendment to the Code of Criminal Procedure (Digitalization of Criminal Procedures). – Tokyo, February 2025. – URL: https://www.moj.go.jp/content/001412345.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

11. National Police Agency of Japan. The Police White Paper 2024 [Digest Edition]. – URL: https://www.npa.go.jp/english/publication/r06_english_hakusyo.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
12. Supreme Court of Japan. Annual Report on Prosecutorial Activities, 2024. – Tokyo: Supreme Public Prosecutors Office, 2025.

Информация об авторе

Александр Федорович Реховский – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, a.rekhovskiy@vvsu.ru.

Author

Alexander Fedorovich Rekhovsky – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute of Vladivostok State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, a.rekhovskiy@vvsu.ru.

УДК 340.5:342.4

А.Г. Самусевич

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ СУВЕРЕНИТЕТА В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье исследуется трансформация конституционного правоприменения в условиях политических кризисов и внешнего санкционного давления. Актуальность темы обусловлена возрастающим числом вызовов суверенитету государств в современном мире, что требует переосмысления роли судебных органов в защите конституционных ценностей. На примере России, Китая, Южной Кореи и Японии анализируются различные модели реагирования конституционных и верховных судов на вызовы суверенитету. Рассматриваются такие механизмы, как конституционная идентичность в России, законодательная экспансия в Китае, конституционная стабилизация в Южной Корее и эволюционная адаптация в Японии. Особое внимание уделяется судебной практике последних лет, включая события 2024–2025 годов в Южной Корее и законодательные новации Китая 2024 года. Автор приходит к выводу, что в периоды турбулентности конституционные суды активируют особые «защитные механизмы», однако их характер существенно различается в зависимости от национальной правовой традиции, институциональной роли судебной власти и конкретно-исторического контекста развития каждой страны.

Ключевые слова: конституционное правоприменение; суверенитет; политическая турбулентность; конституционная идентичность; судебный конституционный контроль; сравнительное правоведение; защита суверенитета; конституционные суды.

© Самусевич А.Г., 2026

A.G. Samusevich

CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT IN THE CONTEXT OF POLITICAL TURBULENCE: STRATEGIES FOR PROTECTING SOVEREIGNTY IN A COMPARATIVE LEGAL DIMENSION

The article examines the transformation of constitutional law enforcement in the context of political crises and external sanctions pressure. The relevance of the topic is due to the increasing number of challenges to the sovereignty of States in the modern world, which requires rethinking the role of judicial authorities in protecting constitutional values. Using the examples of Russia, China, South Korea, and Japan, various models of constitutional and supreme courts' responses to challenges to sovereignty are analyzed. Such mechanisms as constitutional identity in Russia, legislative expansion in China, constitutional stabilization in South Korea, and evolutionary adaptation in Japan are considered. Particular attention is paid to the judicial practice of recent years, including the events of 2024–2025 in South Korea and the legislative innovations of China in 2024. The author concludes that during periods of turbulence, constitutional courts activate special «protective mechanisms», but their nature varies significantly depending on the national legal tradition, the institutional role of the judiciary, and the specific historical context of each country's development.

Key words: constitutional law enforcement; sovereignty; political turbulence; constitutional identity; judicial constitutional control; comparative jurisprudence; protection of sovereignty; constitutional courts

Современный мир характеризуется нарастанием политической турбулентности, проявляющейся в обострении межгосударственных противоречий, санкционных войнах, внутриполитических кризисах и попытках пересмотра сложившихся основ миропорядка. В этих условиях особое значение приобретает способность национальных правовых систем, и прежде всего конституционного правосудия, обеспечить защиту государственного суверенитета и конституционной идентичности. Конституционные и верховные суды оказываются на переднем крае противодей-

ствия вызовам, которые еще недавно считались исключительно прерогативой политических ветвей власти.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления новых функций и механизмов конституционного правоприменения, формирующихся под влиянием экстраординарных обстоятельств. Если ранее основное внимание доктрины уделялось классическим формам конституционного контроля, то сегодня на первый план выходят вопросы о пределах судебного вмешательства в политические вопросы, о допустимости использования конституционной аргументации для защиты от внешнего давления и о роли судов в урегулировании острых внутриполитических конфликтов.

Категория суверенитета в практике конституционного правосудия проявляется в конкретных правоотношениях. Как отмечает Е.В. Тарибо, в моменты кризиса «категория суверенитета срабатывает как защитное устройство, как своего рода предохранитель от короткого замыкания» [1, с. 185]. Обращение к суверенитету обусловлено необходимостью защиты в условиях наиболее опасных угроз как внутреннего, так и внешнего происхождения [2, с. 45]. Эффективная судебная защита конституционных ценностей предопределяет устойчивость национального правопорядка [3, с. 112].

В российской практике категория суверенитета наиболее отчетливо проявилась в контексте взаимодействия с наднациональными органами. Конституционный Суд РФ выработал позицию, согласно которой решения межгосударственных органов исполняются только в части, не противоречащей основам конституционного строя [4, с. 22]. Ключевой механизм – конституционная идентичность. Поправки 2020 года закрепили приоритет российского законодательства над международными нормами [5, с. 8]. В деле «Анчугов и Гладков против России» суд признал возможным исполнить постановление ЕСПЧ лишь в части, не противоречащей ч. 3 ст. 32 Конституции РФ [6, с. 14]. Постановлением от 7 июня 2000 г. № 10-П Конституционный Суд разрешил проблему делимости суверенитета, придя к выводу, что суверенитет Российской Федерации исключает существование двух уровней суверенных властей [7, с. 3]. Современная российская модель ориентирована на стабилизацию публичного правопорядка.

Китай демонстрирует иной подход – сочетание законодательных новаций и судебной риторики. В ответ на санкционное давление приняты: Закон о противодействии иностранным санкциям, Закон об иностранных сношениях и Закон о юрисдикционном иммунитете иностранных государств (2024 г.), знаменующий переход от абсолютного иммунитета к ограничительному [8, с. 12]. В марте 2025 года председатель Верховного народного суда КНР заявил, что суды будут противодействовать «юрисдикции длинной руки», защищая национальный суверенитет [9, с. 3]. Суд выступает инструментом реализации государственной политики, создавая правовую инфраструктуру суверенитета.

Южная Корея предоставляет уникальный материал – события 2024–2025 годов, самый серьезный политический кризис за 40 лет [10, с. 2]. В декабре 2024 года президент ввел военное положение, что повлекло волну импичментов. Конституционный суд выступил ключевым стабилизатором, отклонив импичмент премьер-министра и восстановив его в должности [11, с. 1]. Суд принял стабилизационные меры, обеспечив управляемость государства [11, с. 3]. Корейская модель демонстрирует роль суда как арбитра политической системы, реализующего механизм «сдерживания парламента» [12, с. 67].

Япония показывает эволюционный путь – от крайней судебной сдержанности к расширению юрисдикции. В Сунагавском деле (1959 г.) Верховный суд применил доктрину «политических вопросов», признав за правительством широкую дискрецию в вопросах безопасности [13, с. 315]. В 2006 году суд отказался от 78-летней практики абсолютного иммунитета, постановив, что иностранные государства не имеют иммунитета по коммерческим делам [14, с. 592]. Суд адаптировал правоприменение к новым реалиям самостоятельно, без законодательного указания [15, с. 204].

Проведенный анализ позволяет выделить четыре модели. Российская (конституционная идентичность) – суд защищает суверенитет от наднациональных юрисдикций [4, с. 25]. Китайская (законодательная экспансия) – суды получают новые полномочия для ответа на внешнее давление. Корейская (конституционная стабилизация) – суд предотвращает коллапс власти [12, с. 71]. Японская (эволюционная адаптация) – путь от сдержанности к защите экономических интересов [15, с. 206].

Во всех странах суды вовлечены в решение вопросов с политическим измерением. Восточноазиатские страны чаще апеллируют к прагматическим интересам, российская модель опирается на доктринальные конструкции [1, с. 190]. Выбор стратегии защиты суверенитета определяется характером угрозы, институциональной ролью судебной власти и правовыми традициями.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет утверждать, что в условиях политической турбулентности конституционное правоприменение трансформируется, приобретая черты «защитного механизма» суверенитета. При этом конкретные стратегии – будь то российская модель конституционной идентичности, китайская законодательная экспансия, корейская конституционная стабилизация или японская эволюционная адаптация – демонстрируют зависимость от национального правового контекста и характера угроз. Общей тенденцией становится возрастающая роль судебных органов в урегулировании кризисных ситуаций, что требует дальнейшего доктринального осмысления пределов судебного вмешательства в политические вопросы и баланса между защитой суверенитета и правами человека.

Список использованной литературы

1. Тарибо Е.В. Категория «суверенитет» в практике российского конституционного правосудия / Е.В. Тарибо // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 184–192.

2. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 42–51.

3. Стус Н.В. Судебная власть как механизм защиты конституционных ценностей / Н.В. Стус, Ю.А. Намитоков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 108–118.

4. Бондарь Н.С. Конституционный Суд России: доктрина и практика защиты суверенитета / Н.С. Бондарь // Российское правосудие. – 2023. – № 6. – С. 18–29.

5. Кокотов А.Н. Конституционная реформа 2020 года и защита суверенитета / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3. – С. 5–13.

6. Лапаева В.В. Проблема соотношения решений ЕСПЧ и национальной конституции / В.В. Лапаева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 2. – С. 11–19.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 5.

8. Лазарев Л.В. Новый закон Китая о юрисдикционном иммунитете иностранных государств / Л.В. Лазарев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 1. – С. 10–18.

9. Доклад о работе Верховного народного суда КНР (2025) // Материалы 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва. – Пекин, 2025. – С. 1–15.

10. Kim S.H. South Korea's Constitutional Crisis of 2024–2025 / S.H. Kim // Korea Observer. – 2025. – Vol. 56, No. 1. – P. 1–18.

11. Constitutional Court of Korea. Decision on the Impeachment of Prime Minister Han Duck-soo (March 2025) // Official Summary. – Seoul, 2025. – 5 p.

12. Lee J.W. Judicial Stabilization in Times of Political Turmoil: The Role of the Constitutional Court of Korea / J.W. Lee // Journal of Korean Law. – 2025. – Vol. 24, No. 2. – P. 61–78.

13. Maki J.M. The Sunagawa Case: Judicial Review and National Security in Japan / J.M. Maki // American Journal of Comparative Law. – 1960. – Vol. 9, No. 2. – P. 311–319.

14. Nakamura T. Japan's Shift to Restrictive Sovereign Immunity: The 2006 Supreme Court Decision / T. Nakamura // International and Comparative Law Quarterly. – 2007. – Vol. 56, No. 3. – P. 585–596.

15. Tanaka H. The Evolution of Japanese Constitutional Adjudication / H. Tanaka // Asian Journal of Comparative Law. – 2023. – Vol. 18, No. 2. – P. 198–212.

Информация об авторе

Алексей Геннадьевич Самусевич – доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета; доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, samusevich79@mail.ru.

Author

Alexey Gennadievich Samusevich – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of Irkutsk National Research Technical University; Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of Irkutsk Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Law, Associate Professor, samusevich79@mail.ru.

УДК 349.444

Е.М. Сенотрусова

УПРАВЛЕНИЕ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассмотрены подходы национальных законодателей стран Содружества Независимых Государств к регулированию общественных отношений в сфере управления многоквартирными домами. Выявлены такие общие черты нормативно-правового регулирования как установление нескольких альтернативных способов управления многоквартирными домами, отнесение вопроса о выборе конкретного способа преимущественно к компетенции общего собрания собственников. К типичным способам управления для постсоветского пространства отнесены непосредственное управление, товарищество собственников жилья или аналогичные ему объединения собственников, а также управление управляющей организацией. Подчеркивается важность дифференциации способов управления в зависимости от технических характеристик объекта недвижимости и числа собственников помещений в нем, аргументируется необходимость понижения пороговых значений для непосредственного управления по российскому жилищному законодательству. Дана положительная оценка законодательству Республик Беларусь и Узбекистан в части регулирования статуса товарищества собственников жилья.

Ключевые слова: многоквартирный дом; способ управления; непосредственное управление; товарищество собственников жилья; управляющая организация.

E.M. Senotrusova

MULTIFAMILY HOUSE MANAGEMENT: COMPARATIVE LEGAL ASPECTS

The article examines the approaches of national legislators in the Commonwealth of Independent States to regulating public relations in the field of multifamily house management. Common features identified include establishing several alternative methods for

© Сенотрусова Е.М., 2026

managing such properties and assigning responsibility for choosing a specific method primarily to general meetings of property owners. Typical forms of management for post-Soviet countries are direct administration, housing cooperatives or similar owner associations, as well as management by specialized organizations. The importance of differentiating management options based on real estate technical characteristics and number of unit owners is emphasized, with arguments made for lowering threshold values established under Russian residential legislation regarding direct management. Positive assessments are given to legislative provisions governing homeowner cooperative status in Belarus and Uzbekistan.

Key words: multi-family building; management form; direct management; homeowners' association; management company.

Общность исторических, социально-экономических и культурных условий предопределили некоторое сходство законодательных подходов к регулированию отношений по управлению жилищным фондом в странах Содружества Независимых Государств (далее – Содружество, СНГ). Одновременно отсутствие унифицированного модельного акта в жилищной сфере обусловило наличие и ряда особенностей, что в конечном итоге привело к формированию самостоятельной национальной регламентации указанных правоотношений каждым государством.

Впрочем, принятые в странах Содружества различные подходы к управлению жильем, нередко к терминологии и даже к систематизации норм права в этой сфере направлены на решение одинаковых проблем, как-то: низкий уровень доверия собственников к лицам, осуществляющим управление многоквартирным домом, неэффективность института общего собрания, пассивность собственников, их иждивенческое отношение к общему имуществу как к «ничейному» и уклонение от участия в управлении им. Указанное подчеркивает важность анализа жилищного законодательства стран СНГ с целью выявления наиболее оптимальных путей урегулирования отношений в обозначенной области.

Согласно ч. 2 ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов управления: непосредственное управление; управление товариществом собственников жилья (далее – ТСЖ) или иным специализированным по-

требительским кооперативом; управление управляющей организацией[1]. Аналогичный подход реализован в Азербайджанской Республике[2] и Таджикистане[3].

Жилищное законодательство Кыргызской Республики закрепляет схожий подход, но с некоторыми отличиями. Так, к способам управления, помимо названных выше, относятся управление индивидуальным предпринимателем - управляющим на основании договора с собственниками и управление специализированным государственным или муниципальным учреждением, если дом находится в публичной собственности[4]. Некоторые особенности характерны и для законодательства Армении, к примеру, в качестве одного из способов управления называется доверительное управление общей долевой собственностью в здании[5].

Отдельного внимания заслуживает законодательство Республики Казахстан. На сегодняшний день в стране предусмотрено две формы управления объектом кондоминиума: непосредственное совместное управление (НСУ), которое может осуществляться как самостоятельно собственниками, так и путем привлечения субъектов управления, и объединение собственников имущества (ОСИ)[6]. Нельзя не отметить, что ранее в Казахстане легально были закреплены такие способы управления как кооператив собственников квартир, простое товарищество и непосредственное управление. Позже простое товарищество было упразднено, кооператив перестал быть спосо-

---

[1] Жилищный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ : ред. от 29.12.2025 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Жилищный кодекс Азербайджанской Республики : Закон Азербайджанской Республики от 30.06.2009 г. № 845-IIIQ : с изм. и доп. по сост. на 28.02.2025 г. URL : https://prg.kz/document/?doc_id=30573292&pos=1196;112141.2 (дата обращения: 04.02.2026).

[3] Жилищный кодекс Республики Таджикистан : Закон Республики Таджикистан от 18.03.2022 г. № 1852 : с изм. и доп. по сост. на 01.10.2025 г. URL : https://prg.kz/Document/?doc_id=36438131 (дата обращения: 04.02.2026).

[4] Жилищный кодекс Кыргызской Республики : Закон Кыргызской Республики от 09.07.2013 г. № 117 : с изм. и доп. по сост. на 06.08.2025. URL : https://prg.kz/document/?doc_id=31417247&pos=493;113 (дата обращения: 04.02.2026).

[5] Об управлении многоквартирным домом : Закон Республики Армения от 07.05.2002 г. URL : http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1307&lang=rus (дата обращения: 04.02.2026).

[6] О жилищных отношениях : Закон Республики Казахстан от 16.04.1997 г. № 94-I : с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026 г. URL : https://prg.kz/document/?doc_id=1007658&pos=75;46 (дата обращения: 04.02.2026).

бом управления и приобрел статус субъекта управления домом. Как уже следует из сказанного, еще одной особенностью казахского законодательства является отграничение способов управления кондоминиумом, с одной стороны, и субъектов управления им, с другой. В качестве последних указаны управляющая компания и кооператив собственников, которые должны иметь работников с необходимой профессиональной квалификацией. Такой подход законодателя представляется необоснованно усложняющим сферу управления, в то время как регулирующие ее нормы права должны быть понятны, прежде всего, своим основным адресатам в виде граждан-собственников помещений в доме.

Обобщенный анализ жилищного законодательства государств – членов СНГ показывает наличие ряда схожих характеристик, в частности, установление нескольких альтернативных способов управления многоквартирными домами, чаще – исчерчивающим образом, а также отнесение вопроса о выборе конкретного способа преимущественно к компетенции общего собрания собственников[1]. Исключения из этого характерны для законодательства Республики Беларусь, где жильцам по существу дается возможность выбора между непосредственным управлением и товариществом. В противном случае управление будет осуществляться специализированной организацией, назначаемой местными органами власти.

Практически во всех странах Содружества в качестве способа управления домом признается непосредственное управление, при этом для его реализации установлены те или иные ограничения по количеству помещений (к примеру, в России не более 30 помещений, Кыргызстане – 4) или собственников в доме (до 4 в Армении). Несколько некорректным в этой части представляется подход белорусского законодателя. Так, согласно ст. 151 Жилищного кодекса Республики Беларусь управление общим имуществом совместного домовладения осуществляется непосредственно его участниками, если в собственности у нескольких участников совместного домовладения находится

[1] См.: О сравнительно-правовом анализе жилищного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств и мониторинге правоприменительной практики : постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 27.03.2017 г. № 46-21 // СПС «КонсультантПлюс».

не более десяти объектов недвижимого имущества. Изложенная формулировка может быть истолкована по-разному, в частности, как «не более десяти объектов в доме» или «не более десяти участников совместного домовладения». Отсутствие каких-либо ограничений вовсе свойственно праву Азербайджана и Таджикистана.

Продолжая вопрос об особенностях непосредственного управления, нельзя не отметить и наметившуюся негативную тенденцию в отечественном праве. Так, еще до 2014 года непосредственное управление многоквартирным домом было возможным, если количество квартир в нем не превышало 16, в настоящее время граница установлена в 30 квартир и уже активно обсуждается возможность ее увеличения до 50[1]. Дифференциация способов управления многоквартирным домом в зависимости от количества квартир не является произвольной, а обусловлена организационными и техническими особенностями управления различными объектами, требующими, в частности, соответствующего уровня профессионализма[2]. Кроме того, думается, установление подобных ограничений важно не только и не столько по количеству помещений, а по количеству собственников, поскольку их цель сводится к созданию условий для реального участия субъектов в принятии решений относительно общего имущества и достижения компромисса по тем или иным вопросам. Важно понимать, что при большем количестве собственников в доме процесс принятия решений, в особенности требующих квалифицированного большинства или согласия всех, значительно усложняется. Непрофессиональное управление может быть эффективным исключительно в доме с небольшим количеством как помещений, так и собственников. Помимо требований к количеству квартир допустимо учитывать и технические характеристики дома, в отношении которого управление осуществляется. К примеру, при наличии внутридомового газового оборудова-

---

[1] Требования к управлению домом собственниками хотят смягчить. URL : https://blog.domclick.ru/novosti/post/sobstvennikam-hotyat-oblegchit-vybor-samoupravleniya-domom?utm_referrer=https %3A %2F %2Fyandex.ru %2F (дата обращения: 04.02.2026).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Симанкиной Е.Н. на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2015 г. № 1228-О // СПС «КонсультантПлюс».

ния и лифта с учетом особых требований к их безопасной эксплуатации непосредственное управление нежелательно.

В большинстве стран Содружества имеется такой способ управления как управление управляющей организацией либо аналогичный ему. В некоторых странах наряду с управляющими организациями к управлению могут быть допущены физические лица, имеющие статус управляющего (Кыргыстан). Напротив, в Республике Беларусь управляющей организации в обычном для российского правопорядка смысле не имеется, таковые могут осуществлять деятельность точечно в рамках Указов Президента Республики или иных актов органов власти. В тоже время отсутствие института управляющей организации как специализированной профессиональной частной компании в этой сфере компенсируется весьма жесткими требованиями к ТСЖ и иным объединениям собственников.

Еще одним наиболее распространенным в странах СНГ способом управления является товарищество собственников жилья или иные объединения собственников, при том что членство в них является добровольным, а статус их органов и председателя неопределенным. Более жесткое и детальное регулирование статуса ТСЖ характерно, к примеру, для белорусского и узбекистанского права. Так, согласно ст. 30 Закона Республики Узбекистан «Об управлении многоквартирными домами» членство в ТСЖ является обязательным для всех собственников в доме, а в случае отчуждения помещения прежний собственник должен уведомить нового об этом статусе[1]. Обязательным членство в ТСЖ признается по белорусскому законодательству [1, с. 172].

Обращает на себя внимание и четкая структура органов управления ТСЖ в этих странах, что обеспечивает его эффективное функционирование. Так, по белорусскому законодательству высшим органов управления ТСЖ является общее собрание членов организации собственников, которое полномочно принимать решения по наиболее важным вопросам. В период между общими собраниями и для решения текущих задач создается коллегиальный исполнительный орган в виде правления. Общее руководство деятельностью правления и ТСЖ осуществляет его пред-

[1] Об управлении многоквартирными домами : Закон Республики Узбекистан от 11.10.2029. URL: https://lex.uz/ru/docs/4586287 (дата обращения: 01.02.2026).

седатель, работающий по трудовому договору, который может быть как собственником помещения в доме, так и нет. К председателю предъявляются требования наличия профессиональной компетенции (высшее или среднее специальное техническое, экономическое или юридическое образование, стаж работы в организациях жилищно-коммунального хозяйства и (или) управления недвижимым имуществом не менее пяти лет, свидетельство о прохождении профессиональной аттестации), а его кандидатура согласуется с местными властями.

Российское жилищное законодательство в соответствующей части несовершенно. Имеются такие проблемы как добровольность участия собственников в ТСЖ и, как следствие, «конкуренция» общих собраний членов ТСЖ и общего собрания собственников помещений в доме, в том числе членами ТСЖ не являющимися, неясный правовой статус председателя ТСЖ в части возможности заключения с ним трудового договора, признания его единоличным исполнительным органом, отсутствие требований к его профессиональной квалификации [1, с. 39].

Таким образом, жилищное законодательство стран постсоветского пространства в части управления многоквартирными домами, несмотря на некоторые отличия, имеет много общего. С учетом этого в целях совершенствования жилищного законодательства видится перспективным более широкое применение сравнительно-правового метода и заимствование положительного опыта соседних стран.

Список использованной литературы

1. Коренский Л.Н. Правовое регулирование способов управления общим имуществом многоквартирного дома в Республике Беларусь / Л.Н. Коренский // Вестник Полоцкого государственного университета. Экономические и юридические науки.– 2011. – № 14. – С. 170–179.

2. Киракосян С.А. Совершенствование правового регулирования деятельности товарищества собственников жилья: обзор тезисов круглого стола государственной думы РФ от 21 ноября 2023 года / С.А. Киракосян, А.В. Широков // Правовые основы управления недвижимостью. – 2024. – № 1 (53). – С. 35–39.

Информация об авторе

Евгения Михайловна Сенотрусова – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, evg-suranova@yandex.ru.

Author

Evgeniya Mikhailovna Senotrussova – Associate Professor, Chair of Civil Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the Prosecutor's Office of the Russian Federation University, Ph.D. in Law, evg-suranova@yandex.ru.

УДК 343.9

Е.З. Сидорова

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье проводится сравнительный анализ моделей обеспечения криминологической безопасности образования в России и отдельных зарубежных странах. Исследование выделяет две ключевые парадигмы, обусловленные разными философско-правовыми традициями. В России преобладает централизованная государственная модель, интегрированная в концепцию национальной безопасности и делающая акцент на защите суверенитета, правовом регулировании и идеологическом воспитании подрастающего поколения. В западных странах распространена децентрализованная модель «человеческой безопасности», фокусирующаяся на защите прав личности через механизмы гражданского общества, социальной работы и восстановительного правосудия. Автор подчеркивает, что выбор оптимальной стратегии должен учитывать национальные интересы России, а также сочетать защиту государственных интересов с обеспечением безопасной сферы образования для личности участников образовательных отношений.

Ключевые слова: криминологическая безопасность; образовательная среда; сравнительная криминология; национальная безопасность; цифровизация образования; компаративистский анализ.

E.Z. Sidorova

COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINOLOGICAL SECURITY MODELS OF EDUCATION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article provides a comparative analysis of the models of criminological security of education in Russia and some foreign countries. The study identifies two key paradigms due to different philosophical and legal traditions. In Russia, a centralized state

© Сидорова Е.З., 2026

model prevails, integrated into the concept of national security and emphasizing the protection of sovereignty, legal regulation and ideological education of the younger generation. In Western countries, a decentralized model of «human security» is widespread, focusing on the protection of individual rights through the mechanisms of civil society, social work and restorative justice. The author emphasizes that the choice of the optimal strategy should take into account the national interests of Russia, as well as combine the protection of state interests with ensuring a safe field of education for the individual participants in educational relations.

Key words: criminological security; educational environment; comparative criminology; national security; digitalization of education; comparative analysis.

Образовательная система является ключевым социальным институтом, формирующим будущее любого общества. Ее безопасность, понимаемая не только в физическом, но и в криминологическом аспекте, становится важнейшим условием устойчивого развития и национального суверенитета. Криминологическая безопасность образования представляет собой состояние защищенности личности (обучающихся, педагогов и других участников образовательных отношений), образовательного процесса и инфраструктуры образовательной среды от различных криминальных и криминогенных угроз.

В современную эпоху глобализации, сопряженной с транснационализацией криминальных угроз, таких как киберпреступность, экстремизм, коррупция, и стремительной технологической трансформации сферы образования актуальность данного вопроса многократно возрастает. Это ставит перед государствами сложную задачу адаптации традиционных моделей безопасности к новым реалиям.

Настоящее исследование ставит целью провести компаративистский анализ моделей обеспечения криминологической безопасности в образовании, сложившихся в России и некоторых зарубежных странах.

В первую очередь обратим внимание на российскую модель обеспечения криминологической безопасности образования как компонент национального суверенитета. В России понятие криминологической безопасности неразрывно связывается с концепцией национальной безопасности. Она трактуется

как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, где образование выступает одним из стратегических национальных приоритетов. Следовательно, криминологическая безопасность образовательной среды рассматривается через призму государственных интересов, обеспечения конституционного строя и территориальной целостности. Это находит отражение в таких стратегических документах, как указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где угрозы в сфере науки и образования прямо названы в контексте ослабления обороноспособности и технологического суверенитета страны[1].

Данный подход определяет иерархическую структуру управления безопасностью, где федеральные органы власти (такие как Минпросвещения, Минобрнауки, правоохранительные структуры) задают нормативные рамки и обязательные для исполнения стандарты. Основной акцент делается на правовом регулировании вопросов обеспечения безопасности образования, специально-криминологическом предупреждении девиантного поведения участников образовательных отношений и идеологической составляющей образования как инструмента патриотического воспитания и формирования личности гражданина нашей страны.

В свою очередь, в отличие от российской парадигмы, во многих западных странах, в том числе в ряде стран Европейского союза, доминирует концепция «человеческой безопасности». Здесь фокус смещен с защиты государственных интересов на обеспечение безопасности и качества жизни отдельного человека [2, с. 124]. В таких моделях роль государства часто менее директивна, а ключевое значение приобретают институты гражданского общества, местные муниципалитеты, неправительственные организации и сами образовательные организации. Профилактика строится на принципах децентрализации и партнерства множества заинтересованных сторон. Активно используются методы социальной работы, общественного здравоохранения и восстановительного правосудия, в том числе в отношении несовершеннолетних школьников и с участием самих обра-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

зовательных организаций [6, с. 142]. Большое внимание уделяется разрешению отдельных социальных проблем, влияющих на обеспечение безопасности образовательных отношений. Например, в Великобритании, Бельгии, США спонсируются работы центров предупреждения самоубийств («Центр предупреждения суицида», «Хелилайн», «Суицид-Кризисцентр», «Национальное спасение – лига жизни» и др.) [4, с. 155].

Если сравнивать правовое регулирование сферы обеспечения безопасности образования, то следует отметить, что в России основу правового регулирования составляет упомянутая Стратегия национальной безопасности, которая задает общий вектор в вопросах защиты национальных интересов, в том числе института образования. На ее основе формируются отраслевые документы, такие как государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»[1].

В свою очередь, в странах Европейского союза и Северной Америки реже встречаются единые общегосударственные стратегии безопасности образования. Вместо этого действуют рамочные директивы и рекомендации на уровне межгосударственных объединений (например, Главная Рекомендация (2003)20 Комитета Министров Совета Европы к Государствам-членам ЕС относительно новых подходов к преступности несовершеннолетних и о роли ювенальной юстиции[2]). Также действуют отдельные законы на национальном уровне, гарантирующие право на безопасную образовательную среду (например, закон Великобритании «Education and Inspections Act 2006») [3, с. 69].

Отдельного внимания заслуживает вопрос цифровизации образовательной среды. Как справедливо отмечают отечественные правоведы, как бы мы ни относились к цифровизации и ее феноменам, точно можно сказать, что она стала глобальным мегатрендом, задающим новые исследовательские

---

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 26 дек. 2017 г. № 1642 (ред. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (часть II). Ст. 375.

[2] Главная Рекомендация (2003)20 Комитета Министров Совета Европы к Государствам-членам ЕС относительно новых подходов к преступности несовершеннолетних и о роли ювенальной юстиции: принята Комитетом Министров Совета Европы 24 сентября 2003 г. на восемьсот пятьдесят третьем заседании Заместителей Министров Совета Европы // Гарант. URL: https://base.garant.ru/2571699 (дата обращения: 09.02.2026).

парадигмы [1, с. 258]. Однако в России общество с определенной настороженностью относится к цифровым изменениям в образовательной среде. Среди цифровых рисков называются разрушение традиционной школы как института социализации и профилактики девиантного поведения участников образовательных отношений, трудности в обеспечении безопасности собранных персональных данных несовершеннолетних обучающихся, рост киберпреступности в отношении виктимных категорий участников образовательных отношений.

В западных странах цифровизация в целом воспринимается как неизбежная и позитивная тенденция. Основное внимание уделяется техническим аспектам безопасности: защите данных, фильтрации вредоносного контента, профилактике кибербуллинга [5, с. 78].

Таким образом, компаративистский анализ позволяет сделать вывод об отсутствии универсальной оптимальной модели криминологической безопасности образования. Российская централизованная модель и децентрализованные западные модели отражают разные философско-правовые традиции и социально-политические контексты. Представляется, что обеспечение криминологической безопасности российской системы образования должно в первую очередь строиться на защите национальных интересов страны и исходить из традиционных для российского общества ценностей, и при этом учитывать необходимость защиты национального суверенитета, а также прав личности на безопасную и развивающую образовательную среду.

Список использованной литературы

1. Современная зарубежная правовая мысль о новых феноменах цифровой трансформации / И.Р. Бегишев, А.К. Жарова, Е.А. Громова и др. // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 257–261.

2. Богуцка М. Понятие «human security» в международной политологии / М. Богуцка // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2013. – № 5. – С. 123–129.

3. Корф Д.В. Правовые основы современной образовательной системы Великобритании / Д.В. Корф // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3–2 (15). – С. 66–73.

4. Сидорова Е.З. Зарубежный опыт профилактики некоторых угроз криминологической безопасности образования / Е.З. Сидорова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 154–157.

5. Ситкова О.Ю. Современное состояние зарубежных научных исследований о безопасности детей в информационно-коммуникационной среде / О.Ю. Ситкова, Л.В. Шварц // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 76–88.

6. Шиловская А.Л. Использование восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Европы / А.Л. Шиловская, Л.Б. Ситдикова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 141–151.

Информация об авторе

Екатерина Закариевна Сидорова – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, ketrik6@mail.ru.

Author

Ekaterina Zakarievna Sidorova – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor, ketrik6@mail.ru.

УДК 347.7

И.В. Сизых

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В РОССИИ И КИТАЕ

В работе автором в первом приближении проводится сравнительно-правовой анализ источников правового регулирования отношений в сфере особых экономических зон (ОЭЗ) в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Предпринимается попытка классификации источников, выявляются их признаки, характерные особенности. Особое внимание уделяется вопросу частноправового регулирования отношений в сфере особых экономических зон. Исследование направлено на дальнейшую выработку рекомендаций по усовершенствованию российской системы правового регулирования отношений в сфере особых экономических зон на основе опыта Китая, поскольку Китай за короткий срок достиг высоких результатов в вопросах эффективности и привлекательности особых экономических зон в том числе в связи с системой их правового регулирования.

Ключевые слова: особые экономические зоны; правовое регулирование.

I.V. Sizykh

SOURCES OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF SPECIAL ECONOMIC ZONES IN RUSSIA AND CHINA

In this article, the author provides a preliminary comparative legal analysis of the sources of legal regulation of relations in the sphere of special economic zones (SEZs) in the Russian Federation and the People's Republic of China. An attempt is made to classify these sources and identify their characteristics and features. Particular atten-tion is paid to the issue of private law regulation of relations in the sphere of special economic zones. The study aims to further develop recommendations for improving the Russian sys-

© Сизых И.В., 2026

tem of legal regulation of relations in the sphere of special economic zones based on China's experience, as China has achieved significant results in a short period of time in terms of the effectiveness and attractiveness of special economic zones, including in connection with their legal regulation system.
Key words: special economic zones; legal regulation.

Введение. Особые экономические зоны (ОЭЗ) сохраняют высокую актуальность как объект научных исследований в России и в мире в силу их незаменимой инструментальной роли в стимулировании экономического роста, привлечении прямых иностранных инвестиций и диверсификации отраслей в условиях геополитических и структурных трансформаций. ОЭЗ представляют собой один из ключевых инструментов государственной экономической политики, направленный на активизацию инвестиций и инноваций посредством создания льготных правовых режимов, развитой инфраструктуры регионов, эффективного государственно-частного сотрудничества.

Правовое регулирование отношений в сфере ОЭЗ наряду с экономическими, политическими и иными факторами, напрямую влияет на эффективность деятельности этого института. Именно от правового регулирования зависит определение условий создания и функционирования ОЭЗ, целей их деятельности, гарантий для резидентов, инвесторов и многие другие вопросы, имеющие ключевое значение для результативности работы ОЭЗ.

Сравнительный анализ правового регулирования ОЭЗ в России и Китае приобретает особую актуальность в условиях современных геополитических условий, углубления двустороннего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и евразийской интеграции.

Исследование правового регулирования как одного из видов регулирования общественных отношений целесообразно осуществлять в первую очередь через изучение источников права как внешней формы выражения правовых норм[1]. Нормы права являются важнейшим средством правового регулирования, которое обеспечивают стабильность и упорядоченность общественных отношений.

[1] Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 752 с.

Исследование источников правового регулирования отношений в сфере ОЭЗ в России и Китае в сравнительно-правовом аспекте важно в связи со схожестью правовых систем, успешным опытом Китая в вопросах правового регулирования отношений в сфере ОЭЗ, а также необходимостью совершенствования российского правового регулирования данного инструмента в целях повышения его эффективности.

Источники правового регулирования отношений в сфере ОЭЗ в России. Правовое регулирование отношений в сфере ОЭЗ в России осуществляется посредством следующих видов источников: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные нормативные акты, а также международно-правовые источники.

Конституция определяет общие положения регулирования, основы экономического строя (ст. 8), предметы исключительного ведения РФ (ст. 71) и совместного ведения с субъектами РФ (ст. 72), что позволяет устанавливать единые правила функционирования ОЭЗ. Федеральные конституционные законы, такие как федеральный конституционный закон от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» регулируют полномочия Правительства РФ по принятию решений о создании ОЭЗ, определяют порядок разрешения споров о компетенции в создании и функционировании ОЭЗ.

Ключевым событием, давшим начало современному этапу развития правового регулирования соответствующих отношений в России, стало принятие федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – «Закон об ОЭЗ»), который систематизировал правовое регулирование и закрыл пробелы раннего периода регулирования деятельности ОЭЗ. Закон ввел понятие «особой экономической зоны», установил четыре типа зон (технологического, промышленного, туристско-рекреационного и портового типа), а также определил механизм создания, управления и режима деятельности на такой территории.

Закон об ОЭЗ состоит из 41 статьи, объединенных в 10 глав, что отражает системный подход к регулированию: от общих положений до контроля и ответственности. Структура Закона об ОЭЗ логична и следует классической юридической

технике: дефиниции → цели и принципы → процедуры → права/обязанности субъектов → контроль. Широко используется техника бланкетных норм (отсылки к Гражданскому кодексу РФ, Налоговому кодексу РФ, Таможенному кодексу РФ и т.д.), делегирования (Правительству РФ, Министерству экономического развития РФ) и рамочного регулирования.

В части международно-правовых источников, отношения в сфере особых экономических зон в Российской Федерации регулируются Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможен-ной зоны от 18.06.2010 года с учетом изменений, внесенных в него Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 года, Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и иными актами, составляющими право Евразийского экономического союза.

Соглашение о создании и управлении особой экономической зоны, которое подлежит подписанию в случае принятия федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ, решения о создании ОЭЗ, а также Соглашение об осуществлении деятельности также заслуживает внимания в рамках настоящего исследования. Хоть данные документы и не являются источником права в классическом его понимании, однако играют важную роль в регулировании отношений в рамках конкретной ОЭЗ. Указанные соглашения, обладая частноправовыми признаками регулирования, определяют вид, наименование, границы и срок существования ОЭЗ, распределяют полномочия между РФ, субъектом РФ, муниципалитетом и управляющей компанией по созданию и управлению инфраструктурой ОЭЗ, регламентируют права и обязанности сторон и т. д. В связи с этим представляется возможным в определенных случаях говорить о нетождественности понятий «источник права» и «источник правового регулирования» и отнести вышеуказанные соглашения ко второму понятию. Данный вопрос требует дополнительного детального осмысления и изучения в рамках отдельного исследования.

Источники правового регулирования отношений в сфере ОЭЗ в Китае. Правовое регулирование ОЭЗ в Китайской Народной Республике (КНР) основано на социалистической правовой системе с китайской спецификой. Само название «социалистиче-

ская правовая система с китайской спецификой» официально сформулировано руководством КНР (中国特色社会主义法律体系). В ней удивительным образом соединены характерные черты права социалистического типа, традиционные представления китайцев о роли закона в обществе (политико-правовое учение легизма и высокие нормы конфуцианской морали), некоторые основополагающие принципы международного права[1].

Еще в 1950-х годах власти КНР указывали на необходимость создания на территории КНР районов, обладающих специальным режимом, которым будут присущи признаки рыночной экономики, возможность «в определенных рамках» осуществлять самостоятельное производство товаров, их сбыт и определение цен[2]. Это и были первые предпосылки для создания ОЭЗ.

Правовое регулирование особых экономических зон (ОЭЗ) в Китае началось в конце 1970-х годов в контексте новых экономических реформ и политики открытости, которая была официально провозглашена на 3-м пленуме ЦК КПК в декабре 1978 г.

В июле 1979 г. Центральный Комитет Коммунистической партии КНР и Государственный Совет совместно издали «Документ №50», который регламентировал создание районов со специальным статусом в Шэньчжене, Чжухае, Шаньтоу и Сямынь для создания специальных зон для привлечения иностранных инвестиций[3].

В мае 1980 года ЦК КПК и Государственный совет решили переименовать четыре экспортные специальные зоны Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу и Сямэня в специальные экономические зоны[4].

В 1981 г. был принят целый комплекс нормативных актов, регулирующих вопросы инвестиций, перемещения товаров и капитала, а также трудовых отношений в рамках ОЭЗ. В этот период активно развивалась система локального законодательства. Народные правительственные органы провинций и городов получили полномочия принимать собственные норматив-

---

[1] Трощинский П.В. Правовая система Китая. М., 2016.

[2] Ван Сы-хуа. О высоких темпах социалистической индустриализации в Китайской Народной Республике // Проблемы развития экономики Китайской Народной Республики : сб. ст. М., 1958. 535 с.

[3] Zheng Henry R. Law and policy of China's special economic zones and coastal cities // NYLS Journal of International and Comparative Law. 1987. Vol. 8. No. 2. Article 2.

[4] Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. III. Пекин, 1993.

ные акты, регулирующие деятельность в зонах, что создало уникальную модель сочетания централизованного управления и широкой локальной автономии. Этот механизм позволил эффективно стимулировать приток иностранных инвестиций и технологий, способствуя становлению рыночных отношений в китайской экономике[1].

Известный специалист в области права КНР П.В. Трощинский с учетом позиций авторитетных китайских теоретиков права относит к источникам современного китайского права прежде всего Конституцию КНР, а также законы, принимаемые ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей) и его ПК (Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей).

Конституция КНР 1982 г. не содержит специальных норм о регулировании деятельности ОЭЗ, однако регулирует ОЭЗ косвенно, через общие принципы социалистической рыночной экономики.

Подзаконные нормативные правовые акты в КНР также достаточно разнообразны. Государственный совет КНР наделен правом принятия административно-правовых актов (в терминологии П.В. Трощинского) для исполнения положений законов, а также по вопросам компетенции Государственного совета (п. 1 и 2 ч. 2 ст. 65 Закона КНР «О правотворчестве»).

Статьи 65 и 81 Закона КНР «О правотворчестве» прямо определяют порядок принятия законодательства в специальных экономических зонах. Статья 65 гласит, что «народные собрания и их постоянные комитеты провинций и городов центрального подчинения, где расположены специальные экономические зоны, в соответствии с решением Всекитайского собрания народных представителей о принятии законодательства разрабатывают нормативные акты, подлежащие исполнению в рамках специальных экономических зон». Пункт 2 статьи 81 Закона КНР «О правотворчестве» устанавливает, что «в случаях, когда нормативные акты специальных экономических зон вносят изменения в положения законов, административных правил или местных нормативных актов на основании принятого решения, положения нормативных актов специальных эко-

[1] Ван Сичжэ. Свободные экономические зоны Китая: история и современность // Информация и инновации. 2020. Т. 15, № 4. С. 84–90.

номических зон применяются в пределах специальной экономической зоны». Кроме того, общие положения Закона КНР «О правотворчестве», касающиеся принятого законодательства, также применяются к принятому законодательству специальных экономических зон, например, «если принятые на основании принятого решения нормативные акты противоречат правовым положениям и невозможно определить порядок их применения, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принимает соответствующее решение».

Согласно соответствующим решениям и положениями Закона КНР «О правотворчестве», законодательство, принятое в особых экономических зонах, имеет свои уникальные особенности по сравнению с общим местным законодательством. Во-первых, при соблюдении положений Конституции и основных принципов права и административного регулирования, в отдельные положения законодательства могут быть внесены изменения. Во-вторых, положения ОЭЗ, разработанные провинциями, где расположены ОЭЗ, должны быть представлены в Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей и Государственный совет; положения ОЭЗ, разработанные городами, где расположены ОЭЗ, должны быть представлены в Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, Государственный совет и Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей провинций. Однако отличие от местных нормативных актов, разработанных крупными городами, они не требуют одобрения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей провинций. В-третьих, они имеют приоритет в применении. Положения ОЭЗ, изменяющие положения законов, административных и местных нормативных актов на основании разрешения, применяются в пределах ОЭЗ.

Таким образом, собрания народных представителей провинций и муниципалитетов, их ПК в соответствии с положениями ст.65 Закона КНР «О правотворчестве» разрабатывают нормативные акты и осуществляют их в рамках ОЭЗ на основании решений ВСНП КНР.

К числу источников права КНР относятся и международные договоры. Специалисты в области китайского права предупреждают, что необходимо анализировать не только законодательство, но и партийные документы, высказывания руководи-

телей правящей Коммунистической партии Китая (КПК). Правотворческий процесс сопряжен с обязательным участием в нем КПК. Работе ВСНП всегда предшествует съезд КПК, которая задает вектор правового развития страны. Таким образом, решения КПК можно охарактеризовать как источники содержания нормативно-правовых актов, принимаемых государственными органами[1].

Выводы. Система источников правового регулирования отношений в сфере ОЭЗ в России характеризуется высокой степенью централизации и системности. Основные положения сформулированы в одном НПА – Законе об ОЭЗ, который систематизировал правовое регулирование и закрыл пробелы раннего периода регулирования деятельности ОЭЗ. При этом особенностью правового регулирования в сравнении с КНР является отсутствие автономии на принятие нормативно-правовых актов для региональных властей и самих ОЭЗ.

В Китае система источников права разветвлена, находится с 1980 года в постоянном развитии и модернизации, используются экспериментальные механизмы формирования дифференцированных систем регулирования в каждом регионе, в каждой ОЭЗ в зависимости от индивидуальных особенностей, но исключительно в пределах рамок, обозначенных Коммунистической партией Китая и предоставленных Всекитайским собранием народных представителей. Действующая в Китае система источников правового регулирования требует более глубокого исследования в целях систематизации и классификации источников, установления их индивидуальных признаков в том числе для определения возможности и целесообразности использования опыта Китая в этой сфере для системы правового регулирования ОЭЗ в России.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. – Москва : Изд-во НОРМА, 2001. – 752 с.

2. Алексеенко А.П. Система источников права Китайской Народной Республики в свете правового регулирования платформенной экономики / А.П. Алексеенко, Н.И. Малышева //

[1] Алексеенко А.П., Малышева Н.И. Система источников права Китайской Народной Республики в свете правового регулирования платформенной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. № 3. С. 798–814.

Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – № 3. – С. 798–814.

3. Балашов К.Г. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах: проблемы и перспективы / К.Г. Балашов, Н.В. Кравченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. – 2024. – № 14 (2). – С. 56–68. – URL: https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-56-68.

4. Ван Сичжэ. Свободные экономические зоны Китая: история и современность / Ван Сичжэ // Информация и инновации. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 84–90.

5. Руйга И.Р. Опыт формирования и развития особых экономических зон в Китае / И.Р. Руйга, М.В. Ефремова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11–1. – С. 113–117.

6. Ван Сы-хуа. О высоких темпах социалистической индустриализации в Китайской Народной Республике / Сы-хуа Ван // Проблемы развития экономики Китайской Народной Республики : сб. ст. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 535 с.

7. Избранные произведения Дэн Сяопина. Т. III. – Пекин : Народное издательство, 1993. – 394 с.

8. Трощинский П.В. Правовая система Китая : монография / П.В. Трощинский. – Москва : ИДВ РАН, 2016. – 472 с.

9. Флоря О.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Флоря. – Москва, 2011. – 33 с.

10. Zheng Henry R. Law and policy of China's special economic zones and coastal cities / Zheng Henry R. // NYLS Journal of International and Comparative Law. – 1987. – Vol. 8. – No. 2. – Article 2.

Информация об авторе

Илья Викторович Сизых – аспирант кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета, ilya_sizykh@inbox.ru.

Author

Ilya Viktorovich Sizykh – Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Baikal State University, ilya_sizykh@inbox.ru.

УДК 94(47).083

В.В. Синиченко

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРИНЯТИЯ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА ВЫХОДЦАМИ ИЗ СТРАН АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается правовой механизм принятия российского подданства выходцами из стран Азии (Китая, Кореи и Японии) на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. На основе архивных материалов и законодательных актов анализируется эволюция миграционной политики Российской империи, региональные особенности и условия натурализации для различных групп азиатских иммигрантов. Особое внимание уделяется различиям в правовом статусе, процедуре перехода в подданство, а также роли местных властей и социально-экономических факторов в данном процессе. Исследование показывает, что политика интеграции носила избирательный характер и во многом определялась колониальными интересами и практическими потребностями освоения региона.

Ключевые слова: российское подданство; иммиграция; Дальний Восток; правовой механизм; миграционная политика; колонизация; натурализация.

V.V. Sinichenko

THE LEGAL MECHANISM FOR THE ADOPTION OF RUSSIAN CITIZENSHIP BY IMMIGRANTS FROM ASIAN COUNTRIES IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article examines the legal mechanism of acquiring Russian citizenship by immigrants from Asian countries (China, Korea, and Japan) in the Russian Far East in the late 19th and early 20th centuries. Based on archival materials and legislative acts, the article analyzes the evolution of the Russian Empire's migration policy, regional characteristics, and conditions for naturalization for various groups of Asian immigrants. Special attention is given to the differ-

© Синиченко В.В., 2026

ences in legal status, the procedure for acquiring citizenship, and the role of local authorities and socio-economic factors in this process. The study shows that the policy of integration was selective and was largely determined by colonial interests and the practical needs of developing the region.

Key words: Russian citizenship; immigration; the Far East; legal mechanism; migration policy; colonization; naturalization.

Колонизация Дальнего Востока в период Российской империи (особенно во второй половине XIX – начале XX века) создала уникальную ситуацию.

Дело в том, что в Сибирь и на Дальний Восток стали переселяться наряду с российскими гражданами и иностранные подданные. Основной поток иностранцев на Востоке России составляли выходцы из стран Азии: Китая (Цинской империи), Кореи и Японии.

Миграционная политика в отношении японцев складывалась на основе Симодского трактата, подписанного между Россией и Японией в 1855 г. Этот документ давал право личной безопасности японским иммигрантам и неприкосновенности их собственности. Подписанные позже: трактат 1858 г. о торговле и дружбе между Россией и Японией и договор о торговле и мореплавании 1895 г. сохраняли уже принятые права. Число переселившихся на русский Дальний Восток японцев составляло в 1910 г. около 4 тыс. человек и менялось в зависимости от времени года, увеличиваясь летом и уменьшаясь зимой. Жили японцы главным образом в крупных городах и центрах края – Владивостоке, Хабаровске и Чите, в деревнях и селах их почти не было. Для примера во Владивостоке численность японских иммигрантов в 1878 г. достигла 80 человек [1, с. 202]. За 11 лет с 1881 г. по 1891 г. число японцев во Владивостоке возросло более, чем в 2 раза (с 230 до 517 человек), а за последующие 10 лет, с 1891 г. по 1900 г. – более, чем в 4 раза (с 517 до 2216 человек) [2, с. 213].

Во Владивостоке наибольшее число японских иммигрантов принадлежало к разряду ремесленников и прислуги; второе место занимали женщины, занимающиеся проституцией, а затем шли коммерсанты, врачи и дантисты [2, с. 214].

Российское подданство приняло менее 5 % японцев, переселившихся на Дальний Восток России. Японский консул и японские общества препятствовали смене подданства микадо.

Корейские иммигранты для российской администрации на Востоке страны были более удобным элементом в плане освоения и колонизации территории. После подписания Пекинского договора 1860 г. в 1863 г. первые 13 корейских семей поселились в Приморье и основали первую корейскую деревню Тизинхэ [1, с. 130].

К середине 60-х гг. XIX в. существовали в Приморской области уже три корейские деревни: Тизинхэ, Янгихе и Сидими, в которых насчитывалось 1800 человек [1, с. 134].

В целях «скорейшего обрусения и приобщения к России» генерал-губернатор М.С. Корсаков предложил в 1866 г. духовенству, употребить все старания к обращению корейцев в христианство. Уже к концу 70-х годов XIX века в Приморской и Амурской областях в 21 корейском селении насчитывалось 6 766 корейцев, из них 2 002 человека были крещенными, что подразумевало принятие российского подданства [3, с. 45].

Корейцы массово селились в приграничной с Кореей Приморской области. На Амуре ими было основано только одно село.

Со времени экспансии Японии в Корею и вытеснения японцами корейцев из страны, поток корейских иммигрантов в Россию резко возрос. К 1 января 1912 г. в пределах Приамурского края было официально зарегистрировано 62529 душ корейского населения, из них 9 тысяч проживало во Владивостоке [3, с. 128].

Только в 1911 г. после аннексии Японией Кореи желающих перейти границу и связать свою жизнь с Россией и было 8209 корейских семей (с детьми это около 50 тыс. человек). Однако царское правительство уже неохотно предоставляло подданство. По результатам земской переписи 1917 г. из общего числа корейского населения Приморской области 81825 человек, русское гражданство имели только 32841 корейца [3, с. 105, с. 133].

Что касается китайцев, то существовало два основных района проживания китайцев: Зазейский край Амурской области и Южно-Уссурийский край Приморской области. Китайские подданные делились на две категории: зазейские маньчжуры (около 10,5 тыс. чл.), которые сохранили цинское подданство согласно статьям Айгуньского договора 1858 г., и остальные ки-

тайские подданные, статус и права которых официально не были закреплены около 3 тыс чл. [1, с. 6].

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в своем письме директору Азиатского департамента МИДа Российской империи Е.К. Бюцову писал в 1869 г., что манзы Приморья, перешли в российское подданство в силу 1-й статьи Пекинского договора, и обязаны подчиняться русским законам [4, Ф. 24. Оп. 11/1. Д. 154. Л. 74].

Поскольку первым шагом к принятию российского подданства было признано уплата налогов российскому правительству было введено правило обязать манз получать после уплаты налога билет на проживание. Пойманных без документов подвергали штрафу (5 рублей) и после оплаты всех сборов выдавали новый билет. Если китаец сопротивлялся, он депортировался на родину.

Зазейским китайцам выдавались бессрочные билеты (вид на жительство) с указанием места жительства и занятия. Китайцы занимались сельским хозяйством и имели право владеть на территории России недвижимым имуществом, хотя продолжали сохранять цинское подданство и соответственно подчинялись в юридическом отношении китайским властям.

Отметим также, что стимулировало принятие китайцами русского подданства, издание 23 января 1894 г. Приамурским генерал-губернатором «Правил для покупки в Приамурской области русскими подданными казенных земель». Означенные правила, разрешали владеть землей только русскоподданным [4, Ф. 99., Оп. 1., Д. 96. Л.1–2].

Если китайцы-земледельцы Приморья под воздействием денежных сборов и в надежде на 20-летние освобождение от податей переходили в российское подданство, то принятые нормы оставили «зазейских» манз в китайском подданстве до 1900 г. В этот год вооруженный конфликт России и Китая привел к полной ликвидации китайского землевладения и экстерриториальности на Амуре [5, с. 56].

Если рассматривать юридическую сторону вопроса, то принятие азиатских подданных в российское подданство проходило на основании «Законов в состояниях» Свода Законов Российской империи.

В разделе Законов в состояниях из Свода Законов Российской империи, посвященном иностранным подданным,

наибольшее число статей о порядке и условиях перехода иностранцев в российское подданство. Процедура перехода была довольно сложным и часто долговременным процессом. Первоначальным условием было предварительное водворение иностранца на территории России на срок не менее пяти лет[1] и естественно, личное желание сменить подданство. Желавший водвориться подавал прошение местному губернатору и получал свидетельство, со дня, подписания которого и считался срок его водворения. По прошествии пяти лет иностранный подданный подавал прошение о смене подданства на имя Министра внутренних дел, которое должно было содержать информацию о месте, времени проживания, образе жизни и деятельности просителя, подтвержденную документально. Чаще всего в делах иностранцев, проживавших в Приамурском генерал-губернаторстве, встречаются ходатайства представителей местных обществ (старожилов, известных предпринимателей), благоприятные отзывы городских полицмейстеров, свидетельства городских управ о получении купеческих свидетельств и т.п. Кроме того, в прошении указывалось, к какому обществу и сословию проситель желает приписаться и в каком хочет быть приведенным к присяге[2].

Российское подданство распространялось непосредственно на просителя и его жену. В соответствии с законодательными нормами жены иностранцев, принявших российское подданство, а также иностранки, вступившие в брак с россиянами, становились подданными России без совершения присяги[3].

Вдовы иностранцев, разведенные иностранки, а также никогда не состоявшие в браке могли самостоятельно сменить подданство на российское. Процедура переезда для них ничем не отличалась от предписанной для иностранцев мужчин. Замужние иностранки к принятию российского подданства отдельно от мужей не допускались. Для некоторых категорий иностранцев был установлен льготный режим. Он выражался либо в сокращении срока предварительного водворения в стране, либо в том, что решение могло приниматься на уровне губернатора области.

---

[1] Свод Законов российской империи (СЗРИ). Т. 9. Законы о состояниях. СПб. 1899. Ст. 836, 837, 839. С. 168-169.

[2] Там же. Ст. 842.

[3] Там же. Ст. 855.

Женщины, бывшие россиянки, но вступившие в брак с иностранцем, в случае смерти мужа или развода могли беспрепятственно вернуться в подданство России вместе с детьми. Условием было предоставление губернатору по месту жительства удостоверения о прекращении брачного состояния. Свидетельство губернатора о том, что такой документ ему предоставлен, служило доказательством возвращения ее в российское подданство[1].

Совершеннолетние дети бывших иностранцев могли сменить подданство льготным порядком либо одновременно с родителями, либо в течение следующего года[2]. Если они этого не делали в течение означенного времени, то процедура перехода была обычной.

Дети иностранцев имели право изменить подданство отдельно от родителей, если родились и были воспитаны в России, или родились за границей, но окончили российские высшие или средние учебные заведения, но только в течение года со времени достижения ими совершеннолетия (21 год)[3].

На сокращение срока водворения могли рассчитывать также иностранцы, прибывшие в Россию в 1864 г.; имевшие особые заслуги перед российским обществом; известные талантами, познаниями или поместившие значительные капиталы в российские предприятия[4].

Таким образом, политика Российской империи в отношении натурализации азиатских иммигрантов на Дальнем Востоке носила избирательный и прагматичный характер. Правовой статус и условия натурализации существенно различались для выходцев из Китая, Кореи и Японии, что определялось внешнеполитическими договорами, внутриполитической конъюнктурой и восприятием каждой группы властями.

Японцы, чей статус регулировался международными трактатами, составляли наименьшую и наиболее урбанизированную группу мало принимавшую российское подданство.

Корейцы изначально рассматривались как наиболее предпочтительный элемент для колонизации пустующих земель,

---

[1] Свод Законов российской империи (СЗРИ). Т. 9. Законы о состояниях. СПб. 1899. Ст. 853.

[2] Там же. Ст. 851.

[3] Там же. Ст. 850.

[4] Там же. Ст. 848.

что поощрялось властями (в т.ч. через обращение в христианство). Однако после аннексии Кореи Японией и резкого роста потока беженцев царское правительство стало крайне сдержанно предоставлять им подданство, опасаясь чрезмерного роста иноэтничного населения.

Китайцы представляли наиболее сложную и неоднородную категорию. Их правовой статус (особенно «зазейских» маньчжуров) определялся положениями Айгуньского и Пекинского договоров. Механизмы административного и налогового давления (система билетов) использовались для регулирования их пребывания и стимулирования перехода в подданство, ключевым стимулом для которого выступало право приобретения земли.

Общеимперская правовая процедура натурализации, закрепленная в Своде Законов, была сложной, бюрократичной и длительной (не менее 5 лет предварительного водворения). На практике ее реализация на Дальнем Востоке зависела от дискреционных полномочий местных властей (губернаторов, полиции), их отношения к конкретным мигрантам и ходатайств местных обществ. Это создавало пространство для субъективного подхода и региональной специфики.

Итак, правовой механизм принятия российского подданства азиатскими иммигрантами на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. выступал не нейтральным административным каналом, а инструментом гибкой и дифференцированной политики, подчиненной задачам колонизации, экономического развития и сохранения контроля в стратегически важном, но слабозаселенном регионе.

Список использованной литературы

1. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье : Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве. – Санкт-Петербург : Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – [3], 4, IV, 480, [4] с. : [С прил.: 1–46, 48–51]. – (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции ; вып. XI).

2. Сибирские Вопросы. – 1906. – № 2. – С. 213–214.

3. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи / Б.Д. Пак ; Междунар. центр корееведения МГУ им. М.В. Ломоносова, Меж-

дунар. центр азиат. исслед. Иркут. гос. пед. ин-та. – 2-е изд., испр. – Иркутск : ИГПИ, 1994. – 236 с.

4. Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО).

5. Дацышен В.Г. Уссурийские купцы. Судьбы китайцев в дореволюционной России / В.Г. Дацышен // Родина. – 1995. – № 7. – С. 54–57.

Информация об авторе

Владимир Викторович Синиченко – советник при ректорате Байкальского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, v.v.sinichenko@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9384-2175.

Author

Vladimir Viktorovich Sinichenko – Advisor to the Rector's Office Baikal State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, v.v.sinichenko@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9384-2175.

УДК 343.2:340.5

А.В. Скоробогатов

МЕМОРИАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО В КОМПАРАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена исследованию феномена мемориального уголовного права как правового явления, которое существует в национальных правовых реальностях во всех регионах мира. На основе методологии культурной криминологии, автор изучил состояние правового регулирования отношений в сфере охраны исторической памяти и сделал вывод, что развитие современной правовой реальности, независимо от национальных социокультурных особенностей, характеризуется криминализацией исторического дениализма и созданием правовых гарантий сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах, которая рассматривается в качестве ценностной основы национальной безопасности и гражданской идентичности. В статье предлагается дефиниция мемориального уголовного права как совокупность уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за публичное отрицание, оправдание и искажение исторической памяти. В статье приведена типология моделей мемориального уголовного права, обусловленных политическими и социокультурными факторами развития национальной правовой реальности (западноевропейская, постсоциалистическая, англосаксонская, посттоталитарная, постколониальная). Специфика охраны исторической памяти в России продиктована патриотическим мнемоническим правовым режимом.

Ключевые слова: мемориальное уголовное право; культурная криминология; сравнительное правоведение; историческая память; гражданская идентичность; криминализация исторического дениализма.

© Скоробогатов А.В., 2026

A.V. Skorobogatov

MEMORIAL CRIMINAL LAW IN A COMPARATIVE DIMENSION

This article examines the phenomenon of memorial criminal law as a legal phenomenon that exists in national legal realities across the globe. Using the methodology of cultural criminology, the author examines the state of legal regulation of relations in the field of historical memory protection and concludes that the development of modern legal reality, regardless of national sociocultural characteristics, is characterized by the criminalization of historical denialism and the creation of legal guarantees for the preservation, transmission, interpretation, and representation of information about key historical figures, events, and symbols, which is considered the foundation of national security and civic identity. The article proposes a definition of memorial criminal law as a set of criminal law norms establishing criminal liability for the public denial, justification, and distortion of historical memory. This article presents a typology of memorial criminal law models shaped by political and sociocultural factors in the development of national legal realities (Western European, post-socialist, Anglo-Saxon, post-totalitarian, post-colonial). The specifics of historical memory protection in Russia are dictated by a patriotic mnemonic legal regime.

Key words: memorial criminal law; cultural criminology; comparative law; historical memory; civic identity; criminalization of historical denialism.

Развитие глобальной правовой реальности, как и правовых реальностей отдельных государств, характеризуется юридизацией памяти, в результате которой историческая память из области социальных практик и объекта научного исследования переводится в сферу правовой охраны. Это привело к появлению специфичного правового явления мемориального права, которое можно рассматривать в качестве межотраслевого правового института, регулирующего вопросы содержания, сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических фактах. Устанавливая фреймы исторической памяти, государство определяет границы право-

мерного поведения (вербального и функционального) и устанавливает ответственность за действия и высказывания, которые противоречат официальному историческому нарративу.

Подобная криминализация обусловлена признанием значения исторической памяти не только в создании и поддержании ценностных основ гражданской идентичности, но и в обеспечении национальной безопасности. Получившие распространение в последние годы «войны памяти» («memory wars») показывают, что информация о прошлом перестала восприниматься как простая фиксация исторических фактов, выступая активным ресурсом цивилизационного противостояния. Так, движение Black lives matter активно использует мемориальные аргументы при обосновании политических претензий чернокожего населения США не только на равноправие, но и на историческую справедливость, включая материальную компенсацию за рабство предков [8]. Переход памяти с исключительно аксиологического уровня в плоскость онтологической безопасности сопровождался не только формированием правовых гарантий сохранения исторической правды, но и установлением мер юридической ответственности за ее отрицание и искажение.

Специально анализировавшая этот вопрос итальянский исследователь Э. Фронза предложила для обозначения неправомерных действий и высказываний в отношении исторической памяти и визуально-материальных мемориальных объектов использовать термин «исторический дениализм» («Historical Denialism») [6]. Нам представляется, что данный термин может быть распространен на все вербальные и функциональные проявления публичных действий, которые направлены на отрицание, искажение и фальсификацию исторических фактов. В уголовно-правовой плоскости это позволяет рассматривать историческую память в качестве объекта преступления и свидетельствует о появлении мемориального уголовного права [11] как совокупности уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за публичное отрицание, оправдание и искажение исторической памяти.

Ориентация мемориального уголовного права на сознание субъекта права не только связана с формированием ценностных ориентаций на совершение действий, не нарушающих уголовно-правовые запреты, но и конструирует в правовом сознании смыслы, интенционально направленные на определение содер-

жания исторической правды. Во-первых, благодаря криминализации действий, связанных с искажением, отрицанием и фальсификацией официального исторического нарратива, государство производит его демаркацию. Во-вторых, наказание лиц, виновных в преступлениях против исторической памяти, призвано не только установить меру юридической ответственности, но и исключить этих лиц из числа общества, идентифицирующим признаком которого является признание исторической правды. В-третьих, уголовная демаркация исторического нарратива выводит конфликт исторических интерпретаций из исключительной сферы научного дискурса, включая его в секьюритизационный контекст. В-четвертых, закрепляя официальный исторический нарратив, уголовный закон позиционирует интенциональность господствующего в стране мнемонического правового режима (виктимный, героический, патриотический).

Выбор конкретных моделей уголовно-правовой охраны исторической памяти обусловлен рядом социокультурных факторов, среди которых можно обозначить: (1) наличие исторического опыта травмы, в которой государство и(или) общество выступало жертвой или агрессором; (2) степень секуляризации и роль религии (в т.ч. гражданской) в жизни государства и общества; (3) форма политического режима и тип легитимации власти; (4) традиции публичной истории и восприятия прошлого в обществе и государстве; (5) геополитическое положение и внешнеполитические приоритеты.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить несколько основных моделей уголовно-правовой охраны памяти, которые в том или ином варианте реализуются в конкретных условиях:

Западноевропейская модель, характерная для большинства стран Западной Европы, основана на криминализации отрицания преступлений нацизма и Холокоста (этнического геноцида) [7]. Закон призван охранять историческую память через призму защиты человеческого достоинства, в т.ч. средствами реституции [3]. Отрицание геноцида при этом рассматривается как форма возбуждения ненависти к социальной группе по этническим, языковым, расовым и религиозным признакам. Государство криминализуя историческую память тем самым определяет пределы интерпретации прошлого и выступает арбитром исторической истины. В этой ситуации пеналистиче-

ский акцент смещен с наказания непосредственных исполнителей, большинство которых не дожило до наших дней, к наказанию ревизионистов.

Постсоциалистическая модель, характерная для стран Центральной и Восточной Европы, основана на идее «двойного тоталитаризма», направленной на сохранение памяти о национальной жертве в условиях фашистского и социалистического режима [2]. Мемориальное уголовное право используется в качестве инструмента признания преступности прежних режимов, разрыва с социалистическим прошлым и построения гражданской идентичности, базирующейся на традиционных национальных ценностях, восходящих к основам средневековой государственности. При этом провозглашается ориентированность не только на внутреннюю консолидацию, но и на внешнюю защиту исторического суверенитета [10].

Англосаксонская модель, получившая распространение в странах общего права, связана с доминированием либеральной традиции, ставящей свободу слова выше защиты исторической памяти уголовно-правовыми средствами. Преимущественно восстановление исторической справедливости осуществляется нормами административного и гражданского права. Уголовно-правовая защита памяти осуществляется опосредовано: в составах преступлений на почве ненависти в качестве отягчающих обстоятельств признаются этнические, религиозные и расовые мотивы [5].

Посттоталитарная модель, получившая распространение в странах Латинской Америки, переживших военные диктатуры в относительно недавнем прошлом, связана не столько с осуждением режима и наказанием за отрицание его преступности, сколько с криминализацией действий лиц, принимавших непосредственное участие в функционировании диктаторских режимов, которые совершали преступления не только против своего народа, но и против человечности [1]. В основе этого подхода лежит концепция «Никогда больше» («Nunca Más») [13]. Уголовный закон при этом выступает инструментом установления исторической истины.

Постколониальная модель, получившая широкое распространение в странах Африки, Азии и Океании, переживших период колониального господства и внутренних этнических конфликтов, предполагает сочетание криминализации историче-

ской памяти с нормами обычного права и восстановительного правосудия с целью восстановления и поддержания социального мира [4]. Защита исторической памяти в форме публичного признания преступлений колониалистов или прежних режимов направлена не столько на наказание виновных в ее нарушении, сколько на предотвращение рецидивов насилия. Зачастую защита исторической справедливости сопровождается реститутивными нормами применительно к маргинализированным группам. При этом происходит интеграция традиционных механизмов урегулирования конфликтов в уголовное и уголовно-процессуальное право [12].

Хотя российская модель уголовно-правовой охраны исторической памяти интенционально близка к западноевропейской, на имеет свою специфику, связанную с включением исторической памяти не только в структуру традиционных ценностей, но и в секьюритизационный контекст. Акцент сделан на защите законодательно закрепленного официального исторического нарратива, эксплицирующего конвенциональный результат социальной рефлексии прошлого, от искажения, отрицания и фальсификации. Хотя акцент при этом сделан на событиях Великой Отечественной войны, речь идет о противодействии конструированию контрнарратива, охватывающего всю тысячелетнюю историю России. В этом смысле к российской модели близка китайская, акцентирующая необходимость защиты памяти не только о социалистическом, но и имперском периоде истории [9].

Таким образом, современная правовая реальность характеризуется криминализацией исторического дениализма и созданием правовых гарантий сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах, которая рассматривается в качестве ценностной основы национальной безопасности и гражданской идентичности. Это позволяет говорить о формировании мемориального уголовного права как совокупности уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за публичное отрицание, оправдание и искажение исторической памяти. В зависимости от социокультурных и политических факторов можно выделить пять моделей мемориального уголовного права: западноевропейская, постсоциалистическая, англосаксонская, посттоталитарная и постколониальная. Российская специфика

охраны исторической памяти продиктована патриотическим мнемоническим правовым режимом.

Список использованной литературы

1. Евсеев А.П. Переходное правосудие в Колумбии: нереализованный потенциал / А.П. Евсеев // Международное правосудие. – 2020. – № 4 (36). – С. 77–99. – DOI 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99.
2. Belavusau U. Epilogue: Mnemonic Constitutionalism in Central and Eastern Europe / U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias // European Papers. – 2020. – Vol. 5. – No. 3. – P. 1231–1246. – DOI: 10.15166/2499-8249/432.
3. Caligiuri A. Legal aspects concerning the restitution of cultural property removed during colonial occupation / A. Caligiuri // Questions of International Law. – 2024. – Vol. 103. – P. 47–62.
4. Jewsiewicki B. Chapter 3. Historical Memory and Representation of New Nations in Africa / B. Jewsiewicki // Diawara M., Lategan B., Rüsen J. (eds.). Historical Memory in Africa: Dealing with the Past, Reaching for the Future in an Intercultural Context. – New York, Oxford Berghahn Books, 2010. – P. 53–66.
5. Epstein M. Holocaust Denial Legislation in the United Kingdom, Germany, Austria, and the United States: How the Law Presently Addresses the Issue and Proposals for Reform / M. Epstein // Cardozo International & Comparative Law Review. – 2024. – Vol. 7 (1). – P. 251–273.
6. Fronza E. Memory and Punishment: Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law / E. Fronza. – Dordrecht: Asser Press, Springer, 2018. – XXXIX, 217 p. – DOI: 10.1007/978-94-6265-234-7.
7. Kansteiner W. Transnational Holocaust Memory, Digital Culture and the End of Reception Studies / W. Kansteiner // Andersen T.S., Törnquist-Plewa B. (eds.) The Twentieth Century in European Memory: Transcultural Mediation and Reception. – Leiden, Boston : Brill, 2017. – P. 305–344.
8. Lebron C.J. The making of Black lives matter: a brief history of an idea / C.J. Lebron. – New York : Oxford University Press, 2017. – XXII, 187 p.
9. Li Huaiyin. From revolution to modernization: The paradigmatic transition in Chinese historiography in the Reform era /

Li Huaiyin // History and theory. Middletown. – 2010. – Vol. 49. – No. 3. – P. 336–360. – DOI: 10.1111/j.1468-2303.2010.00548.x.

10. Lipiński A. Heroisation and victimisation: populism, commemorative narratives and National Days in Hungary and Poland / A. Lipiński, G. Szabo // Journal of Contemporary European Studies. – 2022. – Vol. 31 (2). – P. 345–362. – DOI: 10.1080/14782804. 2022.2130190.

11. Matuschek M. Erinnerungsstrafrecht: eine Neubegründung des Verbots der Holocaustleugnung auf rechtsvergleichender und sozialphilosophischer Grundlage / M. Matuschek. – Berlin : Duncker & Humblot, 2012. – 294 s.

12. Mwambari D. Navigating Cultural Memory: Commemoration and Narrative in Post-Genocide Rwanda / D. Mwambari. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – XX, 310 p.

13. Vazquez Guevara V. Prologue to Truth: Argentina's National Commission on the Disappeared and the Authority of International Law / V. Vazquez Guevara // Leiden Journal of International Law. – 2022. – Vol 35. – No. 1. – P. 105–127. – DOI: 10.1017/S0922156521000595.

Информация об авторе

Андрей Валерьевич Скоробогатов – профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, доктор исторических наук, доцент, av.skorobogatov@ mail.ru.

Author

Andrey Valerievich Skorobogatov – Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Doctor of Historical Science, Associate Professor, av.skorobogatov@mail.ru.

УДК 347.1

Ю.А. Тарасенко

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ РЕЛИКВИАЛЬНЫХ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОБЫЧАЕВ

В статье проводится теоретико-правовой анализ феномена обычая как источника гражданского права с позиции его внутренней дифференциации. Автор выделяет два базовых типа обычаев: классические (исторически сложившиеся, локализованные в пространстве и времени) и неклассические (рукотворные). В рамках последней категории предложена трехзвенная классификация: международные торговые обычаи, нормативно-порожденные обычаи, формирующиеся на основе пробелов в действующем законодательстве, и реликвиальные обычаи – правила из утративших юридическую силу нормативных актов, продолжающие применяться в практике по традиции. Установлено, что ключевым критерием разграничения выступает наличие или отсутствие исторической локализации и прямой связи с позитивным правом. Практическая значимость классификации обусловлена различным правовым режимом применения: классические обычаи действуют как самостоятельный источник права, тогда как рукотворные требуют договорной легитимации.

Ключевые слова: обычай делового оборота; реликвиальный обычай; нормативно-порожденный обычай; источник права; статья 5 ГК РФ; правоприменительная практика; классификация обычаев.

Yu. A. Tarasenko

ON THE INTRODUCTION OF RELICIUM AND NORMATIVE-LEGAL CUSTOMS INTO SCIENTIFIC DISCUSSION

This article provides a theoretical and legal analysis of the phenomenon of custom as a source of civil law from the perspective of its internal differentiation. The author distinguishes two basic

© Тарасенко Ю.А., 2026

types of customs: classical (historically established, localized in space and time) and non-classical (man-made). Within the latter category, a three-tier classification is proposed: international trade customs, normatively generated customs formed based on gaps in current legislation, and relic customs—rules from legally invalid regulations that continue to be applied in practice by tradition. It is established that the key criterion for this distinction is the presence or absence of historical localization and a direct connection with positive law. The practical significance of this classification stems from the different legal regimes of application: classical customs act as an independent source of law, while man-made customs require contractual legitimation.

Key words: business custom; relic custom; normatively generated custom; source of law; Article 5 of the Civil Code of the Russian Federation; law enforcement practice; customs classification.

В позитивном праве (ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации – далее ГК РФ) закреплены признаки, которым должно соответствовать проявление обычного права. Так, согласно данной статье, признаками обычая выступают (1) сложившееся (2) широко применяемое (3) не предусмотренное законодательством правило поведения.

Существует одна особенность, которая напрямую не вытекает из тех признаков, которые закреплены в российском позитивном праве, но присуща любому историческому обычаю (назовем его – классическим) – его *локальный* характер. Это следует из того, что любое правило возникает и формируется на определенной территории.

Ориентируясь на данные в ГК РФ минимальные признаки и указанную нами особенность, можно классифицировать обычаи на две основные разновидности: (1) классические обычаи; (2) неклассические (рукотворные) обычаи.

К классическим обычаям следует отнести такие правила поведения, которые сложились на определенной территории в ходе многократного применения участниками частноправовых отношений в течении определенного времени и не получившие закрепления в позитивном праве.

В полной мере такому подходу соответствуют правила портов, правила ярмарок и некоторые другие правила [2].

В современной практике к обычаям относят явления, которые не являются таковыми, но внешне весьма схожи. Например, называют обычаями правила поведения, сформированные Международной торговой палатой (ИНКОТЕРМС и т.п.).

Указанные правила поведения не обладают главным признаком классического обычая – они сформированы рукотворно, т.е. не имеют стадии исторического становления.

Насколько важна отмеченная нами данная особенность – (а) наличие временного периода и (б) локальность формирования для квалификации правила поведения в качестве обычая?

Мы полагаем, что разделение обычаев на классические и рукотворные имеет прежде всего, прикладное значение. Поэтому, важно различать указанные разновидности данных явлений. Проиллюстрируем сказанное на следующем примере.

К числу первой категории (классические обычаи) относимы только исторические обычаи. Они изначально не имеют под собой никакого основания (опоры) в виде какого-либо правила, и частные лица такое правило формируют сами своими действиями в течении определенного времени.

Вторая категория (рукотворные обычаи) включает такие разновидности, как (а) международные торговые обычаи; (б) нормативно-порожденные обычаи; (в) реликвиальные обычаи.

Под *международным торговым обычаем* понимают сложившееся в практике международного торгового оборота единообразное правило поведения, которое не отражено в законодательстве и международных договорах, но получило признание государств и участников внешнеэкономической деятельности [1, с. 58–107].

Международный торговый обычай – есть конструкция рукотворная (не имеющая исторического формирования) и не привязанная к какому-либо определенному месту, поскольку разрабатывается для использования в любой точке земного шара (где стороны сочтут необходимым им воспользоваться). Согласно общепризнанному мнению, примером таких обычаев является ИНКОТЕРМС.

Нормативно-порожденные обычаи. Указанное наименование (от лат. norma – «норма» + generare – «порождать»), подчеркивает прямую зависимость обычая от действующих правовых норм – он формируется как устойчивая практика в рамках или на основе предписаний закона.

Такие обычаи возникают из норм законодательства. Точнее, они появляются в результате деятельности лиц, применяющих в своей деятельности те или иные нормы закона. В качестве примера можно привести традицию оплаты за пользование имуществом каждый месяц (ежемесячно). Из норм ГК РФ об аренде не следует как часто следует вносить плату за пользование. Контрагенты могут определить периодичность платежей в договоре. Но в подавляющем большинстве случаев такое условие не прописывается. Такой пробел не вызывает особых трудностей на практике – стороны осуществляют платежи ежемесячно. Поскольку закон прямо не регулировал этот вопрос, отдавая его на откуп договору, даже при отсутствии в последнем какого-либо решения, очевидно, сторонам в договоре просто было удобно так рассчитываться (причем, удобно и собственнику, и пользователю). Поэтому, при отсутствии в договоре указания на периодичность платежа, срок обычно определяется из расчета каждый месяц.

Такой порядок (платежи каждый месяц) является не чем иным как обычаем [3, с. 97]. Данный обычай сформировался не в определенном месте на определенной территории (этим он отличается от классического обычая); его место действия – территория страны, где приняты законы, ставшие основой для формирования такого правила (этим он отличается от рукотворного обычая, действующего глобально).

Правила нормативно-порожденного обычая формируются точно также, как и классические обычаи – т.е. регулярными, однотипными (стандартными) действиями частных лиц. Отличие же от классического обычая состоит в том, что если первые возникают в отсутствии вообще какого-либо позитивного регулирования, то вторые уже имеют в качестве основы норму действующего законодательства. Но ввиду неполноты законодательного регулирования, участники частноправовых отношений своими действиями восполняют то, что не было отражено в законе. Такие обычаи также не имеют исторической локализации. Их действие производно от нормы позитивного права, которая охватывает все пространство соответствующей юрисдикции. Соответственно, это пространство также является ареалом для нормативно-порожденных обычаев.

Реликвиальные обычаи. В российской правовой практике встречались ситуации, когда правилам из нормативных актов,

утративших силу, придавался статус обычая. Речь идет о документах времен РСФСР и СССР, которые перестали действовать либо были официально признаны не подлежащими применению.

Наиболее показательные примеры связаны с инструкциями Госарбитража СССР[1]. Эти нормы получили признание в качестве обычаев делового оборота[2].

Приведенный пример позволяет обратить внимание на следующую особенность данных правил – они получили признание в качестве обычая после того, как утратили юридическую силу нормативно-правовые акты, составляющие их форму[3]. Данные правила применялись после этого участниками гражданско-правовых отношений уже по привычке в течении определенного времени.

По своей сути такие правила не могут быть отнесены к классическому обычаю, поскольку основа их – нормативно-правовой акт (хотя бы впоследствии и утративший силу). Не тождественны они и нормативно-порожденному обычаю.

Такие правила можно назвать *реликвиальным* обычаем (от лат. reliquiae – «остатки, наследие»). Обоснование этому следующее: обычай выступает некой «реликвией» прежнего правового порядка, сохранившейся в социальной практике.

Реликвиальный обычай можно сопоставить с другими типами обычаев.

(а) С классическим обычаем (исторически сложившимся независимо от закона): классический обычай не имеет прямой юридической предыстории; реликвиальный – «наследует» упраздненное право.

(б) С рукотворным обычаем (созданным частными лицами): рукотворный обычай возникает «с нуля, с чистого листа» как результат целенаправленной деятельности; реликвиальный – результат «трансформации» права в традицию.

---

[1] Инструкция № П 6 (утверждена постановлением от 15 июня 1965 г.) – регламентировала порядок приемки продукции производственно технического назначения и товаров народного потребления по количеству; Инструкция № П 7 (утверждена постановлением от 25 апреля 1966 г.) – также регулировала приемку продукции и товаров по количеству.

[2] См. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10 ноября 2008 г. по делу № А56-47642/2007.

[3] Утрата юридической силы данный инструкций связана с принятием второй части ГК РФ в 1996 г.

(в) С нормативно-порожденным (правовым) обычаем (возникшим на базе действующих норм): нормативно-порожденный обычай легитимирован текущим правом; реликвиальный – опирается на утраченную легитимность.

Есть и менее известный, но тоже важный пример: нормы из Методики определения количества тепловой энергии и теплоносителя в водяных системах коммунального теплоснабжения (утверждена приказом Госстроя РФ от 6 мая 2000 г. № 105) также были признаны обычаями после того, как сам документ утратил силу[1].

Все вышеуказанные нами случаи иллюстрируют практическую важность выделения рукотворных обычаев. Такие обычаи имеют все (или почти все) признаки классического обычая, за исключением самого главного – исторического происхождения в определенном месте. Именно последнее вкладывает в формирующееся правило особенности, которые позволяют рассматривать обычай именно как *источник* права. Отсутствие локализации делает правило универсальным. Оно может применяться в любом месте и быть привязанным к любым субъектам – это осуществляется посредством привязки в договоре.

Иными словами, применить универсальный обычай можно *только* предварительно об этом договорившись. И именно поэтому, правила поведения в вышеприведенных примерах (ИНКОТЕРМС, Инструкции и т.п.) практика признает обычаями, но не классическими. Суды указывают, что такие «обычаи» могут применяться сторонами *только при наличии ссылки* на них в договоре[2]. Это означает, что *сами по себе* такие источники классическим обычаем быть не могут, поскольку нуждаются в легитимации их посредством договора. Классические обычаи в такой легитимации не нуждаются. Обычаи, являющиеся источниками, имеют свое место в общей иерархии источников права и применяются согласно данной последовательности.

---

[1] См. Определение ВАС РФ от 19 января 2009 г. № 14882/08 по делу № А60-10011/2007-С4.

[2] В 1997 г. в Постановлении Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» (п. 14), было указано, что порядок приемки продукции, регламентированный данными инструкциями, может быть использован сторонами только в случаях, когда это предусмотрено договором.

Список использованной литературы

1. Белов В.А. Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение / В.А. Белов // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 1.

2. Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле: понятие, применение, формирование, применимое право, типовые контракты / И.С. Зыкин. – Москва, 1983.

3. Миклашевская Н. Применение судами обычаев делового оборота / Н. Миклашевская // Хозяйство и право. – 2004. – № 7.

Информация об авторе

Юрий Александрович Тарасенко – доцент кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент, tarasenkou69@mail.ru.

Author

Yuri Aleksandrovich Tarasenko – Associate Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, tarasenkou69@mail.ru.

УДК 343.1

А.Н. Тепленко

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ЭТАПЕ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматриваются возможности применения цифровых технологий на этапе досудебного производства при подачи иностранным гражданином заявления о преступлении. Исследуются возможности цифровой трансформации данного процесса в контексте подачи заявления о преступлении в электронном виде и исполнения представительских функций в отношении иностранного гражданина. Анализируется отечественное уголовно-процессуальное законодательство на предмет возможности внесения изменений, касающихся подачи заявления о преступлении в электронном виде. Автором предлагается теоретическая модель подачи заявления в электронном виде с применением современных цифровых технологий (видео-конференц-связи, электронного документа, цифровой подписи, технологий искусственного интеллекта). Обосновывается, что использование цифровых технологий в уголовном судопроизводстве расширяет возможности представительских функций и способствует реализации прав иностранных граждан на доступ к правосудию.

Ключевые слова: представительство; представитель; представитель иностранного гражданина; представительство иностранных граждан; уголовно-процессуальное представительство; цифровизация; цифровизация представительства; заявление о преступлении; электронное заявление; доступ к правосудию.

A.N. Teplenko

DIGITALIZATION OF FOREIGN CITIZENS' REPRESENTATION AT THE STAGE OF SUBMITTING A CRIME REPORT

The article examines the possibilities of using digital technologies at the pre-trial stage when a foreign citizen files a criminal

© Тепленко А.Н., 2026

complaint. It explores the possibilities of digital transformation of this process in the context of filing a criminal complaint electronically and performing representative functions for a foreign citizen. The domestic criminal procedure legislation is analyzed for the possibility of making changes regarding the submission of a criminal complaint in electronic form. The author proposes a theoretical model of submitting a criminal complaint in electronic form using modern digital technologies (video conferencing, electronic documents, digital signatures, and artificial intelligence technologies). It is argued that the use of digital technologies in criminal proceedings expands the possibilities of representative functions and contributes to the realization of the rights of foreign citizens to access justice.

Key words: representation; representative; representative of a foreign citizen; representation of foreign citizens; criminal procedural representation; digitalization; digitalization of representation; crime statement; electronic statement; access to justice

Первоначальным этапом взаимодействия иностранного гражданина с правоохранительной системой России является процесс обращения с заявлением или сообщением о преступлении в уполномоченный орган. Данный этап досудебного производства может быть более высокотехнологичным и происходить в электронном виде с применением современных цифровых технологий (ст. 141 УПК РФ). В контексте принятой Концепции государственной миграционной политики России на 2026–2030 годы рассматриваемый вопрос становится более актуальным[1].

Прежде всего, следует отметить, что действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство[2] не предусматривает данный вид подачи заявления о преступлении, что порождает немало споров в научных кругах. В связи с этим ряд ученых, исследующих процессы цифровой трансформации уголовного судопроизводства, высказывается за предоставление возможности электронной подачи заявления, например

[1] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Официальный интернет-портал правового информирования. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г. // СПС «КонсультантПлюс».

С.В. Зуев [2, с. 4], О.П. Копылова, Н.Д. Фомина [3, с. 136], М.К. Нуркаева, К.А. Смирнов [6, с. 146], П.А. Самойлов [7, с. 48], П.М. Титов [9, с. 325]. В работах Т.С. Демичевой [1, с. 214], Л.Н. Масленниковой [5, с. 143] исследуется зарубежный опыт подачи электронного заявления. Однако возможности использования цифровых технологий при подаче заявления о преступлении иностранным гражданином не подвергались исследованию. Стоит заметить, что в силу имеющихся особенностей участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России электронный способ подачи заявления способен расширить процессуальные возможности представителя и выступать в качестве дополнительной гарантии обеспечения права на доступ к правосудию для иностранных граждан.

Представляется, что обращение иностранного гражданина в уполномоченный государственный орган с заявлением о преступлении может проходить удаленно посредством электронного документооборота. Оформление бланка заявления о преступлении возможно в соответствующем мобильном приложении либо на официальном интернет-сайте органа, к компетенции которого относится преступление, о котором сообщает иностранный гражданин [8, с. 58], а также с использованием единого интернет-портала «Госуслуги»[1].

Дистанционная (электронная) подача заявления о преступлении станет новым способом подачи заявления о преступлении, что вызовет необходимость внесения соответствующих изменений в положения ч. 1 ст. 141 УПК РФ: дополнить словами «в электронном виде».

Следует заметить, что одним из главных требований, предъявляемых к заявлению в письменном виде (ч. 2 ст. 141 УПК РФ), является подпись заявителя. Думается, что данное условие относится и к заявлению, поданному в электронном виде. Подписать такое заявление возможно при помощи цифровой подписи[2], которая оформляется непосредственно при регистрации на специализированной интернет-платформе, посредством которой осуществляется подача электронного заявления, что потребует внесение соответствующих изменений

[1] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Об электронной подписи : федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Там же.

в положения ч. 2 ст. 141 УПК РФ: дополнить содержание словами «и электронное».

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы, связанные с предупреждением заявителя об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ, которые возможно решить путем двойной аутентификации посредством регистрации на соответствующей официальной интернет-платформе (через введение индивидуального логина и пароля), по номеру телефона, привязки официального аккаунта лица, через регистрацию IP-адреса и использования биометрических данных лица (фото или видеоизображение), голоса или отпечатков пальцев, получения смс-уведомления или другим способом, отвечающим требованиям информационной безопасности.

Не менее значимым представляется возможность внедрения в данный процесс программ на основе технологий искусственного интеллекта, алгоритмы которых могут зачитать или предоставить для прочтения необходимые права, обязанности и ответственность лицу, подающему заявление о преступлении. После обязательного их изучения лицо дает свое согласие, а алгоритм дожидается ответной реакции последнего, дополнительно предложит изучить последствия указанных действий. Затем после получения однозначного ответа о желании подать заявление, что возможно зафиксировать путем голосового согласия, простановки необходимых знаков или ввода печатного текста, программа произведет видеозапись указанных действий, сохранит данное видео в зашифрованном файле, который позволит безопасно хранить личные данные. Далее алгоритм сформирует необходимый пакет документов и совместно с заявлением о преступлении (составленном в электронном виде) направит посредством электронного документооборота в уполномоченный орган для работы с данным заявлением.

Представляется, что указанная схема подачи иностранным гражданином заявления о преступлении будет более прозрачной, быстрой, безопасной, технологичной, понятной, кроме этого, в психологическом плане позволит иностранному заявителю чувствовать себя спокойней, не посещая правоохранительный орган чужого государства, при отсутствии необходимой помощи своего представителя.

При этом в случае наступления ответственности по ст. 306 УК РФ, приложенные файлы, электронные документы и циф-

ровые следы данного преступления будут зафиксированы в самом приложении и могут быть изъяты и исследованы в относительно короткое время, что существенно ускорит уголовное судопроизводство и удешевит его.

В целях реализации указанных возможностей предлагается внести соответствующие изменения в положения ч. 6 ст. 141 УПК РФ: дополнить их после слов «о чем в протоколе» словами «или в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя».

Также с помощью программ, используемых технологий на основе искусственного интеллекта, возможно получить предварительную юридическую консультацию как от официального чат-бота, встроенного в специальное приложение, онлайн-консультацию или размещенного на соответствующей интернет-платформе, так и предоставить иностранному гражданину новый способ быстрого поиска и взаимодействия с необходимым в его случае представителем, например, из числа действующих адвокатов (в том числе бесплатных); частно практикующих юристов, специализирующихся на оказании международной юридической помощи лицам; сотрудников консульских учреждений страны иностранного гражданина для получения необходимой помощи и консультаций и иных лиц, официально зарегистрированных на данной платформе в качестве представителей, которые отвечают необходимым требованиям, предъявляемым к представителю (образование, стаж службы, знание иностранного языка и другие требования).

Естественно, что данные действия должны производится на официальном безопасном программном обеспечении, поэтому вопросы об анонимности или использовании данных учетной записи другого лица иным лицом будут решены автоматически.

Кроме этого, при помощи технологий искусственного интеллекта, таких как автоматическая транскрипция, возможно решить проблемы безграмотности, малограмотности или судоговорения, так как для указанной категории лиц возможно предусмотреть соответственно разработанные программы, которые будут позволять переводить устную речь или жестовый язык гражданина в письменную и пошагово произвести заполнение необходимых официальных документов, таких как: бланк заявления, объяснения, ходатайства, жалобы.

Также технологии искусственного интеллекта помогут сгенерировать пошаговую инструкцию тех действий, которые необходимо выполнить для реализации прав участника процесса в зависимости от их процессуального статуса, к примеру, о необходимости подачи заявления о явке с повинной ст. 142 УПК РФ, которое служит одним из поводов для возбуждения уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Поэтому следует предусмотреть внесение соответствующих дополнений в положения ч. 2 ст. 142 УПК РФ, отражающих возможность подачи явки с повинной в электронном виде, дополнив содержание ч. 2 ст. 142 УПК РФ словами «в электронном виде».

Кроме этого, при помощи цифровых технологий возможно дистанционно отследить процесс подачи, регистрации и разрешения сообщения о преступлении, получать дистанционно электронные документы, своевременно реагировать на их вынесение, а также на решения, которые были приняты в процессе уголовного судопроизводства как должностными лица, так и иными участниками уголовного процесса (например, обжалование процессуальных решений или действий должностных лиц или иных участников).

Следует отметить, что использование цифровых технологий иностранным гражданином при подаче заявления о преступлении будет являться дополнительным инструментом в реализации функций представителя иностранного участника уголовного судопроизводства, так как не способны в полной мере заменить его. Институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве более сложная система права, содержащая не только техническую сторону реализации представительских функций, но и психологическую, осуществляя помощь лицу, вовлеченному в чуждую правовую систему [4, с. 430].

Таким образом, рассмотренные варианты применения цифровых технологий на этапе подачи заявления о преступлении позволят сделать данный процесс более прозрачным, доступным, быстрым, технологичным, а также уровняет возможности на реализацию имеющихся прав для различных категорий лиц вне зависимости от уровня правовой грамотности, материального положения, знания языка, территориальной удаленности или при отсутствии возможности пребывания (временного или постоянного) на территории России.

Список использованной литературы

1. Демичева Т.С. Начальный этап уголовного производства в условиях цифровизации: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств – участников СНГ / Т.С. Демичева // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Г.А. Аванесова : в 2 ч. – Москва, 2024. – С. 210–216.

2. Зуев С.В. Электронное заявление о преступлении: состояние и перспективы / С.В. Зуев // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : сб. науч. тр. – Омск : Омская академия МВД России. – 2017. – С. 3–6.

3. Копылова О.П. Подача заявления о преступлениях в условиях цифровизации / О.П. Копылова, Н.Д. Фомина // Уголовно-процессуальное и технико-криминалистическое обеспечение для борьбы с киберпреступлениями в современном обществе : материалы II Всерос. науч.-прак. конф. – Тамбов, 2023. – С. 132–137.

4. Майоров А.В. Представительство иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России / А.В. Майоров // Социальное управление. – 2025. – Т. 7, № 6. – С. 425–432.

5. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 / Л.Н. Масленникова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 137–146.

6. Нуркаева М.К. Электронное заявление как повод возбуждения уголовного дела / М.К. Нуркаева, К.А. Смирнов // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. – 2025. – № 2. – С. 142–148.

7. Самойлов П.А. Электронное заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела (сравнительный анализ правовой регламентации в нормативных актах МВД России и УПК РФ) / П.А. Самойлов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. – 2021. – № 2 (45). – С. 44–50.

8. Тепленко А.Н. Особенности участия представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении,

сделанного в письменном виде / А.Н. Тепленко // Вестник экономики, управления и права. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 56–63.

9. Титов П.М. Будущее электронного заявления по делам частного обвинения / П.М. Титов // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй междунар. практ. конф. ; под ред. Д.В. Бахтеева. – 2020. – С. 323–326.

Информация об авторе

Александр Николаевич Тепленко – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, teplenkouly2014@mail.ru.

Author

Alexander Nikolaevich Teplenko – Head of the Department of Operational Investigative Activities and Information Support for the Activities of Internal Affairs Bodies at the Tyumen Advanced Training Institute for Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, teplenkouly2014@mail.ru.

УДК 342.5

О.Ю. Тушко

СТАБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются возможности сравнительно-правового анализа законодательства различных государств об организации государственной власти. Проведение такого анализа возможно на предмет выявления обстоятельств, влияющих на стабильность государственной власти. К таковым отнесены система органов власти и их взаимодействие, социальная направленность нормативно-правовой базы, наличие положений, защищающих права и свободы человека и гражданина, обеспечивающих единство народа, возможность изменения правовых норм, в том числе основополагающих. Приводятся примеры из конституционных актов Германии и США.

Ключевые слова: организация государственной власти; система органов; законодательство; властеотношения.

O.Yu. Tushko

STABILITY OF STATE POWER IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article discusses the possibilities of a comparative legal analysis of the legislation of various states on the organization of state power. Such an analysis can be conducted to identify the circumstances that affect the stability of state power. These include the system of government bodies and their interaction, the social focus of the legal framework, the presence of provisions that protect the rights and freedoms of individuals and citizens, and ensure the unity of the people, as well as the possibility of changing legal norms, including fundamental ones. The article provides examples from the constitutional acts of Germany and the United States.

Key words: organization of state power; system of bodies; legislation; and power relations.

© Тушко О.Ю., 2026

Государственная власть как политико-правовое явление рассматривается с функциональной и институциональной сторон. Институциональная сторона касается внешней формы власти, которая представлена ее органами и правовыми актами. В некоторых случаях власть рассматривают в узком понимании, предполагающем ее отождествление с лицами, ею наделенными. В связи с этим одной из составляющих стабильности государственной власти является существование системы органов государственной власти, соответствующей определенным критериям.

Организация публичной власти в любом современном государстве предполагает ее нормативное закрепление. Основополагающим документом всегда будет являться Основной закон, в котором указывается форма правления, политический режим и государственное устройство. Дальнейшая детализация и регламентация предполагают издание законов и подзаконных актов. Таким образом, в каждой стране присутствует нормативно-правовая база, регулирующая действующие властеотношения. Сравнение законодательства различных государств позволяет оценить в том числе и стабильность государственной власти. Проведение указанного сравнения возможно по различным основаниям.

Дата принятия базового нормативно-правового акта (например, Конституции), количество поправок и внесения в него изменений, их суть могут охарактеризовать состояние власти. В некоторых случаях понадобится сопоставление политической ситуации и происходящих событий с изменением законодательства. Не всегда частые дополнения, отмены, замена одних положений другими свидетельствует о нестабильности.

Кроме того, целесообразно обращать внимание на факторы, влияющие на стабильность государственной власти. В первую очередь к ним относятся обстоятельства, связанные с организацией государственной власти. У каждой формы правления можно выделить слабые и сильные стороны. Применительно к республиканской форме правления рядом исследователей высказываются опасения о возможности возникновения чрезмерного доминирования одной из ветвей власти. Соответствующие идеи содержатся в работах Л. Дюги, Ш. Монтескье [1, с. 561; 2, с. 296].

Сравнительно-правовой анализ конституционных актов современных государств в части, касающейся организации государственной власти, позволяет сделать вывод о том, что ее нестабильность угрожает и парламентской, и президентской республике.

Так, согласно статьям 63, 65 Основного Закона Федеративной Республики Германия федеральный канцлер избирается без прений нижней палатой парламента (бундестагом) по предложению федерального президента и устанавливает основные направления политики. Бундестаг может выразить недоверие федеральному канцлеру тем, что большинством членов выберет ему преемника и обратится к федеральному президенту с просьбой об увольнении федерального канцлера. Федеральный президент должен удовлетворить такую просьбу (статья 67 Основного Закона ФРГ). В подобных условиях исполнительная власть рассматривается как продолжение законодательной власти, что практически полностью исключает риски конфликта между ними, приводит к единству высших органов государственной власти и является сильной стороной парламентаризма [3, с. 5; 7].

Между тем партийная система в парламентских республиках является неустойчивой, вследствие чего парламентские коалиции разваливаются и представительный орган перестает оказывать поддержку правительству, которое утрачивает стабильность [4, с. 112].

В конституциях президентских республик отсутствуют аналогичные положения. Однако реализация их норм об организации государственной власти также может привести к ее нестабильности. Например, в соответствии со статьями 1, 2, 3 Конституции США высшие органы государства (Президент, Конгресс и Верховный Суд) структурно обособлены, благодаря системе сдержек и противовесов обладают значительной самостоятельностью и не имеют возможности досрочно прекращать полномочия другой ветви власти (за исключением процедуры импичмента Президенту, которая в американской истории ни разу не была завершена отрешением его от должности). В связи с этим в научной литературе отмечается, что они обречены на взаимодействие и взаимные уступки [5, с. 83].

Вместе с тем и в президентской республике существуют разногласия между основными ветвями государственной вла-

сти. Они являются результатом борьбы политических партий в ситуации, когда одну из них представляет президент, а другая имеет большинство голосов в одной или двух палатах Конгресса, о чем свидетельствует современная политическая практика. Очевидно, что данные конфликты не способствуют эффективному функционированию государственного аппарата США.

Обстоятельства, связанные с преемственностью власти, также относятся к факторам, способным оказывать влияние на ее стабильность. Исследователи в основном обращают на это внимание в отношении монархической формы правления [6, с. 64; 7, с. 1208, 1210]. Однако в современный период формирование органов власти в государствах с республиканской формой правления часто сопровождается политическими скандалами и протестами. Например, статьей 2 Конституции США предусмотрено, что Президент США избирается коллегией выборщиков, при этом результат их выбора может не соответствовать волеизъявлению американского народа. Вероятно, по данной причине избрание двух последних президентов США в 2020 и в 2024 годах происходило в достаточно накаленной обстановке, результаты выборов длительное время обсуждались, отдельные обстоятельства подвергались сомнениям, вызывали протестные действия, послужившие поводом даже для судебных разбирательств. Избирательное законодательство России и США отличается, поэтому в нашей стране процесс изъявления воли народа проходит в спокойной форме и без таких последствий.

В качестве фактора, влияющего на стабильность власти, следует указать и «непредусмотрительность», негибкость законодательства, что при определенных условиях может привести к кризисным ситуациям, так как не будет возможности принять необходимые меры. Правоведами и политиками высказывается мнение, что нормативные акты должно иметь возможность изменяться в случае необходимости [8, с. 225; 9, с. 336].

Еще одним основанием для проведения сравнительно-правового анализа законодательства является его направленность на обеспечение прав и свобод граждан. Так, современные государства стараются обозначать себя как социальные, чья деятельность направлена на создание условий для их достойной жизни, защите их прав и свобод. Изучение, сопоставление

и реализация положений правовых актов покажет заботу государственной власти о своем народе и его благополучии.

Государственная власть, заинтересованная в стабильности, будет уделять большое внимание единству народа. В Российской Федерации соответствующие положения содержатся в Конституции Российской Федерации и иных нормативных правовых актах. Государственная политика направлена на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечивающих единство страны, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [10].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ законодательства об организации государственной власти на предмет выявления указанных выше обстоятельств может стать одним из оснований, характеризующих государственную власть как стабильную.

Список использованной литературы

1. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – Москва : Типография Тов-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.

2. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – 800 с.

3. Агаев М.Б. Президентская власть в системе государственной власти / М.Б. Агаев. – Москва : Луч, 1994. – 24 с.

4. Ильинский И.П. Политическая система современного капитализма / И.П. Ильинский, А.А. Мишин, Л.М. Энтин. – Москва : Международные отношения, 1983. – 304 с.

5. Лузин В.В. Принцип разделения властей как основа конституционализма / В.В. Лузин. – Н. Новгород, 1997. – 178 с.

6. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Принципы политического права / Ж.Ж. Руссо. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 134 с.

7. Дробышевский С.А. Родство в политически организованном обществе и правовое регулирование / С.А. Дробышевский // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024.– № 17 (6). – С. 1203–1212.

8. Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза. – Москва : Академический проект, 2015. – 486 с.

9. Согрин В.В. История США / В.В. Согрин. – Москва : Международные отношения, 2020. – 600 с.

10. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14 нояб. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

Информация об авторе

Олеся Юрьевна Тушко – старший преподаватель кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, tushkoo@yandex.ru.

Author

Olesya Yurievna Tushko – Senior Lecturer of the Department of Business, Competition and Financial Law of the Law Institute of the Siberian Federal University, tushkoo@yandex.ru.

УДК 343.9; 34.07

Т.В. Филоненко

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УРОКИ ЕВРОПЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье автор дает обзор европейских моделей пробации, подробно останавливаясь на особенностях организации служб пробации в Великобритании, Германии и Франции. На базе обобщения опыта европейских государств в статье предлагается комплекс мер по совершенствованию отечественной системы пробации. Зарубежный опыт показывает, что эффективность пробации значительно возрастает при формировании специализированной, независимой структуры с централизованным управлением и региональными подразделениями, что говорит в пользу создания в России независимой службы пробации, отделенной от Федеральной службы исполнения наказаний. Также предлагается внедрение системы оценки риска и нуждаемости бывших осужденных на основе модели RNR (для создания индивидуализированных программ ресоциализации); привлечение некоммерческих организаций к оказанию специализированной помощи освободившимся из исправительных учреждений; внедрение единой информационной системы для мониторинга хода реализации индивидуальных программ; профессиональная переподготовка сотрудников служб пробации и другие мероприятия.

Ключевые слова: пробация; модели пробации; служба пробации; реабилитация осужденных; эффективность пробации; развитие пробации в России.

T.V. Filonenko

MODERNIZATION OF THE PROBATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: LESSONS FROM EUROPE AND NATIONAL SPECIFICS

This article provides an overview of European probation models, with detailed examination of the organizational structures

© Филоненко Т.В., 2026

of probation services in the United Kingdom, Germany, and France. Drawing on a synthesis of European experience, it proposes a comprehensive set of measures to enhance Russia's probation system. International evidence indicates that probation effectiveness increases significantly through the establishment of a specialized, independent structure featuring centralized management and regional branches, supporting the creation of a standalone probation service in Russia, separate from the Federal Penitentiary Service. Additional proposed measures include: implementing a risk and needs assessment system for ex-offenders based on the RNR model (to develop individualized resocialization programs); engaging nonprofit organizations to deliver specialized support for individuals released from correctional facilities; introducing a unified information system to monitor the implementation progress of individual programs; providing professional retraining for probation service staff; and other initiatives.

Key words: probation; probation models; probation service; rehabilitation of offenders; probation effectiveness; development of probation in Russia.

Исторически первые формы пробации появились в США благодаря деятельности Джона Огастеса, который в 1841 году начал сопровождать осужденных, добиваясь их условного освобождения [22, p. 23–25]. В Европе в конце XIX – начале XX века сформировались правовые основы, заложившие фундамент современной системы.

Именно в европейских государствах институт пробации получил наиболее систематическое и правовое развитие. Сегодня страны Европы демонстрируют высокую степень институционализации пробации, сочетающей элементы надзора, социальной поддержки и реабилитации. Эти модели, основанные на международных стандартах, в том числе Рекомендации (2010) 1 Совета Европы, служат важным ориентиром для стран, стремящихся к реформированию уголовно-исполнительной системы, включая Россию [6].

Модели пробации в Австрии, Великобритании, Германии, Франции, Нидерландах и Швеции представляют разнообразные подходы к организации, финансированию и реализации пробационных программ.

Для анализа используется сравнительно-правовой метод, дополненный SWOT-анализом, позволяющим оценить сильные и слабые стороны российской системы, а также возможности и угрозы при внедрении зарубежного опыта. Особое внимание уделено роли некоммерческих организаций (НКО), системе оценки риска и нуждаемости, а также межведомственному взаимодействию – ключевым факторам эффективной пробации.

Уже в 1872 году на Первом Международном тюремном конгрессе в Лондоне были выдвинуты идеи замены изоляции от общества мерами воспитательного воздействия [12, p. 15–18]. Дальнейшее развитие концепции произошло в рамках деятельности Международной пенитенциарной ассоциации, где активно обсуждались альтернативы тюремному заключению. В 1890 году на IV Международном тюремном конгрессе в Санкт-Петербурге было принято решение о необходимости создания мер, направленных на исправление личности правонарушителя, что стало важным этапом в становлении пробации как института [29, с. 11–14].

В современной научной литературе подчеркивается, что Европа стала центром нормативного и организационного развития пробации. В 1992 году Совет Европы принял *Европейские правила применения общественных санкций и мер*, а в 2010 году – *Рекомендацию (2010) 1 о пробации*, в которой впервые на международном уровне было дано правовое определение института. Указанные документы способствовали гармонизации национальных законодательств и созданию единых стандартов в сфере исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Как отмечают исследователи, «европейский путь развития пробации характеризуется системным подходом, основанным на сочетании надзора, помощи и реабилитации, что делает ее эффективным инструментом снижения рецидива» [20]. Сегодня страны Европы, такие как Великобритания, Германия и Франция, демонстрируют высокую степень институционализации пробации, включая независимые службы, профессиональную подготовку сотрудников и активное вовлечение НКО [6].

Таким образом, хотя истоки пробации лежат в англосаксонской правовой традиции, именно в Европе она трансформировалась в сложную, многоуровневую систему, сочетающую правовые, социальные и воспитательные функции.

В Великобритании служба пробации (Probation Service) претерпела значительные реформы: в 2014 году была начата частичная приватизация через модель «Transforming Rehabilitation», при которой услуги по сопровождению низко- и среднерисковых правонарушителей были переданы частным контракторам, а высокорисковые – оставлены в государственном секторе [18]. Однако к 2021 году, в связи с низкой эффективностью, ростом рецидива и утратой контроля за качеством услуг, правительство объявило о роспуске частных компаний и восстановлении единой государственной службы пробации – National Probation Service (NPS) [16].

Ключевые особенности современной модели:

1) централизованное управление: служба находится в ведении Министерства юстиции и функционирует как единая национальная структура, обеспечивающая единообразие подходов к сопровождению [16].

2) смешанная модель оказания помощи: хотя основные функции контроля и надзора сосредоточены в государственной службе, частные организации и НКО (например, Turning Point, Catch22) продолжают привлекаться для оказания специализированной помощи (психологической поддержки, терапии зависимостей, профессиональной переподготовки) [11].

3) обязательная оценка риска и нуждаемости: используется модель RNR (Risk-Need-Responsivity), признанная международным стандартом. Она позволяет определить уровень риска рецидива, индивидуальные потребности (в жилье, лечении, трудоустройстве) и адаптировать программу под личность осужденного [2].

4) высокие требования к квалификации сотрудников: пробационные офицеры должны иметь аккредитованную степень бакалавра в области социальной работы, уголовного правосудия или смежных дисциплин, а также проходить специализированную подготовку в рамках Probation Institute [21].

В результате реформ с момента восстановления государственной службы пробации в 2021 году наблюдается снижение рецидива на 8 % в течение первых 12 месяцев после освобождения по сравнению с периодом 2018–2020 годов, когда рецидив достигал пиковых значений [17]. Согласно отчетам Министерства юстиции [17], это связано с улучшением качества монито-

ринга, персонализацией программ и восстановлением ответственности за исполнение наказаний.

В Германии пробация – это не надзор, а поддержка. Да, осужденный должен отчитываться, но цель не в контроле, а в том, чтобы помочь ему выстроить новую жизнь. Такой подход (Bewährungshilfe) существует здесь с 1950-х годов. И, судя по статистике, он работает. Пробация не является самостоятельной мерой уголовно-правовой ответственности, но может быть назначена судом в качестве вспомогательной меры в рамках условного осуждения или отсрочки исполнения наказания (§ 56c Уголовно-исполнительного кодекса Германии – StVollzG) [24].

Ключевые особенности немецкой модели:

1. Негосударственный характер службы пробации: основные функции выполняются некоммерческими организациями, которые работают на контрактной основе с органами юстиции субъектов федерации (земель). Это позволяет обеспечить гибкость и специализацию в оказании помощи [3].

2. Активное участие НКО: ведущую роль играют крупные благотворительные объединения, такие как Caritas, Diakonie и Arbeiterwohlfahrt, которые предоставляют социальные, психологические и медицинские услуги [6].

3. Социальный акцент помощи: основные направления помощи – это психологическая реабилитация, трудоустройство и обеспечение жильем, что соответствует принципу индивидуального подхода к каждому осужденному [7].

4. Высокая квалификация персонала: сотрудники службы пробации – это профессиональные социальные работники, психологи, педагоги, а также бывшие сотрудники пенитенциарной системы, прошедшие специальную подготовку [4].

Результаты реализации: согласно данным Федерального министерства юстиции Германии, уровень рецидива среди осужденных, прошедших программу Bewährungshilfe, составляет 28 % в течение двух лет после освобождения. Для сравнения, среди лиц, не получавших поддержки, этот показатель достигает 42 % [23]. Это свидетельствует о высокой эффективности модели, основанной на доверительных отношениях, профессиональной помощи и социальной интеграции.

Во Франции служба пробации, известная как Service d'Accompagnement des Sortants de Prison (SASP), была создана в

2009 году в рамках реформы уголовно-исполнительной системы, направленной на снижение рецидива и обеспечение успешной социальной реинтеграции освобожденных [14].

Во Франции служба пробации (SASP) создается на базе тюремных учреждений. Она координирует помощь в трудоустройстве, жилье, медицинской поддержке. Сотрудничает с Pôle emploi, соцслужбами, НКО. Но самое главное – SASP начинает работать с осужденным еще до освобождения. Это дает шанс на адаптацию, а значит, и на новую жизнь.

Ключевые особенности французской модели:

1. Подчинение Министерству юстиции – SASP является частью Директората по делам тюрем (Direction de l'administration pénitentiaire), что обеспечивает ее интеграцию в общую систему исполнения наказаний [8].

2. Децентрализованная структура – служба функционирует через региональные центры сопровождения (Points Accueil Sortie de Prison), расположенные при тюремных учреждениях и в крупных городах, что позволяет оказывать помощь непосредственно перед и после освобождения [1, p. 34].

3. Комплексный подход – SASP интегрирует медицинские, социальные и трудовые услуги, включая помощь в оформлении документов, получении жилья, медицинской страховки и социальных пособий.

4. Активное межведомственное взаимодействие – служба тесно сотрудничает с Pôle emploi (национальной службой занятости), органами здравоохранения (CPOM – Commissions de programmation des orientations médicales) и социальными службами, что позволяет выстраивать сквозные программы поддержки [10].

Согласно отчетам Министерства юстиции Франции [13], более 60 % освобожденных, включенных в программу SASP, находят официальную работу в течение первого года после освобождения. Этот показатель значительно превышает аналогичный среди тех, кто не получал сопровождения. Кроме того, наблюдается снижение уровня бездомности и улучшение доступа к медицинской помощи.

На основе изучения реализации международной практики пробации можно предложить комплекс мер по совершенствованию отечественной системы.

Во-первых, думается, что необходимо создать независимую службу пробации, отделенную от Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). Современная модель, при которой одни и те же структуры осуществляют и надзор, и реабилитационную работу, противоречит принципам разделения функций и создает конфликт интересов [25].

Международный опыт (например, в Великобритании, Германии и Нидерландах) показывает, что эффективность пробации значительно возрастает при формировании специализированной, независимой структуры с централизованным управлением и региональными подразделениями [20]. Так, в 2021 году Великобритания после неудачного опыта приватизации восстановила National Probation Service как единый государственный орган, что позволило повысить ответственность и качество сопровождения [16].

Для России перспективной моделью может стать создание федерального агентства, подчиненного Министерству юстиции, с филиалами в субъектах РФ.

Во-вторых, требуется внедрение научно обоснованной системы оценки риска и нуждаемости – так называемой модели RNR (Risk-Need-Responsivity). Эта модель, признанная международным стандартом, позволяет индивидуализировать программы ресоциализации на основе оценки уровня рецидивной опасности, личных потребностей (в жилье, лечении, трудоустройстве) и способности осужденного к изменениям [2]. Рекомендация (2010) 1 Совета Европы прямо указывает на необходимость такой оценки как основы для назначения мер пробации. Ее внедрение в России позволит перейти от формального подхода к персонализированной работе, что повысит эффективность и снизит рецидив.

В-третьих, целесообразно активно привлекать некоммерческие организации к оказанию специализированной помощи. В Германии и Франции основную нагрузку по психологической поддержке, профессиональной переподготовке и обеспечению жильем несут такие организации, как Caritas, Diakonie и Pôle emploi [3]. В России НКО могут стать ключевыми партнерами в реализации программ, особенно в сфере психосоциальной реабилитации, где государственные структуры не обладают достаточной экспертизой. Государство должно создать условия

для привлечения НКО через грантовые механизмы и долгосрочные контракты [22, p. 148].

В-четвертых, критически важно обеспечить стабильное финансирование системы пробации. Как отмечается в пояснительной записке к Федеральному закону № 10-ФЗ, реализация пробации предполагается за счет перераспределения функций, без выделения дополнительных средств [28]. Однако такой подход несостоятелен: успешные зарубежные системы финансируются из федерального бюджета и дополнительных источников, включая гранты [9]. Для России необходимы постоянные ассигнования в рамках федеральной целевой программы, что позволит создать инфраструктуру, нанять квалифицированный персонал и запустить долгосрочные проекты.

В-пятых, необходимо организовать системную профессиональную подготовку сотрудников службы пробации. В настоящее время функции пробации выполняются сотрудниками УИИ, которые не обладают профильной подготовкой в области социальной работы, психологии или реабилитации. Согласно рекомендациям Совета Европы, пробационные офицеры должны иметь высшее образование в соответствующих областях и проходить регулярную переподготовку. В России целесообразно разработать специальные программы дополнительного профессионального образования в вузах ФСИН России, с привлечением практиков и ученых [27, с. 345].

В-шестых, требуется внедрение единой информационной системы (ЕИС) для мониторинга хода реализации индивидуальных программ. Отсутствие цифровой платформы затрудняет обмен данными между УИИ, центрами занятости, медицинскими учреждениями и НКО. Опыт скандинавских стран показывает, что интегрированные ИТ-системы повышают прозрачность, упрощают отчетность и позволяют оперативно корректировать программы. В России такая система должна быть создана на базе уже существующих государственных информационных ресурсов.

Таким образом, совершенствование российской системы пробации требует не просто юридических уточнений, а глубокой институциональной реформы, ориентированной на международные стандарты и национальные потребности.

Список использованной литературы

1. Agence nationale de coordination et d'appui aux missions d'insertion et de probation (ANCOA). Rapport annuel 2022. – Paris, 2023. – P. 34.
2. Andrews D.A. The Psychology of Criminal Conduct. 6th ed. / D.A. Andrews, J. Bonta. – Routledge, 2020. – P. 112–135.
3. Bundesministerium der Justiz. Bewährungshilfe in Deutschland: Bericht 2023. – Berlin, 2023. – S. 15–18.
4. Bundesverband Bewährungshilfe und Soziale Arbeit (BBuS). Qualitätsstandards in der Bewährungshilfe. – Berlin, 2022.
5. Caritas Deutschland. Soziale Arbeit in der Straffälligenhilfe. – URL: https://www.caritas.de/hilfeundberatung/straffaellige.
6. Council of Europe. Recommendation Rec (2010) 1 of the Committee of Ministers to member states on the organisation of probation services. – Strasbourg, 2010. – URL: https://www.coe.int/en/web/legal-co-operation/probation.
7. Diakonie Deutschland. Hilfe zur sozialen Eingliederung von Straftäterinnen und Straftätern. – URL: https://www.diakonie.de/themen/strafvollzug-und-bewaehrungshilfe.
8. Direction de l'administration pénitentiaire. L'accompagnement des sortants de prison. – Paris, 2023. – URL: https://www.justice.gouv.fr/penitentiaire/accompagnement-sortants-prison-10743.html.
9. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Probation Systems in Europe: Key Data 2022. – Strasbourg, 2023. – P. 34.
10. Herzog-Evans, Martine. Probation in France: Some Things Old, Some Things New, Some Things Borrowed, and Often Blue // Probation Journal. – 2011. – Vol. 58, Issue 4. – P. 345–354.
11. HM Inspectorate of Probation. Annual Report 2022–2023. – London, 2023. – P. 45–48. – URL: https://www.justiceinspectorates.gov.uk/hmiprobation.
12. International Prison Commission. Proceedings of the First International Prison Congress. – London, 1872. – P. 15–18.
13. Ministère de la Justice (France). Évaluation des dispositifs d'accompagnement des sortants de prison. – Paris, 2023. – URL: https://www.justice.gouv.fr/statistiques-et-etudes.

14. Ministère de la Justice (France). La sortie de prison: un enjeu majeur de la politique pénitentiaire. – Paris, 2009. – URL: https://www.justice.gouv.fr/art-life/article/la-sortie-de-prison-un-enjeu-majeur-de-la-politique-penitentiaire-11844.html.

15. Ministère de la Justice (France). L'accompagnement des sortants de prison. – Paris, 2023. URL: https://www.justice.gouv.fr.

16. Ministry of Justice (UK). Bringing Probation Back In-House. – London, 2020. – URL: https://www.gov.uk/government/news/bringing-probation-back-in-house.

17. Ministry of Justice (UK). Probation Outcomes Framework 2022–2023. London, 2023. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/probation-outcomes-framework-2022-to-2023.

18. Ministry of Justice (UK). Transforming Rehabilitation: A Strategy for Reform. – London, 2013. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/transforming-rehabilitation-a-strategy-for-reform.

19. Nordic Probation Union. Annual Report 2023. – Helsinki, 2024. – P. 22.

20. PRI (Prison Reform International). Probation and Community Sanctions. – London, 2000. – 45 p.

21. Probation Institute. Professional Standards for Probation Practitioners. – London, 2022. – URL: https://probation-institute.org.uk (дата обращения: 06.04.2025).

22. Robinson G. Community Penalties: Change and Challenges. – Cullompton: Willan Publishing, 2008. – P. 23–25.

23. Statistisches Bundesamt (Destatis). Kriminalitätsentwicklung in Deutschland – Auswertung 2023. Wiesbaden, 2024. Tabelle: «Rückfallquoten nach Inanspruchnahme von Bewährungshilfe».

24. Strafvollzugsgesetz (StVollzG). – Bundesgesetzblatt. 1976. – Teil I. – S. 1246. § 56 c.

25. Бурданова М.С. Становление системы пробации в Российской Федерации: зарубежный опыт и отечественная социально-правовая реальность / М.С. Бурданова // Олимпиада обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Минюста России и ФСИН России : сб. науч. тр. – Самара, 2022. – С. 35–43.

26. Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты / П.В. Голодов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 14. – С. 82–85.

27. Лузгин С.А. Служба пробации ФСИН: научно-практические подходы к формированию и организации деятельности / С.А. Лузгин // Тезисы V Международного пенитенциарного форума. Т. 5, ч. 2. – Рязань, 2021. – С. 345.

28. О пробации в Российской Федерации : Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 443885-8. – URL: http://docs.cntd.ru/document/572427628.

29. Уткин В.А. Международные стандарты альтернативных санкций: новеллы и перспективы / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. – 2019. – № 1. – С. 11–14.

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Филоненко – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, tanya.f-vlad@mail.ru.

Author

Tatyana Viktorovna Filonenko – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of Law of the Vladivostok State University, Candidate of Legal Sciences (Ph.D. in Law), Associate Professor, tanya.f-vlad@mail.ru.

УДК 343.9(470+510)

И.А. Фомина

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КИТАЯ

В работе проводится сравнительное изучение уголовной ответственности и системы наказаний для несовершеннолетних в России и Китае. Основное внимание уделяется вопросам гуманизации правовых норм, возрастным пределам уголовной ответственности, особенностям применения различных видов наказаний, а также тому, как меры уголовного права сочетаются с социально-воспитательной политикой государства. Рассмотрены различия в правовой природе и статусе разъяснений высших судебных органов, подходах к воспитательному воздействию и роли принципа «воспитание прежде наказания» в Китае. Проанализированы недавние законодательные изменения, включая снижение возраста уголовной ответственности в КНР с 14 до 12 лет при особо тяжких преступлениях, и сопоставлены с российской практикой. Сравнительный анализ демонстрирует, что эффективность института уголовной ответственности несовершеннолетних определяется не только формальными возрастными критериями и перечнем санкций, но и уровнем интеграции уголовно-правовых мер с системой социальной профилактики, образовательной поддержки и ресоциализации подростков. Полученные выводы имеют как научное, так и практическое значение для совершенствования правоприменительной практики и формирования сбалансированной уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние; уголовная ответственность; наказание; ювенальная юстиция; сравнительно-правовой анализ; уголовное право Китая.

© Фомина И.А., 2026

I.A. Fomina

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT OF MINORS UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND CHINA

This study presents a comparative examination of criminal liability and the system of punishments for minors in Russia and China. The analysis focuses on the humanization of legal norms, age thresholds for criminal responsibility, the specific application of different types of penalties, and the integration of criminal law measures with the state's social and educational policies. Attention is given to differences in the legal nature and status of clarifications issued by the highest judicial authorities, approaches to educational influence, and the role of the "education before punishment" principle in China. Recent legislative changes are also considered, including the reduction of the age of criminal responsibility in China from 14 to 12 years for particularly serious crimes, and these developments are compared with Russian practice. The comparative review demonstrates that the effectiveness of juvenile criminal responsibility depends not only on formal age limits and the list of sanctions but also on the degree of integration of criminal law measures with social prevention systems, educational support, and the resocialization of adolescents. The findings carry both theoretical and practical significance for improving law enforcement practices and developing a balanced criminal policy concerning minors.

Key words: minors; criminal responsibility; punishment; juvenile justice; comparative legal analysis; criminal law of China.

Современное развитие уголовного законодательства в сфере ответственности несовершеннолетних демонстрирует устойчивую тенденцию к гуманизации и поиску баланса между задачами охраны общественной безопасности и необходимостью обеспечения особой правовой защиты детства. В этом контексте сравнительно-правовой анализ регулирования уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в Российская Федерация и Китайская Народная Республика представляет значительный научный и практический интерес. Обращение к данным правопорядкам обусловлено не только

их геополитической и социально-экономической значимостью, но и принадлежностью к различным правовым традициям – континентальной европейской и социалистической с китайской спецификой, что позволяет выявить как универсальные тенденции, так и национально-обусловленные особенности регулирования.

Правовую основу уголовной ответственности несовершеннолетних в России составляет Уголовный кодекс Российской Федерации[1] (далее УК РФ), содержащий специальную главу, посвященную особенностям ответственности и наказания несовершеннолетних. В Китае соответствующие положения закреплены в Уголовный кодекс Китайской Народной Республики[2] (далее УК КНР), а также конкретизируются в специальных разъяснениях Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. При этом, хотелось бы отметить наличие принципиальных отличий (по юридической природе и по месту в системе источников уголовного права) между данными разъяснениями и постановлениями Пленума Верховного Суда РФ. В Китайской Народной Республике Верховный народный суд Китайской Народной Республики и Верховная народная прокуратура Китайской Народной Республики наделены правом издавать так называемые «судебные толкования» (司法解释). Эти акты принимаются на основании Закона КНР о законодательстве и обладают обязательной юридической силой для всех народных судов и органов прокуратуры страны. Фактически они конкретизируют и развивают положения уголовного закона, заполняют пробелы и детализируют порядок его применения. В китайской правовой системе судебные толкования рассматриваются как официальная форма нормативного регулирования, приближающаяся по своему значению к подзаконному нормативному акту, а в отдельных случаях –

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. на 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 16.02.2026).

[2] 中华人民共和国刑法 = Criminal Law of the People's Republic of China. Принят Всекитайским собранием народных представителей 14.03.1997, вступил в силу 01.10.1997; изм. и доп. последняя редакция с учетом поправок, действующих на 01.03.2024. URL: https://www.npc.gov.cn/WZWSREL3pncmR3L25wYy9sZnp0L3JseXMvMjAwOC0wOC8yMS9jb250ZW50XzE4ODI4OTU.html (дата обращения: 16.02.2026).

выполняющая квазизаконодательную функцию. Напомним, что в Российской Федерации Верховный Суд РФ также дает разъяснения по вопросам судебной практики в форме постановлений Пленума. Однако их правовая природа иная. Формально такие акты не являются источниками права в континентальной системе и не создают новых правовых норм. Они направлены на обеспечение единообразного применения законодательства и толкуют действующие нормы, не выходя за их пределы. Несмотря на то, что на практике разъяснения Пленума обладают высокой авторитетностью и фактически обязательны для нижестоящих судов, они не признаются нормативными правовыми актами в строгом смысле и не могут изменять содержание закона. Следует почеркнуть, что ни в Конституции Российской Федерации[1], ни в Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде Российской Федерации»[2] не закреплена обязательность применения положений Постановлений Пленума нижестоящими судами. Более того, статья 120 Конституции Российской Федерации гласит, что судьи подчиняются только Конституции Российской Федерации и Федеральному Закону, а также должны принимать решения только в соответствии с законом [1, с. 51].

Таким образом, уже на уровне законодательной техники обнаруживается различие: российский законодатель использует более детализированную модель, формируя самостоятельный институт в структуре Общей части кодекса, тогда как китайская модель интегрирует нормы о несовершеннолетних в общую систему, сочетая их с идеологически ориентированными принципами «воспитания прежде наказания» или «воспитание должно стоять выше наказания» (教育为主，惩罚为辅). В официальных источниках и публикациях китайской практики ювенальной юстиции [2] подчеркивается, что политика в отношении несовершеннолетних должна быть ориентирована

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; вступила в силу 25.12.1993; с учетом изменений, одобренных общероссийским голосованием 1.07.2020, и последующих поправок, опубликована Указом Президента РФ от 05.10.2022 № 710 // Собрание законодательства РФ. 1993–2022. URL: Режим доступа: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.02.2026).

[2] О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6, ст. 652. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163135 (дата обращения: 16.02.2026).

на профилактику, помощь, защиту прав личности и восстановление их социального статуса, а не на изолирующее или репрессивное воздействие. Это проявляется в том числе в том, что законодательство предусматривает специальные меры, ориентированные на воспитательные воздействия, обучение, психологическую поддержку и надзор, которые могут быть применены вместо или в дополнение к традиционным уголовным наказаниям. Эта ориентация китайского законодательства на воспитание прежде наказания отражает более широкую социально-правовую философию, согласно которой государство рассматривает несовершеннолетнего не только как потенциального правонарушителя, но и как объект воспитательного воздействия, способного через корректирующие меры интегрироваться в общество. Практически это выражается в широком применении условного освобождения, наставничества, психологической поддержки, участия образовательных учреждений и семьи в процессе исправления, а также в создании специализированных учреждений для ресоциализации подростков. Такой подход позволяет снизить уровень рецидивной преступности среди несовершеннолетних и одновременно сохранить их социальные и правовые гарантии, минимизируя негативные последствия изоляции.

В российской правовой системе аналогичные цели реализуются через отдельные институты, но подход отличается большей формализацией и юридической регламентацией. Так, УК РФ предусматривает возможность применения к несовершеннолетним исправительных и обязательных работ, ограничение свободы, а также меры воспитательного воздействия, включая помещение в специализированные учебно-воспитательные учреждения. Однако российские меры чаще ориентированы на применение уголовно-правовых санкций в рамках строго определенных норм, а воспитательная и социальная компонента реализуются через специальные образовательные и исправительные учреждения. В отличие от китайской модели, где воспитание встроено в саму систему наказаний и имеет приоритет, российская система остается более карательной по своей структуре, а воспитательные меры носят вспомогательный характер.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание – это возраста уголовной ответственности, где также есть определенное сходство, так и существенные расхождения. В обоих госу-

дарствах общий возраст уголовной ответственности установлен с шестнадцати лет. Вместе с тем в России предусмотрено снижение возраста до четырнадцати лет за исчерпывающий перечень тяжких преступлений, что закреплено непосредственно в законе (ч.2 ст.20 УК РФ). Китайское законодательство также устанавливает ответственность с четырнадцати лет за определенные тяжкие деяния, однако после реформ появилась возможность привлечения к ответственности лиц, достигших двенадцати лет. Так, с 1 марта 2021 года лица в возрасте от 12 до 14 лет, совершившие умышленное убийство или умышленное причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего или тяжелую инвалидность, подлежат уголовной ответственности (при условии санкции Верховной народной прокуратуры КНР и наличие особо отягчающих обстоятельств)[1]. Данное нововведение вызывает дискуссию в научном сообществе, поскольку ставит под сомнение пределы допустимого снижения возраста уголовной репрессии и соотношение принципа гуманизма с задачами превенции. В российском праве подобная тенденция отсутствует, что свидетельствует о большей приверженности классической доктрине возрастной вменяемости.

Существенные различия выявляются и в системе наказаний. УК РФ закрепляет закрытый перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним, включая штраф, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на сокращенные сроки. При этом законодатель прямо исключает возможность назначения пожизненного лишения свободы и смертной казни несовершеннолетним, а максимальный срок лишения свободы ограничен десяти годами вне зависимости от тяжести содеянного [3]. Китайская же модель предусматривает общественный надзор, краткосрочный арест и лишение свободы на определенный срок, а смертная казнь не применяется к лицам, совершившим преступление до достижения восемнадцати лет. При этом, формально в китайском

[1] 全国人民代表大会常务委员会 / Quanguo Renmin Daibiao Dahui Changwu Weiyuanhui / Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. 刑法修正案（十一） = Xingfa xiuzheng'an (shiyi) = Поправка № 11 к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики = Amendment No. 11 to the Criminal Law of the People's Republic of China. Принята 26.12.2020. Вступила в силу 01.03.2021. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202012/t20201226_309472.html (дата обращения: 16.02.2026).

праве сохраняется возможность назначения пожизненного лишения свободы, однако на практике она в отношении несовершеннолетних носит исключительный характер.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о приоритетах уголовной политики в данном направлении. Так, российская модель опирается на принцип индивидуализации наказания и предусматривает возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Китайское же уголовное право, развивая идею гармонизации общественных отношений, активно использует механизмы условного освобождения, медиации, передачи под надзор семьи или образовательных учреждений – здесь проявляется влияние конфуцианской правовой традиции, ориентированной на моральное исправление личности и восстановление социальной гармонии.

В российской практике особое внимание уделяется четкой нормативной регламентации: законы подробно определяют, какие меры могут применяться к несовершеннолетним, а суды получают однозначные ориентиры для принятия решений. Это обеспечивает единообразие судебной практики и предсказуемость правоприменения, что особенно важно при работе с подростками, находящимися в состоянии социального и психологического становления. В то же время китайский опыт показывает другой подход: законодательство более гибкое и способно оперативно реагировать на изменения в обществе и рост новых видов девиантного поведения среди молодежи. Здесь упор делается на интеграцию воспитательных и социальных мер в систему уголовного реагирования, что позволяет достигать целей исправления и ресоциализации несовершеннолетних более комплексно. Таким образом, при формальном сходстве гуманистических установок китайская система в большей степени интегрирует уголовно-правовые меры в общую социально-воспитательную политику государства.

Сравнительный анализ этих моделей показывает, что эффективность института уголовной ответственности для подростков определяется не только формальными критериями – возрастом и перечнем наказаний, – но и тем, насколько уголовно-правовые меры органично сочетаются с системой социальной профилактики, поддержкой семьи, образовательными программами и механизмами ресоциализации. Иными слова-

ми, успех работы с несовершеннолетними правонарушителями зависит не только от того, какой закон написан, но и от того, как он работает в реальной социальной среде.

Список использованной литературы

1. Воробьёва В.А. Роль Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации при вынесении судебных актов / В.А. Воробьёва, Н.П. Разумовская // Н.Экс.Т.– 2024.– № 3 (27).– С. 49–55.

2. 何金蔚 / He Jinwei. 对“教育为主，惩罚为辅”的未成年人犯罪刑事政策的思考 = Razmyshleniya o kriminal’noy politike v otnoshenii prestupleniy nesovershennoletnikh, osnovannoy na printsipe «vospitanie prezhde nakazaniya» = Thinking on the criminal policy of juvenile delinquency with «education as the priority and punishment as the supplement» // 现代社会科学研究 = Xiandai shehui kexue yanjiu = Modern Social Science Research. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 12–15. – DOI:10.12208/j.ssr.20220003. – URL: https://www.cscied.com/a/j-53/2074 (дата обращения: 16.02.2026).

3. Радченко А.А. Проблемные аспекты построения санкций за преступные посягательства на участников процесса доказывания / А.А. Радченко // Всероссийский криминологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 45–52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-postroeniya-sanktsiy-za-prestupnye-posyagatelstva-na-uchastnikov-protsessa-dokazyvaniya (дата обращения: 16.02.2026).

Информация об авторе

Фомина Инна Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, iafomina@mail.ru.

Author

Fomina Inna Anatolyevna – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor, iafomina@mail.ru.

УДК 343.35

О.В. Хабибулина

О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Противодействие коррупции остается приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации, реализация которого вызвала увеличение числа ограничений, запретов и обязанностей государственных служащих. Способы противодействия коррупции, затрагивающие правовой статус государственных служащих, используемые в России, во многом аналогичны применяемым и в других странах, в том числе АТР: обязанность представлять сведения о доходах и расходах, принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, запрет принимать подарки в связи с исполнением служебных обязанностей и другие.

Однако в зарубежных странах применяются и уникальные антикоррупционные стандарты, вопрос о целесообразности заимствования которых для решения пробелов, проблем, противоречий российского антикоррупционного служебного законодательства ставится в настоящей статье.

Ключевые слова: ограничения; запреты; обязанности; государственный служащий; противодействие коррупции; ответственность.

O.V. Khabibulina

ON THE FOREIGN EXPERIENCE IN COMBATING CORRUPTION

Prevention of corruption is still a priority for the national policy of the Russian Federation, the realization of which resulted in an increasing number of limitations, bans and duties of the public servants. The ways to combat corruption, affecting the legal status of the public servants, applied in Russia are similar to the ones in other countries, in the Asia Pacific states as well, namely: a duty to submit information about their income and expenditure, to take

© Хабибулина О.В., 2026

measures for preventing and settling the conflict of interest, a ban to accept gifts connected with service duties and others.

However, foreign jurisdictions also employ distinctive anti-corruption standards. This article raises the question of the feasibility of borrowing such standards in order to address existing gaps, problems, and internal inconsistencies within Russian anti-corruption civil service legislation.

Key words: limitations; bans; duties; public servant; anti-corruption; liability.

История коррупции такая же древняя, как и история человеческой цивилизации, она сопровождает публичную власть, неотделимо и неразрывно, во всех ее формах и во всех сферах в любом государстве мира. Еще 2500 лет назад Каутилья, главный министр императора Чандрапурта Маурия, перечислил в книге «Арташастра» 40 видов присвоения чиновниками государственных доходов, и в заключении с невозмутимым спокойствием написал: «Как невозможно не попробовать вкус меда или отравы, если они находятся у тебя на языке, так же для правительственного чиновника невозможно не откусить хотя бы немного от царских доходов. Как о рыбе, плывущей под водой, нельзя сказать, что она пьет воду, так и о правительственном чиновнике, что он берет себе деньги» [1, 29].

Противодействие коррупции на публичной службе и сейчас является важным и актуальным направлением государственной политики и в России, и во многих государствах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), успешная реализация которого позволила отдельным странам АТР достичь значительных экономических результатов (Китай, Республика Корея и др.). В связи с этим отдельные меры, известные законодательству стран АТР, заслуживают пристального внимания. Именно государства АТР становятся лидерами развивающегося мира, международное сотрудничество с которыми, «активная восточная политика», выходит для России на первый план, что продиктовано долгосрочными национальными интересами, тенденциями мирового развития и имеет огромный потенциал, который ежегодно показывает Восточный экономический форум.

В РФ публичным служащим запрещено получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения в любой форме от физических и юридических лиц, кроме полу-

ченных в связи с официальными мероприятиями, которые признаются государственной или муниципальной собственностью. Служащий вправе оставить себе подарок стоимостью до 3 тыс. руб. включительно[1] или выкупить более дорогой.

В Республике Корея установлены жесткие лимиты на подарки: запрещено дарить подарки дороже KRW 50 000 (около 2, 5 тыс. руб.) вон чиновникам, и дороже KRW 100 000 вон (около 5 тыс. руб.) – журналистам. В США запрет касается подарков от лиц, заинтересованных в принятии конкретных управленческих решений. Законодатель устанавливает и стоимость подарков, напр., для сотрудников аппарата Сената США в отношении подарков от лиц, которые могут оказаться заинтересованными в одобрении Сенатом конкретных законов, не более 100 долл. в течение календарного года, стоимость подарков из других источников – в совокупности не выше 300 долл. Подарки включаются и в ежегодные финансовые декларации, за исключением подарков на сумму менее 75 долл. [4, 90–97, 100–101].

Особое внимание в рамках антикоррупционной политики уделяется получению подарков от иностранных источников – не более 375 долл. При желании президентской четы оставить подарок, требуется разрешение Конгресса (по окончания президентского срока – покупка по рыночной стоимости за свой счет). Все сделанные Президенту США подарки иной стоимости – государственная собственность – передаются в Национальное управление архивов. Ежегодно Президент и первая леди должны отчитываться о каждом принятом подарке, указывая дарителя и стоимость.

Отметим, однако, что весной 2025 г. президент США Дональд Трамп принял в дар от монаршей семьи Катара самолет Boeing 747-8 стоимостью почти $400 млн., который в 100 раз превосходит по стоимости все вместе взятые подарки американским президентам от иностранного государства с 2001 г. Кроме того, возник вопрос о принадлежности самолета: «Борт номер 1» официально является самолетом ВВС США; Катар подарил Boeing администрации Трампа; предполагается, что в собственности США он останется до конца президентского

[1] Ч. 1 ст. 575 Гражданского Кодекса РФ: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

срока Трампа, а затем перейдет его фонду (подобные структуры традиционно создают бывшие президенты для поддержания своего архива, библиотеки, музея и т.п.)[1].

В РФ государственный гражданский служащий вправе с предварительным уведомлением представителя нанимателя выполнять иную оплачиваемую работу, если это не повлечет за собой конфликт интересов. Интерес в этом плане представляет опыт США, где побочный заработок не должен превышать 15 % основной должностной оплаты [5, 90–94].

Во многих странах, и в РФ, публичные служащие при поступлении на службу и ежегодно обязаны представлять сведения о доходах, расходах, имуществе, обязательствах имущественного характера в отношении себя, супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. В Республике Корея представляются сведения также на любое лицо, фактически состоящее с чиновником в брачных отношениях, а также на родственников по прямой нисходящей и восходящей линиям, за исключением замужних дочерей, их детей и внуков[2]. В США декларация подается и при увольнении со службы в течение 30 дней с момента официального прекращения обязанностей [4, 95–99]. В Сингапуре соответствующие сведения представляются два раза в год [2, 84].

Положительным считаем опыт ряда стран по установления видов имущества и доходов, не подлежащих отражению в обязательных отчетах, в Канаде не указываются «активы и проценты, предназначенные для личного использования государственным служащим и членами его семьи, а также имущество, не имеющее коммерческого характера»: жилое помещение, в котором проживает служащий или члены его семьи; автомобили и др. личные транспортные средства; ренты и полисы страхования на дожитие [3, 197–198]. В Республике Корея в декларации о доходах отражению подлежат наличные (включая чеки), ценные бумаги, вклады, права требования, обязательства на сумму не меньше KRW 10 млн вон в общем для каждого собственника; ювелирные изделия, антиквариат на сумму не меньше KRW 5 млн вон за предмет и др.[3]

---

[1] URL: https://rg.ru/2025/10/29/kakie-neobychnye-podarki-poluchal-donald-tramp-za-vremia-svoego-prezidentstva.html (дата обращения: 05.12.2025).

[2] URL: http://www.law.go.kr/eng/engLsSc.do?menuId=1&query=Public+Service+Ethics+Act&x=20&y=19#AJAX (дата обращения: 05.12.2025).

[3] Там же.

В США политика противодействия коррупции развивается в направлении интернационализации: приняты законы, позволяющие американским судам и органам следствия преследовать преступления даже за пределами территории США, если они каким-либо образом затрагивают интересы американских юридических или физических лиц.

В 2008 г. на слушаниях по иску Комиссии по ценным бумагам и биржам (далее – SEC) к Siemens AG (Сименс, Акционерное общество) – немецкий конгломерат: электротехника, электроника, транспорт, светотехника, энергетическое и медицинское оборудование), было объявлено, что в 2000–2007 гг. компания потратила 55 млн долл. на взятки государственным заказчикам в РФ. По оценке Siemens, до 80 % медицинского бизнеса в РФ в эти годы велось с использованием незаконных платежей. По телекоммуникационному бизнесу в иске SEC указано, что в 2004–2006 гг. Siemens заплатил 741 419 долл. в виде взяток чиновникам в связи с проектом по созданию автоматизированной системы управления дорожным движением на Третьем транспортном кольце в Москве[1]. Федеральный суд в Вашингтоне в декабре 2008 г. одобрил соглашение между Siemens AG, Министерством юстиции США и Комиссией по ценным бумагам и биржам: Siemens AG обязана выплатить 450 млн долл. Минюсту США и 350 млн долл. SEC за дачу взяток по всему миру[2].

Республика Сингапур (далее – Сингапур) на протяжении жизни одного поколения совершила прорыв во многих сферах, в том числе ив антикоррупционной. Ли Куан Ю, ставший премьер-министром в 1959 г. заявил: «Хочешь победить коррупцию, будь готов отправить за решетку своих друзей и родственников»[3]. Одной из мер уничтожения коррупционной схемы (власть – деньги – коррупция) стало повышение зарплат чиновникам, напр., государственным служащим катего-

[1] URL: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/12/02/v-kakih-korrupcionnyh-delah-figuriroval-siemens (дата обращения: 05.12.2025).

[2] URL: https://www.rbc.ru/economics/13/12/2008/5703d0dc9a79473dc814b259 (дата обращения: 05.12.2025).

[3] URL: https://finance.rambler.ru/other/41558566-singapurskoe-chudo-kak-glave-samogo-korrumpirovannogo-gosudarstva-udalos-iskorenit-vzyatochnichestvo (дата обращения: 05.12.2025).

рии «руководитель» – до уровня топ-менеджеров частных корпораций [6,2][1].

В 1952 г. было сформировано Бюро по расследованию коррупционных практик (Corrupt Practices Investigation Bureau, CPIB), подчиняющееся непосредственно премьер-министру, наделенное полномочиями вести следствие и по другим уголовным делам, связанным с фактами коррупции в составе 3-х департаментов: следственного, справочно-информационного, вспомогательного. Основные функции Бюро: 1) получать и расследовать жалобы, содержащие обвинения в коррупции в общественных и частных сферах; 2) расследовать случаи халатности и небрежности, допущенные государственными служащими; 3) проверять деятельность и операции, проводимые государственными служащими с целью минимизировать возможность совершения коррумпированных действий.

Методы работы Бюро авторитарны: без решения суда задерживать и обыскивать подозреваемых в коррупционных деяниях при наличии предусмотренных законодательством оснований; вести расследование не только в отношении подозреваемого, но и его родственников и поручителей, в т.ч. проверять любые их банковские, долевые и расчетные счета и финансовые записи и др.

Отметим эффективность современного антикоррупционного опыта Сингапура: в 2024 г. Прокуратурой Сингапура было предъявлено 27 обвинений министру транспорта Субраманиаму Исварану в коррупционных преступлениях в период с 2015 по 2021 гг. (напр., за получение ценных подарков (авиабилеты бизнес-класса, билеты на Гран-при «Формулы-1» и др.), воспрепятствование в осуществлении правосудия и др.)[2].

Республика Корея – одна из самых развитых стран Восточной Азии с жестким законодательством и высокой общественной нетерпимостью к коррупции. При этом на протяжении многих веков в Корее сохранялся высокий уровень администрирования и бюрократизации в силу конфуцианского мен-

[1] URL: https://www.cpib.gov.sg/who-we-are/our-corporate-philosophy/mission-vision-core-values (дата обращения: 04.02.2026).

[2] URL: https://inter-legal.ru/protivodejstvie-prestupleniyam-korruptsionnoj-napravlennosti-v-respublike-singapur-analiz-peredovogo-opyta (дата обращения: 04.01.2026).

талитета[1], наследия японской агрессии, авторитарности, сдерживаемой персонализмом, американского влияния, наличие «чэболей» и др. причин [7, с. 75–130].

В Республике Корея борьба с коррупцией стала частью национального самосознания и политической культуры с самобытными примерами осуждения экс - президентов: Чон Ду Хван и Ро ДЭ У были приговорены: к смертной казни и 22 и 5 лет тюремного заключения соответственно, в том числе за получение взяток в общей сложности более 630 млн долл. (1996 г.) [7,169]; Но Му Хен покончил с собой из-за коррупционного скандала, связанного с получение взятки на сумму боле 6 млн. долл., публично извинившись перед согражданами за испорченную репутацию (2009 г.); Пак Кын Хе признана виновной в коррупции, вымогательстве, злоупотреблении полномочиями и др.. с наказанием в виде 24 г. лишения свободы и штрафа в сумме KRW 18 млрд. вон. (2018 г.)[2] и др. Некоторые осужденные за коррупцию бывшие президенты в дальнейшем были освобождены от ответственности[3], в т.ч. и помилованы[4], что свидетельствует о сложности антикоррупционных политических процессов южнокорейского общества.

Приведенные примеры свидетельствуют в о том, что в различных странах используются в целом идентичные антикоррупционные стандарты на государственной службе, однако, использование зарубежного опыта может позволить повысить эффективность политики противодействия коррупции в РФ,

---

[1] Конфуцианское правительство основывается не на верховенстве закона, а на правлении мужчин: «…когда это было необходимо. Правитель никогда не колебался в том, чтобы пренебречь законом, так как именно он провозгласил его» // Hahm Pyong-Choon. The Korean Political Tradition and law Essays in Korean Law and Legal History. Seoul Computer Press, 1982. 249 с.

[2] URL: https://rg.ru/2018/04/06/sud-vynes-prigovor-eks-prezidentu-iuzhnoj-korei-pak-kyn-he.html (дата обращения: 04.02.2026).

[3] Президент Ким Тэ Чжун 25.02.1998 освободил указанных лиц от ответственности / см. Бажанов Е.П. Республика Корея на верном пути // Achievements and Challengers in First Year of the Administration of President Kim Dae- jung. Сеул, 1999. С. 289.

[4] URL: https://www.forbes.ru/society/450937-uznaa-korea-pomiluet-osuzdennuu-na-24-goda-za-korrupciu-eks-prezidenta-pak-kyn-he (дата обращения: 04.02.2026); URL: https://rg.ru/2022/12/27/v-iuzhnoj-koree-pomilovali-eks-prezidenta-li-men-baka-osuzhdennogo-za-korrupciiu.html; URL: https://rg.ru/2022/12/27/v-iuzhnoj-koree-pomilovali-eks-prezidenta-li-men-baka-osuzhdennogo-za-korrupciiu.html (дата обращения: 04.02.2026).

но только с учетом политических, экономических, социальных, национальных и других особенностей российского общества.

Список использованной литературы

1. Государственная служба: комплексный подход: учебник // отв. ред. А.В. Оболонский. – Москва : Изд-во «Дело» АНХ. – 2009. – 512 с.

2. Карагодин Н. Формирование корпуса государственных служащих: зарубежный опыт для России / Н. Карагодин, И. Карагодина // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 2. – С. 78–90.

3. Коррупция в системе государственно-общественных отношений: материалы российско-канадского семинара «Канада: меры по борьбе с коррупцией и соблюдению кодекса деловой этики на государственной службе», 10–11 нояб. 2008 г. /отв. за вып. Е.Н. Коршун, А.П. Рыбцова. Казань : Центр инновационных технологий, 2009. – С. 187–198.

4. Николайчик В.М. Правовое регулирование этики официальных лиц в США / В.М. Николайчик // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 5. – С. 88–103.

5. Николайчик В.М. Правовое регулирование этики официальных лиц в США / В.М. Николайчик // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 6. – С. 89–105.

6. Петров В. Прививка от коррупции / В. Петров // Российская газета. – 2016. – 18 марта. – С. 2

7. Русецкий Е.А. Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея / Е.А. Русецкий // дис. ... канд. полит. наук. – Владивосток : Дальневост. гос. ун-т, 2009. – 250 с.

Информация об авторе

Ольга Владимировна Хабибулина – доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, khabibulina.ov@dvfu.ru.

Author

Olga Vladimirovna Khabibulina – Associate Professor, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Associate Professor, khabibulina.ov@dvfu.ru.

УДК 340.13

О.А. Шабаева

НОРМА ПРАВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Анализ нормы права сквозь призму концепции социокультурного кода позволяет выявить ее глубинную связь с ценностями, мировоззренческими установками и историческим опытом конкретного общества. Автор обосновывает продуктивность компаративистского подхода для анализа права как явления культуры. Такой подход позволяет не только описывать формальные различия правовых систем, но и понимать их внутреннюю логику, обусловленную уникальным социокультурным контекстом. В работе рассматриваются теоретические основания социокультурного анализа права, предлагается компаративистский подход к рассмотрению примеров и разных правовых систем. Сформулированы выводы о значении данного подхода для современной юриспруденции.

Ключевые слова: норма права; социокультурный код; компаративистика; юридическая культура; цивилизационный подход; правопонимание.

O.A. Shabaeva

RULE OF LAW AS A SOCIOCULTURAL CODE: COMPARATIVIST APPROACH

Analysis of the rule of law through the prism of the concept of sociocultural code allows us to identify its deep connection with the values, worldviews and historical experience of a particular society. The author justifies the productivity of the comparative approach to analyze law as a cultural phenomenon. This approach allows not only to describe the formal differences of legal systems, but also to understand their internal logic, due to a unique sociocultural context. The paper examines the theoretical foundations of sociocultural analysis of law, proposes a comparative approach to considering examples from different legal systems. Conclusions are formulated on the significance of this approach for modern jurisprudence.

© Шабаева О.А., 2026

Key words: rule of law; sociocultural code; comparative studies; legal culture; civilizational approach; legal understanding.

Современная теория права переживает период методологической рефлексии, обусловленной кризисом позитивистских концепций, абсолютизирующих формальную определенность правовых предписаний. Преодоление данного кризиса требует обращения к междисциплинарным подходам, позволяющим выявить глубинные детерминанты правового регулирования. Одним из наиболее перспективных направлений выступает социокультурный анализ права, рассматривающий правовую норму не как изолированный императив, а как элемент сложного семиотического поля, вплетенного в ткань общественной жизни.

Концепция социокультурного кода, заимствованная из антропологии и культурной социологии, позволяет интерпретировать норму права как носителя культурной информации, кодирующей коллективный опыт, ценностные приоритеты и когнитивные схемы конкретного общества. Под социокультурным кодом в данном контексте понимается система устойчивых значений, символов, определяющих восприятие, оценку и регуляцию социальных отношений в рамках данной культурной традиции. Правовая норма, будучи элементом этого кода, функционирует как механизм трансляции и репродукции культурных смыслов через институциональные формы.

Компаративистский подход выступает необходимым методологическим инструментом для верификации данной концепции. Он позволяет выйти за пределы национальной правовой доктрины и выявить универсальные и специфические черты правовых феноменов в их культурной обусловленности. Право представляет собой не только совокупность правил, но и образ мышления, отражающий историю и культуру народа.

Традиционная юридическая доктрина, восходящая к Г. Кельзену, трактовала норму права как гипотетическую императивную конструкцию, логически выведенную из основной нормы (Grundnorm) и лишенную какой бы то ни было связи с социальной реальностью [8, с. 78]. Подобный формализм, несмотря на свою эвристическую ценность для внутренней систематизации права, оказался неспособен объяснить причины устойчивых различий между правовыми системами, формально регулирующими сходные общественные отношения.

Альтернативу позитивизму предложила социологическая школа права, представленная Е. Эрлихом, который выделил приоритет «живого права» (неписаных правил повседневной жизни) над нормами права [7, с. 156]. Он считал, что право, исходящее от государства, догоняет «живое право» и нормативно закрепляет правила, уже фактически действующие в обществе. В связи с этим исходные начала права следует искать в обществе, в образующих его объединениях и союзах.

Однако и эта концепция не до конца раскрыла культурную измеримость правовых феноменов. Более продуктивной оказался герменевтический подход, представленный в работах Р. Дворкина, который рассматривал право как интерпретативную практику, вплетенную в моральный дискурс общества [6, с. 89]. Согласно данному подходу правовые принципы не существуют в вакууме, а коренятся в коллективной истории и ценностях политического сообщества.

Российская теория права внесла существенный вклад в разработку социокультурной проблематики. С.С. Алексеев подчеркивал, что «право – это не только система норм, но и духовно-культурный феномен, отражающий уровень правосознания и правовой культуры общества» [1]. Н.В. Витрук развивал идею о праве как о социальном институте, выполняющем не только регулятивную, но и смысловую функцию, транслируя через нормы общественные ценности и идеалы [2, с. 67].

Думается, что социокультурный код нормы права проявляется в трех измерениях. Во-первых, в ценностном измерении, когда норма права кодирует приоритетные для общества ценности (индивидуализм; коллективизм; равенство; социальная справедливость). Во-вторых, в когнитивном измерении, когда норма права отражает доминирующие в культуре способы восприятия социальной реальности (линейное время, циклическое время, вертикальные общественные отношения, горизонтальные общественные отношения). В-третьих, в символическом измерении, когда норма функционирует как знак, несущий культурно-специфическое значение, выходящее за пределы буквального смысла.

Рассмотрим компаративистский анализ нормы права в контексте различных правовых семей. Для романо-германской правовой системы характерна доминанта кодифицированного права, что отражает глубинные культурные уста-

новки континентальной Европы. Норма права в кодексе выступает как элемент логически замкнутой системы, отражающей веру в возможность полного охвата социальной реальности абстрактными категориями.

Российская правовая традиция, несмотря на формальную принадлежность к романо-германской семье, демонстрирует особенности, обусловленные православной культурой и историческим опытом государственности. Например, норма п. 1 ст. 10 ГК РФ о недопустимости осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (злоупотребление правом) трактуется российской судебной практикой с учетом категории «общественной пользы», восходящей к православной этике служения обществу. Это контрастирует с более формализованным подходом германских судов, ориентированных на баланс субъективных прав.

Англосаксонская правовая система представляет норму права не как абстрактное предписание, а как результат конкретного судебного решения, вплетенного в исторический контекст. Прецедент выступает как нарратив, кодирующий не только юридическое правило, но и моральный урок, извлеченный из жизненной ситуации. Такая концепция права отражает культурные ценности англосаксонского мира: прагматизм, эмпиризм, уважение к историческому преемству.

Показателен сравнительный анализ норм права о неосновательном обогащении. В романо-германской правовой системе данная категория оформлена как абстрактная норма Гражданского кодекса РФ. Так, согласно статье 1102 Гражданского кодекса РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение).

В англосаксонской правовой системе институт неосновательного обогащения развивался через серию прецедентов, каждый из которых фиксировал конкретную жизненную ситуацию и моральную оценку судьи. В деле Kelly v. Solari (1841) суд установил, что возврат ошибочно выплаченной страховой суммы зависит от того, знал ли получатель о своей обязанности вернуть деньги – норма здесь сливается с оценкой субъектив-

ного состояния участника [5, с. 67]. Такой подход отражает культурный код «разумного человека» (reasonable man), центральной категории англосаксонской правовой культуры.

Мусульманская правовая система представляет наиболее яркий пример нормы права как элемента целостного социокультурного кода. Шариат не разделяет право, мораль и религию на изолированные сферы, а представляет собой единую систему предписаний, охватывающую все аспекты человеческого существования. Норма шариата (хукм) извлекается из Корана и Сунны через сложные процедуры иджтихада, отражающие доминирующую в исламской культуре концепцию божественного законодательства.

Контраст с иными правовыми системами проявляется в толковании норм о браке и семье. В шариате брачный договор (никях) рассматривается не как гражданско-правовая сделка, а как акт поклонения (ибада), имеющий сакральное измерение. Это обусловливает особенности регулирования: например, право мужа на развод (талак) исторически интерпретировалось не как проявление патриархата, а как ответственность за сохранение института семьи – ценность, имеющая высший приоритет в исламской культуре [3, с. 67].

Компаративистский анализ подтверждает продуктивность концепции нормы права как социокультурного кода. Выявленные различия в толковании формально сходных норм в разных правовых системах не сводятся к техническим особенностям правотворчества или судебной практики, а коренятся в глубинных ценностных ориентирах, историческом опыте и когнитивных схемах соответствующих культур.

Для современной российской юриспруденции социокультурный подход имеет особое значение в условиях глобализации и правовой трансформации. Норма права выступает не только как инструмент внешнего регулирования поведения, но и как носитель социокультурного кода, транслирующего ценностные ориентиры, исторический опыт и мировоззренческие установки общества [4, с. 67]. Компаративистский подход позволяет выявить глубинные культурные детерминанты правовых феноменов, демонстрируя, что формальное сходство норм не гарантирует их функциональной эквивалентности в разных культурных контекстах.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Государство и право: основы теории / С.С. Алексеев. – Москва : Норма, 2010. – 320 с.

2. Витрук Н.В. Избранное. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990 / Н.В. Витрук. – Москва : Российская академия правосудия, 2012. – 644 с.

3. Магомедов И.А. Порядок и формы расторжения брака в мусульманском праве / И.А. Магомедов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 38–43.

4. Честнов И.Л. Право как социокультурный феномен / И.Л. Честнов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018 : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 25 мая 2018 г. Т. 1. – Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. – С. 112–115.

5. Birks P. Unjust Enrichment / P. Birks. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 288 p.

6. Dworkin R. Law's Empire / R. Dworkin. – Cambridge : Harvard University Press, 1986. – 470 p.

7. Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law / E. Ehrlich. – Cambridge : Harvard University Press, 1936. – 596 p.

8. Kelsen H. Pure Theory of Law / H. Kelsen. – Berkeley : University of California Press, 1967. – 356 p.

Информация об авторе

Ольга Александровна Шабаева – доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, Shabaevaolya@mail.ru.

Author

Olga Aleksandrovna Shabaeva – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: Shabaevaolya@mail.ru.

УДК 343.4, 004.8

Н.И. Шумакова

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ: ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В НОРВЕГИИ И РОССИИ

Алгоритмическая дискриминация в условиях стратегического внедрения систем искусственного интеллекта представляет собой механизм массового воспроизводства исторически сложившейся предвзятости и, вследствие непрозрачности алгоритмов и дефицита контроля, способна усугублять положение женщин как дискриминируемой и уязвимой группы. В статье показано, что цифровая «сортировка» и профилирование в ключевых сферах общественной жизни могут приводить к систематическому ограничению возможностей женщин и ослаблению гарантий равенства на фоне общего снижения эффективности реализации прав человека в цифровую эпоху.

Обосновывается, что систематический и массовый характер алгоритмической дискриминации вкупе с общественной опасностью ее последствий требуют обновления правовых механизмов противодействия, включая совершенствование уголовного законодательства и разработку специальных антидискриминационных инструментов, включающих внедрение превентивных процедур надзора, оценки воздействия и регулярного аудита систем ИИ. С применением метода сравнительного правоведения на материале России и Норвегии сопоставляются подходы к противодействию алгоритмической дискриминации в отношении женщин, дается оценка готовности существующего законодательства противостоять новым вызовам.

Ключевые слова: алгоритмическая дискриминация; цифровые технологии; права женщин; дискриминация; искусственный интеллект.

N.I. Shumakova

ALGORITHMIC DISCRIMINATION: WOMEN'S ISSUE IN NORWAY AND RUSSIA

Algorithmic discrimination in the context of the strategic deployment of artificial intelligence systems constitutes a mechanism

© Шумакова Н.И., 2026

for the large-scale reproduction of historically entrenched bias and, due to the opacity of algorithms and insufficient oversight, is capable of exacerbating the position of women as a discriminated and vulnerable group. The article demonstrates that digital «sorting» and profiling in key spheres of public life may lead to systematic limitations on women's opportunities and a weakening of equality guarantees against the backdrop of an overall decline in the effectiveness of human rights protection in the digital era.

It is argued that the systemic and mass nature of algorithmic discrimination, coupled with the socially harmful character of its consequences, necessitates the renewal of legal countermeasures, including the improvement of criminal legislation and the development of specialized anti-discrimination instruments. Such instruments should include preventive procedures for oversight, impact assessment, and regular auditing of AI systems. Using the comparative law method and drawing on the cases of Russia and Norway, the article compares approaches to countering algorithmic discrimination against women and assesses the extent to which existing legislation is prepared to meet emerging challenges.

Key words: algorithmic discrimination; digital technologies; women's rights; discrimination; artificial intelligence.

Алгоритмическая дискриминация (предвзятость) (далее – АП) обозревается в мультидисциплинарных исследованиях с конца прошлого века. Одним из наиболее распространенных определений этого феномена является предоставленное Фридман и Ниссенбаум в их исследовании «Предвзятость компьютерных систем», согласно которому он является проявлением систематического несправедливого отношения к индивиду или группе лиц, создаваемого компьютерной/алгоритмической системой, что влечет лишение возможностей и/или преимуществ, и иные неблагоприятные последствия на необоснованных основаниях [5, с. 332–333]. Ими же выделены два актуальных на сегодняшний день признака АП: 1) системность (позволяет отличить дискриминационное отношение от программной ошибки или сбоя в системе); 2) обязательное наступление негативных последствий – так называемого «несправедливого результата» [5].

Исходя из того, что работа алгоритмов лишена прозрачности, что обусловлено особенностями обучения и функциониро-

вания систем ИИ, а также того факта, что АП является лишь продолжением исторически сложившейся предвзятости [2, с. 178–180], тогда как отсутствие должного контроля за внедрением технологий ИИ способно массово воспроизводить предубеждения и приводить к иным опасным последствиям [1], можно утверждать, что с наступлением эпохи стратегического внедрения систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), проблема дискриминации уязвимых групп населения лишь усугубилась.

В настоящей статье АП анализируется прежде всего в отношении женщин как исторически дискриминируемой (уязвимой) группы населения. Такой фокус соответствует международно-правовой рамке Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин[1], в ст. 1 определяющей дискриминацию как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области». В «Общей рекомендации № 28 об основных обязательствах государств-участников»[2] Комитет Конвенции прямо указывает, что Конвенция охватывает гендерно обусловленную дискриминацию, то есть, любые системные практики, воспроизводящие неравенство женщин, независимо от формы и технологической оболочки таких практик.

На рост дискриминационных практик, сопровождающих развитие и внедрение технологий ИИ, в частности, обращается внимание в исследовании «Алгоритмы, искусственный интеллект и дискриминация» Блакер Странд В., проведенном по заказу Уполномоченного по вопросам равенства и дискриминации Норвегии: в условиях повсеместного применения алгоритмов факт дискриминации становится сложно установить, что

[1] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 26.02.2026).

[2] General recommendation No. 28 on the core obligations of States parties under article 2 of the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-iskusstvennogo-intellekta-mirovoy-opyt-razvitiya (дата обращения: 26.02.2026).

не отменяет его общественно опасных последствий, а это означает, что необходимо своевременно обновлять антидискриминационное законодательство, чтобы оно было способно противостоять новым вызовам и нивелировать возможные вредные последствия, в противном случае оно утратит свою эффективность [4, с. 9]. Автором подчеркивается, что, несмотря на многочисленные споры о том, какие именно группы населения нужно считать особо уязвимыми и защищать от АП, ключевым вопросом остается гендерное неравенство, поскольку новые нормы копируют несовершенства ранее существовавших, продолжая ставить женщин в менее выгодное положение, в том числе продолжая возлагать бремя доказывания наличия дискриминации на истца/заявителя, что становится невозможным в условиях почти полного отсутствия прозрачности работы алгоритмов [4, с. 9–27]. Акцентируя внимание на том, что сам ИИ не может считаться субъектом преступления, признавать таковыми она предлагает того, кто непосредственно применяет алгоритмы при принятии решений, обязав всех – от органов государственной власти до работодателей отчитываться об их использовании [7].

С данным выводом сложно не согласиться в свете результатов исследований концепций справедливости, проведенных в сфере машинного обучения, демонстрирующих, что математически невозможно, чтобы один алгоритм удовлетворял более, чем одному классу критериев справедливости, а это значит, что выбор, какому именно критерию справедливости отдавать приоритет, остается на усмотрение применяющего систему ИИ [6, с. 45].

Одним из первых случаев в правоприменительной практике, подтверждающих существование как открытой, так и косвенной дискриминации при использовании алгоритмов автоматизированного принятия решений, является судебный иск Комиссии по равным возможностям трудоустройства США против китайской компании iTutorGroup Inc., вопреки американскому законодательству использующей инструменты онлайн-найма, автоматически отсеивающие соискателей-мужчин в возрасте от 60 лет, а женщин-женщин и того моложе – от

55 лет[1]. Схожий иск подан против компании Eightfold AI, чей алгоритм без предварительного согласия получает доступ к персональной информации, включающей активность гаджетов и других устройств, файлы cookie, страницы в социальных сетях и т.д., а затем профилирует кандидата на рабочее место (в дальнейшем профиль и присвоенная оценка сохраняются и будут использоваться всеми компаниями, применяющими разработки Eightfold AI), в результате чего алгоритм принимает автоматизированное решение, при этом, показательно, что иск подан пострадавшими женщинами, чьи профессиональные качества и опыт отвечали позициям, на которые они претендовали[2]. Иными словами, в целях повышения эффективности работы систем ИИ совершается такое общественно опасное деяние как нарушение неприкосновенности частной жизни. Предвзятость в данном случае может быть представлена как искажение юридически значимых фактов – восприятие алгоритмом определенных маркеров как негативных характеристик, тогда как на практике имеют место устоявшиеся гендерные роли – например, перерывы в работе, вызванные уходом за детьми.

В исследованиях в области компьютерных наук отмечают, что проблемы справедливости в машинном обучении продолжат оставаться актуальными, поскольку предвзятость усваивается системами ИИ в процессе непрерывного обучения, а затем тиражируется посредством цифровых технологий – например, через рекомендательные алгоритмы, в отношении которых было установлено, что при разделении пользователей по гендерному признаку, дискриминации будут подвергаться именно женщины, в частности – в карьерных рекомендациях и найме [8]. Последствия при этом могут выражаться не только в систематическом несправедливом отношении, но и в необоснованном уголовном преследовании, как в деле «Вудрафф против Оливера» – беременная истица была неправомерно арестована из-за наличия предвзятости в применяемой на тот момент правоохранительными органами Детройта технологии распозна-

[1] iTutorGroup to Pay $365,000 to Settle EEOC Discriminatory Hiring Suit. URL: https://www.eeoc.gov/newsroom/itutorgroup-pay-365000-settle-eeoc-discriminatory-hiring-suit (дата обращения: 26.02.2026).

[2] Superior Court of the State of California county of Contra costa. URL: https://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/legaldocs/akpejloogvr/2026-01-20-Eightfold-Complaint.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

вания лиц[1]. Национальным институтом стандартов и технологий США установлено также, что системы распознавания лиц демонстрируют наихудшие результаты к двум уязвимым категориям населения – темнокожим и женщинам от 18 до 30 лет, но это не останавливает внедрение данных технологий, при этом разработчиками являются частные компании, что создает дополнительные риски [2].

Необходимо отметить, что АП в случаях, когда она способствует усилению несправедливого отношения к исторически уязвимым группам, в частности к женщинам, как следствие, в обществе возникает недоверие к правоохранительным органам и результатам их работы, институтам власти и государству в целом. Во многих государствах нормы уголовного права направлены на усиление мер защиты жертв гендерного насилия (вовлечение и/или принуждение в занятие проституцией, сексуализированное насилие и т.д.), но алгоритмическая «сортировка» с присущей ей предвзятостью может привести к систематическому ослаблению защиты именно этой уязвимой группы. И как раз массовый и системный характер вреда АП вкупе с общественной опасностью ее последствий на фоне общего снижения эффективности защиты прав и свобод человека в цифровую эпоху, указывает на необходимость ее криминализации. В данном контексте представляет интерес сравнение различных подходов к решению вопроса АП. В данной статье – норвежского и российского, где конечная цель – продемонстрировать, что указанная проблема является комплексной и требующей разработки новых правовых механизмов противодействия, а также усовершенствования уже существующих.

Российский законодатель уже криминализировал один из возможных сценариев АП – необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ[2]), в то время как общая дискриминация

[1] Amicus curiae brief of the American Civil Liberties Union and the American Civil Liberties Union of Michigan in support of plaintiff's opposition to defendant's motion for summary judgment. URL: https://www.aclu.org/cases/woodruff-v-oliver?document=Brief-of-Amici-Curiae-American-Civil-Liberties-Union-and-American-Civil-Liberties-Union-of-Michigan (дата обращения: 26.02.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ: текст с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026. // СПС «КонсультантПлюс».

по признаку пола криминализирована в ст. 136 УК РФ, но только при наличии специального признака субъекта преступления – служебного положения.

В Норвегии же на противодействие всем формам дискриминации направлен специальный нормативный правовой акт – «Закон о равенстве и запрете дискриминации» (2017)[1], устанавливающий запрет на дискриминацию по таким связанным с устоявшимися гендерными ролями, как беременность, отпуск по беременности и родам или усыновлению, обязанность по уходу за близкими, распространяя данный запрет на «существующие, предполагаемые, прошлые или будущие обстоятельства» (ст. 6). Но одновременно с этим норвежский законодатель использует такой термин, как «правомерная дискриминация» – по отношению к трудовым отношениям с работниками женского пола такая дискриминация допустима в случаях, если «она необходима для защиты женщины, плода или ребенка в связи с беременностью, родами или грудным вскармливанием», включая такую абстракцию, как наличие «других очевидных причин», и пояснение, что «дискриминация не должна быть несоразмерно обременительной по отношению к лицу, подвергающемуся дискриминации» (ст. 10). Кроме того, дискриминация по гендерному признаку допустима в случае, если «данная характеристика имеет решающее значение для выполнения работы или профессии» (ст. 9). Блакер Странд в ранее упомянутом исследовании совершенно справедливо характеризует данные положения как порождающие непредсказуемость судопроизводства, а в случае с ИИ и вовсе – создающие препятствия эффективной реализации норм о запрете дискриминации [4]. Тем не менее, «Закон о равенстве и запрете дискриминации» уже облегчил бремя доказывания дискриминации, в ст. 37 устанавливив, что дискриминация считается имевшей место, если на ее существование указывают обстоятельства, а ответчик не может доказать, что она отсутствовала. Специальные нормы, направленные на защиту женщин от дискриминации, Уголовным кодексом Норвегии[2] не преду-

[1] Lov om likestilling og forbud mot diskriminering (likestillings- og diskrimineringsloven). URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2017-06-16-51 (дата обращения: 26.02.2026).

[2] Lov om straff (straffeloven). URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28?q=Lov %20om %20straff %20(straffeloven) (дата обращения: 26.02.2026).

смотрены, лишь отдельные его положения включают гендер в число определяющих признаков, по которым может быть совершена дискриминация, в их числе ст. 185 (разжигание ненависти) и ст. 186 (отказ в товарах и услугах). Однако стоит упомянуть, что в Норвегии существует уголовная ответственность для юридических лиц, в том числе, в случаях, если совершившее преступление лицо действовало от имени и в интересах предприятия (ст. 27 УК Норвегии).

С учетом полученных результатов произведенного анализа и того факта, что АП может способствовать снижению эффективности реализации прав уязвимых групп, в том числе ограничивая доступ к медицине их представителям, а расширение признаков как основания включения в данные группы – ослаблению защиты женщин [7], можно сделать вывод о наличии объективной необходимости в обновлении уголовного законодательства как России, так и Норвегии. В случае с Российской Федерацией речь стоит вести о расширении состава преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ, посредством исключения из нее наличия специального признака, тогда как в УК Норвегии отсутствует отдельная статья, направленная на противодействие неправомерной дискриминации, что можно считать существенным недостатком, как и отказ от криминализации дискриминации на основании устоявшихся гендерных ролей женщин как уязвимой группы, при наличии большого количества административных норм, включающих допустимость «правомерной дискриминации». Дополнительно целесообразно разработать отдельные правовые механизмы, обязывающие как компании – разработчики, так и компании, применяющие системы ИИ, принимать превентивные меры и устранять вредные последствия возникновения АП. Такими механизмами, по мнению ЮНЕСКО, должны стать надзор, оценка воздействия и регулярный аудит[1]. В этой связи особый интерес должно представлять внедрение института коллективной вины, поскольку технологические компании (разработчики и поставщики систем ИИ) должны нести ответственность, соразмерную причиняемому их продуктами массовому и системному вреду, способному

[1] Ethics of Artificial Intelligence: The Recommendation. URL: https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics (дата обращения: 26.02.2026).

повлечь наступление общественно-опасных последствий, включая значительные репутационные потери, как должны ее нести и юридические лица, использующие алгоритмы при принятии решений.

Список использованной литературы

1. Бегишев И.Р. Технология искусственного интеллекта: мировой опыт развития / И.Р. Бегишев // Baikal Research Journal. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 1.

2. Каштанова Е.В. Проблемы предвзятости и дискриминации человеческого капитала в системах искусственного интеллекта / Е.В. Каштанова, А.С. Лобачева // Вестник университета. – 2024. – № 3. – С. 176–185.

3. Bhuiyan J. TechScape: 'Are you kidding, carjacking?' – The problem with facial recognition in policing / J. Bhuiyan // The Guardian. – URL: https://www.theguardian.com/newsletters/2023/aug/15/techscap -facial-recognition-software-detroit-porcha-woodruff-black-people-ai (дата обращения: 26.02.2026).

4. Blaker Strand V. Algoritmer, kunstig intelligens og diskriminering. – Oslo : LDO, 2024. – 46 p.

5. Friedman B. and Nissenbaum H. (1996). Bias in computer systems. ACM Transactions on Information Systems (TOIS). – Vol. 14, no. 3. – P. 330–347.

6. Ip E. (2025). Fair AI in hiring: Experimental evidence on how biased hiring algorithms and different debiasing methods affect the quality and diversity of applicants // Behavioral Science & Policy. – Vol. 11, no. 1. – P. 44–54.

7. Lindqvist H. KI kan ha skjulte «fordommer» mot kvinner / H. Lindqvist // Universitet i Oslo. – URL : https://www.uio.no/forskning/forskningsnytt/artikler/2025/kvinnedagen-og-ki.html (дата обращения: 26.02.2026).

8. Improving user-oriented fairness in recommendation via data augmentation: Don't worry about inactive users / Y. Wang, H. Zhou, G.F. Lu, C. Gao and S. Meng // Journal of Systems and Software. – 2025. – Vol. 225. – P. 112387.

Информация об авторе

Наталья Игоревна Шумакова – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Юри-

дического института Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), shumakovani@susu.ru.

Author

Natalya Igorevna Shumakova – Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law of the South Ural State University (National Research University), shumakovani@susu.ru.

УДК 347.73

О.Н. Шульга

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье затрагиваются вопросы развития правового регулирования цифровых технологий в налоговой сфере России и зарубежных стран, исследуется опыт внедрения цифровых сервисов налоговыми органами. Трансформация взаимодействия налоговых служб и налогоплательщиков из аналоговой в цифровую среду позволяет повысить качество налогового администрирования и ускорить работу налоговых органов, сделать взаимодействие налогоплательщиков с налоговыми службами более удобным, быстрым и понятным. В условиях быстрого развития IT-технологий и повышение объема обрабатываемой информации развитие цифровой формы взаимодействия становится необратимым. Исследование особенностей правового регулирования цифровых сервисов зарубежных стран позволяет российскому законодателю найти наиболее эффективные способы совершенствования правовой регламентации уже существующих сервисов. Особенностью исследуемого вопроса является то что независимо от степени законодательной проработки цифровой трансформации налоговой системы, законодательное закрепление цифровых форм взаимодействия всегда будет немного отставать от технологических реалий.

Ключевые слова: цифровизация налогового регулирования; налоговое право России; налоговое право Китая; налоговое право Казахстана; налоговый кодекс; цифровой кодекс; личный кабинет налогоплательщика.

O.N. Shulga

DIGITAL TAX SERVICES: EXPERIENCES OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

This article addresses the development of legal regulation of digital technologies in the tax sphere in Russia and other countries, and examines the experience of tax authorities in implement-

© Шульга О.Н., 2026

ing digital services. Transforming interactions between tax authorities and taxpayers from an analog to a digital environment improves the quality of tax administration and accelerates the work of tax authorities, making taxpayer interactions with tax authorities more convenient, faster, and more understandable. With the rapid development of IT technologies and the increasing volume of processed information, the development of digital interactions is becoming irreversible. Researching the specifics of legal regulation of digital services in foreign countries allows Russian legislators to find the most effective ways to improve the legal framework for existing services. A key feature of this research is that, regardless of the degree of legislative development of the digital transformation of the tax system, the legislative consolidation of digital forms of interaction will always lag slightly behind technological realities.

Key words: digitalization of tax regulation; Russian tax law; Chinese tax law; Kazakh tax law; tax code; digital code; taxpayer personal account.

Развитие цифровых технологий с современном мире оказывает влияние на все сферы государственной и общественной жизни. Создание больших массивов данных, перевод документооборота из аналогового в цифровой формат, повышение скорости обмена информацией требует внедрения новых технологических решений. Безусловно, государственные органы не остались в стороне от общемировых тенденций и во многих странах появились цифровые сервисы налоговых органов, как новые, более современные способы взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков.

Развитие интернет-порталов, создание цифровых сервисов для персональных компьютеров и мобильных приложений обусловлено не только потребностью налоговых органов в оптимизации процессов налогового администрирования, но также и осознанием того, что процедура подачи налоговой декларации, исчисления и уплаты налогов должна быть удобной и понятной для налогоплательщика. Поскольку цифровизация налоговых органов во всем мире происходит неравномерно, изучение зарубежного практического опыта введения, использования и развития сервисов цифрового взаимодействия между налоговым органом и налогоплательщиками позволяет заказчикам и разработчикам цифровых сервисов не только усовер-

шенствовать уже внедренные сервисы, но и почерпнуть новые идеи для своих разработок.

Однако стоит отметить, что опыт государства в разработке программного обеспечения и достаточное количество квалифицированных программистов не всегда приводит к внедрению цифровых технологий в сферу оказания государственных услуг. Так, к примеру, Индия, являясь одним из мировых лидеров по разработке программного обеспечения, имеет достаточно сложную налоговую систему и налоговые органы Индии весьма неохотно применяют цифровые технологии в своей работе, в том числе технологии налогового администрирования [1; с. 29].

В Австралии наоборот, процесс цифровизации значительно трансформировал сферу налоговых отношений. Австралийская налоговая служба (Australian Taxation Office) активно развивает цифровые налоговые сервисы для физических и юридических лиц как в формате интернет-портала, так и в виде приложения, доступного для скачивания на мобильные устройства. Сервисы налоговой службы позволяют пользователям зарегистрировать юридическое лицо онлайн [6; с. 449], проверить эффективность бизнеса, подать налоговую декларацию, с помощью использования налогового калькулятора спрогнозировать, сколько налогов будет удержано с дохода, заранее загрузить в приложение документы, подтверждающие право на налоговый вычет и учесть их при формировании налоговой декларации, и осуществить многие другие действия, связанные с исчислением и уплатой налогов. При этом часть функций, реализованных в мобильном приложении является эксклюзивной и не повторяется иными способами, в том числе сообщения из категории «безопасность», включающие процедуру регистрация нового устройства для доступа к личному кабинету налогоплательщика и обновление банковских реквизитов. Такой широкий функционал стал возможен благодаря следованию принятым в 2016 и 2022 Цифровым стратегиям Австралийской налоговой службы, определяющим основные принципы развития цифровых услуг[1].

[1] Цифровая стратегия Австралийской налоговой службы 2022-25. URL: https://www.ato.gov.au/about-ato/managing-the-tax-and-super-system/ato-digital-strategy/ato-digital-strategy-2022-25 (дата обращения: 21.02.2026).

Затрагивая вопросы использования цифровых сервисов налоговыми органами и налогоплательщиками Китая стоит отметить, что высокие темпы экономического роста, активная внешнеторговую деятельность и большое число налогоплательщиков естественным образом привело к развитию взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками и в цифровой среде. На развитие цифровых сервисов Государственного налогового управления Китая оказала огромное влияние пандемия Covid-19, и именно в этот период активное развитие получили личные кабинеты налогоплательщиков[1], мобильные приложения, система оформления электронных счетов-фактур, автоматизированные процедуры подачи налоговой отчетности и ее проверка налоговым органом, межведомственный обмен данными в электронном формате. При этом на сегодняшний день налоговая служба КНР не отказывается от опыта проведения выездных, а также ежегодных и выборочных камеральных проверок, сохраняя определенную традиционность в этом вопросе.

Особенностью правового регулирования налогообложения в Китае является отсутствие налогового кодекса, при этом статусы налогоплательщиков, налоговые ставки, порядок исчисления налогов и сборов, правила и порядок взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков регулируются отдельными нормативно-правовыми актами (законами, временными положениями Государственного совета КНР или актами отдельных государственных ведомств), а общие правила налогообложения определены Законом КНР «Об управлении сбором налогов»[2]. Что касается цифровизации государственного управления, в том числе в налоговой сфере, на сегодняшний момент в Китае принят ряд документов, таких как План действий по продвижению развития больших данных, утвержденный в 2015 году, Общий план строительства цифрового Китая, принятый в 2023 году, и другие.

В целом опыт внедрения цифровых сервисов налоговой службой Китая также можно признать успешным, а смещение вектора аналогового способа обмена данными и взаимодействия налоговых органа и налогоплательщиков в сторону цифровизации – эффективным [4; с. 81].

---

[1] Электронное налоговое управление физических лиц. URL: https://etax.chinatax.gov.cn (дата обращения: 22.02.2026).

[2] Об управлении сбором налогов : Закон КНР. URL: http://russian.china.org.cn/links/txt/2007-09/25/content_8947489.htm (дата обращения: 22.02.2026).

Современная система цифровых сервисов Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан на сегодняшний день включает в себя объемный перечень услуг как для физических лиц и индивидуальных предпринимателей, так и для юридических лиц, и предоставляет налогоплательщикам возможность совершить ряд юридически значимых действий несколькими способами: через официальный интернет-портал налоговой службы[1] или отдельный Портал электронного правительства, мобильные приложения, а также через интернет-ресурсы и приложения посредников – банки второго уровня, включающие в себя все коммерческие банки. В специализированном разделе «Электронные сервисы» на портале налоговой службы размещены все доступные для использования сервисы и программные средства, среди них: личный кабинет налогоплательщика, калькуляторы налоговых платежей и пеней, Web-приложение для оформления и использования сопроводительных накладных при обороте алкоголя, различные реестры, сервисы поиска неблагонадежных налогоплательщиков или налогоплательщиков, находящихся на стадии ликвидации, форма записи на прием в налоговую инспекцию, API-сервисы, в том числе сервис по приему форм налоговой отчетности, информационно-справочная информация, и иные цифровые сервисы. Министерством финансов республики поставлена цель ускорить цифровизацию налоговой системы и сделать взаимодействие налоговых органов с налогоплательщиками максимально автоматизированым [2].

К 2026 году законодатель сформировал значительный массив нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы налогообложения в современной цифровой реальности, с учетом цифровой трансформации налоговых отношений, возникновения новых форм цифровых прав и цифрового имущества. Так, с 1 января 2026 года вступил в действие новый Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК[2], устанавливающий основополагающие принципы налогообложения и регулирующий властные отношения по установлению,

[1] Комитет Государственных Доходов Министерства финансов Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: https://kgd.gov.kz/ru (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК // Казахстанская правда. № 135-138 (30513-30516). 19.07.2025.

введению, изменению, отмене, порядку исчисления и уплаты налогов и других обязательных платежей в бюджет, а также общественные отношения, связанные с исполнением налогового обязательства. Пункт 14 статьи 21 Налогового кодекса вводит в оборот понятие «налоговое мобильное приложение», определяя его как программный продукт, установленный и запущенный на абонентском устройстве сотовой связи для получения налогоплательщиком электронных налоговых услуг и исполнения им налоговых обязательств. Принятый в январе 2026 года Цифровой кодекс Республики Казахстан[1], вступающий в силу 11 июля 2026 года, определяет обеспечение устойчивого развития и функционирования цифровой среды в интересах физических и юридических лиц, общества и государства основной целью цифрового законодательства Республики Казахстан. Цифровой кодекс также закрепляет единые принципы регулирования цифровой сферы, определяет виды цифровых объектов, к которым относятся цифровые данные и активы, программное обеспечение, цифровые системы, цифровые платформы и иные. Кодекс также определяет правовую базу для реализации цифрового государственного управления, включая «цифровую архитектуру государства», развитие «цифрового правительства», вводит понятия цифровизации и цифровой трансформации, разграничивая их. Законодатель, определяя цифровизацию как совокупность мероприятий, направленных на перевод процессов в цифровую форму, применение цифровых технологий для автоматизации деятельности, дает понятию «цифровая трансформация» более широкое и технологически сложное значение, определяя цифровую трансформацию как процесс системных изменений, основанный на внедрении цифровых технологий, архитектурных и платформенных решений, аналитики данных и искусственного интеллекта, с целью повышения эффективности, прозрачности, проактивности управления и оказания услуг.

В данном случае мы видим очевидную взаимосвязь норм Налогового и Цифрового кодексов, что свидетельствует о том, что законодательные органы Республики Казахстан пошли по пути максимально возможного правового регулирования процессов цифровой трансформации, являющихся следствием

[1] Цифровой кодекс Республики Казахстан от 09 января 2026 года № 255-VIII ЗРК // Казахстанская правда. №5-6 (30634-30635). 10.01.2026.

развития цифровых технологий и уже неотъемлемой частью современной жизни.

Рассматривая вопрос внедрения цифровых сервисов Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС России) стоит отметить, что цифровая трансформация налоговой службы коренным образом изменила подход к налоговому контролю, который стал более автоматизированным, и как следствие – более быстрым, и, что особенно важно – практически незаметным для налогоплательщика. Развитие цифровых сервисов, позволяющих упростить взаимодействие налогоплательщиков с налоговыми органами началось еще в 2009 году с запуска портала Госуслуги, позволяющего пользователю получать информацию от ФНС России, а в период с 2009 по 2015 год последовательно были введены в работу личные кабинеты налогоплательщиков физических и юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей. На сегодняшний день насчитывается более 70 цифровых сервисов для всех категорий налогоплательщиков, среди них интернет-сервис Старт Бизнеса Онлайн, налоговые калькуляторы, сервисы, позволяющие оперативно получить сведения из реестров ЕГРЮЛ, ЕГРИП, предоставить налоговую бухгалтерскую отчетность в электронной форме, записаться на прием в налоговую инспекцию и многие другие. Используя способы цифрового обмена информацией и автоматизированной обработки данных налоговый орган решает сразу две задачи: с одной стороны, взаимодействие налогоплательщика с налоговым органом становится более осознанным, простым и прозрачным, а с другой стороны налоговый орган осуществляет свои функции максимально эффективным способом при меньших затратах [3; с. 41].

Безусловно, главенствующую роль в нормативно-правовом регулировании играет Налоговый кодекс Российской Федерации[1], устанавливающий систему налогов и сборов, страховые взносы и принципы обложения страховыми взносами, а также общие принципы налогообложения и сборов в Российской Федерации. При этом Налоговый кодекс практически не содержит норм, регулирующих внедрение цифровых сервисов ФНС России. Так, только в 2015 году в Налоговый кодекс была внесена

[1] О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 31.07.1998 № 147-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3825.

статья 11.2., определяющая личный кабинет налогоплательщика как информационный ресурс, который размещен на официальном сайте налогового органа в сети «Интернет» и позволяющий налогоплательщикам и налоговым органам реализовывать свои права и обязанности в случаях, предусмотренных законом. Возможность взаимодействия налогоплательщика с налоговым органом при помощи цифровых сервисов, а именно – путем использования телекоммуникационных каналов связи или личного кабинета налогоплательщика предусмотрена в статье 80 Налогового кодекса Российской Федерации, регулирующей общий порядок предоставление налогоплательщиком налоговой декларации. Основную же массу правовых актов, регулирующих способы взаимодействия налогоплательщика с налоговым органом по реализации законных прав и обязанностей, составляют нормативно-правовые акты, изданные ФНС России: приказы, инструкции, письма, распоряжения, и иные акты. Особенностью нормативно-правового регулирования налоговых отношений в целом, и тесно связанных с осуществлением путем использования цифровых сервисов налоговой службы прав и обязанностей налогоплательщика в частности, является большое количество отсылок к иным нормативно-правовым актам, регулирующим отдельные имущественные и неимущественные отношения. Исследователи отмечают высокую сложность структуры налоговой системы в России и использование налоговыми органами множества оценочных суждений и различных трактовок налогового законодательства [с. 15–16, с. 30]. Предполагается, что кодификация или урегулирование на уровне федеральных законов положений, регулирующих процессы цифровой трансформации и цифровизации налоговых отношений, в том числе порядок использования цифровых сервисов ФНС России, окажет положительное влияние как на процессы налогового администрирования, так и приведет к повышению доверия налогоплательщиков к налоговой службе.

Список использованной литературы

1. Гончаренко Л.И. Проблемы и перспективы развития налоговой системы Индии: индустриальный контекст /

Л.И. Гончаренко, А.В. Гурнак // Экономика промышленности. – 2016. – № 2 (74). – С. 17–32.

2. Гуляева Е. Минфин РК полностью переводит налоги в цифровой формат / Е. Гуляева // Информационное агентство «Inbusiness.kz». – URL: https://inbusiness.kz/ru/last/minfin-rk-polnostyu-perevodit-nalogi-v-cifrovoj-format (дата обращения: 01.03.2026).

3. Колчин С.П. Развитие цифровых налоговых сервисов в России на фоне общемировых трендов / С.П. Колчин, А.А. Анисимова // Налоги и налогообложение. – 2020. – № 2. – С. 40–51.

4. Лютова О.И. Развитие правового регулирования налоговой обязанности в условиях цифровизации в Китае / О.И. Лютова // Актуальные проблемы российского права. 2025. – Т. 20, № 7. – С. 75–82.

5. Синельников-Мурылев С.Г. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски / С.Г. Синельников-Мурылев, Н.С. Милоголов, А.Б. Берберов // Экономическая политика. –2022. – № 2. – С. 8–33.

6. Ширинова О.А. Зарубежный опыт внедрения цифровых технологий в деятельность налоговых органов / О.А. Ширинова // Вестник Академии знаний. – № 39 (4). – 2020. – С. 447–450.

Информация об авторе

Олеся Николаевна Шульга – соискатель ученой степени кандидата юридических наук при кафедре юриспруденции Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, ariall85@mail.ru.

Author

Olesya Nikolaevna Shulga – Postgraduate Student at the Department of Jurisprudence of the Institute of Economics, Management and Law of the Irkutsk National Research Technical University, ariall85@mail.ru.

УДК 340.5

В.Н. Шутова

АКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена исследованию правовой природы актов стратегического планирования и их роли в механизме обеспечения национальной безопасности. Отмечается, что несмотря на наличие нормативной основы стратегического планирования в Российской Федерации, правовая природа документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности не определена, что вызывает дискуссии в научной среде. Рассмотрены основные подходы относительно понимания актов стратегического планирования. По результатам сравнительно-правового анализа документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь сделаны выводы относительно формальных и содержательных особенностей исследуемых актов. Выявлено концептуальное единство подходов к вопросам обеспечения национальной безопасности этих государств. Сформулирован вывод о ряде преимуществ российской модели стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; правовые акты; акты стратегического планирования; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

V.N. Shutova

ACTS OF STRATEGIC PLANNING IN THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article is devoted to the study of the legal nature of strategic planning acts and their role in the mechanism of ensuring national security. It is noted that despite the existence

© Шутова В.Н., 2026

of a regulatory framework for strategic planning in the Russian Federation, the legal nature of strategic planning documents in the field of national security has not been determined, which causes discussions in the scientific community. The main approaches regarding the understanding of strategic planning acts are considered. Based on the results of a comparative legal analysis of strategic planning documents in the field of national security of the Russian Federation and the Republic of Belarus, conclusions have been drawn regarding the formal and substantive features of the acts under study. The conceptual unity of approaches to the issues of ensuring the national security of these states has been revealed. The conclusion is formulated about a number of advantages of the Russian model of strategic planning in the field of na-tional security.

Key words: national security; legal acts; strategic planning acts; National Security Strategy of the Russian Federation.

На фоне роста геополитической нестабильности и конфликтного потенциала, существенного усиления межгосударственных противоречий проблемы обеспечения национальной безопасности имеют глобальный характер. В таких непростых условиях акты стратегического планирования в сфере национальной безопасности приобретают особое значение, поскольку противостоять внешним и внутренним угрозам возможно лишь при их систематическом выявлении, детальном анализе, эффективном планировании и прогнозировании, выработке комплекса мероприятий по обеспечению национальной безопасности на всех уровнях власти.

В Российской Федерации к настоящему времени накопился значительный опыт стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности. Так, еще в 1997 году была принята первая Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года закрепил в числе полномочий Президента РФ в области обеспечения национальной безопасности утверждение стратегии национальной безопасности РФ и других концептуальных и доктринальных документов в области безопасности[1]. И, как верно отмечает И.К. Советов, в связи

[1] О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

с принятием в 2014 году Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» произошло «превращение стратегического планирования в сфере национальной безопасности в обязательный элемент обеспечения национальной безопасности» [7, с. 103]. Таким образом, нормативно-правовая база стратегического планирования в области национальной безопасности формировалась поэтапно.

Между тем, несмотря на наличие нормативной основы и даже легальных определений документов стратегического планирования и документов в сфере обеспечения национальной безопасности, закрепленных в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в научной среде продолжается дискуссия о правовой природе актов стратегического планирования вообще и документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, в частности.

Дело в том, что закон определяет документ стратегического планирования как «документированную информацию, разрабатываемую и утверждаемую (одобряемую) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования»[1]. Эту дефиницию, как совершенно верно отмечает А.А. Гвоздева, «сложно назвать четкой и однозначно определенной, поскольку такому определению соответствует каждый документ, разрабатываемый и утверждаемый органами власти» [1, с. 21]. Подобное размытое определение дается в статье 18 Федерального закона и стратегии национальной безопасности. Положения закона, по сути, определяют только субъектов, разрабатывающих и утверждающих стратегию, а также период ее корректировки, не проясняя вопроса: можно ли рассматривать стратегию национальной безопасности в качестве нормативного правового акта. Соответственно, выявить правовую природу документов стратегического планирования, опираясь только на дефиниции, закрепленные в законе, невозможно.

В научном сообществе этот вопрос обсуждается достаточно давно. Не вдаваясь в подробности дискуссии, все научные пози-

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 26 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

ции относительно правовой природы актов стратегического планирования условно можно свести к двум основным подходам.

Сторонники первого подхода полагают, что эти документы не имеют признаков нормативного правового акта, а являются, скорее, «политико-идеологическими источниками» [5, с. 498].

Суть второго подхода, который в последние годы привлекает все больше исследователей, заключается в том, что документы стратегического планирования воспринимаются в качестве «правовых документов, обладающих признаками нормативных правовых актов» [7, с. 106]. Ученые, которые приходят к такому выводу, вместе с тем, делают много оговорок. Так, Д.Р. Мамяшева полагает, что документы стратегического планирования «являются правовыми актами особого вида (нетипичными), содержащими элементы различной правовой природы» [3, с. 55]. И.К. Советов, отмечая, что за время осуществления стратегического планирования в сфере национальной безопасности представления об их правовой природе изменились, тем не менее признает, что «не все документы стратегического планирования имеют нормативно-правовую природу» [7, с. 108].

Широкое использование актов стратегического планирования в области национальной безопасности в деятельности органов государственной власти свидетельствует об их востребованности в настоящее время и о фактическом включении в систему права, а продолжающаяся научная дискуссия относительно их правовой природы требует законодательного уточнения статуса таких документов.

Следует отметить, что российская практика стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности не является уникальной. Так, В.П. Назаров констатирует, что «в зарубежных воззрениях и концепциях обеспечения национальной безопасности есть ключевое общее звено: государственная политика в области обеспечения национальной безопасности основана на стратегическом планировании» [6, с. 13]. Российскими учеными чаще всего изучается опыт стратегического планирования в области национальной безопасности США, где стратегия национальной безопасности регулярно обновляется, а в ее основе лежит Закон «О национальной безопасности» 1947 года. Между тем, стратегии национальной безопасности есть в Великобритании, Швеции, Турции и других государствах [6, с. 17].

В настоящее время представляется целесообразным рассмотреть в сравнительно-правовом аспекте документы стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь, поскольку в условиях существования Союзного государства эти страны имеют схожие позиции по определению угроз национальной безопасности и ее обеспечению, но несколько отличающиеся концептуальные подходы к форме и структуре актов стратегического планирования.

Первое отличие, на которое следует обратить внимание – это вид акта стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Если в России основным документом стратегического планирования выступает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 (далее – Стратегия), то в Республике Беларусь – Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция). При этом Стратегия «является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу»[1], а Концепция «представляет собой совокупность официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности Республики Беларусь»[2]. Такое понимание концепции как вида документа стратегического планирования в целом не отличается от определений, принятых в российской практике и доктрине [4, с. 410–411].

Следующее отличие заключается в том, что в Стратегии дефинитивная часть очень короткая – дается всего шесть базовых определений, в числе которых «национальная безопасность», «национальные интересы», «угроза национальной без-

[1] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[2] Об утверждении Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=P924v0005 (дата обращения: 27.02.2026).

опасности» и др. В Концепции содержится объемная дефинитивная часть, включающая помимо базовых определений (таких же, как в Стратегии), понятие «вызов национальной безопасности», «риск для национальной безопасности», «электоральный суверенитет», а также определения девяти видов национальной безопасности, включая политическую, социальную, научно-технологическую, демографическую и иные. В российской Стратегии, в отличие от Республики Беларусь, не перечислены виды национальной безопасности и не даны их определения, и лишь некоторые виды указаны в качестве стратегических национальных приоритетов: государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность. А определения отдельных видов национальной безопасности содержатся в самостоятельных (отраслевых) документах стратегического планирования. При этом, с одной стороны, можно согласиться с позицией О.А. Колоткиной, отмечающей, что «отсутствие закрытого перечня видов национальной безопасности как в законе, так и в стратегических документах вполне оправдано с точки зрения развития общественных отношений» [2, с. 31]. С другой стороны, определение пусть не всех, но основных видов национальной безопасности в одном акте позволяет избежать разногласий при их понимании в доктрине и правоприменительной практике.

Белорусская Концепция отличается более подробным изложением ряда вопросов. В частности, очень детально описаны угрозы национальной безопасности с разделением их на внутренние и внешние. Кроме того, в Концепции сформулированы принципы обеспечения национальной безопасности и определены полномочия органов государственной власти в сфере национальной безопасности. Следует отметить, что в России и принципы, и полномочия закреплены не в Стратегии, а в Федеральном законе «О безопасности». И в данном случае законодательное регулирование представляется более обоснованным.

Оценивая содержание обоих стратегических документов, можно обнаружить и общие черты. Так, схожим образом сформулированы национальные интересы. Контроль за реализацией Концепции аналогичен российскому и предполагает ежегодные доклады Секретаря Совета Безопасности главе государства.

Проведенное исследование правовой природы и содержания актов стратегического планирования в сфере национальной безопасности позволило сформулировать следующие выводы.

Во-первых, основная научная проблема, затронутая в исследовании, заключается в отсутствии единообразного понимания правовой природы документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Широкое применение актов стратегического планирования в деятельности органов власти подтверждает их фактическое включение в систему правового регулирования, что делает дискуссию об их правовой природе не только теоретической, но и практически значимой задачей. В связи с этим представляется необходимым законодательное уточнение статуса таких документов.

Во-вторых, практика стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности достаточно широко используется в иностранных государствах, что позволяет проводить сравнительно-правовые исследования в этой сфере.

В-третьих, акты стратегического планирования в области национальной безопасности России и Беларуси имеют отличия по форме и содержанию. Белорусская Концепция отличается большей степенью детализации: она содержит развернутый понятийный аппарат (включая определения видов национальной безопасности), четкое разделение угроз на внутренние и внешние, а также принципы обеспечения безопасности. Российская Стратегия более лаконична в этих вопросах, поскольку ключевые аспекты обеспечения национальной безопасности закреплены в Федеральном законе «О безопасности». Несмотря на различия в форме, документы демонстрируют единство концептуальных подходов, что обусловлено интеграционными процессами в рамках Союзного государства. Это проявляется в схожем формулировании национальных интересов и механизмах контроля за реализацией актов стратегического планирования. При этом представляется, что российская модель стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности имеет ряд преимуществ.

Список использованной литературы

1. Гвоздева А.А. Роль актов стратегического планирования в системе конституционно-правового регулирования / А.А. Гвоз-

дева // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 19–24.

2. Колоткина О.А. Дифференциация видов безопасности в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ / О.А. Колоткина // Российская юстиция. – 2018. – № 11. С. 31–34.

3. Мамяшева Д.Р. Правовая природа актов стратегического планирования / Д.Р. Мамяшева // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 50–59.

4. Мамяшева Д.Р. Систематизация актов стратегического планирования: теоретико-правовой аспект / Д.Р. Мамяшева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 61. – С. 403–414.

5. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М.А. Мушинский // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 488–499.

6. Назаров В.П. О зарубежном опыте стратегического планирования обеспечения национальной безопасности / В.П. Назаров // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 12–23.

7. Советов И.К. Правовые акты стратегического планирования в механизме противодействия вызовам национальной безопасности России / И.К. Советов // Вызовы общества в период цифровой трансформации : сб. науч. тр. – Пермь : Частное образовательное учреждение высшего образования «Западно-Уральский институт экономики и права», 2024. – С. 102–108.

Информация об авторе

Валентина Николаевна Шутова – заведующий кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, tinav@bk.ru.

Author

Valentina Nikolaevna Shutova – Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law of the Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Associate Professor, tinav@bk.ru.

УДК 342.565.2

А.В. Юрковский

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В публикации отражены результаты исследования особенностей реализации права на участие в управлении делами государства в Китайской Народной Республике на различных по правовому и политическому статусу частях (элементах) территориальной организации публичной власти, таких как материковый Китай, Сянган, Аомынь, Тайвань.

В большом Китае, формируемые там структурные элементы механизмов государственной власти, не смотря на отличающиеся политические цели и интересы осуществляют одинаковые функции по управлению делами государства.

Применялись специальные юридические методы (контент анализа, эстологический, юридической компаративистской лингвистики, юридической географии) посредствам которых выявлялись особенности формирования, модернизации и функционирования механизмов государственной власти и правового регулирования, специфика их взаимодействия, выявлялись закономерности правовых и управленческих процессов.

В ходе обработки эмпирического материала осуществлялся критический анализ аутентичных документов (источников права, актов толкования права, актов реализации и применения права), затрагивающих понимание существующих особенностей реализации права на участие в управлении делами государства в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: государство; Китай; КНР; Гонконг; Аомынь; Тайвань; эстологическое исследование; правовое регулирование; ценность; интерес; субъект конституционно-правовых отношений; власть; управление; политика.

© Юрковский А.В., 2026

A.V. Yurkovsky

CHARACTERISTICS OF THE EXERCISE OF THE RIGHT TO PARTICIPATE IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A study was conducted on the specifics of exercising the right to participate in the management of state affairs in the People's Republic of China in parts (elements) of the territorial organization of public authority, such as mainland China, Hong Kong, Macau, and Taiwan, with different legal and political statuses.

In Greater China, the structural elements of state power mechanisms formed there, despite differing political goals and interests, perform the same functions in managing state affairs.

Special legal methods (content analysis, estological analysis, legal comparative linguistics, and legal geography) were applied to identify the characteristics of the formation, modernization, and functioning of state power mechanisms and legal regulation, the specifics of their interactions, and the patterns of legal and administrative processes.

During the processing of the empirical material, a critical analysis of authentic documents (sources of law, acts of legal interpretation, acts of implementation and application of law) was conducted, touching upon the understanding of the current features of the exercise of the right to participate in the governance of state affairs in the People's Republic of China.

Key words: state; China; PRC; Hong Kong; Macau; Taiwan; estological research; legal regulation; value; interest; subject of constitutional and legal relations; power; governance; politics.

Полагаем необходимым обратить внимание при исследовании вопроса об особенностях реализации права на участие в управлении делами государства в Китайской Народной Республике на применение как общенаучных, так и специальных юридических методов, таких как метод контент анализа, эстологический метод, метод юридической компаративистской лингвистики, метод юридической географии и друге, посредствам которых выявлялись особенности формирования, модернизации и функционирования механизмов государственной

власти и правового регулирования в Китайской Народной Республике, специфика их взаимодействия, выявлялись закономерности правовых и управленческих процессов в Китайской Народной Республике [1–7].

Особенности реализации права на участие в управлении делами государства в Китайской Народной Республике связаны с особенностями политической системы и особенностями территориальной организации публичной власти Китае,

Участие граждан в управлении делами государства в Китайской Народной Республике (КНР) согласно Конституции КНР[1], принадлежит всем гражданам, которые равны перед законом, а государство обязано соблюдать и защищать права человека, которые гарантированы.

На особенности реализации права на участие в управлении делами государства в Китайской Народной Республике повлиял комплекс, сформировавшихся ранее, но синтезированных в уникальный современный образ (с китайской спецификой) подходов (традиционного китайского, советского (социалистического), британского и португальского) которые на прикладном уровне сосуществуют как факт социальной реальности и разумно укладываются в доктрину Дэн Сяопина «одна страна – две политические системы» [8].

Каждому гражданину Китайской Народной Республики конституционно доступно участвовать в управлении делами государства в двух основных формах

1. Первая форма, связана с участием граждан в управлении делами государства через участие в деятельности системы народных представительств и концепцию «народной демократии во всем процессе» [9];

2. Консультативная деятельность собраний народных представителей (советов) в составе консультационных советов [10] под руководством Коммунистической партии Китая (КПК).

Китайская специфика участия граждан в управлении делами государства сочетает в себе формы представительской и консультативной демократии, которую принято называть системой народного представительства.

---

[1] Конституция Китайской Народной Республики (кит. 中华人民共和国宪法, (Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Xiànfǎ)) – основной закон Китайской Народной Республики. URL:https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_ revised_2018_russian (дата обращения: 24.02.2026).

Специфика участия граждан заключается в том, КНР представляет собой республику, республику советского типа, которая тем, не менее осуществляет народно-демократическую диктатуру под руководством рабочего класса, базирующимся на союзе рабочих и крестьян.

Согласно ст. 2. Конституции КНР, вся власть в Китайской Народной республике принадлежит народу. Всекитайский Собрание Народных Представителей и местные собрания народных представителей разных уровней являются органами, через которые народ осуществляет государственную власть. Народ управляет государством, осуществляет управление экономическими, культурными и социальными делами, используя, согласно закону, различные каналы и различные пути.

Согласно ст. 3 Конституции КНР, государственные органы Китайской Народной Республики применяют принцип демократического централизма. Всекитайское Собрание Народных Представителей и местные собрания народных представителей разных уровней формируются через проведение демократических выборов. Они несут ответственность перед народом и находятся под его контролем. Все административные судебные и прокурорские органы государства создаются собраниями народных представителей, перед которыми они несут ответственность, и под контролем которых они находятся.

Концепция «Народной демократии во всем процессе», которая призвана объединить процедурную и существенную демократию, а также прямые и косвенные формы участия [11], политическая модель, где КПК обеспечивает руководящую роль, объединяя прямые выборы на низовом уровне, консультации, управление и контроль.

Консультативная демократия [12] это специфическая форма, где решения принимаются после широких консультаций с общественностью.

Уникальную роль здесь играет Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК), который вместе с ВСНП проводит ежегодные «две сессии» для обсуждения вектора развития страны.

Граждане имеют право избирать и быть избранными, однако реальное участие в политических делах происходит в рамках институционального контроля КПК.

В особых административных районах Китая в Сянгане и Аомыне, принципы участия граждан в управлении делами государства отличаются [13].

В Сянгане (Гонконге) органы государственной власти формируются в соответствии с Конституцией Гонконга[1] и имеют признаки британской политической и управленческой системы.

В Аомыне (Макао) органы государственной власти формируются в соответствии с Конституцией Макао[2] и имеют признаки португальской политической и управленческой системы.

Выявление равнозначных признаков в различающихся политических и правовых системах, свидетельствует о том, что существуют закономерности социальных процессов, которые детерминируют специфику правового регулирования и обусловливают особенности функционирования механизма государственной власти в большом Китае.

Субъекты политических отношений и их интересы в конституционном праве различных политических систем большого Китая индивидуализируют специфику объективной правовой и управленческой действительности Китайской Народной Республики, Сянгана и Аомыня, выстроенные по принципу «одна страна – две политические системы», определяя ее уникальные очертания и проявления.

Список использованной литературы

1. Main stages and methodological approaches to the study of the mechanism of state power in russian sociological, political and legal science / A.V. Yurkovsky, I.A. Kuzmin, V.M. Derevskova [et al.] // Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values. – 2019. – Vol. 7, No. S12. – P. 23. – DOI 10.46377/dilemas. v31i1.1102.

[1] Основной закон особого административного района Гонконг (кит. 香港特別行政區基本法) – The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. URL: https://www.basiclaw.gov.hk/en/ basiclaw/basiclaw.html (дата обращения: 24.02.2026).

[2] Основной закон специального административного района Макао Китайской Народной Республики, 中華人民共和國澳門特別行政區基本法 (кит.), Lei Básica da Região Administrativa Especial de Macau da República Popular da China. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/13129 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Юрковский А.В. Конституционно-правовая эстология: исследование интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования методами конституционно-правовой аксиологии / А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 1 (80). – С. 43–51.

3. Юрковская Е.А. К вопросу о понятии и правовой сущности таможенного контроля / Е.А. Юрковская, А.Ю. Метелкин // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 12А. – С. 306–311.

4. Актуальные проблемы развития законодательства Китайской Народной Республики : монография / отв. ред. О.О. Базина. – Проспект, 2024. – 429 с.

5. Юрковский А.В. Особые административные районы Китая – новые тенденции в теории территориальной организации публичной власти / А.В. Юрковский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 1 (21). – С. 55–60.

6. Иванова Е.Л. Некоторые вопросы развития международной защиты избирательных прав: возможности и перспективы // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 1. – С. 180–182.

7. Покуль А.А. Использование цифровых технологий в прокурорской деятельности: тенденции развития // Искусство правоведения. – 2024. – № 3 (11). – С. 57–61.

8. Дэн Сяопин. Одно государство – два строя // Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пер. с кит. – Москва, 1988.

9. Трощинский П.В. Правовая система Китая : монография / П.В. Трощинский. – Москва : ИДВ РАН, 2016. – 472 с.

10. Государственный строй Китайской Народной Республики / отв. ред. : Гудошников Л.М. – Москва : Наука, 1988. – 231 с.

11. Тимофеев О. Эксклюзив: Народная демократия полного процесса в Китае гарантирует широкое участие народа в политическом процессе. – URL: https://russian.news.cn/20230617/ e5b4ec406ac74ce287d18f03ae1e3e33/c.html.

12. Чжоу Ханьминь Уникальная практика китайской демократии. – URL: https://ru.theorychina.org.cn/c/2024-03-13/1495729.shtml.

13. Си Цзиньпин о народной демократии во всем процессе. – URL: https://russian.people.com.cn/n3/2025/0305/c3152120284813. html.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Юрковский – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, avyurkovsky@mail.ru.

Author

Alexey Vladimirovich Yurkovsky – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor avyurkovsky@mail.ru.

УДК 347.73

А.В. Юсупова

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ОСНОВ

В статье автором проводится сравнительный анализ внедренных механизмов инициативного (партисипаторного) бюджетирования в пяти государствах – членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Армения и Кыргызской Республике. На основе изучения сформировавшейся нормативно-правовой базы и эмпирического опыта реализации выделяются типологические модели, характерные для каждой из указанных стран: демократия сближения (Россия, Казахстан), многостороннее участие (Кыргызстан, Армения) и партисипаторная модернизация (Беларусь). Выявляются общие черты и принципиальные различия в подходах к вовлечению граждан в бюджетный процесс, определяются факторы, влияющие на эффективность реализации инициативных проектов, а также оцениваются перспективы дальнейшего развития института инициативного бюджетирования в контексте ключевого тренда современности – цифровой трансформации государственного управления.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование; партисипаторное бюджетирование; Евразийский экономический союз; цифровизация; сравнительный анализ.

A.V. Yusupova

INITIATIVE BUDGETING IN THE EAEU COUNTRIES: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK

In the article, the author conducts a comparative analysis of the implemented mechanisms of initiative (participatory) budgeting in five member states of the Eurasian Economic Union (EAEU):

© Юсупова А.В., 2026

the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic. Based on the study of the formed regulatory framework and empirical experience of implementation, typological models characteristic of each of these countries are distinguished: democracy of rapprochement (Russia, Kazakhstan), multilateral participation (Kyr-gyzstan, Armenia) and participatory modernization (Belarus). Common features and fundamental differences in approaches to involving citizens in the budget process are revealed, factors affecting the effectiveness of the implementation of initiative projects are determined, as well as the prospects for the further development of the institution of initiative budgeting in the context of the key trend of our time – the digital transformation of public administration.

Key words: initiative budgeting; participatory budgeting; Eurasian Economic Union; digitaliza-tion; comparative analysis.

Сегодня Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международное интеграционное экономическое объединение, созданное более десяти лет назад[1] в целях проведения согласованной макроэкономической политики, главными практическими результатами которой следует считать устойчивое развитие национальных экономик и повышение глобальной конкурентоспособности государств-членов. После распада Советского Союза страны, входившие в состав единой бюджетной системы СССР, провели ряд реформ бюджетной политики, заложив новые правовые основы и создав новые институты. В этом смысле, несмотря на общее историческое прошлое, опыт каждой из стран, входящих в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России – уникален.

Инициативное бюджетирование (в зарубежной терминологии чаще используется термин «партисипаторное бюджетирование», от англ. participatory budgeting) представляет собой совокупность различных практик вовлечения граждан в определение направлений расходования и распределение части бюджетных средств, в том числе путем частного софинансирования на конкурсной основе. Данный механизм зачастую

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29.05.2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

рассматривается как действенный инструмент укрепления гражданской вовлеченности, повышения прозрачности бюджетного процесса и эффективности местного самоуправления [3, с. 5–6]. В контексте активной реализуемой цифровой трансформации государственного управления инициативное бюджетирование приобретает особое значение как компонент, позволяющий внедрять концепцию электронной демократии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении автором общих черт и особенностей политики, а также практического опыта инициативного бюджетирования в пяти постсоветских странах – членах ЕАЭС. Для достижения поставленной цели в статье последовательно решаются следующие задачи: анализ законодательства и стратегических документов каждой страны; оценка практик реализации инициативного бюджетирования; выделение типологических моделей, специфичных для стран Евразийского экономического союза; определение сходств и принципиальных различий в подходах к вовлечению граждан в бюджетный процесс. Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем обзорный анализ нормативных правовых актов и планово-стратегических документов, сравнительную оценку доступных региональных данных по реализации одной из наиболее разработанных методик инициативного бюджетирования – инициативных проектов, вторичный анализ отчетности министерств финансов исследуемых государств, а также выявление успешных практик и существующих ограничений. Особое внимание уделяется анализу моделей инициативного бюджетирования, специфичных для стран ЕАЭС, в типологии, предложенной Р.В. Болговым [2, с. 94].

Инициативное бюджетирование в современной научной литературе рассматривается как многомерный феномен [5, с. 46], находящийся на пересечении публичного управления, гражданского участия и бюджетной политики. В зарубежной традиции партисипаторное бюджетирование в большей степени определяется как неотъемлемая часть демократического процесса, в котором жители непосредственно принимают решения о распределении части общественных финансов. В постсоветских странах данный институт приобретает специфические черты, обусловленные особенностями общественно-политических систем.

Российская Федерация демонстрирует наиболее системный и институцио-нализированный подход к реализации инициативного бюджетирования среди всех стран – действующих членов ЕАЭС. Правовую основу составляют нормы Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[1] и Бюджетного кодекса Российской Федерации[2], закрепляющие механизмы реализации инициативных проектов и внесения инициативных платежей, а также многочисленные региональные нормативные акты[3], акты муниципального нормотворчества. При этом унифицированная регламентация понятия и содержания инициативного бюджетирования на федеральном уровне отсутствует. Министерство финансов Российской Федерации на протяжении уже более чем десяти лет официально выступает системным оператором и методологом развития инициативного бюджетирования, обобщая лучшие практики, выпуская рекомендации[4] и стимулируя регионы к использованию данного инструмента.

Анализ эмпирических и статистических данных свидетельствует об устойчивом росте количества проектов инициативного бюджетирования на всех уровнях управления. Финансирование проектов увеличивается опережающими темпами по сравнению с их количеством, что свидетельствует о возрастающей зрелости института. Ключевой тенденцией развития инициативного бюджетирования является последовательное повышение доли муниципальных практик: согласно актуальным отчетным показателям ежегодного мониторинга, соотношение практик инициативного бюджетирования по России в

---

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ // Российская газета. 2025. № 65-66.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. № 153-154.

[3] Перечень субъектов Российской Федерации, утвердивших в составе нормативных правовых актов мероприятия по развитию инициативного бюджетирования. Документы // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/proactive_bud?id_65=314709perechen_subektov_rossiiskoi_federatsii_utverdivshikh_v_sostave_normativnykh_pravovykh_aktov_meropriyatiya_po_razvitiyu_initsiativnogo_byudzhetirovaniya (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации : утв. Минфином России (в ред. от 05.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (документ не опубликован).

2024 году составило 471 муниципальная практика – 161 региональная практика (для сравнения в 2018 году показатели соответственно составляли 91 – 102)[1].

При исследовании регионального опыта в РФ нередко авторами отмечается, что инициативное бюджетирование становится инструментом гибридного управления, сочетающего бюджетные ресурсы и локальные инициативы. При этом анализ конкретных региональных практик зачастую позволяет выявить контрастные тенденции. Например, исследуя опыт Вологодской области, К.Е. Косыгина и Н.Н. Михалко выделяют проект «Народный бюджет» города Череповца, реализация которого демонстрирует значительный рост по всем ключевым показателям, подтверждая его эффективность и соответствие общероссийским тенденциям. В то же время аналогичный проект в городе Вологде, по мнению авторов, характеризуется нестабильностью, снижением количества поддержанных проектов и объемов финансирования [6, с. 86–87].

Важным направлением развития отечественной модели инициативного бюджетирования в России становится цифровая трансформация[2]. Ряд исследователей отмечают, что целью цифровизации является повышение эффективности, прозрачности и доступности механизмов гражданского участия. Главной задачей в этой области становится формирование стратегических подходов с последовательной доработкой функционала порталов инициативного бюджетирования на основе федеральных и региональных стандартов цифровизации, инклюзии, безопасности данных и эффективности цифровых решений [9, с. 162].

В Казахстане механизм инициативного бюджетирования реализуется преимущественно в формате «Бюджета народного участия». Правовую основу составляют Бюджетный кодекс

[1] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях : подготовлен Минфином России. Москва, 2025. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/09/main/Doklad_o_luchshikh_praktikakh.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Цифровизация инициативного бюджетирования способствует развитию и масштабированию механизма. Пресс-центр // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39311-tsifrovizatsiya_initsiativnogo_byudzhetirovaniya_sposobstvuet_razvitiyu_i_masshtabirovaniyu_mekhanizma (дата обращения: 01.03.2026).

Республики Казахстан[1] и подзаконные нормативные акты, регулирующие процедуры вовлечения граждан в бюджетный процесс. Министерство финансов Республики Казахстан схожим с Россией образом осуществляет методическое руководство и сбор статистических данных о реализации проектов.

Исследование А.С. Байдалиновой, Ж.З. Байгиреевой и А.Е. Кайырбаевой, посвященное реализации механизма партисипаторного бюджетирования в агросфере, показывает, что участие сельских жителей в управлении государственными финансами сдерживается рядом факторов: институциональная слабость, лимитирование финансовой базы, цифровое неравенство, а также низкий уровень правовой и проектной грамотности на местах. Одновременно авторы констатируют, что сохраняется устойчивый интерес населения к инструментам участия и потенциал роста активности при наличии минимальных условий [1, с. 58].

Концепция развития сельских территорий Республики Казахстан на 2023–2027 годы[2], предусматривает внедрение механизмов вовлечения населения в решение вопросов местного значения, включая партисипаторное бюджетирование. На основе обобщенного опыта исследователями предлагается адаптивная модель сельского партисипаторного бюджетирования, включающая упрощенные процедуры, обучение сотрудников и стимулирующее софинансирование, а также внедрение цифровой платформы.

Проводя параллели российской и казахстанской моделей инициативного бюджетирования, можно отметить высокую степень сходства как в составляющих реализации, так и выявляемой проблематике. Одновременно некоторые исследователи отмечают больший акцент в Республике Казахстан на благоустройстве именно дворовых и общественных территорий механизмами партиспаторного участия, а также более разверну-

---

[1] Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 15.03.2025 г. № 171-VIII РКЗ // Электронный справочно-контрольный банк нормативно-правовых актов Республики Казахстан. URL: https://law.gov.kz/client/#!/doc/208203/kaz (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Об утверждении Концепции развития сельских территорий Республики Казахстан на 2023–2027 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 28.03.2023 г. № 270 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000270 (дата обращения: 01.03.2026).

тую статистическую информацию по проектам и выделенным на них средствам [8, с. 232].

Республика Беларусь демонстрирует модель, определяемую Р.В. Болговым как «партисипаторная модернизация», где инициативы граждан интегрируются в существующую систему государственного управления и планового развития территорий. В отличие от других стран – членов ЕАЭС, в Беларуси инициативное бюджетирование развивается более осторожно, с акцентом на сохранение управляемости процессов и согласование с государственными программами развития. Ж. Кулакова отмечает, что в Беларуси ведется дискуссия о готовности страны к внедрению механизмов партисипаторного бюджетирования, при котором в управлении частью государственных средств на местном уровне принимают непосредственное участие граждане [7, с. 44–45]. Правовая база находится в стадии формирования, и в сравнении можно констатировать, что инициативное бюджетирование пока не получило столь широкого распространения, как в России или Казахстане.

Для Армении и Кыргызстана более характерна так называемая модель «многостороннего участия» [2, с. 90–91], где значительную роль играют международные организации, поддерживающие внедрение практик инициативного бюджетирования. В этих странах механизмы гражданского участия в бюджетном процессе развиваются при активной поддержке программ технического содействия, что накладывает отпечаток на их институциональный дизайн и приоритеты.

В Кыргызской Республике подход инициативного бюджетирования реализуется на уровне местных органов власти, где граждане активно влияют на распределение ограниченных ресурсов, тем самым повышая качество жизни. Финансовые органы республики рассматривают инициативное бюджетирование как средство повышения доверия общественности к правительству и эффективности распределения бюджетных ресурсов. В Армении развитие инициативного бюджетирования также связано с деятельностью международных организаций, поддерживающих реформы местного самоуправления и бюджетной прозрачности. Ключевая роль в развитии института принадлежит финансовым органам как на национальном, так и местном уровне [4, с. 61–62].

Проведенный анализ позволяет поддержать сформировавшуюся на основе анализа мировой практики типологию моделей инициативного бюджетирования, специфичных для стран ЕАЭС. Модель «демократии сближения» (convergence democracy) более характерна для России и Казахстана. Данная модель ориентирована на решение конкретных локальных проблем через совместную работу жителей и власти с использованием четких процедур и механизмов софинансирования. Государство выступает системным методологом, а развитие инициативного бюджетирования является частью государственной политики.

Модель «многостороннего участия» (multilateral participation) специфична для Кыргызстана и Армении. Здесь акцент делается на широкое вовлечение различных общественных групп и международных организаций, что связано с активной поддержкой доноров в этих странах. Институциональный дизайн и приоритеты проектов в значительной степени определяются внешними факторами, что создает как возможности (доступ к ресурсам и экспертизе), так и риски (зависимость от внешнего финансирования).

Модель «партисипаторной модернизации» (participatory modernization) подходит для Беларуси. В этой модели инициативы граждан интегрируются в существующую систему государственного управления и планового развития территорий, что позволяет сохранить управляемость процессов, но может ограничивать потенциал гражданской самоорганизации.

Несмотря на различия в моделях, страны – члены ЕАЭС сталкиваются с рядом общих проблем: актуальная необходимость цифровой трансформации процессов, повышение открытости бюджетных данных, преодоление низкого уровня правовой и проектной грамотности населения, обеспечение устойчивости механизмов софинансирования. Проведенный автором обзорный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о существенных различиях в политике и практике инициативного бюджетирования в странах – членах Евразийского экономического союза. Не существует единой модели инициативного бюджетирования, специфичной для всех стран ЕАЭС. Каждое государство формирует собственный подход, отражающий национальные особенности общественно-политической системы и бюджетного процесса.

В то же время отмечается ряд общих моментов. Во всех странах ЕАЭС инициативное бюджетирование рассматривается как перспективный инструмент повышения эффективности бюджетных расходов и укрепления доверия между обществом и властью. Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для вовлечения граждан, но одновременно создает вызовы, связанные с цифровым неравенством и необходимостью обеспечения безопасности данных.

Перспективы дальнейшего развития инициативного бюджетирования в странах ЕАЭС связаны с институционализацией сложившихся практик, совершенствованием правовой базы, развитием цифровых платформ и механизмов обратной связи. Важным направлением становится обмен опытом между странами и выработка общих подходов к оценке эффективности инициативных проектов, что особенно актуально в контексте евразийской интеграции.

Список использованной литературы

1. Байдалинова А.С. Партисипаторное бюджетирование в сельских территориях Казахстана: возможности, ограничения и направления развития / А.С. Байдалинова, Ж.З. Байгиреева, А.Е. Кайырбаева // Проблемы агрорынка. – 2025. – № 3. – С. 48–59. – URL: https://www.jpra-kazniiapk.kz/jour/article/view/2327 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Болгов Р.В. Инициативное бюджетирование в странах ЕАЭС: правовые основы и практический опыт / Р.В. Болгов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 87–96. – DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-87-96. – EDN: UGYIZR.

3. Бублик Н.Д. Партисипаторное бюджетирование : учеб. пособие / Н.Д. Бублик, Д.В. Чувилин, Р.А. Фазлутдинов. – Уфа : Аэтерна, 2019. – 90 с.

4. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование в странах Центральной Азии и Закавказья: предпосылки и пути развития / В.В. Вагин, И.В. Петрова, М.В. Кураколов // Финансовый журнал. – 2025. – Т. 17, № 2. – С. 56–71. – DOI: 10.31107/2075-1990-2025-2-56-71.

5. Виноградова Т.И. Партисипаторное бюджетирование как инструмент, способствующий достижению целей устойчи-

вого развития / Т.И. Виноградова // Финансовый журнал. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 46–60. – DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-46-60.

6. Косыгина К.Е. Инициативное бюджетирование в России и Вологодской области: общее и особенное / К.Е. Косыгина, Н.Н. Михалко // Проблемы развития территории. – 2025. – Т. 29, № 3. – С. 78–92. – DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.5.

7. Кулакова Ж. Расширить рамки бюджетной политики: [партисипаторное (инициативное) бюджетирование] / Ж. Кулакова // Финансы, учет, аудит. – 2021. – № 1. – С. 43–45.

8. Савельев И. Партисипаторное бюджетирование в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительная характеристика / И. Савельев, А.В. Тямчик // Вестник СНО Санкт Петербургского университета. Науки об обществе. – 2024. – Т. 1. Вып. 2. – С. 213–235. – EDN IRXNZG.

9. Шатохин Д.А. Стратегия и сценарии цифровизации инициативного бюджетирования в Российской Федерации / Д.А. Шатохин, Э.А. Титов, И.В. Петрова // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2. – С. 141–163. – DOI: 10.15372/REG20250206.

Информация об авторе

Анастасия Владимировна Юсупова – старший преподаватель кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, 006950@bgu.ru.

Author

Anastasia Vladimirovna Yusupova – Senior Lecturer of the Department of Business and Financial Law of the Baikal State University, 006950@bgu.ru.